

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Сергей Поляков

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
ЧУВСТВЕННЫХ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ**

Сергей Поляков

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧУВСТВЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Санкт-Петербург • Москва • Минск

2025

Сергей Поляков

Феноменология чувственных репрезентаций

Руководитель дивизиона
Руководитель проекта
Ведущий редактор
Художественный редактор
Корректоры
Верстка

*Ю. Сергиенко
И. Сальникова
Н. Гринчик
А. Татарко
Е. Павлович
Г. Блинов*

ББК 88в
УДК 159.9.01
П54

Поляков Сергей

П54 Феноменология чувственных репрезентаций. — СПб.: Питер, 2025. — 416 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
ISBN 978-5-4461-4152-4

В первом томе третьего переработанного и существенно дополненного издания фундаментальной монографии по феноменологии психических явлений видный российский психолог и психиатр, кандидат медицинских наук С. Э. Поляков развивает свою теорию динамики и трансформации психических феноменов. Согласно ей все психические репрезентации — ощущения, ментальные образы, эмоции, желания, понятия и психические конструкции, в том числе вербальные, являются единым континуумом. В процессе онтогенеза они последовательно усложняются от ощущений до сложных психических конструкций, многие из которых становятся концептами, репрезентирующими сущности мира.

Важную роль в восприятии мира и мышлении играют выделенные автором мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации физических объектов и явлений. Показано, что образ восприятия физической сущности является одновременно и психической репрезентацией, и физическим оригиналом данной сущности, что опровергает учение о психофизическом дуализме. Теория единства психических репрезентаций, изложенная в книге, претендует на роль одной из центральных и базовых в психологии.

Книга адресована психологам, философам, студентам профильных факультетов высших учебных заведений. Кроме того, издание будет полезно социологам, лингвистам, медикам, а также читателям, интересующимся проблемами общей психологии.

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Информация, содержащаяся в данной книге, получена из источников, рассматриваемых издательством как надежные. Тем не менее, имея в виду возможные человеческие или технические ошибки, издательство не может гарантировать абсолютную точность и полноту приводимых сведений и не несет ответственности за возможные ошибки, связанные с использованием книги.

ISBN 978-5-4461-4152-4

© ООО Издательство «Питер», 2024
© Серия «Мастера психологии», 2024
© Сергей Поляков, 2024

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Прогресс книга».

Место нахождения и фактический адрес: 194044, Россия, г. Санкт-Петербург,
Б. Сампсониевский пр., д. 29А, пом. 52. Тел.: +78127037373.

Дата изготовления: 10.2024. Наименование: книжная продукция. Срок годности: не ограничен.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014,
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные.

Импортер в Беларусь: ООО «ПИТЕР М», 220020, РБ, г. Минск, ул. Тимирязева, д. 121/3, к. 214, тел./факс: 208 80 01.

Подписано в печать 07.08.24. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 33,540. Тираж 500. Заказ 0000.

Оглавление

Предисловие автора к третьему изданию	6	
Глава 1	Вводная	12
	1.1. Интроспекция	12
	1.2. Необихевиоризм	25
	1.3. Субъективное и объективное	37
	1.4. Объективная психология	43
	1.5. Кризис современной психологии	58
	1.6. Психические модели и репрезентации	71
	1.7. Феноменология	76
	Тезисы для обсуждения	80
Глава 2	Репрезентации в психологии	84
	2.1. Современные представления о формах психических репрезентаций	84
	2.2. Репрезентации и компьютерная метафора	98
	Тезисы для обсуждения	106
Глава 3	Ощущения и образы	109
	3.1. Определение ощущения и образа	109
	3.2. Сравнительные характеристики ощущений и образов	115
	3.3. Мысленные, ментальные или психические образы	124
	3.4. Образы представления и их отличия от образов восприятия	126
	3.5. Образы воспоминания	134
	Тезисы для обсуждения	138
Глава 4	Образ и объект	141
	4.1. Главные свойства образа восприятия	141
	4.2. Эволюция содержания понятия <i>образ</i>	150
	4.3. Представления о соотношении объекта и его образа	161
	4.4. Изоморфен ли образ восприятия объекта репрезентируемому им фрагменту «реальности в себе»?	167
	4.5. Еще раз о том, что образ восприятия предмета и есть предмет	175
	4.6. Последствия появления в сознании образов восприятия и ощущений	184
	Тезисы для обсуждения	189

Глава 5	Чувственные репрезентации и время.....	193
	5.1. Мгновенные зрительные образы восприятия.....	193
	5.2. Мгновенные образы в экспериментах.....	197
	5.3. Слуховые образы и время.....	204
	5.4. Некоторые характеристики мгновенного образа восприятия.....	207
	5.5. Мгновенный образ восприятия и кино.....	215
	5.6. Продолжительность образов представления.....	217
	5.7. Мгновенные образы и «подпороговое восприятие».....	219
	5.8. Образ как гештальт.....	222
	Тезисы для обсуждения.....	226
Глава 6	Модель-репрезентация.....	230
	6.1. Влияние опыта на восприятие, «настройки» восприятия.....	230
	6.2. Постоянство объекта и изменчивость его образа.....	240
	6.3. Исследования, предшествовавшие появлению термина «модель-репрезентация».....	246
	6.4. Мономодальный образ и полимодальная модель-репрезентация объекта.....	257
	6.5. Об особенностях моделей-репрезентаций.....	268
	6.6. Влияние моделей-репрезентаций на восприятие.....	277
	6.7. Конкуренция моделей-репрезентаций в процессе восприятия.....	286
	6.8. Модели-репрезентации и иллюзии восприятия.....	292
	6.9. Модели-репрезентации у людей с восстановленным зрением.....	294
	Тезисы для обсуждения.....	296
Глава 7	Модель-репрезентация и качества образа восприятия.....	301
	7.1. Предметность.....	301
	7.2. Константность.....	304
	7.3. Реальность.....	313
	7.4. Тожественность.....	315
	7.5. Инвариантность.....	319
	Тезисы для обсуждения.....	326
Глава 8	Микрогенез образа восприятия.....	328
	8.1. Образ и ощущение как сложная психическая структура.....	328
	8.2. О роли образов представления и воспоминания в восприятии.....	331
	8.3. Прообразы, или сенсорные впечатления.....	341
	8.4. Итоговый образ восприятия.....	346
	8.5. Мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации в микрогенезе образов восприятия.....	351
	8.6. Образ и ощущение — психические сущности или конструкторы исследователей?.....	359
	Тезисы для обсуждения.....	362

Глава 9	Образ и его значение	365
	9.1. Чувственное значение образа	365
	9.2. Осознание образа	372
	9.3. Понимание образа	376
	Тезисы для обсуждения	381
Глава 10	Глобальная модель-репрезентация мира	383
	10.1. Когнитивные карты и схемы как сенсорные психические конструкции	383
	10.2. Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира	385
	Тезисы для обсуждения	392
Примечания	394
	1. Разновидности современного бихевиоризма	394
	2. Так называемые «объективные» психологические эксперименты	395
	3. Изменяемость. Раздражимость. Чувствительность	397
	4. Вещь, вещественность	399
	5. Роль психических феноменов в формировании рефлексов	403
	6. Эксперимент Струпа	407
	7. Объективная психическая реальность	408
	8. Эксперимент Каплана	409
	Предметный указатель	410
	Литература	416

Предисловие автора к третьему изданию

Кто-то из психологов справедливо заметил, что сегодняшняя психология — это огромная гора не связанных между собой фактов. И это действительно так. Однако совершенно невозможно представить, чтобы в организме существовали системы и органы, части которых почти не связаны, плохо соотносятся между собой и функционируют как бы независимо друг от друга. Казалось бы, достаточно знакомства с эмбриологией человека, демонстрирующей, как онтогенез эмбриона повторяет путь филогенеза и человеческий эмбрион обзаводится последовательно признаками рыб, рептилий и т. д., чтобы понять, что все в нашем организме, во-первых, взаимосвязано, во-вторых, проходит последовательные этапы в своем развитии, в-третьих, просто не может быть неструктурированной кучей каких-то независимых друг от друга фрагментов.

То же самое верно и в отношении психики. Она, говоря метафорически, как дерево, вырастает из одного семечка, имеет корни, ствол, ветви и листья и функционирует как единое целое. В психологии давно назрела необходимость разработки теории единой природы, или общей феноменологии, психических репрезентаций, которая отражала бы их неразрывную связь и прогрессивное усложнение в процессе онтогенеза. Она должна также объяснять появление в психике человека цепи последовательно возникающих все более сложных феноменов, каждый из которых развивается на базе предыдущего. Однако в психологии и сегодня доминируют представления, например, о принципиальных различиях между чувственными и вербальными психическими феноменами, о «самостоятельном лингвистическом модуле» и т. п.

Можно было назвать эту книгу «Феноменология психических явлений», и это не было бы большим преувеличением, потому что психические репрезентации не просто абсолютно доминирующая форма психических явлений. Репрезентации мира составляют все психическое содержание человеческого сознания. К тому же они являются основным психическим субстратом и проявлением человеческого разума.

Теория единства психических репрезентаций, изложенная в книге, естественно, не охватывает и не должна охватывать все области психологии. Она не касается, например, проблем сознания, регуляции поведения, личности, эмоций, мотивов и много другого. Но она претендует на то, чтобы стать одной из центральных и базовых теорий новой психологии, которая, надеюсь, все же будет рано или поздно создана.

В первых двух изданиях книги я использовал не совсем обычную форму изложения, приводя обширные цитаты из книг авторов, большинство из которых были философами и работы которых поэтому мало известны профессиональ-

ным психологам. Тем не менее они были выдающимися мыслителями и часто обсуждали собственные интересные наблюдения, высказывая очень глубокие мысли по поводу психики. Цитируя их, я не столько стремился подтвердить мнениями авторитетов собственные идеи, чтобы доказать их правоту, сколько пытался, образно говоря, «играть с ними в пас», принимая от них мяч — мысли, важные для психологии, но в большинстве случаев оставленные психологами без внимания. Я, конечно, выбирал идеи, подтверждающие мои представления о психике, хотя цитируемые авторы в большинстве случаев даже не рассматривали обсуждаемых мною проблем. Их мысли и рассуждения шли обычно в совершенно другом направлении. Они скорее невольно подтверждали сам факт наличия рассматриваемых мною в книге феноменов.

Такая форма подачи мною материала отличалась от общепринятого и имела свои преимущества. Но у нее, как выяснилось позже, были и серьезные недостатки, главным из которых оказалась сложность восприятия читателем больших отрывков чужих и достаточно старых философских текстов. Поэтому в новом издании я несколько сократил объем цитирования.

Еще одной особенностью книги является то, что она опирается на интроспекцию, но при этом в ней заново и с иных позиций рассматриваются результаты многих классических психологических экспериментов и расставляются иные акценты. Результаты экспериментов обсуждаются в иной плоскости, и предлагается иная их трактовка.

Недостатком предыдущих изданий является и то, что, увлекшись описанием естественной динамики репрезентаций в онтогенезе человека, закономерной смены чувственных репрезентаций вербальными, усложнения и трансформации репрезентаций, завершающихся созданием сложных психических конструкций, я не представил объяснений необходимости столь подробных описаний динамики и механизмов развития психических репрезентаций, возможно, даже излишне обстоятельных повторов их деталей. Это также затруднило восприятие книги, особенно для тех, кто еще только знакомится с психологией.

В третье издание я включил части, ради которых и был нужен столь подробный разбор процесса развития психических репрезентаций человека. Это три последние главы второго тома, в которых описывается формирование человеческой психикой сущностей окружающего мира с использованием сложных психических конструкций и создание сообщества людей общей глобальной психической репрезентации мира, которую я назвал объективной психической реальностью.

Лежащая перед вами книга раскрывает и отстаивает следующие основные положения предложенной мной теории связи и развития психических феноменов:

- Все психические явления, или репрезентации, — ощущения, ментальные образы, эмоции, желания, понятия, чувственные и вербальные концепты и другие вербальные конструкции — неразрывно связаны между собой, происходят, говоря метафорически, из одного «корня» — протоощущения и являются звеньями одной цепи.

- Психические репрезентации представляют окружающий мир и действующий в нем организм в особом субъективном пространстве — в индивидуальной психике, обладающей сознанием. Психика — это необычный рабочий орган, возможно, особая часть организма, создаваемая им. Она проявляется в виде доступных лишь организму феноменов, предназначенных для осмысленного (разумного) репрезентирования с их помощью фрагментов окружающего мира, пробного манипулирования этими репрезентациями, выбора оптимальных стратегий поведения и управления действиями организма в мире.
- Психические явления в процессе онтогенеза последовательно усложняются, развиваясь в направлении от ощущения до сложных чувственных, смешанных и вербальных психических конструкций, большинство из которых представляют собой в то же время самостоятельные психические феномены.
- Среди психических явлений можно условно выделить более простые (ощущения, мгновенные ментальные образы) и более сложные психические феномены (психические конструкции), формируемые психикой из простых.
- Основной, или базовой, формой психических репрезентаций является ментальный образ. Менее дифференцированные формы ментальных образов принято называть ощущениями. Более дифференцированные ментальные образы, позволяющие выделять отдельные объекты среди множества сходных с ними, преимущественно зрительные и слуховые, называют собственно ментальными образами.
- Психический образ восприятия физической сущности является одновременно единственным оригиналом, подлинником этой физической сущности. Данное обстоятельство опровергает теорию психофизического дуализма и заставляет пересмотреть соотношения между телом человека, его психикой и «реальностью в себе».
- Особая группа специализированных ментальных образов — слуховые и зрительные образы простых физических объектов — слов, легко создаваемых людьми во время коммуникации, приобрели в процессе развития человеческой психики дополнительное второе значение. И стали понятиями — самостоятельными вербальными психическими феноменами с новыми функциями, репрезентирующими иные сущности, обозначаемые этими словами.
- Вербальный образ, то есть образ понятного человеку слова, является важнейшим для человеческой эволюции и специфически человеческим психическим феноменом. По своей феноменологии он аналогичен невербальным ментальным образам. Но в отличие от слуховых и зрительных образов прочих физических объектов слуховые и зрительные образы слов, или понятия, уже не репрезентируют в сознании людей сами слова. Они репрезентируют совершенно иные сущности мира.

- Основной функцией психики является репрезентирование «реальности в себе». Психика создает в процессе жизни человека (и общества в целом) все более сложные психические феномены. Самые сложные из них — психические конструкции — часто представляют собой самостоятельные целостные психические явления — гештальты. Они состоят из более простых психических феноменов, но не сводятся к их сумме вследствие приобретения ими новых функций. В первую очередь функции репрезентирования формируемых психикой сущностей мира.
- Человеческая психика репрезентирует «реальность в себе» сущностно. Она конституирует и конструирует сущности мира, используя для этого психические конструкции, или концепты (чувственные, вербальные и смешанные), и обозначающие их понятия. Каждая сущность репрезентируется отдельным концептом, ассоциированным с определенным понятием — образом обозначающего данную сущность слова.
- Главным результатом функционирования психики и основным ее предназначением является даже не построение все более сложных психических феноменов, а формирование с их помощью сущностей окружающего мира (физических, социальных, психических и т. д.). Сущность — это психическая репрезентация элемента «реальности в себе», создаваемая сознанием и рассматриваемая им как нечто самостоятельное, отдельное от сознания и присутствующее в окружающем мире или даже в самой психике в качестве составляющего их фрагмента. Формирование сущностей облегчает сознанию понимание мира и функционирование в нем.
- В соответствии с объективистской парадигмой, доминирующей по сей день даже в науке, окружающий мир наполнен объектами и явлениями разного рода, независимыми от человеческого сознания. И задачей науки является лишь их обнаружение и изучение. Однако факты упрямо свидетельствуют о том, что объектов и явлений без человека и вне его сознания в мире нет. Сущности мира не присутствуют в нем сами по себе и не были «открыты» нашими предшественниками. Они были созданы их сознанием в форме психических репрезентаций элементов «реальности в себе», наделены самостоятельным и независимым бытием и помещены в глобальную антропоморфную психическую репрезентацию мира.
- Доступные восприятию элементы мира психика конституирует и конструирует в форме его физических сущностей — предметов, вещественных объектов и явлений, их свойств и действий. Их она формирует произвольно, на чувственном уровне, с помощью возникающих в ней чувственных концептов (моделей-репрезентаций). Модель-репрезентация — это чувственная психическая конструкция, состоящая из множества образов воспоминания и представления объекта, конституирующая его в форме конкретной, завершенной физической сущности и репрезентирующая ее в сознании даже в ситуациях отсутствия ее актуального восприятия.

- Не вполне доступные или вовсе недоступные восприятию физические, социальные, психические и другие фрагменты мира сознание формирует в виде новых сущностей по тем же механизмам конституирования и конструирования, что и физические сущности, но уже только с помощью смешанных и вербальных психических конструкций (концептов). Новая сущность также обозначается новым словом.
- Замена в мышлении сложных концептов, репрезентирующих сущности мира, относительно простыми образами слов, или понятиями, резко упрощает и облегчает и само мышление, и репрезентирование мира, и коммуникацию между людьми.
- Все психические репрезентации, в том числе символические (понятия и вербальные конструкции) осмысленны, то есть имеют ясное для человека значение, которое он к тому же может передавать другим людям с помощью слов. Следовательно, они не эпифеномены, лишь сопровождающие материальные процессы, протекающие в мозге и якобы ответственные за появление разума, как считает большинство. Вербальные психические репрезентации представляют собой содержательный субстрат рационального человеческого мышления, самое яркое, неоспоримое и наглядное проявление разумности человека. Они не просто наполнены смыслом для людей, но и сами, несомненно, являются носителями и хранителями этого смысла и знания, очевидным свидетельством присутствия разума именно в психике, а не в мозге.
- Утверждение о том, что наличие искусственного интеллекта (ИИ), например, является неопровержимым подтверждением факта обусловленности человеческого разума мозгом и материальными процессами, протекающими в нем, в корне ошибочно. Во-первых, вычислительные системы, ответственные за появление ИИ, не имеют никакого отношения к человеческому мозгу, так как работают на базе совершенно иных, чем мозг, принципов. Во-вторых, они не порождают, как это делает мозг, психику, ответственную за появление разума, а все, происходящее в них, протекает на уровне физических процессов и операций, результаты которых потом рассматриваются, осмысливаются, трактуются и наполняются смыслом работающими с системами людьми, то есть переводятся на уровень психики операторами систем.
- Причины выдающихся успехов интеллектуальных систем, порождающих то, что называют ИИ, объясняют только развитием математики и вычислительной техники, работающей с накопленными сегодня огромными базами данных. Мне представляется, что основная причина их достижений кроется в появлении нового и не замеченного пока людьми, а потому остающегося вне их внимания альтернативного способа познания мира. Он заключается в физическом поиске скрытых данных в массивах первичных данных и в математической обработке данных, выявляющей статистические, вероятностные и прочие закономерности и тенденции в данных и предоставля-

ющей уже информацию следующего уровня — данные о данных. Причем новые данные сразу предлагаются в математическом виде.

- Кстати, то, что функционирование интеллектуальных систем не имеет никакого отношения к психическим процессам и феноменам, а именно они являются очевидными субстратами и проявлениями человеческого разума, и то, что мозг не использует в своей работе математический аппарат и вообще какие-либо вычисления, вообще ставит под сомнение адекватность интеллектуальной системы как модели мозга.
- Сознание людей не просто создает сущности, о реальном наличии которых в окружающем мире можно долго и не без оснований спорить. Бесчисленные поколения наших предшественников сформировали целый антропоморфный мир, наполненный такими сущностями, их связями, свойствами, отношениями и действиями. При этом созданный ими мир, или объективная психическая реальность, — это отнюдь не набор человеческих фантазий, а глобальная репрезентация «реальности в себе», в которой живет и с которой взаимодействует каждый человек.
- Психологии следует включить в свой предмет в качестве его важнейших разделов, во-первых, понятия и вербальные конструкции, которыми сейчас по-прежнему занимается логика, во-вторых, многочисленные сущности мира, механизмы и принципы их формирования психикой, а в-третьих, объективную психическую реальность, играющую центральную роль не только в организации и функционировании общества, но и в формировании сознания каждого индивидуума.
- Книга претендует на то, чтобы на современном этапе развития психологической науки представить единую теорию взаимосвязи и естественной эволюции психических феноменов, способную стать одной из основ и даже одной из парадигм новой психологии, а также трансформировать скопище разрозненных психологических фактов в целостную новую науку.

Главы книги поэтапно описывают эволюционную динамику психических феноменов — сначала более простые чувственные явления, затем все более сложные вербальные. В конце книги рассматриваются формируемые психикой сущности и объективная психическая реальность. Для повышения эффективности чтения можно воспользоваться такой методикой: сначала просмотреть тезисы, расположенные после каждой главы, и выбрать наиболее интересные именно для вас главы, далее просмотреть выделенные полужирным шрифтом наиболее важные идеи главы, после этого можно читать главу целиком.

С. Поляков

ГЛАВА 1

Вводная

- Интроспекция.
- Необихевиоризм.
- Субъективное и объективное.
- Объективная психология.
- Кризис современной психологии.
- Психические модели и репрезентации.
- Феноменология.

1.1. Интроспекция

В психологии, пожалуй, нет другого столь же известного и столь же дискредитированного в XX в. метода исследования, как интроспекция¹. Интроспективная психология XIX в., созданная В. Вундтом (2007) и его последователями, подверглась в дальнейшем уничтожающей критике. Разработанные школой В. Вундта модификации интроспективного метода были признаны несостоятельными. Но почему-то из этого был сделан вывод, что интроспекция как фор-

¹ Интроспекция... Метод исследования психологических процессов, основанный на наблюдении собственно психологических процессов, без использования каких-либо инструментов или эталонов. ...В соответствии с правилами, которые были выработаны в Лейпцигской лаборатории В. Вундта, интроспекция должна отвечать основным требованиям научного эксперимента, к которым относится его воспроизводимость и четкая фиксация характеристик раздражителя, кроме того, наблюдатели должны уметь осознавать свои ощущения, вызываемые раздражителем, точно определять начало эксперимента и никогда не снижать уровень своего внимания. Виды: аналитическая интроспекция; систематическая интроспекция; феноменологическое самонаблюдение [Ж.-П. Сартр, 2002, с. 228].

ма познания¹ вообще неадекватна и неэффективна. Сам этот вывод еще более неадекватен. Объективная психология XX в. и ее вариант — бихевиоризм — тоже оказались недостаточно эффективными, тем не менее это не стало поводом для отказа от объективного метода исследования как такового. *Почему же большинство исследователей продолжают полагать, что следует отказаться от интроспекции? На основании чего нужно забыть о том, что интроспекция эффективно использовалась лучшими умами человечества, по крайней мере на протяжении последних двух с половиной тысяч лет, что вся психическая феноменология была создана на основе интроспекции еще до появления экспериментальной психологии и сама психология как наука возникла в результате интроспекции?*

У интроспекции ничуть не меньше заслуг и достижений в психологии, чем даже у экспериментальной объективной психологии, тем более что последняя базируется на интроспекции и была бы немыслима без интроспекции как исследуемых, так и самих исследователей, что я постараюсь показать ниже.

Ситуация с интроспекцией парадоксальна. С одной стороны, вроде бы очевидно, что сознание человека не может быть исследовано как физический объект. Г. И. Челпанов (1918, с. 145–152) отмечает, например, что физические явления одновременно могут быть доступны непосредственному наблюдению большого числа лиц, а психические явления доступны непосредственному наблюдению только того лица, которое их переживает. И о психических состояниях другого лица мы можем умозаключать только на основании того, что сами переживали. Э. Кассирер (1988, с. 7–8) указывает, что физические вещи можно описать в терминах их объективных свойств, но человека — только в терминах его сознания, что требует иных методов исследования. А. А. Гостев (2007, с. 170) подчеркивает, что без самонаблюдения невозможно исследование внутреннего мира человека.

Д. Майерс (2001) пишет:

Есть одна вещь во всей Вселенной, о которой мы знаем больше, чем могли бы узнать в результате наблюдения извне, — заметил К. С. Льюис [С. S. Lewis, 1969, р. 18 и 19]. — Эта вещь — мы сами. У нас есть, так сказать, внутренняя информация; мы в курсе дела [с. 76].

¹ Я считаю, что от интроспекции как формы или варианта наблюдения не следует ожидать ничего, кроме отчета наблюдателя о появлении, изменении или исчезновении того или иного психического феномена в его сознании в процессе самонаблюдения. Следовательно, она может и должна давать нам не более того, что дает нам отчет наблюдателя, описывающего внешний мир, воспринимаемый им в данный момент. Такая интроспекция не должна содержать выводов, оценок и даже мнений наблюдателя. Тем более последние, если они есть, не следует рассматривать как истину в последней инстанции, как нечто «непосредственно воспринимаемое из первоисточника», «непосредственное восприятие психических законов», а потому — «бесспорно верное». К мнению компетентного наблюдателя в процессе его интроспекции можно прислушиваться, но не более чем к мнению любого другого исследователя.

Можно продолжать цитировать еще долго.

С другой стороны, вызывает удивление слишком уж яростная и эмоциональная критика, которой подвергается интроспекция, что заставляет думать о пристрастности критиков. Может быть, действительно дело не в недостатках интроспекции, а в научной позиции самих критиков, слабость которой лежит в основе их излишней эмоциональности. Как пишет С. Московичи (1998):

Предрассудки и бойкоты — не опираются ли они в основном на возвышенный и научный принцип? [С. 31.]

Нельзя не обратить внимание на то, что **интроспекционизм был категорически отвергнут бихевиоризмом, причем вместе с сознанием, ментальными образами и прочими «психическими эпифеноменами»**. Правда, с тех пор бихевиоризм и сам себя дискредитировал, но его последователи по-прежнему весьма сильны и не спешат реанимировать то, с чем он весьма успешно боролся. Тем не менее Э. Кассирер (1988) пишет:

Можно критиковать чисто интроспективную позицию, считая ее недостаточной, но нельзя запретить или просто игнорировать ее. Без интроспекции, без непосредственного значения чувств, эмоций, восприятий, мыслей, ощущений мы вообще не могли бы определить сферу человеческой психологии [с. 4].

У каждого метода своя сфера применения. У интроспекции она тоже есть. Недостатки классических вариантов интроспекции действительно серьезны. Г. Райл (1999, с. 167) относит к ним, например, невоспроизводимость результатов, зависимость их от взглядов исследователей, неконтролируемость условий эксперимента, невозможность использования «наивных испытуемых» и др. Главным недостатком вундтовско-титченеровской интроспекции является ошибочное убеждение исследователей в том, что она позволяет получать «истинное знание» о психике «непосредственно из первоисточника». Однако все эти недостатки стали приписывать впоследствии уже не конкретной методике конкретных авторов, а интроспекции в целом.

Вообще под интроспекцией в психологии до сих пор понимают почему-то лишь метод, разработанный В. Вундтом, применявшийся им и его последователями, тогда как понятие *интроспекция* имеет гораздо более широкое содержание. Интроспекция существовала задолго до В. Вундта. Еще Р. Декарт обосновал ее как особую форму познания. Ф. Brentano использовал метод «внутреннего наблюдения». После В. Вундта «метод систематического экспериментального наблюдения» активно использовала Вюрцбургская школа психологии. Метод «феноменологического самонаблюдения» применяла гештальтпсихология. Современная психология, в частности гуманистическая и трансперсональная, тоже активно использует интроспекцию. Даже когнитивная психология не об-

ходится, как мы увидим ниже, без интроспекции. Можно было бы добавить, что без интроспекции и психологии как таковой не было бы вовсе. Как отмечает Г. И. Челпанов (1918, с. 8–10), объективное наблюдение психических процессов может осуществляться только благодаря самонаблюдению и его результаты становятся для нас понятными только в том случае, если мы переведем их в понятия, известные нам из нашего самонаблюдения.

Тем не менее противниками интроспекции вместо отказа от интроспективных методик В. Вундта и Э. Титченера была дискредитирована интроспекция в целом. Следует все-таки понимать, что есть Интроспекция и интроспекция. Первая — единственный метод непосредственного изучения сознания. Вторая — лишь конкретная методика психологического исследования, отвергнутая в процессе развития психологии. И интроспекция Вундта — Титченера — это отнюдь не Интроспекция вообще. Первая относится ко второй как наблюдение вообще относится к конкретной методике наблюдения, разработанной конкретными исследователями.

Невозможно да и бессмысленно противопоставлять интроспективный и объективные психологические методы исследования, они просто должны дополнять друг друга. Складывается впечатление, что интроспекция почти 100 лет назад была просто дискредитирована доминировавшим в психологии бихевиоризмом за конкретную ошибку конкретных исследователей, и до сих пор большинство психологов даже не пытаются разобраться в обоснованности ее дискредитации. Можно согласиться с тем, что интроспекция дает меньше, чем хотелось бы исследователям, но это проблема не столько интроспекции, сколько отсутствия адекватных методик ее применения.

Оказалось, что разработанных В. Вундтом правил явно недостаточно. А. Боно (2006) пишет:

Вундтовская версия этого метода (интроспекции. — С. П.), хотя и выглядела вполне научной в том смысле, что имела форму контролируемого лабораторного эксперимента, была лишена того, что в наше время считается существенным признаком науки, а именно — объективности. В науке у ученых должна быть возможность достичь согласия по поводу их основных наблюдений. А в интроспективном методе Вундта объектом наблюдения или интерпретации было содержание индивидуального сознательного опыта наблюдателей, обученных давать аналитические интерпретации своему опыту; то есть этот метод был, безусловно, субъективной процедурой. По-видимому, программа Вундта разбилась именно об эту субъективность... [с. 673].

В дальнейшем методики психологических экспериментов изменились и от наблюдателя перестали ожидать интерпретаций, он должен был просто ответить на поставленный экспериментатором вопрос, а затем, например, нажать кнопку или дать другую реакцию, тем самым сообщая экспериментатору о появлении психического феномена или его изменении. А. Боно (2006, с. 673)

сообщает, что этого простого изменения методики оказалось достаточно для того, чтобы придать объективность большому количеству исследований после В. Вундта.

Почему была отброшена интроспекция в целом?

Думаю, по двум причинам. На тот момент вундтовский интроспекционизм отождествлялся с центральным направлением существовавшей научной психологии, которая выделилась в самостоятельную науку во многом благодаря именно В. Вундту и была основным конкурентом бихевиоризма. Главное же — в идеологической неприемлемости интроспекционизма для бихевиоризма, предъявившего претензии на господствующее положение в психологии. Эта идеологическая неприемлемость заключалась в интроспективном наблюдении психических сущностей, которые для бихевиоризма не существовали вовсе.

В последующие десятилетия бихевиоризм сменился «объективной» психологией и когнитивизмом, для которых интроспекция по-прежнему оставалась неприемлемой в силу своей субъективности. При этом ее критиков до сих пор не смущает тот факт, что **сам предмет исследования «объективной» психологии по природе своей не доступен никому, кроме субъекта, обладающего сознанием, он — субъективен**. Для преодоления данного «неудобства» критиками интроспекции предлагались разные пути: от объективизации интроспективных самоотчетов испытуемых до замены объекта исследования. Так, обсуждая работу Л. С. Выготского, Е. Е. Соколова (2005) пишет:

Во-первых, мы можем получить более объективные сведения о себе, не «вживаясь» в свои внутренние переживания, как это рекомендовали психологи-интроспекционисты, а наблюдая за своим поведением в объективных жизненных ситуациях. Никакая интроспекция не даст субъекту сведения о том, «храбр ли он», — только реальное участие в соответствующих событиях (например, в бою) покажет человеку, может ли он считать себя храбрым [с. 121].

Очевидно, что речь здесь идет о «наблюдении за поведением», то есть о бихевиоризме. Что же касается интроспекции, то она и не должна давать субъекту «сведений о том, храбр ли он», так как «храбрость», как и всякая черта характера вообще, лишь с очень серьезными возражениями и весьма условно может быть отнесена к сфере психического. Это внешняя характеристика поведения, но об этом мы поговорим подробнее ниже. Интроспекция же занимается и должна заниматься исключительно психическими явлениями, к которым не относятся, например, черты личности. Автор продолжает:

Психическая деятельность не дана нам непосредственно, как объект научного изучения — ее необходимо реконструировать, изучая отдельные ее проявления (явления) в речевых и поведенческих реакциях [с. 121].

Действительно, можно сказать, что *психическая деятельность* нам не дана непосредственно, так как данное понятие репрезентирует некую сложную гипотетическую сущность. В своем сознании мы имеем лишь психические явления, которые и даны нам непосредственно. Вот их-то и должна изучать интроспекция. Автор предлагает «использовать данные самоотчета испытуемого, но лишь как сырой материал» (там же), что, впрочем, уже давно, повсеместно и активно делается всей современной «объективной» психологией. Возникает вопрос: *почему можно рассматривать данные самоотчета одного человека — испытуемого и нельзя рассматривать данные самонаблюдения другого человека — психолога, если ни в первом, ни во втором случае мы не будем принимать в расчет личное мнение испытуемых?*

Многие сторонники интроспекции действительно дали оппонентам очень серьезный повод для критики не только их личной позиции, но и интроспекции в целом тем, что утверждали, будто интроспекция способна давать нам «самые точные и бесспорные» «знания из первоисточника». Справедливо критикуя такую позицию, Ж.-Ф. Лиотар (2001) пишет:

Интроспекция как общий метод психологии, во-первых, полагала аксиому: переживание в сознании конституирует посредством себя самого знание сознания. Если я ужасаюсь, то я, следовательно, знаю то, что есть страх, поскольку я боюсь. Эта аксиома предполагала, в свою очередь, полную прозрачность событий сознания для взгляда сознания, а также то, что факты сознания суть сознательные факты. Другими словами, переживание дается непосредственным образом вместе со своим смыслом, когда сознание направлено на него. ...Феноменология находится в полном согласии с объективизмом в критике некоторых положений интроспекционистов. То, что смысл содержания сознания непосредственно проявляется и постигается как таковой, опровергается самим психологическим проектом: если мы доказываем необходимость психологической науки, то это происходит потому, что мы знаем, что мы не знаем, что такое психическое. И правда, когда я ужасаюсь, тогда я боюсь, но я не знаю тем не менее, что такое страх, я «знаю» только, что я боюсь: можно оценить дистанцию между этими двумя видами знания. В действительности «познание себя самим собой является косвенным, оно есть конструкция, и мне нужно расшифровывать мое поведение, как я расшифровываю поведение других» (Merleau-Ponty...) [с. 60–62].

И автор, безусловно, прав. Интроспекция не более чем наблюдение, пусть и внутреннее, или самонаблюдение. Как и любое наблюдение, оно далеко не всегда дает нам возможность проникнуть в суть наблюдаемого предмета или явления, но оно и должно давать нам лишь материал для познания, а не какое-то «истинное знание». В любом случае **интроспекция отнюдь не некий абсолютный метод познания фактов, которые якобы «наблюдаются вместе со своим смыслом», а лишь метод наблюдения.**

Б. М. Теплов (2005, с. 156) пишет, что люди осуществляют самонаблюдение в течение десятков тысяч лет и пределы тех единиц, на которые самонаблюдение

может разложить психическую деятельность, давно уже обнаружилась. Это утверждение, однако, весьма спорно, так как представления людей о мире, о самих себе и своей психике непрерывно и сильно меняются, особенно в последние два века. И то, что, например, мог бы обнаружить в процессе интроспекции современный исследователь, учитывая иной уровень психологических знаний, не могли обнаружить даже В. Вундт или Э. Титченер.

Б. М. Теплов (2005) справедливо утверждает, что, если человека посадят в лабораторию, дадут ему инструкцию и будут записывать его самонаблюдения, острота и глубина его внутреннего зрения не изменятся. Поэтому психолог-интроспекционист подобен физику, который посадил бы человека в специальную комнату и дал ему инструкцию внимательно «рассмотреть» атомное строение тела. Ни простым, ни внутренним глазом нельзя увидеть ни атомное строение тела, ни механизм психических процессов. Подобные попытки — пустая трата времени.

Сказанное автором, безусловно, еще раз подтверждает, что проблема — в правильной постановке задач и организации исследования при понимании возможностей метода. Просто не следует предлагать испытуемым изучать механизмы их мышления. Надо ставить адекватные и гораздо более простые задачи. Например, предложить ответить на вопрос: может ли испытуемый вспомнить образ объекта (яблока), только что предъявленного ему на 50 мс? Такая интроспекция и лежит сейчас в основе большинства современных психологических экспериментов, которые считаются «объективными». В этой связи интересно замечание А. А. Шевцова (2004):

...давно забытая и выкинутая у нас психология самонаблюдения, оказывается, не только тайком от наших психологов возрождена на... Западе, но еще и сделала успехи за последнее время! <...> Самонаблюдение снова востребовано, поскольку возрождается наука о сознании! [С. 778.]

Кстати, даже многие физические открытия были результатом не физического эксперимента, а простого наблюдения. Большинство физических теорий тоже были выстроены в результате размышлений исследователей и лишь потом проверялись экспериментально. Сама **экспериментальная психология не смогла бы развиваться без интроспекции и самоотчетов как испытуемых, так и исследователей. Очень большое число так называемых объективных психологических экспериментов представляет собой как раз помещение испытуемого «в лабораторию, где ему дают инструкцию и записывают результаты его самонаблюдения».** И в этом случае не требуется какой-либо особой остроты или глубины «внутреннего зрения».

Б. М. Теплов (2005, с. 158) говорит о существовании распространенного предрассудка, согласно которому всякое знание о себе и своей психике человек якобы получает лишь интроспективно. Тогда как в действительности наиболее

важные знания о себе человек получает опосредованно, теми же способами, которые доступны и другим людям.

Интроспекция — это всего лишь наблюдение, «внутреннее рассмотрение» возникающих в сознании собственных психических явлений. Выводы, которые делает человек из такого рассмотрения, совершенно не обязательно правильные и тем более бесспорные. Они не являются «истинным знанием из первоисточника».

Интроспекция не должна, да и не может «поставлять» нам какие-либо «готовые выводы». Как и всякое наблюдение, она может лишь предоставлять нам факты о психических явлениях, на основании которых исследователи могут уже затем делать те или иные заключения для последующей их проверки. **Интроспекция просто единственно возможный способ непосредственного рассмотрения субъективного психического содержания — психических феноменов сознания и не более того.**

Она безусловно ограничена в своих возможностях, поэтому представляется, например, верным высказывание Б. М. Теплова о том, что нельзя с помощью интроспекции установить возможности своей памяти. В то же время никак, кроме интроспекции, невозможно установить, возникает определенный образ воспоминания в сознании испытуемого или нет. Б. М. Теплов (2005, с. 159), на мой взгляд, прав в том, что интроспекция не является средством определения собственных знаний, умений и навыков, особенностей своей личности: темперамента, характера и способностей. Это так, потому что все перечисленное не относится к возникающим в сознании человека психическим феноменам, которые лишь и могут быть предметом интроспекции.

Как это ни странно и даже удивительно, но среди исследователей весьма широко распространено убеждение в том, что мы не способны к интроспекции. Г. Райл (1999), например, вообще сомневается в том, что человеку доступен «акт внутреннего восприятия», так как в этом случае его внимание должно быть направлено на две вещи:

...многие из тех, кто готов поверить, что действительно может заниматься... интроспекцией, пожалуй, усомнятся в этом, когда убедятся, что для этого они должны будут концентрировать свое внимание одновременно на двух процессах. Они скорее сохранят уверенность в том, что не концентрируют внимание одновременно на двух процессах, чем в том, что способны заниматься интроспекцией [с. 166–167].

Дж. Серл (2002) говорит примерно о том же:

Сам факт субъективности... делает подобное (интроспективное. — С. П.) наблюдение невозможным. Почему? Потому что там, где это касается сознательной субъективности, не существует различия между наблюдением и наблюдаемой вещью, между восприятием и воспринимаемым объектом. Модель зрительного

восприятия работает на основе предпосылки, что имеется различие между видимой вещью и видением ее. Но для интроспекции просто невозможно осуществлять подобное разделение. Любая присущая мне интроспекция моего собственного сознательного состояния сама есть это сознательное состояние. ...Стандартная модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности... В силу этого сама идея того, что мог бы быть особый метод исследования сознания, а именно «интроспекция», которая, как полагают, есть нечто вроде внутреннего наблюдения, была изначально обречена на неудачу, и потому нет ничего удивительного в том, что интроспективная психология потеряла банкротство [с. 105].

Тем не менее для интроспекции совершенно не требуется «осуществлять разделение» «видимой вещи и ее видения», которого, кстати, никогда и не происходит при нормальном восприятии. Это «разделение» привнесено позже самими исследователями, изучавшими восприятие. То, что «стандартная модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности», для интроспекции совершенно неважно, так как сама эта «стандартная модель» никакой реальной роли не играет даже в восприятии.

Есть лишь образ восприятия, или образ представления вещи, или, наконец, понятие вещи. И именно эти психические феномены подвергаются рефлексии в процессе интроспекции. Причем подвергаются рефлексии почти непрерывно. В чем заключается рефлексия и что она такое феноменологически, следует долго и глубоко разбираться. Однако несомненным остается тот факт, что сознание «постоянно в курсе происходящего» в нем и в мире. И если бы это было не так, то мы ежеминутно с удивлением обнаруживали бы, что почему-то именно сейчас надеваем ботинки, наливаем в чашку чай, зачем-то вышли из дома и т. д. и т. п. На этот факт обратил внимание еще И. Кант (1994, с. 503).

Обсуждая интроспекцию, Б. М. Теплов (2005), однако, пишет:

...учение о субъективном методе в психологии покоится на вере в то, что у человека имеется специальное орудие для непосредственного познания своей психики (внутреннее восприятие, или интроспекция)... Глубоко прав был Сеченов, заявивший в полемике с К. Д. Кавелиным, что «особого психического зрения как специального орудия для исследований психических процессов, в противоположность материальным, нет»... [с. 154–155].

Возникает вопрос: *чем наше самонаблюдение, или интроспекция, отличается от нашего же наблюдения за окружающим миром с точки зрения протекающих в нашем сознании процессов?*

Нельзя не признать, что и то и другое — варианты наблюдения. Меняется лишь объект наблюдения. Наблюдая за окружающим, а следовательно, и переживая его репрезентации в своем сознании, так как никак иначе мы не могли бы за окружающим наблюдать, мы одновременно анализируем репрезентируемое, или, говоря иначе, «наблюдаем» за этими репрезентациями и рефлекслируем

их. Рефлексия не только не мешает, но даже помогает нам адекватно воспринимать и осмысливать окружающий нас мир и достаточно успешно адаптироваться к нему. *Почему же в случае рефлексии наших образов воспоминания и представления, например, мы должны придавать данному обстоятельству какое-то иное, особое значение?*

Раз мы легко можем одновременно осмысливать образы восприятия окружающего мира и обдумывать все связанное с ними, пусть и рассматривая эти психические феномены в плоскости мира физического, то я лично не вижу, что может помешать нам делать то же самое, то есть рассматривать психическое содержание своего сознания и в иной плоскости — плоскости психических явлений. Другими словами, мы способны одновременно без труда и переживать, и осмысливать представляемые и вспоминаемые образы окружающего, то есть заниматься интроспекцией.

Психику можно представить как несколько одновременно протекающих в разных плоскостях процессов (или переживаемых в ходе интроспекции как протекающие одновременно). Интроспекция свидетельствует, например, что в сознании одновременно сосуществует и поток визуальных образов восприятия (одна плоскость), и поток образов воспоминания и представления (другая плоскость), и поток слуховых образов восприятия (третья плоскость, по крайней мере иная модальность первой плоскости), и функционирующий параллельно вербальный мысленный «телетайп» (как я его называю), в вербальных конструкциях которого представлены в том числе наши мнения и выводы по поводу переживаемых чувственных образов, а также мнения и выводы по поводу вербальных конструкций, которые только что или чуть раньше возникали в сознании (четвертая плоскость или иная модальность плоскости второй). В данном обсуждении пока неважно, действительно ли все они протекают параллельно, или просто перечисленные психические явления быстро сменяют друг друга, создавая субъективное ощущение одновременности их наличия.

Сознание непрерывно подвергает ревизии собственное содержание, в том числе то, которое репрезентирует само это содержание, то есть репрезентации репрезентаций. Сознание устроено так, что любое присутствующее в нем ощущение или образ всегда противопоставляются, как бы «демонстрируются» в большей или меньшей степени нашему внутреннему «Я». В процессе рефлексии психическое содержание — образы, эмоции, желания, ощущения — обычно подвергается рассмотрению со стороны некой нашей внутренней сущности, нашего «Я».

Несмотря на странность фразы «рефлексия (или внутреннее рассмотрение) образа восприятия», именно она правильно отражает сущность наших субъективных переживаний в тот момент, когда мы рефлекслируем, например содержание собственного восприятия. Мы действительно в состоянии непосредственно

и чувственно переживать и вербально констатировать различия между присутствующими в нашем сознании как бы разными психическими сущностями. С одной стороны, некой воспринимающей и наблюдающей сущностью — «Я». С другой стороны, собственными психическими явлениями (образами, ощущениями, психическими конструкциями и т. д.) в качестве того, что доступно рассмотрению этой сущности.

Критикуя интроспекцию, Г. Райл (1999) пишет:

Теоретики спорят, например, существуют ли действия сознания, отличные от интеллектуальных и одновременно от выполняемых привычным и ритуальным способом? А почему бы не посмотреть и не увидеть это интроспективно? Если же сторонники этих теорий так поступают, то почему их отчеты о подобных наблюдениях противоречат друг другу? Далее, многие теоретики, рассуждавшие о человеческом поведении, заявляли, что существуют некоторые процессы, *sui generis*, отвечающие определению «воления». Я же доказывал, что таких процессов нет. Почему же мы спорим об их существовании, коль этот вопрос мог бы разрешиться так же легко, как вопрос о том, пахнет ли в кладовке луком? [С. 167.]

Можно ответить вопросом на вопрос: *почему нам никак не удается, например, сопоставить теории сознания в рамках восточной и западной философии? И вообще, почему они радикально отличаются друг от друга?*

Лишь потому, что сложность проблемы необычайна. Наше сознание не «кладовка с луком» и даже не самая сложная ЭВМ. Исследователи не могут договориться даже о едином понимании проблем квантовой физики, хотя она «объективна». *Как же им договориться об абсолютно субъективных проблемах собственного сознания?*

Мне, например, сложно понять, что Г. Райл (1999) имеет в виду, когда говорит о «действиях сознания, отличных от интеллектуальных и одновременно от выполняемых привычным и ритуальным способом». *Как же мы с ним сможем «посмотреть и увидеть», если каждый видит свою модель или не видит даже ее? Как могут «их (исследователей) отчеты о наблюдениях не противоречить друг другу», если до сих пор в психологии нет единого понимания самых элементарных, казалось бы, базовых вещей — того, что такое ощущения и образы, не говоря уже, например, о том, что такое сознание или личность?*

Следовательно, **проблема не в интроспекции, а в методиках исследования, теоретических подходах к построению интроспективного эксперимента и больше того — в разном понимании даже простых психических явлений. Необходимы стандартные, воспроизводимые процедуры, понятные всем задачи и простые цели исследования, не допускающие трактовку испытуемым наблюдаемых им в процессе интроспекции явлений, исключаящие его самоанализ, его собственные оценки и мнения, но для этого надо отказаться прежде от предвзятого подхода к интроспекции.**

Г. Райл (1999, с. 168) напоминает возражение против возможностей интроспекции, выдвинутое еще Д. Юмом. Оно заключается в том, что есть состояния сознания, которые человек не может хладнокровно интроспективно изучать. Это состояния паники, ярости, буйного веселья, сильного возбуждения и т. п. Правильно. Их и не надо изучать с помощью интроспекции. Здесь можно только предложить в качестве контраргумента рассмотреть адекватность результатов физических экспериментов, если бы исследователи проводили их, пребывая в тех самых «исключающих возможность быть хладнокровным» состояниях. Очевидно, что в таких экспериментах вряд ли были бы получены достоверные результаты. Кроме того, надо сказать, что **интроспекция не должна предназначаться для того, чтобы что-то «изучал» испытуемый. Изучать результаты интроспекции даже самих исследователей должны другие исследователи. И результаты эти не могут быть ничем, кроме фактов самонаблюдения в форме: возникли, исчезли или изменились так-то (образ, ощущение, состояние и т. д.).** Сам исследователь может лишь фиксировать наличие и изменение феноменов своего сознания. Следовательно, дело опять же не в пороках интроспекции, а в методике проведения интроспективных исследований.

Отрицая интроспекцию, Г. Райл (1999) тем не менее готов использовать данные ретроспекции, которые представляются ему более адекватными:

...частью того, что имеют в виду, говоря об интроспекции, является аутентичный процесс ретроспекции. Но в объектах ретроспекции нет ничего специфически призрачного. ...Я могу припомнить, как я что-то видел и как я что-то воображал; мои внешние действия, равно как и мои ощущения. ...Ретроспекция несет на себе часть бремени, тяжесть которого пытались возложить на интроспекцию. Но она не может взять на себя все это бремя, особенно самую его философски драгоценную и хрупкую часть [с. 168–169].

При этом Г. Райла не смущает тот факт, что сама по себе ретроспекция — это в гораздо большей степени, чем интроспекция, воссоздание, а не отчет о реально пережитых психических феноменах.

С неожиданной позиции защищает интроспекцию Б. Рассел (2007, с. 232), критикуя взгляды одного из основоположников бихевиоризма Дж. Уотсона. Он пишет, что аргументы противников интроспекции покоятся на двух основаниях. Первое заключается в том, что данные интроспекции являются приватными и верифицируемы только одним наблюдателем, а стало быть, не могут обладать той степенью публичной достоверности, которой требует объективная наука. Второе состоит в том, что физическая наука конструирует пространственно-временной космос, подчиняясь определенным законам, и то, что в мире существуют вещи, не подчиняющиеся этим законам, вызывает у объективистов раздражение. Б. Рассел замечает, что «приватный характер»

данных — слабое возражение против данных интроспекции, так как все наши телесные ощущения носят приватный характер. Например, зубная боль. При этом никто не рассматривает знание нашего собственного тела как научно ничтожное, хотя оно приобретает лишь с помощью приватных данных.

Мне представляется, что аргумент Б. Рассела об уникальности телесных ощущений наносит смертельный удар по теории, отрицающей значимость интроспекции. Надо напомнить хотя бы то «несущественное» обстоятельство, что **вся медицина построена в первую очередь на интроспекции больного**. Сам ее предмет — человек, страдающий заболеванием, — «больной» — тот, который испытывает субъективное ощущение — боль. Следовательно, вся медицинская наука и практика основываются на чем-то с объективистской точки зрения «незначимом», «необъективном», «ненаучном». Однако, несмотря на «ненаучность» и «необъективность» интроспекции, наше существование в мире во многом зависит именно от нее, так как только она позволяет нам вовремя обратить внимание на свои внутренние проблемы и обратиться за помощью.

Б. Рассел (2007, с. 233–234) полагает, что данные интроспекции должны рассматриваться как не подчиняющиеся законам физики и именно это является фундаментальной причиной попыток их отвергнуть. Он указывает на то, что даже часть наших ощущений, которые мы привыкли считать репрезентациями физической реальности, относится к области интроспекции. Так, данные зрения и слуха более публичны, запах — в некоторой степени менее, прикосновение — еще менее, висцеральные или внутренние ощущения не публичны вообще. Он обращает внимание на важность совпадения одинаковых ощущений у людей в одно и то же время. Если человек слышит удар грома вместе с кем-то, это — «объективный» факт. Если же он слышит удар грома, который никто больше не слышит, то думает, что сошел с ума. При этом, если он чувствует боль в животе, то у него нет повода для удивления, даже если ее никто больше не чувствует, поэтому мы говорим, что «боль в животе моя» и она — субъективна, тогда как гром — объективен. Это лишний раз подтверждает условность разделения психических переживаний на «объективные» и «субъективные».

В. М. Розин (2005) пишет:

Они (интроспекционисты. — *С. П.*) не соблюдали также один из основных принципов естественно-научного изучения — требование объективности, то есть контроля за тем, чтобы само изучение не влияло на поведение объекта: исследователь в естественной науке выступает только как носитель научных процедур (таких как измерение, моделирование, идеализация и т. д.). ...Соединение в одном лице исследователя и изучаемого объекта (то есть сознания экспериментатора и испытуемого), а также специализация в интроспекции означали, что исследователь не только влияет на изучаемый объект — он его целенаправленно формирует [с. 54–55].

Но это требование невозможно соблюсти даже в самых «чистых» «объективных» физических экспериментах. Это тот самый принцип *влияния наблюдателя на результаты эксперимента*, который не смогли удалить из своих опытов в XX в. даже физики.

В чем разница между внешним наблюдением и внутренним наблюдением — интроспекцией?

Она заключается лишь в том, что в первом случае доступ к наблюдаемой сущности открыт многим субъектам. Во втором случае он открыт только одному. В первом случае это психическая репрезентация чего-то внешнего по отношению к субъекту. Во втором — внутреннего. Но и в том и в другом случае предметом сознательного рассмотрения являются субъективные психические репрезентации наблюдателя, поэтому в случае «объективного» внешнего наблюдения мы имеем в результате несколько субъективных самоотчетов, а в случае «субъективного» внутреннего наблюдения — один субъективный самоотчет.

1.2. Необихевиоризм

Бихевиоризм, успешно справившийся с интроспекцией, сам через несколько десятилетий разделил ее судьбу. Тем не менее, как и в случае с интроспекцией, заявления исследователей о том, что он преодолен и остался в прошлом, — не более чем декларации. Его влияние сохраняется, и он по-прежнему определяет, хотя и не столь однозначно, как раньше, взгляды очень многих исследователей.

Для человека наиболее очевидно и достоверно то, что явлено ему в его сознании. Об этом уже не один век говорят выдающиеся философы, поэтому удивляет упорное, достойное лучшего применения нежелание необихевиористов (см. примечание 1), которыми являются многие современные, в том числе когнитивные, психологи, принимать, например, в качестве очевидной данности факт наличия собственных психических явлений, в частности «ментальных образов». С помощью самых неожиданных приемов они пытаются заменить психические явления чем угодно: от «поведенческих реакций» и не вполне понятных физиологически трактуемых¹ «репрезентаций» до «структур нервной системы». При этом они убеждены, что действительно отказались от бихевиоризма.

Выдающийся психолог У. Найссер (2005а), например, замечает:

Сегодня теория научения (бихевиоризм. — С. П.) почти полностью отброшена. ...Даже лабораторная крыса обратилась против своих старых друзей... [с. 21–22].

¹ Более подробно об этом см. в главе 2.

Тем не менее сам У. Найссер придерживается необихевиористских взглядов. У российских психологов тоже существует неоправданное убеждение, что советская психология никогда не принимала бихевиоризм и всегда с ним боролась. Между тем великого русского физиолога И. П. Павлова можно с полным основанием считать одним из главных родоначальников бихевиоризма, возможно, главным. Хотя об этом не принято говорить, потому что советская наука вообще и советская психология в частности официально не приняли бихевиоризм. Идеи И. П. Павлова, однако, много лет определяли развитие советской психологии и до сих пор оказывают на нее влияние.

Если зарубежные бихевиористы просто отказались от изучения психических явлений, то советские психологи пошли «своим», но тоже «объективным» путем. Они объявили, что объектом психологической науки является человеческая деятельность. *Что это, как не бихевиоризм в другом ракурсе?* Причем и сегодня этот подход никто даже не пытается открыто ставить под сомнение.

В недавно опубликованном и наиболее авторитетном многотомном российском университетском учебнике по общей психологии, например, так определяется объект психологии:

Именно деятельность... является объектом психологической науки, то есть той реальностью, которая может и должна изучаться... психологами... Предметом же психологии... выступает ориентировочная функция различных форм (внешней и внутренней) этой деятельности, то есть психика [Е. Е. Соколова, 2005, с. 29].

Другими словами, и объект, и предмет психологии — это человеческая деятельность, а психика — это «ориентировочная функция различных форм... этой деятельности». Согласитесь, что последнюю часть данной фразы, даже понимая значения составляющих ее понятий, сложно понять.

Между тем предмет психологии почти полтора века назад определил еще один из ее основателей — У. Джеймс (2003):

Наиболее ясное представление о предмете психологии дает профессор Ледд: «Психология... есть описание и истолкование состояний сознания как таковых». Под состояниями сознания мы понимаем ощущения, желания, эмоции, процессы познания, суждения, решения и т. п. [с. 3].

В рассматриваемом руководстве предлагается иной подход:

...все феномены, изучаемые психологами разных школ, представляют собой многообразие форм существования, механизмов реализации и результатов человеческой деятельности [Е. Е. Соколова, 2005, с. 29].

Иными словами, и состояния сознания, и ощущения, и желания, и эмоции, и процессы познания, и суждения, и решения и др. — все это «формы, меха-

низмы и результаты человеческой деятельности». Возможно, это и так, хотя еще никто этого не доказал. Но даже предположим, что это так и есть. *Что же тогда из этого следует?*

Давайте вернемся к первоисточнику. Основоположник советской психологической теории деятельности А. Н. Леонтьев (1983а) пишет:

...советская психология ... выдвинула принципиально новый подход к психике и впервые внесла в психологию ряд важнейших категорий, которые нуждаются в дальнейшей разработке. Среди этих категорий важнейшее значение имеет категория деятельности [с. 136].

В теории марксизма решающе важное значение для психологии имеет учение о человеческой деятельности... Вводя понятие деятельности в теорию познания, Маркс придавал ему строго материалистический смысл... [с. 104–105].

Что же сам автор понимает под категорией деятельности?

Он поясняет:

...говоря о деятельности, мы разумеем, следуя марксистской традиции, предметную деятельность, основной и исходной формой которой является деятельность чувственная, непосредственно практическая. Что же касается внутренней, умственной деятельности, то она представляется дериватом внешней деятельности, и, как таковая, она сохраняет общую структуру внешней деятельности, порождая функцию психического отражения реальности [с. 244].

Даже если пропустить замечание автора о том, что функцией умственной деятельности является психическое отражение реальности, обращает на себя внимание другое его смелое, но совершенно бездоказательное утверждение — что умственная деятельность представляется дериватом (производным (Словарь иностранных слов, 1954, с. 215)) внешней деятельности. Гипотетическое предположение о трансформации внешней деятельности в умственную было широко распространено в середине XX в. Однако оно так и не было ничем подтверждено и постепенно забылось. Можно согласиться с тем, что внешняя и умственная деятельность как-то сложно связаны, но пока непонятно как.

В любом случае ситуация проясняется: психологии предлагается заняться изучением внешней «практической деятельности». *А как ее можно изучать?* Как показывают все те же практика и история психологии, делать это можно лишь путем изучения поведения людей. Что, впрочем, и делалось уже в психологии большую часть XX в. *Но как называется изучение поведения людей?*

А называется оно «бихевиоризм». Тогда, если российской психологии предлагают другой предмет для изучения, отличный от того, что изучала классическая психология, данный факт следует не менее ясно декларировать.

Как и то обстоятельство, что в этом случае предполагается уже иная наука, а не та, которая была названа психологией ее основателями. Впрочем, эта иная наука тоже далеко не нова и хорошо всем нам знакома. П. Саугстад (2008), например, цитирует основоположника американского бихевиоризма Дж. Уотсона:

Почему бы нам не сделать важнейшей областью психологии предмет наших непосредственных наблюдений? Давайте ограничимся рассмотрением лишь тех явлений, которые мы можем наблюдать непосредственно, и сформулируем законы относительно этих явлений. Ну и что же мы можем наблюдать? Мы можем непосредственно наблюдать только поведение... [С. 348.]

Обращаю внимание на последние слова Дж. Уотсона. Кстати, психология и сегодня не отказалась от изучения этого предмета. Он вполне достойный, и, безусловно, необходимо заниматься его разработкой. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут:

Психологию можно определить как научное исследование поведения и психических процессов [с. 20].

А. Ребер (2001а) тоже указывает в своем толковом психологическом словаре, что психология:

...определяется по-разному: как «наука о психике», «наука о психической жизни», «наука о поведении» и т. д. [с. 148].

Большинство психологов считают бихевиоризм психологией или по крайней мере, ее разделом. Хорошо, давайте это примем, но при этом и четко сформулируем, что «исследование поведения» называется еще «бихевиоризмом», который включает в себя не только радикальный бихевиоризм Дж. Уотсона или русский бихевиоризм И. П. Павлова, но и множество разновидностей умеренного бихевиоризма и необихевиоризма. Бесспорно, бихевиоризм — это одно из совершенно необходимых направлений научных исследований. Однако он не может заменять собой психологию, и следует внятно об этом говорить.

Вернемся к российскому необихевиоризму, который называется теорией деятельности. Е. Е. Соколова (2005) пишет:

А. Н. Леонтьев утверждал, что деятельность составляет субстанцию сознания... и психики в целом, добавим мы. Психика, таким образом, неотделима от деятельности как ее характеристика или функция (функциональный орган) [с. 188].

Кстати, сам А. Н. Леонтьев (1983а), будучи выдающимся психологом, прекрасно понимал, что его точка зрения на *деятельность* отнюдь не общепринята и весьма неоднозначна. Он замечает:

...введение так называемой категории деятельности в психологию ставит много вопросов, в том числе дискуссионных [с. 244].

А. Н. Леонтьев полагал, что:

...психологический анализ деятельности состоит... в том, чтобы ввести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредуемых моментов человеческой деятельности. Эта защищаемая мною позиция требует, однако, перестройки всего концептуального аппарата психологии, которая в данной книге лишь намечена и в огромной степени представляется делом будущего [с. 100].

Перестройка эта, однако, так и не была осуществлена за прошедшие десятилетия ни в советской, ни в российской психологии и не будет никогда осуществлена не только потому, что не имеет больше практического смысла, но и потому, что она невозможна по сути. Понятна политическая целесообразность создания и разработки в советской психологии теории деятельности, «соответствующей учению марксизма», но теперь больше нет такой целесообразности. И поддерживают теорию деятельности по инерции лишь представители школы А. Н. Леонтьева.

Надо сказать, что зарубежные исследователи всегда скептически относились к советской психологической теории деятельности. Западная психология вообще не склонна придавать деятельности столь глобальное и определяющее значение, какое придавала ей советская психология. В основных зарубежных учебниках и руководствах по психологии даже не выделяется специальный раздел, посвященный деятельности. Понятие *деятельность* имеет в ней достаточно ясное и вполне определенное значение:

Деятельность. Родовой термин, применимый как синоним для обозначения действия, движения, поведения, мыслительного процесса, физиологических функций и т. д. Из-за большой обобщенности «деятельность» обычно употребляется вместе с определяющим прилагательным, например целенаправленная деятельность, спонтанная деятельность, деятельность, направленная на решение задач, и т. д. [А. Ребер, 2001, с. 232].

Теория деятельности А. Н. Леонтьева явно выходит за рамки психологии, превращаясь скорее уже в общефилософскую. Столь широко трактуемое, как в его работах, понятие *деятельность* мы могли бы с полным основанием заменить понятием *активность* человеческого организма и отождествить психику уже не с деятельностью, а, например, с активностью организма, чтобы стала еще очевиднее неадекватность подобного расширения. Более того, если продолжить ту же логическую линию, психику можно даже отождествить и с жизнью вообще. И это отнюдь не моевольное допущение. А. Н. Леонтьев (1983а), например, пишет:

...что такое человеческая жизнь? Это есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей. ...Деятельность есть молярная, неаддитивная единица жизни телесного, материального субъекта [с. 141].

И ниже:

Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания [с. 185].

Но тогда, если жизнь — это деятельность, а деятельность составляет субстанцию сознания, то сама жизнь — субстанция сознания. Следовательно, если вы планируете изучать психику, вам стоит заняться изучением жизни. В общем правильно, но применительно к задачам психологии, вероятно, малопродуктивно.

В. П. Зинченко (1983), обсуждая вклад А. Н. Леонтьева в советскую психологию, совершенно справедливо замечает:

...деятельностная теория психики и сознания строится под знаком двух ведущих категорий — жизни и мира. Чтобы правильно понимать эту теорию, нужно все время помнить, в каком онтологическом пространстве она строится. Это пространство не физическое и не феноменальное, хотя оно связано с тем и другим, находясь как бы на их границах, это жизненный мир, материей которого является деятельность [с. 13].

Иными словами, теорию деятельности А. Н. Леонтьева скорее следует рассматривать как философскую, а не психологическую. В. В. Мацкевич (2001), рассматривая категорию *деятельность* в обсуждаемой нами мыслительной традиции, говорит, что это понятие с «максимальным логическим объемом», и продолжает:

Понятий с максимальным объемом и онтологической претензией на универсальность в истории философии встречается немало, это предикаты суждений типа: «Все есть Это». Все, что может быть включено в объем такого понятия, наделяется статусом действительного существования, и, наоборот, все, что не входит в объем данного понятия, признается недействительным и невозможным [с. 291].

Автор приводит примеры категорий, игравших в человеческом познании сходную роль: стихии (*вода, огонь, воздух*), специальные понятия (*логос, апейрон, атомы и пустота, мышление и протяженность*), категории *природа, сознание* и др. Все это лишь подтверждает мою мысль о том, что психологическая теория деятельности — это скорее попытка общефилософского подхода к пониманию психики, чем конкретная психологическая теория.

Нельзя также забывать о мощном идеологическом давлении, которое оказывала на советскую психологию марксистская философия. Так, спустя двадцать с лишним лет В. П. Зинченко (2004) пишет:

В советской психологии доминировало рассмотрение деятельности в качестве объяснительного принципа всей психологической жизни, что существенно ограничивало пространство психологической мысли... Необходимо преодолеть устоявшийся схематизм сознания психологов, что предметная деятельность, якобы лишенная модуса психического, погружаясь извне внутрь, рождает психику или становится психической [с. 137].

Автор определяет в этом контексте деятельность как:

...философскую и общенаучную категорию, универсальную и предельную абстракцию [с. 136].

Попытка предложить сегодняшней психологии заняться изучением деятельности не может на практике привести ни к чему, кроме изучения поведения, что есть движение назад.

Е. Е. Соколова (2005) продолжает:

Как было показано сторонниками деятельностного подхода к психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин, Б. Б. Эльконин и др.), *существование психических процессов в различных субъективных... формах представляет собой вторичное явление, тогда как исходным и основным способом их бытия является их объективное существование в различных формах предметно-практической деятельности субъекта* (курсив мой. — С. П.) [с. 62].

Психика есть функция деятельности субъекта, а не его мозга как такового... [с. 306].

...Единственный путь изучения психики — изучение деятельности субъекта в ее особой (ориентировочной) функции [с. 191].

Итак, по мнению автора, существование психических процессов представляет собой вторичное явление. Можно было бы сказать проще и привычнее — так, как говорили радикальные бихевиористы, что психика — это эпифеномен. Очевидно, что данный подход представляет собой не что иное, как очередную разновидность необихевиоризма. При таком весьма специфическом понимании психики трудно ожидать, например, принятия интроспекции как метода ее исследования.

Но вернемся к психологии. Подвергать сомнению тот бесспорный факт, что деятельность — важнейшая часть жизни человека, естественно, бессмысленно. Но не менее бессмысленно абсолютизировать эту сферу, замещая ею психику человека вообще. Мне представляется более адекватным понимание деятельности как процесса активного взаимодействия человека с окружающим миром, при котором мир оказывает мощное влияние и на тело, и на психику человека. Человеческая психика действительно формируется и развивается в процессе деятельности и в ней проявляется. Неудивительно поэтому, что психологи и даже философы, например еще Т. Гоббс (1991), уделяли в прошлом и уделяют сейчас громадное внимание поведению человека. В то же время следует отдавать себе отчет в том, что деятельность — это не психика, а лишь активность человека, в том числе моторная, например ходьба, плавание, копание земли, бег трусцой и т. п. Сознательные психические процессы играют определяющую роль в регуляции человеческого поведения, но из этого отнюдь не следует, что

человеческая деятельность «тождественна психике» (Е. Е. Соколова, 2005, с. 188) и «составляет субстанцию сознания и психики» (там же).

Психология не занимается, да и не должна заниматься многими другими тесно связанными с психикой человека и зависимыми от нее сферами человеческой жизни: общественными отношениями, культурой, верованиями, языком и т. д., которые в неменьшей степени, чем деятельность, определяются психикой человека и сами влияют на последнюю. Ими занимаются отдельные науки: социология, культурология, теология, лингвистика и др. Поведением, деятельностью человека тоже должна заниматься особая наука, смежная с психологией, которую следовало бы назвать «реальным бихевиоризмом».

«Советский бихевиоризм», в основании которого лежат идеи И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, имеет и других чрезвычайно авторитетных основателей. В его обоснование можно привлечь даже высказывания Л. С. Выготского (2000):

Или психические феномены существуют — тогда они материальны и объективны, или их нет — тогда их нет и изучать их нельзя. Невозможна никакая наука только о субъективном, о кажимости, о призраках, о том, чего нет. Чего нет — того нет вовсе, а не получит, полуесть... Нельзя сказать: в мире существуют реальные и нереальные вещи — нереальное не существует... Субъективное есть кажущееся, а потому — его нет [с. 105]¹.

Л. С. Выготский поддерживал многие идеи бихевиористов, в частности одну из идей основоположника американского бихевиоризма Дж. Уотсона. Так, Л. С. Выготский (2000), например, пишет:

...и мышление, и громкая речь суть одинаковые речедвигательные реакции, но только разной степени и силы. Именно это дало повод физиологу Сеченову, положившему начало учению о психических рефлексах, сказать, что мысль есть рефлекс, оборванный на двух третях, или первые две трети психического рефлекса [с. 134].

Идея эта была позже опровергнута в эксперименте С. Смита и соавторов (см. раздел 1.4.). Впрочем, и великие ошибались. Л. С. Выготский тем не менее принимал интроспекцию. Он (2000) пишет, например:

...оно (самонаблюдение. — С. П.) есть инструмент в ряду других инструментов, как глаз у физиков. Использовать его нужно в меру его полезности, но никаких принципиальных приговоров над ним — о границах познания, или достоверности, или природе знания, определяемых им, — выносить нельзя [с. 53].

¹ Мы, конечно, не можем оценить сейчас степень влияния на позицию исследователя в тот исторический период коммунистической идеологии и понять, что тут от взглядов автора, а что — его реверанс в сторону политического режима.

Современный российский необихевиоризм занимает весьма активную позицию. Так, Е. Е. Соколова (2005), например, вновь критикует отождествление психики с ее явлениями и интроспекцию:

Как ни странно, до сих пор многие современные отечественные философы, решая проблему идеального, отождествляют психическое с субъективным и тем самым возрождают в той или иной степени позиции интроспективной психологии. Вот характерные цитаты: «Сознание потому и понимается как субъективная реальность, что выступает как реальность лишь для субъекта...», «Для другого человека его сознание существует так же, как для меня существует мое сознание» [В. В. Лузгин, 1985]. Мало того, тем самым психология как объективная наука о сознании оказывается невозможной: данные высказывания противоречат также и накопленному в научной психологии опыту объективного изучения сознания — в частности, школе Выготского — Леонтьева — Лурии [с. 304].

Что касается В. В. Лузгина, то он лишь повторил высказанную еще в античности и очевидную для большинства исследователей мысль о том, что наше сознание является областью, совершенно недоступной для кого-либо еще, кроме нас самих. В этом, собственно, и заключается субъективизм сознания и в то же время абсолютная реальность этой субъективности для каждого человека. Причем субъективное, «кажимое», «призрачное» для любого другого человека содержание чужого сознания является в то же время единственной и неоспоримой реальностью для носителя данного сознания, что тоже было очевидно еще античным мыслителям. Другое дело, что наш подход к чужому сознанию, постоянно и во всем выстраивающий его по аналогии с нашим собственным, делает это субъективное содержание чужих сознаний объективной реальностью в какой-то степени и для нас. Об этом и говорит В. В. Лузгин. Его правота настолько очевидна, что я не вижу смысла даже дискутировать по этому поводу.

Ссылаясь на Б. М. Теплова, Е. Е. Соколова (2005, с. 304) утверждает, что в самонаблюдении наше сознание нам непосредственно не дано.

Б. М. Теплов (2005) действительно пишет:

Нередко думают, что словесные высказывания испытуемого в обычных экспериментах по изучению ощущений и восприятий есть показания самонаблюдения. Это ошибка. Показания о том, что испытуемый видит, слышит, вообще ощущает или воспринимает, — это показания о предметах и явлениях объективного мира. ... Иначе пришлось бы признать, что все естествознание строится на показаниях самонаблюдения, так как нельзя себе представить научное наблюдение или эксперимент, которые могли бы обойтись без суждений восприятия [с. 157].

Проблема, однако, не так проста, как может показаться. Здесь мы сталкиваемся с двойственностью того, что называем образом восприятия объекта.

С одной стороны, это — физический объект. С другой стороны — психическое явление. Как говорят об этом У. Джеймс и Б. Рассел (см. раздел 4.1), то, с чем мы в итоге имеем дело, зависит от контекста рассмотрения проблемы.

Вернемся к испытуемому. Для того чтобы он ответил на вопрос: «Что именно он видит?» — он должен увидеть что-то. Затем репрезентировать увиденное вербально, то есть построить специальную вербальную, а затем и языковую конструкцию. Например: «Я вижу три светящиеся точки». *Что такое данное утверждение, если не результат интроспекции?*

Если бы такого утверждения не было вовсе, например, испытуемый увидел точки и без особых раздумий нажал кнопку, сигнализирующую экспериментатору о данном факте, можно было бы условно согласиться с Б. М. Тепловым, что здесь есть лишь «экстраспекция — обычное внешнее восприятие». Но в том-то и дело, что здесь испытуемый отдает уже себе и даже окружающим вербальный отчет в том, что видит, и видит именно три точки, а это он может сделать только путем интроспекции.

Даже если испытуемый просто говорит: «Три светящиеся точки», то и в этом случае понимает, что именно он видит их. Из сказанного вытекает, что самое банальное наше заявление типа «Я проснулся» или «Я вижу солнце» — это уже далеко не просто факт восприятия, а результат рефлексии, а следовательно, и интроспекции. Мне представляется, что наша **психика функционирует таким образом, что процессы рефлексии протекают в сознании непрерывно или почти непрерывно, в противном случае мы не могли бы функционировать.** Даже если бы рефлексия протекала лишь эпизодически, мы с недоумением все время обнаруживали бы себя в самых неожиданных местах и в странных позах. Хотя и само это обнаружение было бы невозможно без рефлексии.

Чем фраза испытуемого «Я вижу три светящиеся точки» отличается, например, от фразы испытуемого-психолога «Я имею образ восприятия трех светящихся точек»?

Мне представляется — лишь тем, что второй испытуемый владеет специальной психологической терминологией, возможно, глубже рефлексировать содержание своего сознания и в состоянии с несколько более научным, так сказать, пониманием преподнести результаты собственной интроспекции по сравнению с первым испытуемым. Но и в первом и во втором случае испытуемые доносят до нас осознанные ими факты присутствия в их сознании новых психических феноменов. Поэтому, когда другой человек говорит о предметах и явлениях окружающего объективного мира, мы обычно имеем дело с результатами его интроспекции, с его анализом собственного внутреннего психического содержания. Не может быть никаких самоотчетов испытуемого, в том числе о наблюдаемой окружающей реальности, без интроспекции. Сама фраза «я вижу...» — результат рефлексии, а значит, интроспекции, так как

рефлексия и тем более вербальный самоотчет о ее результатах в форме выражений «я вижу...», «я слышу...», «я чувствую...», «я понимаю...» и им подобных невозможны без интроспекции.

Б. М. Теплов (2005) касается и другой сложной проблемы, когда говорит:

Никакой здравомыслящий человек не скажет, что военный наблюдатель, дающий такие, например, сведения: «Около опушки леса появился неприятельский танк», занимается интроспекцией и дает показания самонаблюдения. ...Но ведь дело, в сущности, не меняется, если военный наблюдатель или разведчик дает показания по памяти, то есть показания о том, что он видел несколько часов назад. И эти показания никто не назовет показаниями самонаблюдения; это высказывания о предметах внешнего мира, а вовсе не о самом себе, хотя по таким высказываниям и можно определенным путем вывести суждения о памяти человека, дающего показания. Следовательно, и о показаниях испытуемых во многих экспериментах, посвященных изучению памяти, нельзя сказать, что они являются показаниями самонаблюдения [с. 157].

Не только образы представления и образы воспоминания, но и образы восприятия возникают в сознании наблюдателя, а не во внешнем мире. Поэтому образ восприятия столь же субъективен и столь же недоступен объективным методам изучения, как и всякий образ сознания. Следовательно, придется признать, хоть это и не принимает Б. М. Теплов, что не только наблюдения разведчика, о которых он рассказывает, но и действительно «все естествознание строится на показаниях самонаблюдения». В случае разведчика мы имеем дело с вербальным моделированием собственных чувственных репрезентаций реальности. Можно сказать, с повторным или вторичным моделированием, основанным на интроспекции, с формированием вербальных психических моделей (описательных моделей) первичных сенсорных психических репрезентаций (образов и ощущений реальности). Если человек рассказывает что-то по памяти, то в его сознании возникают образы воспоминания, о которых он и рассказывает. *Что это такое, если не интроспекция? Как еще, кроме интроспекции, может быть доступно человеку содержание его памяти?*

Сам Б. М. Теплов признает:

Показаниями самонаблюдения следует называть лишь высказывания испытуемых о себе, о своих действиях и переживаниях [с. 157].

Тогда если наблюдатель говорит: «Я видел танк», то это — результат интроспекции, но если же он говорит: «Вдруг появился танк», то это уже не результат интроспекции?

Весьма сомнительное утверждение. Конечно, показания наблюдателя, в том числе военного, не принято называть показаниями самонаблюдения, но лишь исходя из соображений «здравого смысла». Мы же рассматриваем

их психологическую природу. И, исходя из механизмов их возникновения, вполне можем назвать их сформированным в результате интроспекции отчетом о собственных воспоминаниях. Что будет правильно.

Если военный наблюдатель видит что-то несущественное для него и забывает об этом или в его сознании спонтанно возникают образы воспоминания танка, выползающего из-за деревьев, и исчезают — это действительно не интроспекция, а лишь его психические переживания. Если же он отдает себе отчет в том, что видит или вспоминает нечто, например увиденный им где-то танк, а отдавать себе отчет он может лишь в форме вербальной конструкции: «*я вижу танк*», или просто «*вижу танк*», или «*видел танк*», то есть репрезентирует данный чувственный факт собственной перцепции себе уже вербально, — это уже сформированный в процессе интроспекции самоотчет о собственных психических переживаниях. Хотя рассматривать в такой плоскости собственные репрезентации окружающего мира и не принято.

Естественно, в реальной жизни практически невозможно дифференцировать те психические явления и переживания, которые мы рефлекслируем, и те, которые не рефлекслируем, то есть те, которые подвергаются интроспекции, и те, которые ей не подвергаются. Слишком быстро наши образы и идеи сменяют друг друга. Но и без того очевидно, что **рефлексия, а следовательно, и интроспекция почти постоянно осуществляются нашим сознанием, так как без этого невозможна даже нормальная ориентировка в окружающем мире.**

Можно согласиться с Б. М. Тепловым в том, что самонаблюдение — более широкое понятие, чем интроспекция, так как оно может включать в себя, например, самонаблюдение за собой, за своим телом в зеркале, просмотр фильмов о самом себе, о своем поведении, знакомство с мнением других людей о себе и т. д. и т. п. Интроспекция же — это наблюдение и вербальное описание собственных психических феноменов — единственно возможный способ непосредственного изучения субъективного психического содержания человеческого сознания.

Следует подчеркнуть, что позиция Б. М. Теплова и его последователей далеко не общепринята. Б. Г. Мещеряков (2004), например, отождествляя самонаблюдение и интроспекцию, рассматривает их как разновидности наблюдения (метод субъективного наблюдения). Он пишет:

...психологические науки всегда были «уникальным заповедником» метода субъективного наблюдения. Его-то и пытались уничтожить некоторые представители так называемой объективной психологии (он говорит более чем мягко; в действительности интроспекцию просто уничтожили и продолжают клеймить, хотя и пользуются при этом ею повсю. — С. П.). ...В значении достаточно широком (метод объективного наблюдения. — С. П.) — это любой метод наблюдения, в котором выполняется требование независимого контроля (наблюдателями-

дублирами или с помощью приборов). Существует наивное представление, что методы самонаблюдения в принципе не удовлетворяют такому требованию, тогда как экстероспективные и особенно приборные наблюдения всегда ему удовлетворяют (и в этом смысле объективны). С обоими утверждениями можно не согласиться [с. 285–286].

А. Ребер (2001а) тоже полагает, что:

...нет никакой логической причины того, почему субъективный должен быть менее надежным или достоверным, чем объективный [с. 330].

1.3. Субъективное и объективное

Продолжая обсуждение, имеет смысл рассмотреть понятия *субъективный* и *объективный*. Основные признаки *субъективного*: внутренний, персональный, недоступный для общественного рассмотрения, ощущаемый или психический, не подтверждаемый другими непосредственно, обусловленный личными, эмоциональными оценками, ненадежный, предвзятый (Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 329–330). Признаки *объективного*: физический, очевидный или реальный для всех воспринимающих его, доступный публичной верификации и надежный, фиксируемый как независимый от субъекта, внешний по отношению к телу или сознанию, свободный от психического или субъективного опыта (Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 541; Современный философский словарь, 2004, с. 480–481). К признакам *объективного* можно добавить: воспроизводимый практически без заметных для наблюдателя изменений при повторении тех же условий восприятия, предсказуемый, подчиняющийся известным физическим законам.

Из всего сказанного вроде бы вырисовываются существенные различия между двумя рассматриваемыми группами сущностей. Но настораживает тот факт, что наиболее характерными примерами этих сущностей являются два явления, и оба — психические. Самым характерным примером субъективного выступает образ представления, тогда как единственным примером объективного — образ восприятия. Это более чем странно и парадоксально, если считать истинным разделение мира на две группы принципиально разных сущностей (физические и психические), потому что в итоге мы все равно приходим только к одной — к психической, включающей в себя и образы представления, и образы восприятия.

Идеи об объективном и субъективном основываются на убеждении большинства исследователей в том, что существует объективный физический предметный мир, который «отражается» в субъективном сознании каждого человека. Данные взгляды по-прежнему доминируют в психологии, несмотря

на то что И. Кант еще в XVIII в. утверждал, что предметный мир выстраивается сознанием человека, а не «отражается» им, и исследователи в основном вроде бы с ним согласились. Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, казалось бы, никто из психологов не возражает против «новых» философских представлений. *Хотя какие уж они новые, если им почти два с половиной века?*

С другой — когда дело доходит до изложения конкретных собственных взглядов, большинство из них почему-то превращаются в ярых «объективистов», уверенных, что «стол-то уж точно существует сам по себе и независимо от нашего сознания». Хотя в этом, пожалуй, и нет ничего удивительного, так как здесь работает «здоровый смысл»: раз я вижу стол, и ты его видишь, и он его видит, то это, конечно, значит, что стол существует сам по себе, независимо от нас. Причем именно как стол, а не как непонятная кантовская «вещь в себе».

Что будет с понятиями «объективное» и «субъективное», если мы рассмотрим представления о мире, вытекающие из концепции И. Канта (1994)?

Согласно объективизму и «здоровому смыслу», существует один объективный физический мир, одинаковый для всех людей, и он отражается в сознании каждого. Согласно И. Канту (1994), каждое сознание строит предметный мир из недоступного человеку мира «вещей в себе», о сущности которого мы не можем ничего сказать, так как он недоступен познанию. Кант (1994) пишет:

...все предметы возможного для нас опыта суть не что о иное, как явления, то есть только представления, которые в том виде, как они представляются нами... не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли [с. 305–306].

Каждое сознание уникально. Следовательно, каждое сознание строит свой уникальный предметный, или физический мир. Таким образом, вместо одного объективного физического мира существует столько физических миров, сколько есть сознаний.

Однако учитывая биологическое и психическое сходство людей, а также общие способы использования предметов людьми в одних и тех же целях и сходство действий с ними, можно утверждать, что субъективные предметные физические миры, выстраиваемые разными людьми, очень похожи друг на друга. Поэтому у людей не возникает понимания того, что каждый из них живет в своем физическом мире, хотя и очень похожем на физические миры окружающих его людей.

Очевидно, что понятия *субъективный* и *объективный* не в состоянии отобразить сложные соотношения между уникальными сознаниями людей и окружающей их «реальностью в себе». Благодаря сходству различных субъективных предметных миров «здоровый смысл» легко и привычно отождествляет их друг с другом, превращая в общий «объективный физический мир», существующий

якобы вне всякого индивидуального сознания. Так рождается миф о единственном объективном окружающем нас физическом мире. Я ни в коем случае не хочу сказать, что окружающий мир не существует. Он, безусловно, есть и не менее реален для нас, чем наше сознание.

Но следует различать единственную объективную окружающую нас «реальность в себе» и объективный окружающий каждого из нас физический мир. Структуры «реальности в себе» участвуют в процессе конституирования (построения) нашим сознанием предметов, физических объектов и явлений. Поэтому без нашего сознания вне нас нет того, что принято считать объективным физическим миром. Вне сознания есть нечто иное — то, что можно было бы назвать элементами «реальности в себе», а И. Кант (1994) называл «вещами в себе». Вне каждого из нас существует единая объективная окружающая всех «реальность в себе» и миллиарды субъективных предметных физических миров (по числу живущих людей), похожих, но разных.

Вернемся к доминирующим сейчас в психологии объективистским представлениям «здорового смысла». В соответствии с ними «объективный предметный мир» существует независимо от индивидуального сознания каждого из нас и его сущности репрезентируются в каждом индивидуальном сознании, обеспечивая тем самым его «объективность». Причем репрезентируются настолько одинаково, что индивидуальными различиями можно пренебречь. Когда мы воспринимаем «внешний реальный и очевидный физический предмет», он «объективен», так как:

...состояние или функция его доступны публичной верификации, имеют внешние проявления и не зависят (якобы. — С. П.) от внутреннего, психического или субъективного опыта [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 541].

Однако еще раз повторю замечание И. Канта (1994), что вне нашего сознания нет единого объективного предметного мира. И именно наше сознание из некоей непонятной «вещи в себе» создает предмет. Вне сознания нет предмета. Следовательно, существует не один физический стол, например, который воспринимают двадцать человек, сидящих вокруг него, а двадцать субъективных столов. По одному в сознании каждого из сидящих. И это несмотря на то, что люди уверены в существовании вне их сознаний реального физического стола. Далее мы еще будем возвращаться к обсуждению этого вопроса.

А. Бергсон (1992) пишет:

Мы бы весьма удивили человека, чуждого философским спекуляциям, сказав ему, что предмет, находящийся перед ним, который он видит и которого касается, существует лишь в его уме и для его ума... Наш собеседник всегда придерживался мнения, что предмет существует независимо от воспринимающего его сознания. Но, с другой стороны, мы также удивили бы его, сказав, что предмет

совершенно отличен от его восприятия нами, что ни цвета, который приписывает ему глаз, ни сопротивления, которое находит в нем рука, нет. Этот цвет и это сопротивление, по его мнению, находятся в предмете: это не состояние нашего ума, это конститутивные элементы существования, независимого от нашего. Следовательно, для здравого смысла предмет существует в себе самом, такой же красочный и живой, каким мы его воспринимаем: это образ, но этот образ существует сам по себе [с. 160].

В последней фразе А. Бергсона представлена доминирующая сегодня не только в обыденном сознании, но и в психологии точка зрения «здроваго смысла» на окружающую нас реальность. В связи с этим следует констатировать, что **психология как-то незаметно, но, мягко говоря, весьма существенно уклонилась от основного направления философского учения о человеке и мире, созданного И. Кантом (1994)** и его последователями и рассматриваемого в философии как главное достижение кантианства. **Это отклонение объясняется преобладанием во взглядах психологов на сознание человека и окружающую его реальность представлений «здроваго смысла».**

Большинство психологов знакомы с достижениями философии, но тем не менее в своих собственных теориях они больше тяготеют к привычному «здравому смыслу», «здрово» полагая: «философия философией, а стол-то вот он». Подобные представления в психологической литературе доминируют абсолютно. Данный факт не только удивителен. Он вызывает опасения по поводу состояния психологии. Так как кто, *если не психологи, должны были бы развить философские представления И. Канта в психологии, дать им психологическое обоснование и объяснение?*

Вместо этого мы видим в психологии через два века после И. Канта торжество объективизма.

Слабость позиции тех, кто отстаивает точку зрения о жестком отличии субъективного и объективного, очевидна для многих авторов. Так, Э. Кассирер (2006), например, пишет:

...как оказалось — одно и то же содержание опыта может называться и субъективным, и объективным, смотря по тому, в отношении к каким логическим точкам исхода оно берется [с. 314–315].

Автор (2002) полагает, что:

...«объективное» в опыте означает для научно-теоретического мировоззрения его неизменные и необходимые элементы: однако чему именно в этом содержании приписывается неизменность и необходимость, зависит, с одной стороны, от общего методологического масштаба, который мышление накладывает на опыт, а с другой стороны, обусловлено наличным состоянием познания, совокупностью его эмпирически и теоретически проверенных взглядов. Вот почему то, каким

способом мы применяем понятийную противоположность «субъективного» и «объективного» в процессе формирования опыта, в построении образа природы, оказывается не столько решением познавательной проблемы, сколько ее полноценным выражением [с. 26].

А. Н. Леонтьев (1981) говорит о том же:

...противоположность между субъективным и объективным не является абсолютной и изначально данной. Их противоположность порождается развитием, причем на всем протяжении его сохраняются взаимопереходы между ними, уничтожающие их «односторонность» [с. 34].

Е. Ф. Губский и соавторы замечают:

Объективностью также называют способность что-либо наблюдать и излагать «строго объективно». Но такой способностью человек не обладает. ...Поэтому подлинная объективность достигается лишь весьма приблизительно и остается для научного труда идеалом [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 314].

Можно было бы добавить: не достигается никогда.

М. К. Мамардашвили (2002) пишет:

Казалось бы, можно установить в конце концов, что такое «объективное» и как к нему относится сознание. Но странная вещь: у всех философов фигурирует эта проблема, а установление того, что объективно, а что относится к сознанию, каждый раз ситуативно. Нет раз и навсегда заданного чего-то, что всегда объективно, и нет раз и навсегда заданного, что всегда субъективно [с. 166].

В. Гейзенберг указывает, что:

...квантовая механика выдвинула еще более серьезное требование. Пришлось вообще отказаться от объективного в ньютоновском смысле описания природы, когда основным характеристикам системы, таким как место, скорость, энергия, приписываются определенные значения, и предпочесть ему описание ситуаций наблюдения, для которых могут быть определены только вероятности тех или иных результатов. <...> Смысл старых слов в какой-то мере утратил четкость [цит. по: Ю. М. Лотман, 2004, с. 386].

Относительность понятий *объективное* и *субъективное* можно легко продемонстрировать на конкретном примере. *Каким является мое психическое содержание, например план моих действий на завтра?*

Очевидно, субъективным. *Но каким он является, если вы видите его изложенным на бумаге в виде пунктов предстоящих действий?*

Очевидно, это уже нечто объективное, так как представленное в виде слов, потенциально способных трансформироваться в субъективное психическое содержание конкретного сознания, оно доступно для многих людей.

Понимая теоретическую шаткость рассматриваемой дихотомии мира на субъективное и объективное и необходимость замены ее в будущем чем-то более адекватным, можно попытаться выделить то, что принято считать объективным. К объективному традиционно относят окружающий физический мир, а следовательно, наши перцептивные психические репрезентации. Наиболее существенными признаками объективности чего-либо считают:

- доступность его репрезентации (перцептивного образа) многим наблюдателям;
- повторяемость его перцептивного образа в сходных условиях наблюдения;
- сходство его перцептивных образов, возникающих у разных наблюдателей, воспринимающих объект одновременно, или у одного наблюдателя в разное время;
- относительную независимость его перцептивного образа от воли наблюдателя;
- подчиняемость его перцептивного образа известным наблюдателю физическим законам, в том числе, например, возможность повторного появления сходного образа в ожидаемом наблюдателем месте при сходных условиях восприятия и прогнозируемость возможных изменений образа.

Можно, однако, сказать, что признаками объективности воспринимаемой физической сущности являются качества ее перцептивного образа, что сразу ставит саму концепцию объективности под сомнение.

Что изменится, если вместо термина «предмет» мы используем понятие «вещь в себе»?

По сути, ничего, кроме признания нами того факта, что вне сознания есть не физический объект, а лишь «нечто», репрезентируемое в форме предмета только в нашем сознании. Внешний мир при этом останется независимым от нашего сознания, но понятия *объективное* и *субъективное* станут бесполезными.

Воспроизводимость, или повторяемость репрезентации (см., например: Б. Г. Мещеряков, 2007, с. 51), играет основную роль в установлении признака объективности предмета или факта, так как дает возможность проверить в научном эксперименте результаты восприятия как самому человеку, так и другим людям. В то же время Х. Г. Гадамер (2006), например, ставит под сомнение данный признак:

Каждый из нас может считать проверяемость результатов познания за идеал. Но нужно также признать, что этот идеал чрезвычайно редко может быть достигнут, а те исследователи, которые усиленно стараются его достичь, преимущественно не могут нам сказать ничего серьезного... Нужно признать, что наибольшие достижения гуманитарных наук оставляют далеко позади идеал проверяемости. С философской точки зрения это очень важно [с. 509].

1.4. Объективная психология

Теория объективности науки уже не первый век является доминирующей научной доктриной. Не принято не только критиковать эту теорию, но даже сомневаться в ее достоверности. Дж. Лакофф (2004) замечает:

Многие из тех, кто имеет отношение к миру науки, полагают, что научное мышление требует объективистского взгляда на мир — приверженности принципу существования единственно «правильной» концептуальной системы. Одно только предположение, что в мире могут существовать различные концептуальные системы, столь же разумные, как наша собственная, слишком часто рассматривается, как плевок в лицо науки [с. 33, 395].

Однако подобный подход сродни убеждению в том, что мир можно «правильно» увидеть только через специально созданные для этого «очки с синими стеклами». Данное обстоятельство заставляет глубоко задуматься над высказываниями некоторых авторов, что такого рода представления — это лишь заблуждение западной познавательной традиции.

О. Шпенглер (1993), например, указывает, что:

...картина души есть всегда лишь картина какой-то определенной души. А претензии западной рационалистической психологии на абсолютную объективность — не более чем европоцентристская иллюзия... [с. 482–483].

Р. Мэй (2001a) цитирует В. Гейзенберга, написавшего:

Идеальная наука, полностью независимая от человека (например, совершенно объективная), — это иллюзия [с. 129].

М. Полани (2004) говорит о том, что, какие бы славословия ни возносились «объективности»,

...абсолютная объективность, приписываемая обычно точным наукам, принадлежит к разряду заблуждений и ориентирует на ложные идеалы.

...Будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице [с. 321].

С. Прист (2000) обращает внимание на то, что:

...наука и значительная часть эмпирического знания дают нам только частичное объяснение реальности. Это происходит потому, что наука и эмпирическое знание являются, в сущности, объективными или же подходят ко всему с позиции третьего лица. Они трактуют свой предмет как «другого». Ни наука, ни эмпирическое знание не способны предложить объяснение субъективности, в частности

сознания, которое является субъективным феноменом от первого лица. Кроме того, чисто объективные способы мышления не способны объяснить отношение между сознательными субъектами и воспринимаемыми ими объектами. Наука все рассматривает как физическое. Она не может объяснить сознание и локализацию сознающего субъекта во Вселенной [с. 100].

Я ни в коем случае не предлагаю огульно отказаться от всего того, что принято относить к «объективной науке», а предлагаю лишь внимательно разобраться в том, что же именно туда относят и на каком основании. Естественно, меня интересует в первую очередь «объективная психология». Можно выделить два ее варианта: устаревший радикальный и современный. Первый основывается главным образом на бихевиористской позиции и отрицает наличие субъективных психических феноменов как таковых, замещая их чем угодно — от мозговой активности до так называемых моделей поведения. Иллюстрацией такого подхода является, например, следующее высказывание Б. М. Теплова (2005):

Объективный метод в психологии есть метод опосредованного познания психики, сознания... Для объективного метода чужая психическая жизнь не менее доступна научному изучению, чем своя собственная, так как фундаментом этого метода не является интроспекция. ...Психическая деятельность всегда получает свое объективное выражение в тех или других действиях, в речевых реакциях, в изменении работы внутренних органов и т. д. Это — неотъемлемое свойство психики, забвение которого неизбежно ведет к подмене «психических реальностей» «психическими фикциями» (Сеченов) [с. 156].

Современные объективисты менее категоричны, да и сами их позиции существенно различаются. Наиболее радикальные из них полагают, что «полноправными» могут считаться только те данные психологических исследований, которые основаны на измерениях в физических, объективных терминах. Другие исследователи придерживаются гораздо более умеренных взглядов, полагая, что для того, чтобы считаться «объективным»,

...научное исследование должно проводиться таким образом, чтобы любой заинтересованный член научного сообщества мог воспроизвести его результаты [Психологическая энциклопедия, 2006, с. 495].

Многие авторы давно и неоднократно высказывали сомнения в способности объективной психологии быть адекватным средством изучения субъективной по своей природе человеческой психики. Э. Гуссерль (1995), например, пишет:

Будучи объективной, психология просто не способна тематизировать психику в ее собственной сущности, то есть исследовать действующее и страдающее «Я». Определяя телесную функцию, участвующую в деятельности оценки или волеия, психология может опредметить эту деятельность, индуктивно обработать ее, но может ли она сделать то же самое в отношении целей, ценностей, норм? [С. 324.]

Представители «объективной» психологии утверждают, что в случае интроспекции отсутствует главное достоинство объективного метода¹, а именно, доступ разных наблюдателей к «объекту наблюдения». При этом они почему-то игнорируют то обстоятельство, что в случае наблюдения за физическим объектом в сознании у каждого из его наблюдателей тоже возникает лишь свой субъективный образ восприятия данного физического объекта. И все возникшие у наблюдателей образы различаются между собой. Самый банальный пример — различия визуальных перцептивных образов у людей с нормальным зрением и близорукостью или дальтонизмом.

Фактически каждому наблюдателю его сознание предоставляет особую уникальную перцептивную репрезентацию объекта. И лишь наш «здоровый смысл» объединяет их в некий «единый предмет», который, однако, есть лишь в сознании и отсутствует в таком виде в окружающем мире. Объект поэтому может быть отделен от субъекта, который его наблюдает или обсуждает, лишь умозрительно, хотя в соответствии со «здоровым смыслом» мы привычно считаем, что реальный предмет, данный стол например, находится перед нами в физической реальности. И факт «объективности» этого предмета, а соответственно, и метода его исследования подтверждается тем, что у разных наблюдателей этого стола возникают сходные субъективные его репрезентации, которые легко воспроизводимы при тех же условиях восприятия предмета. Однако неизменность, очевидность и реальность «единого для всех» предмета, его «доступность для публичной верификации» и «надежная фиксируемость как независимого от субъекта» на самом деле заключаются лишь в сходстве субъективных образов его восприятия у разных наблюдателей и феноменологических особенностях самих перцептивных образов.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут в своем университетском учебнике по психологии:

Экспериментальный метод отличается от других методов научного наблюдения... возможностью осуществлять точный контроль за переменными [с. 36].

И так считают практически все исследователи. Авторы, однако, почему-то не учитывают того, что большинство этих «переменных» сами являются

¹ Представления об объективности методов научного исследования непрерывно менялись вместе с развитием психологии как науки. В конце XIX в. объективными называли методы, заимствованные психологией из естественных наук (биологии, медицины, физики, математики), опиравшиеся на физиологические показатели работы организма (телесные реакции, движения и т. п.) и регистрируемые с помощью специальных приборов. Данные, получаемые путем прямого наблюдения за человеком, объективными не считались. В настоящее время объективные методы включают любые методы, с помощью которых можно получить достоверную информацию о психике человека, то есть методы, которые отвечают требованиям надежности и валидности [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 288].

всего лишь психическими конструкциями¹, созданными исследователями со специальными целями, а не присущими исходно физической реальности. В физической реальности нет, например, единиц измерения — метра, секунды, килограмма и др. Там нет большого или малого, толстого или тонкого, высокого или низкого, быстрого или медленного и т. д. Там нет храброго или боязливого, волевого или безвольного, тревожного или спокойного. В физическом мире нет даже красного и белого, теплого и холодного, вкусного и противного, пахучего, болезненного и т. д. Все эти, как принято считать, характеристики физической реальности на самом деле лишь порождения нашего сознания, которое пытается как-то репрезентировать «реальность в себе».

Э. Гуссерль (1995) указывает:

...объективистская наука видит в том, что она называет объективным миром, универсум всего сущего, не замечая, что никакая объективная наука не может отдать должного субъективности, порождающей науку [с. 322].

Многие авторы отмечают, что в своих «объективных» опытах человек всегда проверяет свои же существующие теории, а при наблюдении за другим человеком мы не более «объективны», чем при наблюдении за самим собой. Мне представляется, что многие блестящие когнитивные психологи существенно дополнили бы наши представления о психике, если бы смогли побороть наследие бихевиоризма и, кроме экспериментов, обратились к самонаблюдению. Когда читаешь работу по когнитивной психологии, часто складывается ощущение, что читаешь что-то имеющее отношение к вычислительной технике или программированию: «акустические, зрительные, лексические коды», «семантическая информация», «единицы информации», «стимул», «реакция», «сигнал», «индикатор», «переменный стимульный поток», «градиенты», «отдельный импульс информации», «стимульные переменные», «осознаваемые центробежные и центростремительные импульсы», «иконическое хранилище», «вычислительные возможности мозга» и т. д. и т. п.

Дж. Серл (2002) замечает:

Не менее прискорбно то, что мы позволяем нашим методам определять предмет исследования, а не наоборот. Как пьяный, потерявший ключ от своей машины в темных кустах, но ищущий их под светом уличного фонаря, «потому что здесь светлее», мы пытаемся понять, как люди ходят на наши вычислительные модели, вместо того чтобы попытаться установить, как действительно работает человеческое сознание [с. 225].

Когнитивная психология оперирует множеством моделей, объясняющих функционирование психики, но они, к сожалению, никак не соотношены с ин-

¹ К психическим конструкциям относятся даже такие физические, как принято считать, характеристики испытуемых, как, например, возраст, рост, вес и т. д.

троспективными моделями. Складывается впечатление, что **с помощью «объективных» и интроспективных методов исследователи изучают не один объект — психику, а два совершенно разных, хотя эти методы могли и должны были бы дополнять друг друга.**

В. М. Аллахвердов (2000) цитирует Г. Айзенка, который пишет, что для современных психологов:

...самые разумные доводы значат меньше, чем экспериментальные доказательства [с. 66].

Порой доходит до очевидного абсурда, когда когнитивная психология прилагает титанические усилия, чтобы «открыть» совершенно очевидные при интроспекции вещи. Например, проведено множество экспериментов, чтобы установить бесспорный с точки зрения интроспективной психологии факт наличия в сознании ментальных образов.

Даже такой авторитет, как Дж. Андерсон (2002), с сомнением пишет:

...можно попробовать найти различие между репрезентацией звучания слова в сравнении с напечатанным словом [с. 135].

Между тем их различия — это совершенно очевидный и тривиальный для сторонников интроспекции факт. Достаточно закрыть глаза и представить себе звучащее слово и, например, это же слово представить зрительно в написанном на стене виде, чтобы обнаружить между слуховыми и зрительными репрезентациями слова очевидную разницу. Многие предположения и утверждения когнитивной психологии интроспективная психология могла бы уточнить сразу или изложить иначе.

Например, когнитивисты в лице Дж. Андерсона (2002) утверждают, что:

...пространственные репрезентации не привязаны к зрительной модальности, к ним также можно получить доступ тактильным или слуховым путем. По-видимому, имеется общая пространственная репрезентация, которая может получать информацию любой модальности [с. 124].

Интроспекция однозначно убеждает нас в том, что у человека существует полимодальная репрезентация объекта реальности и каждый из ее компонентов имеет свои пространственные характеристики. Еще епископ Д. Беркли (2000, с. 39) установил интроспективным путем в то время, когда даже не знали ни об «объективной психологии», ни об «объективных методах исследования», что пространственные характеристики репрезентаций разной модальности различны. Пространственные характеристики репрезентаций предмета в разных модальностях сложно взаимодействуют между собой. С. Л. Рубинштейн (1999) приводит, например, интересные данные самонаблюдения, демонстрирующие,

как перемещение источника звука зависит от визуального восприятия места нахождения говорящего:

Заседание происходило в очень большом радиофицированном зале. Речи выступающих передавались через несколько громкоговорителей... Сначала, сидя сравнительно далеко, я... не разглядел выступавшего... Голос... выступавшего я отчетливо услышал слева, он исходил из помещавшегося поблизости громкоговорителя. Через некоторое время я вдруг разглядел докладчика... и тотчас же звук неожиданно переместился — он шел ко мне прямо спереди, от того места, где стоял докладчик.

...Воспользовавшись перерывом, я пересел на заднее место справа. С этого отдаленного места я не мог разглядеть говорившего... звук... снова переместился к громкоговорителю, на этот раз справа от меня. ...В течение этого заседания раз 15 звук... перемещался на трибуну или снова возвращался к ближайшему громкоговорителю в зависимости от того, видел ли я говорящего человека... или нет [с. 208–209].

Для того чтобы убедиться в справедливости теории «двойного кодирования в памяти вербальной слуховой и зрительной информации», тоже не требовалось ставить сложные эксперименты (см. о них, например: Дж. Андерсон, 2002). Достаточно мысленно представить себе зрительный образ слона и слуховой образ слова «слон». Очевидно, что есть и тот и другой. Более того, они далеко не исчерпывают всего многообразия психического репрезентирования, так как существует множество других чувственных репрезентаций физического объекта, в том числе тактильных, вкусовых и обонятельных, поэтому следует говорить не о «двойном», а о полимодальном «кодировании информации в памяти». О «двойном» репрезентировании можно говорить лишь в плоскости вербальных — невербальных образов.

Интроспективной психологии были не нужны сложные эксперименты, чтобы установить также тот факт, что после восприятия лингвистического сообщения люди помнят только его смысл, а не точную формулировку, или то, что память на детали сообщения сохраняется на короткое время после его предъявления, а потом исчезает, тогда как память о значении сообщения сохраняется. В то же время трудно или невозможно интроспективным путем получить информацию о сохранении в памяти испытуемого части материала, который кажется ему забытым, но наличие которого эксперименты могут показать. Очевидно, что эксперимент в ряде случаев более точен, чем самонаблюдение, а порой и незаменим. На него меньше влияют знания экспериментатора.

Например, я при попытке воспроизвести опыт Уоллеса, в котором предлагается сравнить длину двух одинаковых параллельных горизонтальных прямых, предварительно заключив их мысленно в перевернутую букву V (рис. 1), получил однозначный ответ — прямые равны. Как только я предложил то же задание своей дочери, немедленно получил ответ: «верхняя — длиннее», так как у нее не было моей установки, что «прямые в любом случае равны».

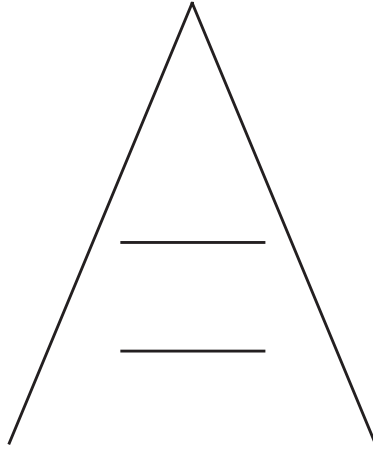

Рис. 1. Параллельные равные горизонтальные прямые, заключенные в перевернутую букву V

Можно поэтому сказать, что **экспериментальная психология и интроспекция могли и должны были бы удачно дополнять друг друга**. Экспериментальная психология имеет бесспорное преимущество в определенных областях психологических исследований, например при исследовании памяти, к которой в наибольшей степени подходит модель «черного ящика» и где эффективность самонаблюдения минимальна, а интроспекция имеет неоспоримые преимущества, например, при изучении психических феноменов.

Требования объективизировать психологию приводят к нелепым попыткам верифицировать, например, с помощью наблюдения за поведением факт наличия субъективных переживаний. Стремление объективизировать с помощью экспериментальной науки изучение психических явлений, не подлежащих экспериментальному наблюдению в принципе, нередко принимает гротескные формы. Достаточно вспомнить в связи с этим сначала полное неприятие, а затем яростные многолетние дискуссии в когнитивной психологии о наличии или отсутствии ментальных образов — образов представления и воспоминания. И это при том, что **субъективная регистрация наличия в сознании любого психического явления сама по себе — наидостовернейший, очевиднейший и реальнейший для человека, переживающего его, факт, не требующий уже никаких доказательств и тем более «объективной» верификации.**

Если один человек, обнаружив в собственной психике некий феномен, репрезентирует его в форме вербальной психической конструкции, а затем в виде конструкции языковой предлагает его на всеобщее рассмотрение в качестве особого явления сознания и другие люди тоже обнаруживают в своем сознании сходный феномен, то его существование в человеческом сознании

можно принять как очевидный факт. Такой подход к изучению сознания, впрочем, активно используется со времен Античности и, несмотря на позицию объективистов, продолжает применяться в настоящее время даже в самой «объективной» когнитивной психологии.

Можно предавать анафеме интроспекцию, но это никак не влияет на то обстоятельство, что именно благодаря ей была создана классическая феноменология психических явлений, были описаны образы, ощущения, эмоции, потребности и так далее и сейчас продолжается уточнение этих сущностей. В огромном количестве так называемых «объективных», а на самом деле всего лишь воспроизводимых психологических экспериментов¹ присутствует самонаблюдение — интроспекция. При этом полученные в них результаты трактуются психологической наукой как «объективные». *Что же на самом деле изучают в них исследователи?*

Если проводить аналогии с физическим экспериментом, то там воздействуют на объект стимулом с определенными параметрами в строго определенных условиях и регистрируют, какие с объектом произошли изменения. В «объективной» психологии тоже воздействуют на объект — на тело испытуемого и опосредованно на его сознание — стимулом с определенными параметрами в строго определенных условиях. Затем регистрируют, но не изменения, которые произошли с объектом — с телом и уж тем более не с сознанием, потому что изменения в сознании невозможно наблюдать непосредственно, а некие реакции второго, третьего и последующих порядков, ставшие результатом первичных изменений в объекте — в теле, обладающем сознанием. Чаще всего изучается психомоторная активность испытуемого, в том числе в форме его ответов и самоотчетов.

¹ Эксперимент — метод эмпирического (эмпиризм — взгляд, согласно которому знания получаются из чувственного опыта. — С. П.) познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях... получают знание относительно связей (чаще всего причинных) между явлениями и объектами или обнаруживают новые свойства объектов или явлений [Новейший философский словарь, 1998, с. 838].

Во время эксперимента исследователь активно вмешивается в ситуацию. Он манипулирует процессом и фиксирует возникающие изменения [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 511].

Эксперимент в психологии отличается от «метода наблюдения» тем, что в нем «...одновременно с наблюдением осуществляется измерение отдельных психических свойств и качеств» [Экспериментальная психология, 2007, с. 15].

Если, например, мы изучаем взаимное расположение цветов радуги, то это будет простое наблюдение. Если же мы, изучая явление, изменяем условия или обстоятельства, при которых оно возникает, то это может быть названо изучением при помощи эксперимента [Г. И. Челпанов, 1918, с. 11]. Эксперименты могут быть натурными и мысленными [Новейший философский словарь, 1998, с. 838].

Однако мысленный эксперимент не может быть осуществлен без интроспекции. Следовательно, и в процессе интроспекции можно проводить эксперименты.

Речевые ответы — это, как правило, самоотчеты испытуемых об их самонаблюдениях либо даже уже интерпретации испытуемыми этих их самонаблюдений. Двигательные ответы представляют собой обычно произвольное движение, которым испытуемый указывает один из предложенных ему исследователем вариантов ответа на поставленную перед ним в эксперименте задачу. Это даже не результат мысленного действия, направленного на решение задачи, а последующее указание испытуемого окружающим на соответствующий результат или вербализация результата его мысленных действий, то есть вторичная коммуникативная реакция испытуемого. Таким образом, в психологических экспериментах изучаются обычно не психические феномены, а поведенческие последствия экспериментальных воздействий на организм испытуемого.

Учитывая то обстоятельство, что субъективное пространство в принципе не доступно ничему, кроме интроспекции, **то, чем занимается «объективная» психология, есть главным образом «объективизация» субъективных самоотчетов (толкование результатов чужой интроспекции) либо просто изучение поведения и изменений физиологических процессов у испытуемых в ответ на действие стимулов, обладающих для испытуемых субъективным значением. Регистрируемые поведенческие и физиологические ответы испытуемых привязываются авторами исследований к психологическим теориям, обычно создаваемым ими на основе собственной интроспекции.**

Рассмотрим, например, несколько классических «объективных», с точки зрения одного из основоположников когнитивной психологии — Дж. Р. Андерсона, психологических экспериментов, на которые он ссылается в своей монографии (2002). Начнем с тех, в которых самонаблюдения, казалось бы, нет вовсе. Например, с эксперимента Р. М. Уоррена и Р. П. Уоррена (R. M. Warren & R. P. Warren, 1970), которые предлагали испытуемым распознавать предложения, подобные, например, следующим:

It was found that the -eel was on the axle.

It was found that the -eel was on the shoe.

It was found that the -eel was on the orange.

It was found that the -eel was on the table.

Везде «-» обозначает неречевой звук. Однако испытуемые обычно слышали соответствующее контексту слово: wheel, heel, peel, meal. Авторы делают вывод, что восприятие неясного слова, во-первых, не происходит мгновенно и, во-вторых, зависит от контекста, то есть от восприятия других слов.

/Перевод: «Было обнаружено, что колесо на оси», «Было обнаружено, что каблук на туфле», «Было обнаружено, что шкурка на апельсине», «Было обнаружено, что еда на столе»./

В чем заключается «объективность» данного эксперимента?

Мне ответят: в доступности его результатов многим наблюдателям, в возможности повторить все условия эксперимента и его результаты (то есть в их воспроизводимости и контролируемости) и в отсутствии интроспекции в эксперименте. Еще раз напомним, что объективными в научной психологии могут считаться:

...только те данные, которые основаны на измерениях в физических, объективных терминах. Особое значение придается исключению данных, основанных на интроспекции или интерпретации [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 541].

Однако действительно ли в данном эксперименте не используется интроспекция испытуемых?

Здесь мы опять возвращаемся к рассказу военного наблюдателя (см. цитату Б. М. Теплова выше). Интроспекция, безусловно, используется в этом эксперименте, так как испытуемый рассказывает о том, что он слышал, то есть вербально репрезентирует собственные образы воспоминания, что невозможно сделать без интроспекции. Это становится совершенно очевидно, когда испытуемый, например, прямо говорит: «Я слышал предложение...» Однако мы опять делаем вид, что интроспекция в данном эксперименте не используется, или на самом деле не понимаем того, что имеем дело с результатами интроспекции испытуемых.

В других, тоже «объективных», по мнению Дж. Р. Андерсона (2002), экспериментах уже прямо декларируется, что используется интроспекция испытуемых:

Р. Мойером [R. S. Moyer, 1973] измерялось время, необходимое для мысленного сравнения объектов. Испытуемым предлагалось оценить по памяти относительные размеры двух животных, например лося и таракана, волка и льва. Многие испытуемые сообщали, что, давая оценки, они переживали образы объектов и действительно мысленно сравнивали их размеры. Автор предлагал также оценить абсолютные размеры животных. Он установил, что увеличение разницы в размере объектов уменьшает время реакции испытуемых. Наибольшие трудности возникали при сравнении близких по размерам объектов.

Вопрос: что изучается здесь «объективно»?

Ответ: ничего. Как я уже подчеркивал, объективная психология исключает возможность использования данных интроспекции. Р. Мойер же непосредственно использует результаты интроспекции испытуемых. Основываясь на гипотезе, выстроенной на базе собственной интроспекции, экспериментатор успешно «объективно» доказывает в интроспективном эксперименте, что за-

дача на различение визуальных образов представления двух объектов будет решаться быстрее, если объекты различаются в большей степени.

Вероятно, «объективность» данного эксперимента, о которой говорит Дж. Андерсон (2002), заключается в факте измерения исследователем времени получения от испытуемых интроспективных самоотчетов. Следовательно, стоит только добавить в эксперимент чуть-чуть математики или физики, как мы уже готовы считать его достоверным и «объективным». Вспоминаются слова Р. Мэя (2001в):

В нашей культуре главенствует странное убеждение, что вещь или опыт не реальны, если мы не можем привести их к математической формуле, а если мы можем свести их к числам, то, так или иначе, они реальны. ...Современный западный человек оказывается в странной ситуации после того, как что-то сводит к абстракции: он вынужден убедить себя, что эта абстракция существует в реальности. ...Только тот опыт мы полагаем реальным, который точно таким не является. Таким образом, мы отрицаем реальность наших собственных переживаний [с. 144].

Из сказанного мною не следует, что я не согласен с автором эксперимента или против подобных экспериментов. Я лишь демонстрирую, что это не «объективная» психология, а попытка объективизации, точнее, даже формализации результатов интроспекции исследователя и его испытуемых.

Не менее «объективен» и широко известный в когнитивной психологии эксперимент Р. Финке, С. Пинкера и М. Фараха (R. A. Finke, S. Pinker & M. J. Farah, 1989), который тоже рассматривается Дж. Андерсоном (2002, с. 125) как «объективный».

Авторы предлагали испытуемым создавать умственные образы, а затем осуществлять их трансформации. Например, предлагалось представить заглавную букву N, а затем провести линию от верхнего правого угла к нижнему левому углу. Затем вообразить заглавную букву D, повернуть ее на 90 градусов влево и поместить снизу заглавную букву J. Испытуемые осуществляли эти преобразования с закрытыми глазами и отвечали, что у них получилось. В первом случае они видели песочные часы, во втором — зонтик.

По мнению когнитивных психологов, описанный эксперимент «объективно» продемонстрировал, что испытуемые способны строить в своем сознании визуальные образы представления и трансформировать их. В действительности же здесь наблюдатель предлагает испытуемому провести некое мысленное действие со зрительными образами представления и дать вербальный отчет о результатах своей интроспекции. Сам экспериментатор, без сомнения, произвел ранее те же действия мысленно. И на основании интроспекции сделал

вывод о трансформации одного визуального образа в другой. Далее он сравнивает результаты собственной интроспекции с результатами интроспекции испытуемого.

Данный «объективный» эксперимент целиком и полностью основывается на интроспекции испытуемых, которые что-то воображают, мысленно строят, а затем выдают ожидаемый экспериментаторами ответ. Таким образом, мы вновь имеем дело с типичным интроспективным экспериментом, который превратился в «объективный» лишь потому, что легко может быть повторен другими исследователями. Следовательно, воспроизводимый интроспективный эксперимент стал «объективным».

Эксперименты по умственному вращению зрительных образов представления (см. примечание 2), выполненные Р. Шепардом и его коллегами (см., например: R. Shepard & J. Metzler, 1971; R. Shepard, 1975; R. Shepard & S. Shipman, 1970; L. Cooper & R. Shepard, 1973), Дж. Андерсон (2002, с. 116–118) не просто считает объективными, но и рассматривает как одни из наиболее важных исследований умственных образов, проведенных в когнитивной психологии. И это несмотря на то, что **существование самих мысленных образов не может быть доказано объективно и не было доказано ни в этих, ни в каких-либо других «объективных» экспериментах. Мысленные образы потому и субъективны, что они не доступны никому, кроме субъекта, который их переживает.** И данный факт очевиден каждому, кто их имеет, то есть всем.

Не менее показательны «объективные» эксперименты Р. Шепарда и Дж. Метцлера (R. Shepard & J. Metzler, 1971); Л. Купера и Р. Шепарда (L. Cooper & R. Shepard, 1973); П. Подгорного и Р. Шепарда (P. Podgorny & R. Shepard, 1978); П. Жоликера и соавторов (P. Jolicoeur, S. Regehr, L. Smith & G. Smith, 1985); С. Косслина и соавторов (S. Kosslyn, 1973; S. Kosslyn, 1975; S. Kosslyn, 1976; S. Kosslyn, 1977; S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978) (см. примечание 2).

Продемонстрированная когнитивными психологами в указанных экспериментах тщательность проверки самого факта наличия ментальных образов вызывает у меня лично лишь недоумение. Так как, с одной стороны, эксперименты эти не доказывают (тем более «объективно») факта наличия субъективных по своей природе ментальных образов, к тому же они и не являются, да и не могут являться по стандартам объективной психологии «объективными». С другой стороны, можно и нужно, конечно, проверять факты, представляющие ценность для науки, но пытаться проверять и перепроверять факт наличия собственных психических явлений, которые с античности считались самым очевидным для любого субъекта фактом, да к тому же еще и в «объективных экспериментах» — это уже чересчур. Еще для Р. Декарта сам факт наличия психических

феноменов являлся бесспорным и первичным настолько, что снимал у автора сомнения в его собственном существовании. Тем не менее для представителей современного когнитивизма он перестал быть такой бесспорной данностью. Они пошли дальше (!) Р. Декарта.

Допускаю, но тогда надо быть последовательными до конца, а не рассматривать в качестве новых «объективных» доказательств факта существования ментальных образов попытки измерения времени вращения или сканирования испытуемыми тех самых «сомнительных» ментальных образов. И все это при очевидной недоказуемости (с позиции «объективной» психологии) как самого факта наличия ментальных образов, так и фактов их вращения или сканирования испытуемыми именно в данный момент.

Впрочем, лично я не сомневаюсь в том, что ментальные образы существуют, а испытуемые могут их вращать и сканировать, так как моя собственная интроспекция подтверждает данные факты, но зачем искать легкие пути в науке и приводить в качестве доказательства заведомо необъективные «объективные» эксперименты. Я полагаю, что авторы приведенных экспериментов как раз и не сомневались изначально в существовании ментальных образов, но ставили соответствующие эксперименты, чтобы «объективно» доказать факт их наличия своим «неверующим» коллегам. Парадоксально, но они действительно многим это доказали. Правда, данное обстоятельство скорее огорчает, так как свидетельствует лишь о зашоренности и стереотипности взглядов многих исследователей и неадекватности их представлений об «объективности» собственных экспериментально-психологических исследований.

Давайте еще раз рассмотрим, на чем основываются «научная убедительность» и «объективность» экспериментальных «доказательств» факта наличия ментальных образов. Первое такое «доказательство» заключается в самом факте проведения «научного эксперимента». Данный факт легитимизирует теорию исследователей с точки зрения «объективной» психологии. Второе — в формальном измерении «объективных» физических параметров, например времени. Третье — в воспроизводимости полученных данных в рамках новых подобных «объективных» экспериментов. Что касается собственно факта наличия ментальных образов, как и факта их мысленного вращения, то именно они-то и не регистрировались «объективно», так как это в принципе невозможно, а постулировались в исходных гипотезах экспериментаторов и косвенно выводились ими из того предположения, что и при использовании образов представления, и при использовании образов восприятия общие закономерности решения задач и характер динамики затрат времени на поиск их решения должны быть сходными.

Тому, что с увеличением градуса поворота фигуры (см. примечание 2) увеличивается время поиска решения, как и тому, что затрачиваемое время пропорционально расстоянию между воображаемыми точками, легко можно найти и иные объяснения. Например, то, что в решении этих задач вообще главную роль играют не образные, а вербальные репрезентации (которые, кстати, действительно играют здесь большую роль) и что именно они определяют характер динамики затрат времени на поиск решения. Выводы из всех рассмотренных «объективных» психологических экспериментов фактически постулируются уже в исходных гипотезах исследователей, основанных на их же интроспекции, и лишь косвенно вроде бы подтверждаются результатами экспериментов.

Вообще все приведенные выше экспериментальные данные не были бы приняты психологическим сообществом даже к рассмотрению, если бы они были опубликованы лет на 20–30 раньше. Просто пришло время для появления и принятия новых взглядов, так как бихевиоризм сменился менее радикальным когнитивизмом. Поэтому в конечном счете неважно, насколько эти новые взгляды подтверждены «объективными» экспериментальными данными. Необходимо лишь «соблюсти приличия», так как большинство исследователей и без «объективных» экспериментов понимают, что ментальные образы есть, потому что интроспективно обнаруживают их в собственном сознании. Дело, в общем-то, не в результатах данных экспериментов, уже относимых в литературе к «классическим», а в зависимости мнений и взглядов психологического сообщества от существующих в нем же установок.

Для того чтобы убедиться в том, способны ли мы в своем воображении манипулировать образами объектов, например поворачивать их, переворачивать, вращать и т. д., совершенно не обязательно было проводить специальные якобы «объективные» эксперименты, как сделали когнитивные психологи. Достаточно было просто мысленно попробовать манипулировать визуальными образами представления предметов, и результат стал бы очевиден сомневающимся. Тем не менее такие эксперименты были проведены и рассматриваются теперь как эталонные. Такой странный подход даже выдающихся исследователей к оценке «объективности» психологических экспериментов может вызвать лишь сожаление.

Вопросы по поводу «объективности» возникают даже при внимательном рассмотрении наиболее красивого и действительно классического «объективного эксперимента», исследовавшего участие «скрытой речи» в мышлении. С. Смитом и соавторами (S. M. Smith, H. O. Braun, J. E. P. Toman & L. S. Goodman, 1947) был проведен эксперимент для проверки гипотезы Дж. Уотсона о том,

что «скрытая речь» и другие неявные моторные действия «ответственны» за человеческое мышление.

Авторы использовали производное кураре, парализующее всю мускулатуру человека. Испытуемым был Смит, жизнь которого поддерживалась аппаратом искусственного дыхания. Вся его мускулатура была парализована, поэтому она не могла участвовать в обеспечении «скрытой речи» (проговаривания про себя), которая, по мнению Дж. Уотсона и его сторонников, и есть вербальное мышление человека. Несмотря на это, Смит наблюдал за тем, что происходило вокруг него, понимал речь окружающих, запоминал события и обдумывал происходящее. Результаты исследования убедительно продемонстрировали, что наше мышление осуществляется при отсутствии какой бы то ни было мышечной активности, в том числе беззвучной речи. Следовательно, мышление — это не скрытая речь, не моторная, а особая внутренняя психическая деятельность.

Казалось бы, что может быть более «объективным», чем этот эксперимент?

Тем не менее возникает вопрос, *а на чем основано утверждение экспериментаторов, что испытуемый «все видел, все понимал и даже размышлял об этом» в процессе эксперимента?*

Очевидно, что на его собственной интроспекции и на последующем отчете о ней.

«Объективность» всех экспериментов, в которых испытуемые использовали интроспекцию, заключается в одном-единственном обстоятельстве — в том, что их можно повторить. Следовательно, «объективность» психологических экспериментов сводится на деле к возможности воспроизвести нечто подобное и настолько, насколько оно вообще может быть подобным. **Мы искренне заблуждаемся, говоря об «объективности» многих психологических экспериментов, которой на самом деле нет. Есть лишь в лучшем случае относительная и условная их воспроизводимость.**

Очевидно, что экспериментальные методы необходимы психологии, но еще более необходимо четко понимать, что такое эксперимент в психологии и каковы его возможности. Не следует его абсолютизировать и надо разграничивать то, что подлежит экспериментальному изучению, а что принципиально ему недоступно. Учитывая то, что в гуманитарных науках истинность новых теорий часто определяется предпочтениями научного сообщества, доминирующими в нем представлениями и точкой зрения, к которой оно придет в результате обсуждения, можно говорить о возможности создания в будущей психологии иной «объективности», заключающейся в том, что сравниваться могут и должны в том числе результаты интроспективных наблюдений исследователей. В итоге эти субъективные данные будут в максимально возможной степени объективизироваться.

Дискредитация интроспекции оказалась далеко не безвредной для психологии. Она привела к тому, что исследователи перестали серьезно относиться к самонаблюдению, что в конечном счете привело де-факто к признанию психологией человека сложнейшим автоматом и к превращению психики в занимательный эпифеномен.

В заключение хочу напомнить слова Э. Гуссерля (1995):

Я со всей серьезностью утверждаю: никогда не было и никогда не будет объективной науки о духе, объективной психологии — объективной в том смысле, что она рассматривает только пространственно-временные формы, обрекая тем самым психику, личностное общение на небытие. *Дух и только дух есть бытие в себе и для себя; только он автономен и доступен истинно рациональному, истинно и принципиально научному изучению в своей автономности, и причем только в ней.* Что касается природы и естественно-научных истин, то автономия природы — лишь кажущаяся, а естественные науки лишь представляют дело так, что в них природа якобы сама по себе достигает рациональной познаваемости. Ибо «истинная» природа естественных наук — это продукт духа, исследующего природу, и, таким образом, наукой о природе предполагается наука о духе. Дух по своей сущности способен осуществлять самопознание, а как научный дух — научное самопознание, причем снова и снова [с. 325].

1.5. Кризис современной психологии

Почти сто лет назад Л. С. Выготский описал составляющие кризиса психологии начала XX в. При этом сам он (2000, с. 69 и 74) ссылаясь на своих предшественников — Г. Эббингауза и Н. Н. Ланге, которые тоже описывали кризис современной им психологии. Из чего можно заключить, что **психология пребывает в кризисе с момента своего выделения из философии в самостоятельную науку.** Причем все давно описанные классиками признаки кризиса присутствуют в психологии и сегодня. В начале XXI в., как и во времена Г. Эббингауза, вполне актуально замечание последнего, что «до сих пор не прекращаются споры» относительно почти всех наиболее общих вопросов психологии. Столь же актуальны и слова Н. Н. Ланге, что в психологии нет общей системы и что кризис расшатал всю психологическую науку. Н. Н. Ланге полагает (цит. по: Л. С. Выготский, 2000, с. 69), что описание любого психического процесса получает разный вид в зависимости от того, в категориях какой психологической системы — Эббингауза или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бине, Джеймса или Мюллера — будем мы его характеризовать и изучать. В психологии всякое описание есть всегда уже и некоторая теория.

Надо с сожалением признать, что и сейчас так же справедливы слова Л. С. Выготского (2000), что «общей психологии как единой системы нет...» (с. 51), что научный язык есть орудие мысли и инструмент анализа, а психология не имеет своего языка. Ее словарь представляет собой:

...конгломерат из трех сортов слов: 1) слова обиходного языка, смутного, много-
смысленного, приуроченного к практической жизни... 2) слова философского
языка, утерявшие связь с прежним смыслом, многосмысленные вследствие борь-
бы разных философских школ, абстрактные в максимальной степени... 3) наконец,
слова и формы речи, заимствованные из естественных наук и употребляемые
в переносном смысле. Служат прямо для обмана [с. 61–62].

Автор подчеркивает насущную необходимость разработки адекватного понятийного аппарата научной психологии и необходимость создания объединяющей ее теории:

...слово, называя факт, дает вместе с тем философию факта, его теорию, его систему [с. 63].

...Факты, добытые при помощи разных познавательных принципов, суть именно разные факты [с. 58].

Самые, по-видимому, точные исследования, наблюдения и измерения могут...
оказаться при изменении смысла основных психологических теорий ложными
или во всяком случае утратившими свое значение [с. 69].

Эти слова Л. С. Выготского актуальны и сегодня, о чем свидетельствуют совсем недавние замечания современных исследователей:

В психологии, по сравнению с другими науками, положение осложнено не только и не столько частым заимствованием житейской терминологии, но и отсутствием единых определений и их единообразного понимания представителями разных психологических и философских школ, направлений, теорий и т. д. [В. В. Любимов, 2007, с. 44].

...Еще и не уточнены (в психологии. — *С. П.*) основные категории — что воспринимается, каким образом и зачем. В поисках ответа на эти вопросы необходимо изменить сам понятийный аппарат, определив суть окружающей среды, объекта и его детали, то, какие психические конструкции они формируют, а также уточнить содержание таких привычных психических конструкций, как представление, понятие, контекст, ввести ряд дополнительных психических образований [Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005, с. 8].

Несмотря на победные реляции, широко представленные в психологической литературе, в изучении основных проблем психологии наблюдается

застой. О застое в психологии свидетельствует то, что, как пишет, например, Б. М. Величковский (2006а):

Проведенное некоторое время назад сравнение большого числа англоязычных руководств по психологии чтения показало, что лучшее из них было написано... в 1908 г. (Нцу, 1908). ...Примерно тот же факт, но уже по отношению к немецкоязычной литературе отмечает и Э. Шерер (Scheerer, 1978), подчеркивая современность руководства Э. Мейманна 1914 г. [с. 299].

В психологии до сих пор не определены не только психика, сознание и бессознательное, психические процессы и состояния, но даже такие относительно простые психические явления, как ощущение, образ и понятие. В полной мере актуальны слова Э. Гуссерля (2000):

Современная психология не хочет больше быть наукой о «душе», но стремится стать наукой о «психических феноменах». Если она этого хочет, то она должна описать и определить эти феномены со всей логической строгостью. Она в методической работе должна усвоить себе необходимые строгие понятия. Где же в «точной» психологии выполнена эта методологическая работа? Мы тщетно ищем ее в огромной литературе [с. 695].

Психология осталась без своего центрального предмета. Она изучает все что угодно, кроме того, что в первую очередь должна изучать — человеческое «Я» и сознание. Современная психическая феноменология представляет собой совокупность не связанных между собой единой теорией психических явлений, например ощущений и образов, с одной стороны, понятий и вербальных конструкций — с другой. Хотя психика не может представлять собой набор не связанных друг с другом феноменов. Можно предположить, что на самом деле они имеют какие-то общие корни. Некоторые психические явления вообще психологически не определены. Например, понятия. Или определены явно недостаточно. Например, концепты.

Отказавшись быть наукой о душе, психология не стала и наукой о психических феноменах, так как она не в состоянии определить саму их суть. **Да что говорить о научных понятиях, если не определен сам предмет психологической науки.** Одни исследователи по-прежнему полагают, что следует изучать поведение человека, другие — что надо изучать психику и сознание. Одни считают, что человек — это по сути своей «продвинутая» машина, суперЭВМ. Других возмущает такой подход.

Отрицанию существования у человека души положили начало сами основоположники научной психологии В. Вундт и У. Джеймс.

Однако этот факт и воинствующий объективизм новой науки в конечном счете привели психологию к перманентному кризису и фактическому при-

знанию человека биологической машиной. Можно понять основоположников психологии, которым надо было избавить новую «объективную науку» от теологического засилья «бессмертной души». Но нам сейчас надо заново и непредвзято взглянуть на проблему.

Н. Смит (2003) пишет:

Современная психология характеризуется не только наличием разногласий по поводу своего предмета, но и крайней раздробленностью в своих теоретических и методологических подходах. ...В этой ситуации снова оказывается вполне уместным задать... вопросы... Является ли психология наукой, занимающейся изучением души и ее репрезентаций существующего независимого от нее реального мира? Изучает ли она формы поведения, испытывающие влияние разумной души (или познающего разума)? Или, может быть, просто формы поведения? Или воздействия окружающей среды на организм? А может быть, мозга? Или же взаимоотношения организма и среды в контексте? [С. 62–63.]

Продолжающийся с момента возникновения психологии кризис привел сейчас к тому, что она фактически распалась на ряд самостоятельных областей знания, которые на всех парах движутся в направлении превращения в отдельные, порой несовместимые друг с другом дисциплины. Это обусловлено тем, что **сегодня, как и во времена Л. С. Выготского, нет общего понимания предмета психологии, ее целей и задач, а потому, естественно, нет и единой научной терминологии, нет единых представлений о психике.** Б. М. Величковский (2006а) цитирует Клакстона (Claxton, 1980):

Мы напоминаем обитателей тысяч островов, расположенных в одной части океана, но не имеющих сообщения друг с другом. На каждом острове развивается своя культура, свой язык. Иногда мы видим на соседнем острове группы каких-то людей, которые, судя по всему, танцуют, издавая при этом непонятные крики. Но поскольку мы не знаем, что все это означает, то эти впечатления быстро забываются [с. 287].

В. В. Козлов (2007) замечает:

...научная психология с неизбежностью пришла к своему кризису по причинам, имплицитно содержащимся в ней с самого начала [с. 44].

...Психология — для того чтобы стать наукой — принесла сперва в жертву Дух и божественное, а затем заклала душу и сознание, обнажившись до физиологического акта [с. 35].

В. М. Аллахвердов (2000) говорит о том же:

Психология... в течение всего времени своего существования находилась в кризисе, так как не смогла выработать общего взгляда на психику и сознание. Психологи породили много оригинальных идей, обнаружили неожиданные

экспериментальные феномены, создали практически эффективные технологии, но не нашли способа увязать все это воедино. К концу XX столетия психология отчетливо распалась на множество никак не связанных друг с другом отдельных дисциплин. ...В психологии вообще нет ясных и общепринятых определений практически всех важнейших терминов. Крайне загадочны определения психики, эмоций, памяти, интуиции, личности. ...Существующую психологическую терминологию не ругает только ленивый. ...Современные руководства по экспериментальной психологии — это сводка не связанных между собой данных: отдельно по восприятию, отдельно по памяти, отдельно по личности, отдельно по социальному взаимодействию и т. д. [с. 12–13, 31 и 118].

Результатом тотальной «объективизации» психологии стали бихевиоризм, отказ от самости, отказ от интроспекции, отказ от сознания и, наконец, принятие возможности создания искусственного машинного разума. Все это колоссальные мировоззренческие ошибки, «значение» которых трудно переоценить. Дж. Серл (2002) замечает:

Трудно преувеличить те разрушительные последствия, которые оказала на философские и психологические исследования... неспособность примириться с фактом субъективности сознания. ...На поверхности крах большинства исследований в области философии сознания и значительное бесплодие академической психологии... [С. 101.]

Более, чем что-либо еще, пренебрежение сознанием является причиной непродуктивности и стерильности в психологии, философии сознания и когнитивной науке. Исследование разума (mind) есть изучение сознания практически в том же смысле, что и исследования в области биологии есть изучение жизни [с. 209].

О том же говорит Г. Олпорт (2002):

Не только душа и «я» пострадали от остракизма. Вместе с ними ушла обширная совокупность проблем, имеющих отношение к связности и единству ментальной жизни, к гордости, амбициям и статусу, идеалам и видам на будущее. Этот упадок, конечно, не был тотальным, но он был значительным [с. 76].

Б. М. Величковский (2006а) пишет:

Хайнц Хекхаузен заметил однажды, что научная психология сначала потеряла душу, а затем — сознание и рассудок [с. 87].

В. В. Козлов (2007) добавляет:

Ни практики, ни теоретики психологии не пытаются рефлексировать целостную картину психической реальности человека. В психологии отсутствует восприятие целостной картины психической реальности, которая проявлена на всех уровнях — от биологического до духовного [с. 49].

Актуальны слова К. Г. Юнга (1997):

...мы воспылали восторженной любовью к фактам — горам фактов, намного превышающим способность отдельного человека обозреть их. Мы питаем благочестивую надежду, что это случайное скопище фактов со временем примет форму значащего целого, однако никто не уверен в этом полностью, ибо ни один человеческий мозг не в состоянии охватить гигантскую общую сумму такого серийно производимого знания [с. 505].

С ним согласен один из основателей когнитивного подхода Дж. Брунер:

...горы разрозненных данных разваливаются из-за отсутствия связи с основным «стволом» психологического знания, или, может быть, сам этот «ствол» недостаточно прочен, чтобы выдержать такую нагрузку [Bruner, 1975, p. 17]; [цит. по: Б. М. Величковский, 2006а, с. 336–337].

И сегодня, как и прежде, психология представляет собой большую грудку фактов, мало связанных между собой. В Большом толковом психологическом словаре (2001а) так и написано, что психология —

...это о предмете или о многих предметах [с. 148].

Существующая психология недиалектична. Разные ее части совершенно самостоятельны и оторваны друг от друга, чего не может быть в целостной науке. Также **разорванно и бессвязно психология моделирует психику, что совершенно неадекватно, так как психика диалектична по самой своей природе и разные ее части тесно взаимосвязаны. Психика — это единое целое, поэтому по одним ее элементам можно делать выводы о строении других.**

Э. Кассирер (1988, с. 5) пишет, что еще Аристотель был убежден в существовании непрерывной последовательности как в природе, так и в познании, что высшие формы развиваются из низших. Чувственное восприятие, память, опыт, воображение и разум включены в общую связь, элементы которой суть лишь различные стадии и выражения одной и той же основополагающей деятельности, достигающей высшего совершенства у человека, но отчасти представленные даже у животных.

В. Вундт (2002) прямо говорит, что:

...рассмотрение сочетаний и отношений психических процессов ведет к допущению повсюдной их однородности, которая со своей стороны делает понятным развитие высших духовных функций из низших [с. 754].

И тем не менее **в современных психологических теориях психические феномены по-прежнему не имеют никакой связи между собой.** Каждый из них существует как бы самостоятельно. Это вызывает уже при первом знакомстве

с психологией чувство неудовлетворенности и ощущение незавершенности ее теоретических построений. Например, **язык и вербальное мышление рассматриваются большинством исследователей как независимый от прочего когнитивного аппарата человека модуль, развивающийся самостоятельно и вне связей с чувственным мышлением.**

Все психические явления: ощущения, образы, эмоции, понятия, желания — тоже рассматриваются ею как самостоятельные и никак не связанные между собой феномены. Это представляется более чем странным, так как **психическая жизнь человека едина, ее явления неразрывно связаны друг с другом, вытекают из общего корня и выстраиваются в целостную последовательность психических форм. Психические явления человека развиваются в течение его жизни от простых ко все более сложным: от ощущений и образов к вербальным конструкциям. Все психические феномены естественным образом связаны между собой, и разделяют их лишь неадекватные представления современной психологической науки.**

Несмотря на то что психология была до второй половины XIX в. неразрывно связана с философией, являясь ее частью, в XX в. она пошла «своим путем», который даже не совпадает по существу главных своих подходов с представлениями величайших умов человечества. На этом «самобытном» пути психологи ориентируются в основном на собственный «здравый смысл». Он и приводит к доминированию в психологической литературе воззрений «здравого смысла». Например, большинство психологов, видимо, даже никогда не задумывались над тем, что следует для психологии из кантовской «вещи в себе», и по-прежнему уверены, например, что образы восприятия репрезентируют максимально адекватно предметы, существующие в «объективной физической реальности».

Уверены, даже несмотря на то, что ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни тепла, например, нет в реальности без человека. Данное обстоятельство не просто удивительно, а парадоксально. *Как психология может игнорировать гениальные открытия великих философов прошлого, пусть они и не называли себя психологами?*

Факт такого игнорирования трагичен. Он свидетельствует о превращении психологии из глобальной науки о пытающемся познать мир и себя в нем сознании в отраслевое, узкое научное направление, не имеющее широких мировоззренческих горизонтов.

Как совершенно справедливо говорит выдающийся американский лингвист и философ Дж. Лакофф (2004):

...философия имеет значение. Она имеет большее значение, чем думает большинство людей, потому что философские идеи, формировавшиеся на протяжении столетий, вошли в нашу культуру в виде картины мира и влияют на нас тысячами

способов. Философия имеет значение для мира науки, потому что концептуальные предпосылки, на которых основываются целые научные дисциплины, обычно имеют философские корни — корни, которые уходят так глубоко, что их обычно даже не замечают [с. 211].

Современная психология не просто «оторвалась» от своих философских корней, она вообще о них забыла. Она погрязла в своих новых «специальных» вопросах, забыв, что нельзя понять человека без широкого общефилософского рассмотрения человека и окружающего его мира, без решения общефилософских, мировоззренческих проблем. Психология превращается все больше из науки о человеке, «Я» которого есть «частичка Бога», в науку о биологической ЭВМ, называемой человеком. Как пишет философ С. Прист (2000):

...в психологии экспериментальная психология, бихевиоризм, психология развития и когнитивная психология — все это безнадежные попытки сконструировать данную дисциплину в качестве науки. Центральные проблемы философии оказываются на пути любой научной психологии [с. 279].

Автор полагает, что наступило время для революции в психологии:

Научная революция происходит тогда, когда существующие методы решения проблем перестают работать. Она происходит тогда, когда осознается, что теперешние методы не могут даже в принципе объяснить изучаемый предмет [с. 278].

Столь же актуальны, как и в прошлом веке, слова Э. Гуссерля (2000) о том, что современная психология:

...так чужда философии, как это только возможно. Но сколько бы эта психология ни считала себя из-за своего экспериментального метода единственно научной и ни презирала «психологию письменного стола» — мнение, что она именно есть психология в подлинном смысле... должно быть признано заблуждением, влекущим за собой тяжелые последствия [с. 687–688].

Дж. Лакофф (2004) применил в своей книге, посвященной философии и лингвистике, очень удобный для последующей дискуссии прием. Он формулирует в виде четких теоретических положений доминирующие в представлениях современных исследователей взгляды, которые обычно подразумеваются авторами, но тем не менее не сформулированы нигде в виде официальных концепций. Автор пишет:

Эти доктрины развивались более двух тысяч лет, и нет ни одного человека, который бы нес за них ответственность. Нельзя также обвинять людей за то, что они были воспитаны принимать эти доктрины не как мнения, но как основополагающие положения, относительно которых только и возможно было иметь

те или иные осмысленные мнения. Наша задача здесь — вывести эти исходные интеллектуальные предпосылки на передний план, показать, что положения, которые принимались как самоочевидные истины, являются на самом деле дискуссионными мнениями [с. 212].

Дж. Лакофф концептуализировал философские взгляды объективизма на мышление и язык. Я использую этот прием для рассмотрения взглядов, доминирующих в современной психологии, чтобы более четко выделить и конкретизировать проблемы, составляющие в том числе суть ее кризиса. Приведенные ниже положения разделяются большинством исследователей и принимаются ими как привычные и очевидные истины, не требующие даже специальных доказательств. В определенной степени они частично пересекаются с положениями Дж. Лакоффа, что неудивительно, так как он рассматривает доминирующие философские взгляды.

Очевидно, что взгляды, обсуждаемые мною в качестве общепринятых, совершенно не обязательно должны разделяться всеми исследователями и в полном объеме. Безусловно, многие из психологов думают иначе. Взгляды эти также далеко не исчерпывают всего многообразия доминирующих в психологической литературе представлений, однако они чрезвычайно распространены. Вот эти положения.

- Физические сущности, или «вещи» (предметы, объекты, явления и т. д.), независимы от нашей психики и существуют вне ее. Вымышленные человеком «вещи» существуют в иных возможных реальностях.
- Качества, или свойства, физических сущностей в минимальной степени зависят от особенностей человеческих органов чувств и сознания, определяясь главным образом внутренней физической природой объектов. Сами свойства и признаки материальных «вещей» присущи им как их физические атрибуты.
- Физические сущности воздействуют на рецепторы наших органов чувств, что приводит к возникновению в нашем сознании их психических репрезентаций — образов и ощущений.
- Субъект оказывает некоторое влияние на процесс репрезентирования в его сознании внешней реальности, но главную роль здесь играет внешний физический мир.
- Понимание окружающего мира человеком мало влияет или не влияет на психические репрезентации мира.
- Ощущения и образы, являясь психическими репрезентациями объектов и явлений физической реальности, в основном изоморфны им, так как

позволяют человеку успешно адаптироваться к окружающему миру и эффективно функционировать в нем.

- У человека есть элементарные восприятия (ощущения) и сложные восприятия (образы). Образы состоят из ощущений и являются как бы следующим уровнем обработки психикой ощущений соответствующей модальности.
- Наиболее типичные психические образы — зрительные, представляют собой, говоря метафорически, нечто вроде психических подобию физических существей. Они возникают в сознании человека и репрезентируют окружающий его физический мир. Будучи как бы психическими «картинками-копиями» предметов, физических объектов и явлений, ментальные образы соответствуют им наподобие того, как рисунок соотносится с изображенным на нем предметом, карта территории — с самой территорией, фотография предмета — с предметом и т. д.
- Образы восприятия сохраняются в более или менее неизменном виде в течение всего времени восприятия неподвижного объекта.
- В качестве «основных» психических репрезентаций объектов у здоровых людей чаще выступают зрительные или слуховые их образы. Ощущения же репрезентируют в сознании лишь физические качества или свойства физических объектов.
- Ощущение — это результат воздействия на человека некой изначально присущей многим разным физическим объектам общей для всех них особенности их физической сущности — свойства сущности.
- Разные психические явления — чувственные (ощущения и образы), с одной стороны, понятия и конструкции из них, с другой стороны, эмоции и побуждения, с третьей стороны, — связаны друг с другом лишь ассоциативно и совершенно самостоятельны.
- В сознании могут существовать «ощущения вообще». Например, ощущения гладкого, теплого, кислого и др., «не привязанные» к конкретным объектам.
- Ощущения одной и той же модальности, вызываемые разными объектами, отличаются друг от друга лишь интенсивностью, то есть количественно, а не качественно.
- Возникающие у разных людей в одной и той же ситуации и при тех же условиях образы восприятия определенного физического объекта настолько сходны, что их можно считать практически одинаковыми.
- Возможности нашего познания мира безграничны.

- Наши репрезентации реальности, даже той, которая недоступна для нас сегодня, по мере роста наших технических возможностей будут уточняться и рано или поздно максимально приблизятся к физическим сущностям.
- Может существовать лишь одна истинная модель физической реальности — та, которая просто максимально полно соответствует предметному миру. Для того чтобы построить самую верную его модель, надо только суметь максимально точно описать окружающий мир.
- В наших психических репрезентациях реальности нет внутренних, зависящих от особенностей нашей психики недостатков и ограничений.
- Восприятие реальности зависит в определенной степени от предыдущего опыта столкновения с подобной реальностью, но не определяется им.
- Образ восприятия чаще рассматривается как репрезентация отдельного объекта, а не окружающей реальности в целом. Поэтому обсуждаемые в психологии образы окружающего мира — это, говоря метафорически, скорее нечто вроде суммы картин в музее, а не сам музей, в котором, кроме картин, есть стены, окна, двери, полы, персонал, другие зрители и т. д.
- Образ восприятия объекта — это психическое явление, продолжительность существования которого зависит лишь от длительности процесса восприятия данного объекта.
- Визуальный образ восприятия — это статическое явление психической жизни, хотя он и может легко сменяться новым образом того же или иного объекта.
- Психические образы лишь сменяют друг друга в сознании, практически не взаимодействуя между собой и не влияя друг на друга.
- Отсутствующие в окружающей нас сейчас реальности объекты, их действия, свойства и отношения репрезентируются в нашем сознании образами их воспоминания и представления.
- Сущности, присутствующие в мире, являются его принадлежностью, даны человеческому сознанию и не зависят от него.
- Каждая из сущностей, составляющих окружающий нас мир, имеет признаки, которые, в зависимости от их роли в ее формировании, можно разделить на главные и второстепенные. Главные, или существенные, признаки — те, которые делают данный объект уникальным и отличают его от прочих предметов. Несущественные, случайные или второстепенные признаки не выражают сущность данного предмета и лишь придают ему некоторые особенности.
- Сходные сущности образуют категорию. Категории объективно присутствуют в мире. Например, такие категории, как «собака», «дерево»,

«рыба», «мужчина», «женщина» и т. д. Перечисленные категории представляют собой естественные роды сущностей. Каждый естественный род характеризуется строго определенным набором главных признаков, определяемых естественной природой данной категории.

- Существует единственно правильная категоризация сущностей объективного мира, которая точно ему соответствует. Человек не создает ее произвольно, а может лишь более или менее правильно воспроизвести в своем сознании, используя слова для обозначения имеющихся в мире реальных категорий.
- Особенности человеческого восприятия и мышления не влияют на формирование категорий, так как последние независимы от особенностей восприятия, методов понимания и любых других человеческих когнитивных способностей.
- Человек может правильно познать объективную категоризацию сущностей мира только при условии, что его символическая система соответствует этим присутствующим в мире категориям. С помощью восприятия человек лишь устанавливает правильные отношения между сущностями реальности и своими понятиями.
- Люди мыслят абстрактными символами — понятиями в соответствии с законами логики.
- Символы, с одной стороны, связаны со словами, с другой — с материальными сущностями и категориями окружающего мира: объектами, явлениями, их свойствами, действиями и отношениями. В результате наличия объективной связи между предметами, категориями реальности и строго определенными словами последние приобретают свое объективное значение.
- Словесно-логическое мышление и язык — это отдельный когнитивный модуль, независимый от чувственного познания и не связанный с ним.
- Усвоение языка ребенком обеспечивается наличием у него врожденных ментальных структур, тем, что принято называть «врожденными идеями».
- Символическая врожденная ментальная структура приобретает свое значение по мере соотнесения врожденных ментальных представлений в сознании ребенка с сущностями и категориями окружающего мира.
- Наши понятия могут быть истинными или ложными в зависимости от их соответствия или несоответствия сущностям и категориям окружающего мира. Чем точнее понятия соответствуют сущностям и категориям реальности, тем четче и яснее человеческое мышление.
- Правильность определения той или иной сущности зависит не от нашего сознания, а от правильного соотношения между словами и сущностями мира.

- Словесно-логическое мышление строится по законам формальной логики, отражая рациональность, присущую объективному окружающему миру, и представляет собой логическое оперирование символами — понятиями. Оно таково потому, что точно соответствует рациональной логической структуре объективной реальности. Логические отношения между сущностями и категориями окружающего мира существуют объективно и не зависят от человеческого разума.
- Особенности человеческого организма и сознания не способны существенно влиять на формирование понятий, репрезентирующих объективную реальность. В этом в том числе и заключается ее объективность.
- Понятия представляют собой ментальные репрезентации объективных сущностей и категорий, а потому не могут иметь в себе каких-либо субъективных элементов. Следовательно, понятия независимы от особенностей восприятия и мышления, от содержания человеческого сознания.
- О подлинном знании можно говорить лишь тогда, когда категории нашего ума соответствуют категориям объективного мира, когда сознание максимально точно отражает объективный окружающий мир. Лишь точность отражения окружающего мира определяет ясность, глубину и широту наших знаний.
- Знание заключается в правильной концептуализации объектов и явлений реальности, правильном выделении и обозначении объективно присутствующих в мире сущностей, точном отражении объективных связей между ними, определении и обозначении их признаков и отношений.
- Сущности и факты окружающего мира независимы от человеческих когнитивных способностей, желаний, мнений и веры людей в наличие этих сущностей и фактов, от способов их концептуализации или иных аспектов познания.
- Сознание лишь репрезентирует окружающий физический мир, который объективен и сам не зависит от сознания.
- Эффективная деятельность человека в мире обусловлена соответствием его психических репрезентаций этому миру. Ошибки людей обусловлены несоответствием их поведения объективной рациональности мира.
- Сознание человека функционирует как чрезвычайно сложный суперкомпьютер. У человека нет души или вообще чего-то, что принципиально отличает его от сложнейшей машины.

В этой книге я пытаюсь доказать, что все перечисленные выше положения неверны.

Современным психологам, как мне представляется, имеет смысл прислушаться к словам П. Фейерабенда (1986):

...одним из наиболее значительных достижений недавней дискуссии в области истории и в философии науки является осознание того факта, что такие события и достижения, как изобретение атомизма в античности, коперниканская революция, развитие современного атомизма (кинетическая теория, теория дисперсии, стереохимия, квантовая теория), постепенное построение волновой теории света, оказались возможными лишь потому, что некоторые мыслители либо сознательно *решили* разорвать пути «очевидных» методологических правил, либо непроизвольно *нарушали* их [с. 153].

Я хочу закончить главу словами Э. Гуссерля (1995), сказанными более полувека назад:

Все сильнее ощущается всеобщая потребность в реформе всей современной психологии в целом. Пока что, однако, еще немногие поняли, что психология из-за своего объективизма оказалась, так сказать, не на высоте; что она просто не способна добраться до самой сущности духа; что, выделяя психику как некий объект и психофизически перетолковывая бытие-в-общности, психология совершает нелепость. Конечно, психология работала не зря и установила множество законов, в том числе практически ценных. И все же современная психология является действительно психологией не более, чем статистика моральных поступков с ее не менее ценными данными является наукой о морали [с. 324].

1.6. Психические модели и репрезентации

Идеи о том, что психическое содержание человека представляет собой модели¹ окружающего мира, давно и активно обсуждаются в психологии. Б. М. Величковский (2006) сообщает, например, что ученик Г. Гельмгольца Г. Герц еще в 1894 г. писал:

...наш разум способен создавать динамические модели вещей и работать с ними [с. 108].

Н. А. Бернштейн (1966) тоже полагал, что:

...мозговое отражение (или отражения) мира строится по типу моделей. Мозг не запечатлевает поэлементно и пассивно вещественный инвентарь внешнего мира... но налагает на него те операторы, которые моделируют этот мир, отливая модель в последовательно уточняемые и углубляемые формы [с. 287].

¹ Модель... искусственно созданное... реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала)... Отобразив «релевантные», существенные... свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект... [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 304].

Действительно, есть все основания считать, что нечто похожее на психическое моделирование — это основной и универсальный принцип работы человеческого сознания.

Большой психологический словарь (2004) определяет модель как:

...упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их «заместителя» и средства оперирования [с. 300].

Большой толковый психологический словарь (2001) — как:

...представление, которое отображает, дублирует, имитирует или некоторым образом иллюстрирует образец отношений, наблюдаемых в данных или в природе... [с. 455].

М. Вартофский (1988), углубленно занимавшийся проблемой моделей, считает, что:

...все, что угодно, может быть моделью всего, чего угодно! ...Простого выделения двух вещей, связанных между собой в некоторых релевантных аспектах, недостаточно для того, чтобы одна из этих вещей использовалась как модель другой. Чтобы это все же произошло, в дело должна вступить наша собственная познавательная деятельность, в ходе которой один объект отбирается для репрезентации другого... [с. 30–31].

...Любая сущность может рассматриваться как модель любой другой тогда и только тогда, когда мы можем выделить общие для них релевантные свойства, то есть свойства, благодаря которым одна сущность похожа на другую [с. 34].

...Набор релевантных свойств у модели должен быть «беднее», чем у ее объекта или референта [с. 35].

Ю. А. Шафрин (1998) считает, что модель —

...это некий объект, система объектов, процесс или явление, которые в том или ином смысле подобны другим объектам, системам объектов, процессам или явлениям. Не бывает модели как таковой — этот термин обязательно требует уточняющего слова или словосочетания, например модель шахматной игры, модель грозы... [с. 46].

Исследователи относят к моделям самые разные объекты — физические модели физических же объектов (например, архитектурная модель — макет здания, выполненный из картона), психические модели физических объектов (например, зрительный образ здания) и, наконец, психические модели психических же объектов (например, мысленное вербальное описание зрительного образа здания).

Выделение класса *моделей* среди прочих сущностей весьма условно и зависит исключительно от соглашения между людьми, так как та или иная сущность превращается в модель лишь в результате конвенции, договоренности, наделения ее по соглашению между людьми дополнительным качеством — быть моделью другого объекта. **Никакая сущность не может быть моделью исходно, сама по себе, без участия человеческого сознания, так как способность быть моделью чего-либо присваивается объекту сознанием и существует только в нем.** В физической реальности нет моделей, а есть лишь разные физические сущности, одни из которых рассматриваются сознанием и только в сознании в качестве моделей других. Именно сознание превращает, например, визуальные образы одних объектов в модели визуальных образов других объектов.

М. Вартофский (1988) отождествляет понятия *модель* и *репрезентация*. Он пишет, что:

...модель рассматривается как конструкция, в которой мы располагаем символы нашего опыта или мышления таким образом, что в результате получаем систематизированную репрезентацию этого опыта или мышления как средство их понимания или объяснения другим людям [с. 11].

Среди исследователей нет единства в понимании моделей и репрезентаций. Существует множество самых разных и не согласующихся между собой мнений о том, что такое репрезентации и какие бывают репрезентации. Обсуждают физические репрезентации, когда один физический объект замещает собой другой, представляя или олицетворяя его в сознании людей. Например, вино во время причащения репрезентирует кровь Христа, а хлеб — его тело, белая фата — чистоту и невинность невесты, красный крест — медицинскую помощь и т. д. Полагают, что физический объект может репрезентировать в сознании даже что-то гораздо более сложное, чем просто другой физический же объект. Так, крест, например, является репрезентацией христианства и христианской церкви.

М. Вартофский (1988) полагает, что психические репрезентации являются моделями внешнего мира. Мне представляется, что **отождествлять психическую репрезентацию с моделью нельзя, так как репрезентации — это отнюдь не всегда модели.** Отношения между психическими репрезентациями и внешним миром гораздо более сложные и неоднозначные. **Модели и репрезентации формируются сознанием для решения разных задач и с помощью разных механизмов. Модели всегда создаются человеком произвольно и целенаправленно с познавательными, демонстрационными, исследовательскими и другими целями. Психические репрезентации, например чувственные,**

возникают в сознании спонтанно и произвольно, то есть без целенаправленного участия в этом процессе человеческой воли.

Обсуждая далее психические репрезентации, являющиеся предметом данной книги, будем исходить из того, что **модель — это всегда некая сущность, произвольно выбранная и «назначенная» людьми заместителем, заменителем другой сущности.** Например, чувственная репрезентация глобуса является моделью чувственной репрезентации планеты Земля. И, говоря о модели, мы всегда имеем дело с осуществленной произвольно и с определенной целью мысленной подменой одной сущности, чем-то уже представленной в сознании (например, чувственным образом), другой сущностью, тоже как-то уже представленной в сознании (например, другим чувственным образом).

Психическими репрезентациями мы называем психические феномены, которые представляют в нашем сознании разнообразные сущности реальности, составляющие мир и нас самих в нем¹. Они абсолютно преобладают в человеческом сознании.

Примерами чувственных репрезентаций являются зрительный образ предмета, слуховой образ слова, ощущение запаха розы, ощущение соленого вкуса и т. д. Примерами вербальных² репрезентаций — зрительные и слуховые образы самых разных слов и несущие понятный нам смысл конструкции из этих образов, обозначающие известные нам сущности, физические, социальные, психические и пр.

Психические репрезентации чаще не столько моделируют мир, как полагает большинство исследователей, сколько создают его в нашем сознании, являясь единственно доступной для нас формой существования элементов

¹ Я отношу к психическим репрезентациям в том числе эмоции и желания. Это особые группы репрезентаций, представляющих в сознании преимущественно внутреннее состояние организма. В их основе лежат специфические интероцептивные ощущения, на которые надстраиваются образы и психические конструкции, в том числе воспроизводящие уже не только собственное тело, но и внешние объекты, желаемые и отвергаемые. Эмоции и мотивы — это самостоятельная огромная область психологии, рассмотрение которой выходит за рамки данной работы.

² Вербальный... имеющий отношение, характеризующий, характерный, состоящий из, выраженный в словах [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 123].

Соответственно, *вербальный образ* — это образ слова, который может быть слуховым, зрительным или тактильным; поэтому понятие *вербальный образ* не располагается в той же плоскости, что, например, понятия *слуховой* или *зрительный образ*; понятие *вербальный образ* соотносится с понятием *образ предмета*, а не относится к особой модальности образа; вербальная конструкция — это конструкция из образов слов, имеющих понятное субъекту значение (конструкция из понятий); вербальное мышление — это понятийное мышление; вербальное моделирование — это моделирование реальности с помощью образов слов, имеющих значения (то есть с помощью понятий).

антропоморфного мира. Более того, репрезентации сознания часто представляют в нем нечто просто отсутствующее в мире. Психические репрезентации в этом случае представляют сущности, присутствующие лишь в сознании и только в виде самих этих репрезентаций.

Психические репрезентации, в принципе, не могут отождествляться с моделями, так как модели всегда моделируют нечто хоть как-то уже представленное в сознании. Психическая репрезентация, в отличие от модели, — это не столько подмена в сознании одной психической сущности другой (хотя и такое тоже бывает, когда, например, образ восприятия объекта замещается образом восприятия слова, обозначающего данный объект), сколько представление в сознании в форме особого психического явления (нового понятия, например) некоего элемента реальности, сформированного сознанием и присутствующего для него в качестве самостоятельного фрагмента мира.

Например, чувственные репрезентации предметов, физических объектов и явлений нельзя называть моделями, так как в «реальности в себе» нет в аналогичном виде того, что они, как часто полагают, моделируют в сознании. Так, визуальные образы Эйфелевой башни или Московского Кремля репрезентируют некие «вещи в себе», которые в такой антропоморфной форме и преимущественно в зрительной модальности существуют только в сознании людей.

М. Вартофский (1988) полагает, что слово «репрезентация» означает для обычного человека:

...во-первых... отношение «похожести» или «сходства», благодаря которому в одной вещи легко угадывается сходство с другой; и, во-вторых... что одна из вещей может в определенных аспектах «замещать», «представлять» или «репрезентировать» другую [с. 58].

Нельзя, однако, говорить о сходстве или несходстве наших психических репрезентаций с репрезентируемыми ими сущностями. Например, в психической репрезентации красных башен Московского Кремля и отражаемых поверхностью башен электромагнитных волнах определенной длины трудно найти нечто похожее. Столь же трудно обнаружить, например, и сходство между ощущениями тепла или шероховатости физического объекта, зависящими от физических параметров человеческого тела, и внутренней сущностью этого фрагмента «реальности в себе». Тем более нет сходства между вербальными репрезентациями сущностей реальности и самими этими сущностями.

Вербальные репрезентации можно рассматривать как модели соответствующих чувственных репрезентаций.

М. Вартофский (1988) считает моделями реальности и языковые конструкции. Он пишет:

...сам язык является моделью... [с. 63].

Любое предложение, которое можно рассматривать как дескриптивное (описательное — *С. П.*), является моделью того, о чем говорится в этом предложении: оно является репрезентацией своего референта, то есть репрезентацией определенного положения дел. <...> Предложение «Стул стоит на столе», очевидно, можно рассматривать с различных точек зрения в разных теориях языка, но несомненно, что это — «картина», и с этим трудно спорить. ...Данное предложение — модель, если для меня или для вас оно репрезентирует определенное состояние дел [с. 38].

И все же очень многие наши вербальные репрезентации (понятия и конструкции из них) являются не моделями, а именно репрезентациями реальности, то есть ее первичными представлениями в нашем сознании. Неважно, какой реальности: окружающей нас, прошлой, будущей, возможной, альтернативной, фантастической и т. д.

Итак, **психические репрезентации чаще не моделируют, а первично создают и представляют в сознании в антропоморфном виде, делающем их доступными сознанию, трансцендентные без и вне человека элементы «реальности в себе»**. Даже чувственная репрезентация — это всегда антропоморфный вариант уникального чувственного представительства в сознании того, что принято считать, например, независимыми от людей предметами, физическими объектами и явлениями, которые, однако, без человека в таком виде в «реальности в себе» отсутствуют.

Что касается вербальных психических репрезентаций, то часто они вообще являются единственным вариантом бытия многих сущностей, порожденных человеческим сознанием. Нельзя не отметить, что **созданные сознанием вербальные психические конструкции, репрезентирующие, например, в виде новых сущностей фрагменты недоступной восприятию реальности не являются моделями хотя бы потому, что не всегда ясно, что же они «моделируют» на самом деле и моделируют ли вообще.**

1.7. Феноменология

Наиболее удачным мне представляется следующее определение феномена:

Феномен (греч... «являющееся»). ...Согласно традиции, восходящей к древнегреческой философии... под феноменом понимают данное в чувственном опыте явление вещи... которое подразумевает стоящую за ним сущность, недоступную чувствам и раскрываемую только в ходе... особого познания или же... непознаваемую. ...В Новое время (у Локка, Беркли и Юма) появляется

психологическое понятие феномена (явления). Феномен начинает мыслиться как данность сознанию во внешнем или внутреннем опыте ощущения, «идеи», перцепции. <...> По Канту, феномен — это предмет... явление вещи в доступных нам формах чувственного созерцания. ...Феномену противопоставляется непознаваемый трансцендентный ноумен, то есть «вещь сама по себе» [Словарь философских терминов, 2004, с. 614].

И. Кант (1994) рассматривает феномены как чувственно воспринимаемые объекты или явления. Явление же для него — упорядоченная совокупность ощущений. Он пишет:

Явления, поскольку они мыслятся как предметы на основе единства категорий, называются *phaenomena*. ...Вещи... как предметы рассудка, которые... могут быть даны в качестве предметов созерцания, хотя и не чувственного... можно называть *noumena* [с. 515–516].

Основоположник современной философской феноменологии Э. Гуссерль (2005) пишет:

...психологию называют наукой о психических, естествознание — наукой о физических «явлениях», или феноменах... в истории... говорят об исторических, в науке о культуре — о культурных феноменах... [с. 243].

Автор понимает феномен весьма специфично и заявляет о своем отказе рассматривать феноменологию «как нижнюю ступеньку эмпирической психологии». В. Вольнов (2008), рассматривая его позицию, тем не менее замечает:

Хотя Гуссерль называет свое учение феноменологией, понятие «феномен» так и остается у него неопределенным. Определенно можно сказать лишь одно: под феноменом Гуссерль понимает так называемые феномены сознания. <...> Отождествление феноменов с феноменами сознания Гуссерль унаследовал от Канта [с. 8].

В. Вольнов (2008) спрашивает:

Неужели не бывает феноменов помимо феноменов сознания? [С. 9.]

Феномены в понимании Э. Гуссерля — все же далеко не просто феномены сознания, по крайней мере вовсе не то, что рассматривает в качестве таковых классическая психология. Прочие исследователи относят к феноменам разный круг явлений. Одни исследователи сужают понятие *феномен* и, рассматривая его в плоскости сознания, отождествляют с психическим явлением:

Феномен — явление, данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от ноумена, постигаемого разумом и составляющего основу, сущность феномена [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 477].

Другие расширяют его, отождествляя с тем, что репрезентируется этими психическими явлениями:

Феномен. 1. В переводе с греческого означает явление, то, что появляется, следовательно, любое заметное изменение, любое явление, доступное для наблюдения. Это значение является очень общим и содержит два аспекта, каждый из которых представлен в следующих более ограниченных значениях. 2. Физическое явление, факт, подтвержденное событие... 3. Внутренний опыт, который сознается, данные личного опыта. Это значение отражено в позиции феноменологии. 4. В терминах Канта — проявления знаний, событий или объектов, интерпретируемые через категории... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 414–415].

Е. Е. Соколова (2005, с. 13–22), например, выделяет шесть групп феноменов: сознательные и бессознательные психические явления, формы поведения, феномены общественных отношений, предметы материальной и духовной культуры и даже психосоматические явления. Такой расширительный подход, конечно, неприемлем, хотя бы в силу несопоставимости включаемых в эту классификацию сущностей, например сознательных психических явлений и предметов культуры. Кроме того, все без исключения перечисленные предметы, формы, отношения и даже сами психические явления репрезентируются в сознании человека в форме сознательных психических явлений, а потому могут и должны первично рассматриваться только в виде явлений или феноменов сознания.

Лично я понимаю феномен исключительно в психологическом, а не в философском смысле. **Феномен — это любое явление человеческого сознания — ментальный образ, ощущение, эмоция, побуждение, осмысленная вербальная конструкция и т. д., все то, что человек способен обнаруживать и переживать в своем сознании в процессе интроспекции. Психическое явление — то, что возникает в человеческом сознании. Следовательно, психическое явление — синоним психического феномена.**

Обсуждая понятие *феноменология*¹, Ж.-Ф. Лиотар (2001) замечает:

Этот термин означает исследование «феноменов», то есть того, что является в сознании, того, что «дано» [с. 7].

Я называю феноменологией учение о психических феноменах, или явлениях, и рассматриваю ее как раздел психологии. Как следует из сказанного, такая феноменология совершенно отлична от феноменологии Э. Гуссерля, например, и от других вариантов философской феноменологии, с которыми ее даже невозможно соотнести. Э. Гуссерль (2005) пишет, что его феноменология —

¹ Феноменология — это изучение сущностей... [М. Мерло-Понти, 1999, с. 5].

Феноменология — учение о явлениях... [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 477].

...это не психология и что причисление ее к психологии исключается не какими-либо случайными разграничениями области и терминологически, но принципиальными основаниями [с. 19].

Он (2005, с. 20–21) справедливо указывает, что психология — это наука о «фактах» и «реальностях», тогда как «чистая трансцендентальная феноменология» — это наука, которая занимается «ирреальными феноменами». Редукция, которой подвергает психологические феномены автор, «очищает» их от того, что придает им реальность и включенность в реальный мир (там же). Более того, автор прямо говорит:

Охотнее всего я исключил бы обремененное тяжким грузом слово *реальное*, если бы только представилась какая-либо подходящая замена ему [с. 24].

Я же, напротив, рассматриваю реальные феномены человеческой психики. Если Э. Гуссерль совершенно оправданно отказывался рассматривать свою феноменологию «как нижнюю ступеньку эмпирической психологии», то я именно так и рассматриваю собственные взгляды, излагаемые в данной книге. В то же время мне представляется, что психология и философия неразрывно связаны, поэтому предлагаемая мной психологическая феноменология не может остаться в стороне от философии.

Феномены — непосредственно данные нам явления нашего сознания, соответственно, феноменология, представленная в этой книге, — это рассмотрение данностей нашего сознания, описание его явлений и изучение того, что они собой представляют и как видоизменяются во времени.

В соответствии с гуссерлианской традицией феномены должны рассматриваться исследователями без учета каких-либо даже самых базовых вербальных знаний о них. Однако наше сознание устроено таким образом, что нам не удастся ничего описать и изучить, предварительно не поняв хотя бы как-то изучаемый феномен, то есть не смоделировав его с помощью других, как правило, вербальных феноменов нашего сознания. Феноменологический метод, который предложил и использовал Э. Гуссерль, Ж.-Ф. Лиотар (2001) описывает так:

Нужно предоставить, без всяких предпосылок, кусочек воска самому себе и описать его так, как он себя дает [с. 7].

Тем не менее для того, чтобы описать кусочек воска, о котором говорит Ж.-Ф. Лиотар, надо предварительно выучить слова, то есть усвоить весь «багаж», созданный предшествующими поколениями, а это усвоение радикально изменит воспринимаемый и описываемый нами кусочек воска. Именно поэтому в психологической феноменологии невозможна гуссерлианская редукция.

Тезисы для обсуждения

1. Ошибки интроспективной психологии, допускавшей возможность «прямого познания» «психических фактов», якобы «предоставляемых интроспекцией в чистом виде» и «наблюдаемых вместе со своим смыслом», неоправданная вера в способность интроспекции раскрывать «причинную связь психических явлений», делающей поэтому «положение психологии намного легче, чем положение других наук», привели к отказу от нее.
2. Пришедший на смену интроспекционизму радикальный бихевиоризм настолько дискредитировал сам метод интроспекции, что до сих пор никто из психологов не пытается даже разобраться в обоснованности требований о повсеместном и полном отказе от нее. И это несмотря на то, что заслуг и достижений у интроспекции в психологии несравнимо больше, чем даже у экспериментального метода.
3. Бессмысленно и вредно противопоставлять субъективный (интроспективный) и объективный (экспериментальный) психологические методы исследования. Они просто должны дополнять друг друга. Это, кстати, обычно и происходит в так называемых объективных экспериментах когнитивной психологии, многие из которых представляют собой помещение испытуемого в экспериментальные условия с последующей записью и анализом результатов его самонаблюдения.
4. Интроспекцию следует рассматривать как обычный отчет о воспринятом и пережитом, то есть «сырой материал» наблюдения, а не «истинные» сведения о связях и причинных отношениях в психике. Нет основания ожидать от нее чего-то большего, чем дает, например, науке отчет наблюдателя о внешних событиях окружающего его мира. Выводы, которые делает человек (даже психолог) из собственной интроспекции, могут быть верными или ошибочными, но в любом случае не являются «истинным знанием от первого лица». В то же время это единственно возможный способ непосредственного наблюдения собственных психических феноменов и доступа к ним.
5. Заявления исследователей о том, что сейчас бихевиоризм преодолен и остался в прошлом, к сожалению, лишь декларации. Его влияние сохраняется, и его новые многообразные «мягкие» формы по-прежнему определяют, хотя и не столь безусловно и всецело, как раньше, взгляды большинства психологов. Проблема современной психологии не только в ее неспособности преодолеть бихевиоризм. Она заключается в сохраняющейся у большинства психологов объективистской парадигме, лежащей в основе бихевиоризма и питающей его, а также в зависимости

мнений и взглядов психологического сообщества от существующих в нем же установок.

6. Требование объективности психологической науки, по-прежнему являющееся доминирующей научной доктриной, не принято не только критиковать, но даже ставить под сомнение. Однако такой односторонний подход, тем более в психологии, просто неадекватен. Тем более что при внимательном рассмотрении «объективность» большинства психологических экспериментов куда-то исчезает, сменяясь в лучшем случае их воспроизводимостью.
7. Дискредитация интроспекции в конечном счете привела психологию к признанию человека сложнейшим автоматом и к бессмысленным попыткам «объективно» доказать реальное существование субъективных психических явлений — ментальных образов. При том что, с одной стороны, это в принципе сделать невозможно, а с другой стороны, их наличие совершенно очевидно для интроспективной психологии.
8. Экспериментальные «объективные» доказательства существования мысленных образов не были бы приняты объективистским психологическим сообществом даже к рассмотрению, пояись они лет на 20–30 раньше. Однако классический бихевиоризм сменился своим менее радикальным вариантом — когнитивизмом, и пришло время для осознания правильности хорошо забытых старых взглядов на психические феномены.
9. Когнитивизм, являясь сейчас основным направлением психологии, не готов полноценно принимать и без всяких оговорок рассматривать психологические феномены, пребывая в психологическом поле. Он постоянно смешивает разные плоскости рассмотрения сущностей — психологическую, физиологическую, информационную, техническую и т. д. В результате в нем рождаются многочисленные бессмысленные термины, обозначающие нежизнеспособные продукты фантазии исследователей — сущности-уродцы, в которых причудливо перемешиваются несопоставимые плоскости анализа психических явлений и несовместимые подходы к их изучению. Это не только не добавляет ясности и понимания, но окончательно все запутывает.
10. Психология забыла о своих философских корнях и о своем главном предназначении — раскрыть величайшую загадку бытия сознания в мире. Вследствие самой природы изучаемых ею явлений она должна была бы организовывать и направлять субъективистскую революцию в науке, но сегодня погрязла в своих «специальных» вопросах и превратилась в узкоотраслевую, второразрядную науку. Даже процесс разработки искусственного интеллекта, который именно ей следовало бы

осмыслить и возглавить, сейчас без какого-либо ее участия вновь ведут естественные науки, а психология в очередной раз застряла в «обозе» движения науки.

11. Психология так и не превратилась в единую науку. Она описывает психику фрагментарно и бессвязно, что совершенно неадекватно, так как психические феномены едины по самой своей природе и тесно взаимосвязаны. Поэтому по одним элементам психики можно делать выводы о строении других. В современной психической феноменологии нет единой теории психических явлений; ощущения и образы, например, никак не связаны с понятиями и вербальными конструкциями. Язык и вербальное мышление рассматриваются большинством исследователей как независимый от прочего когнитивного аппарата человека модуль, развивающийся самостоятельно и вне связей с чувственным мышлением. В психологии отсутствуют приемлемые для всех определения главных ее сущностей — психики, сознания, психических процессов и состояний и даже таких относительно простых психических феноменов, как ощущение, образ и понятие.
12. Наши психические репрезентации не моделируют мир (так как модель — это всегда некая сущность, произвольно выбранная и «назначенная» людьми заменителем другой сущности). Обычно они возникают произвольно при взаимодействии сознания с «реальностью в себе», формируя и антропоморфно представляя в нем ее фрагменты. Они являются единственно возможным для сознания, пытающегося ухватить и как-то выразить внутри себя «реальность в себе», вариантом первичного, прямого и понятного для сознания представления в нем мира.
13. Психические репрезентации — это не только психические феномены, но одновременно и единственно реальные для сознания фрагменты внешнего мира, в том числе физического, а следовательно, и сам мир, который только в таком виде и является сознанию. То есть для сознания они имеют двойственную природу, будучи одновременно и его репрезентациями, и подлинными элементами физического мира, который присутствует для сознания только в форме его же психических репрезентаций. Других вариантов, или ипостасей, мира для сознания просто нет.
14. Психические репрезентации (чувственные образы и ощущения, образы слов и осмысленные конструкции из них) формируют содержание психики. Эти психические феномены непосредственно представляют в ней каждую из множества известных нам уникальных сущностей, составляющих окружающий мир и нас самих.

15. Психические репрезентации, будучи единственно доступной для нас формой существования элементов окружающего и нашего внутреннего мира, нередко представляют сознанию в качестве реальных сущностей мира то, чего в мире нет вовсе. Подобные сущности, создаваемые сознанием, пребывают лишь в нем и только в виде своих психических репрезентаций.
16. Понятие *феномен* используется в книге исключительно в психологическом, а не в философском смысле, как любое явление человеческого сознания — образ, ощущение, эмоция, побуждение, понятие, вербальная конструкция и т. д. — все то, что человек способен обнаруживать и переживать в своем сознании в процессе интроспекции. Психическое явление — синоним психического феномена. Феноменология, представленная в книге, — это рассмотрение данностей нашего сознания, описание его явлений и попытка исследования того, что они собой представляют и как видоизменяются во времени, учение о психических феноменах, или явлениях, рассматриваемое как раздел психологии.

ГЛАВА 2

Репрезентации в психологии

- Современные представления о формах психических репрезентаций.
- Репрезентации и компьютерная метафора.

2.1. Современные представления о формах психических репрезентаций

Для классической психологии XIX в. чувственные образы были важнейшим и очевиднейшим предметом исследования. Ни у кого не только не возникало, но и не могло возникнуть сомнений в их существовании, так как на протяжении веков они рассматривались классической философией как самые бесспорные и несомненные явления сознания. Психологи XIX в. были бы крайне удивлены, если бы узнали, что на протяжении двух третей века двадцатого психические явления, в частности образы и ощущения, либо вообще не будут рассматриваться бихевиористской психологией, либо будут рассматриваться как малосущественные эпифеномены, сопровождающие физиологические процессы. Лишь в последней трети XX в. образы и ощущения под названием «чувственные репрезентации» вновь получили право на обсуждение их возможной роли в психической жизни человека. Однако до сих пор факт их наличия признается далеко не всеми исследователями. Важную роль в их возвращении в психологию сыграли «объективные» эксперименты с ментальными образами, в первую очередь эксперименты Р. Шепарда, С. Кослина и их коллег (см. примечание 2).

Мы уже обсуждали, что для признания психологами ментальных образов пришло время и «плод созрел сам» вне зависимости от «объективности», достоверности и бесспорности проведенных экспериментов. Этот факт подтверждается, например, и замечанием Р. Л. Солсо (1996, с. 300), который пишет, что недавно возродившийся интерес к мысленным образам был встречен когнитивными психологами более чем неоднозначно. Некоторые (А. Пэйвио,

Р. Шепард, С. Косслин) приветствовали их возвращение в психологию. Другие (Р. Аткинсон, М. Роуф, Г. Бауэр) отнеслись к ним прагматически: Дж. Андерсон с Г. Бауэром, например, включили это понятие в теорию пропозициональной репрезентации знания. Третьи (З. Пылишин, У. Брюэр и др.) по-прежнему считают, что мысленные образы представляют собой просто субъективный эпифеномен, тогда как знание является концептуальным и пропозициональным, а не сенсорным или картинным.

В связи с этим замечу, что если уж эксперимент что-то доказывает однозначно (например, эксперимент С. Смита и соавторов, см. раздел 1.4), то какие уж тут могут быть сомнения и разногласия. Если же не доказывает, а лишь соответствует духу времени и требованиям перемен, то тут могут быть и сторонники, и противники, и сомневающиеся. Сейчас в когнитивизме сформировались и сосуществуют три основные теории кодирования и хранения информации: радикальная гипотеза образов (Б. Бугельски, Р. Шепард, П. Подгорный), концептуально-пропозициональная гипотеза¹ (Дж. Андерсон, Г. Бауэр, З. Пылишин) и гипотеза двойного кодирования (А. Пэйвио, Г. Бауэр, Л. Брукс).

В соответствии с радикальной теорией образов даже «абстрактное знание» и «значения абстрактных слов» в той или иной степени «имеют образные и эмоциональные компоненты», формирующиеся в опыте каждого человека. Не существует «чистых абстракций», не связанных с чувственными репрезентациями. Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004) цитируют Б. Бугельски (B. Bugelski, 1970):

Мы все против «загрязнения окружающей среды», но я представляю его как сточную канаву возле моего дома. А как его представляете вы? [С. 457.]

Р. Л. Солсо (1996, с. 292) считает радикальную теорию образов крайним выражением образных теорий, так как она утверждает, что информация представлена в уме исключительно в виде образов. Он пишет, что представления Б. Бугельски об образах интуитивно привлекательны, так как наша интроспекция действительно говорит нам о том, что «сенсорные стимулы часто превращаются в образы». Будучи, однако, убежденным когнитивистом, Р. Л. Солсо полагает тем не менее, что «найти этой идее эмпирическую поддержку нелегко».

Не вполне понятно, впрочем, какую еще эмпирическую поддержку, кроме возможности вызвать произвольно в собственном сознании любой чувственный образ, необходимо иметь автору?

Менее радикальная и более гармоничная, по мнению многих авторов, теория «двойного кодирования» была создана А. Пэйвио (его фамилию читают еще как Паивио и Пайвио). А. Пэйвио (A. Paivio, 1971, 1971a, 1975 и др.) выдвинул предположение о существовании двух относительно независимых знаковых

¹ Концептуально-пропозициональная гипотеза будет рассмотрена в разделе 1.4 тома 2.

подсистем долговременной памяти, одна из которых оперирует с образной, а другая — с символической информацией. Единицами образной системы являются «имагены» (*imagens*), хранящие информацию в аналоговой форме, а единицами символической системы — «логогены» (*logogens*) — абстрактные вербальные элементы. Автор полагает, что конкретные и абстрактные слова одинаково легко «кодируются вербально», но конкретные слова «кодируются еще и образно». Вообще образный код больше подходит для «конкретной», а не для «абстрактной информации». Вербальный же код, скорее, пригоден для абстрактной информации.

В своих экспериментах А. Пэйвио (*A. Paivio, 1986*) изучал, в частности, методом шкалирования степень образности существительных. Он оценивал способность слов вызывать у испытуемых соответствующий мысленный образ. Оказалось, что некоторые слова: «слон», «оркестр», «церковь» — более образны, чем другие: «деяние», «контакт», «добродетель». А. Пэйвио также предлагал испытуемым пары объектов, например пару «помидор — бокал», представленные в разных формах (слово — слово, слово — рисунок и рисунок — рисунок). Испытуемых спрашивали, какой объект из пары более круглый. Автор предположил, что для сравнения объектов требуется вызывать в сознании их образы. Если пара состояла из слов, необходимо было для каждого слова вызвать в сознании соответствующий ему образ, а затем сравнить образы. В случае пары из слова и рисунка следовало актуализировать образ, соответствующий слову, и сравнить его с образом рисунка. В случае пары рисунков нужно было сравнить два образа. Наибольшее время требовалось для ответа в случае пары «слово — слово», меньшее время занимал ответ в случае «слово — рисунок», и быстрее всего задача решалась в случае пары «рисунок — рисунок».

Помимо работ А. Пэйвио, теорию двойного кодирования подтверждают, например, многочисленные эксперименты А. Бэдделей (*A. Baddeley, 1976*), Л. Брукса (*L. R. Brooks, 1968*), Г. Бауэра (*G. H. Bower, 1970*) и других исследователей.

То, что доминирующее в современной экспериментальной психологии направление — когнитивизм не спешит признавать за ментальными образами право на существование, объясняется не только тем, что когнитивизм — «законный наследник»¹ бихевиоризма, хотя и всячески открещивающийся от него, но и реальными недостатками содержания понятий *ощущение* и *образ*. К таким недостаткам можно отнести, например, следующие:

- образ восприятия обычно рассматривается как особая психическая копия существующего в реальности объекта;

¹ Я использую кавычки либо для цитат внутри других цитат, либо для указания на переносный смысл выражения.

- образ восприятия феноменологически описывается в качестве как бы картинки в голове;
- образ объекта рассматривается как изолированное и устойчивое «изображение» объекта в сознании, хотя в сознании нет изолированных образов и ощущений, а есть то, что можно было бы назвать полем зрительного восприятия и представления и потоком слухового восприятия и представления;
- ощущение считается элементарным психическим феноменом;
- наконец, ощущение и образ — понятия, подвергнутые бихевиоризмом остракизму. В том числе и поэтому когнитивная психология предпочитает использовать термин «репрезентации», что, впрочем, не сильно способствовало прогрессу в понимании этих ментальных сущностей.

Необходимо понимать чрезвычайное многообразие позиций и взглядов, реально существующих в когнитивной психологии, и тот факт, что любая попытка их систематизации достаточно условна¹.

Когнитивной психологии потребовались, как я уже отмечал, многочисленные экспериментальные исследования, вроде бы «объективно» доказывающие сам факт наличия психических образов, чтобы проблему существования последних вновь начали серьезно обсуждать. Р. Л. Солсо (1996, с. 276) сообщает, например, что тема мысленных образов, еще недавно полностью игнорируемая в американской психологии, снова стала вызывать в последние годы сильный интерес у одних при настороженном скептицизме других. Тем не менее в когнитивизме, который является ведущим направлением современной психологии, рассматриваются не образы и ощущения, а репрезентации. В этой связи особенно показательна двойственность позиции мэтров современной

¹ Историк психологии Н. Смит (2003) пишет: «Было предложено два (с некоторыми вариациями) механизма, посредством которых мир внутренне репрезентируется нашим компьютерным мозгом. Один из них включает образы конкретной сенсорной модальности. Их львиная доля приходится на зрение... Эти образы являются аналогами реального объекта или события и носят название “аналоговых репрезентаций”... Второй тип репрезентации называется “пропозициональной репрезентацией”... Репрезентации данного типа не ограничены той или иной сенсорной модальностью, но подобны языковым. Они состоят из идей и подчиняются комбинаторным правилам. Следует отметить, что те когнитивисты, которые относят себя к “элиминативистам” (от англ. eliminate — “устранять”), настаивают на том, что репрезентаций не существует; существуют лишь функции мозга. Они *устраняют* репрезентации. Одна из разновидностей данного подхода называется теорией “тождества”, ибо, согласно данной точке зрения, функционирование мозга и разум тождественны. “Неэлиминативисты”... же настаивают на реальности репрезентаций, которые вырабатываются благодаря деятельности мозга. Данная точка зрения известна также под названием “эпифеноменализма” или “эмержентизма”: репрезентации появляются или возникают в результате биологических операций, осуществляемых мозгом, и не тождественны самим этим операциям» [с. 88].

когнитивной психологии. Так, один из авторитетнейших мировых психологов и основоположников когнитивной психологии Дж. Андерсон (2002) пишет:

Отмечались значительные расхождения в мнениях по вопросу о характере репрезентации знаний, частично отражавшие суматоху и неразбериху при отделении когнитивной психологии от бихевиоризма. Велись дебаты о том, какие виды репрезентаций знаний существуют в психике и что точно имеется в виду под различными утверждениями о репрезентации знаний [с. 111].

Можно вообразить, что в голове имеются картины (заметим: только «вообразить», а не обнаружить интроспективно зрительные образы, потому что с точки зрения когнитивной психологии интроспекция — это по-прежнему нечто, безусловно, неприемлемое. — С. П.), на которые смотрит некоторое внутреннее существо в мозге, или что в голове имеется речь, которую слушает то же самое внутреннее существо. ...Однако некоторые данные позволяют предположить, что «картины в голове» действительно существуют [с. 115–116].

Автор, как и многие другие представители этого направления, предпочитает оперировать более «реальными», с их точки зрения, предметами, чем ментальные образы. Например, обсуждать «топографическую репрезентацию зрительного стимула в зрительной области коры мозга», что возвращает нас к забытым идеям причинно-следственной связи «образа на сетчатке» с образом в сознании. Дж. Андерсон продолжает:

...зрительная область в коре содержит топографическую репрезентацию зрительного стимула. Активность в коре будет соответствовать пространственной структуре стимула... Мы видели, что имеются отдельные клетки, которые представляют линии в определенных местах и ориентациях. Изображение было представлено паттерном активации в месте расположения таких клеток, которые кодировали различные особенности этого изображения. Можно предположить, что, когда испытуемые воображают зрительную сцену, происходит подобная репрезентация в терминах паттерна активации в районе клеток, отвечающих за отдельные признаки изображения [с. 115–116].

Автор не говорит о слуховом образе звучащего слова или визуальном образе печатного слова, а лишь замечает, что:

...можно попробовать найти различие между репрезентацией звучания слова в сравнении с напечатанным словом... [с. 135].

Дж. Андерсон, используя понятие *образ* для обозначения образов представления, предпочитает обходиться и без понятия *образ восприятия*:

Труднее обрабатывать образ, чем фактический стимул [с. 126].

Зрительные образы имеют много общих свойств с продуктами зрительного восприятия, но реинтерпретировать зрительные образы не так легко, как фактические изображения [с. 127].

Тем не менее, обсуждая опыты Р. Финке, С. Пинкера и М. Фараха, Дж. Андерсон в итоге вынужден признать факт наличия психических образов. И все же он, как и большинство когнитивных психологов, испытывает к образам и ощущениям явное предубеждение и предпочитает использовать термин «репрезентации». Автор (с. 111) выделяет «репрезентации, основанные на восприятии» (по-видимому, образы восприятия) и «репрезентации, основанные на значении» (вероятно, понятия и конструкции из них). Правда, обосновывает он это обычно тем, что «вербальная и зрительная информация по-разному обрабатываются различными частями мозга» (с. 115).

Сходное с позицией Дж. Андерсона отношение к образам демонстрирует и другой основоположник когнитивной психологии — У. Найссер (2005):

Некоторые философы были вынуждены постулировать существование перцептов потому, что иногда мы как будто бы видим вещи, которых на самом деле нет: кино, последовательные образы, двоящиеся образы, галлюцинации, сны и т. д. В большинстве этих случаев имеет место своего рода «моделирование»: иными словами, наблюдатель оказывается систематически неправильно информированным. Либо в реальной среде, либо в какой-то части его зрительной системы моделируется информация, которая была бы в наличии, если бы объект реально присутствовал. Механизм моделирования очевиден в случае кино и едва ли менее очевиден в случае последовательных образов, двоящихся образов и подобных феноменов. Такое моделирование обычно имеет незавершенный характер и легко обнаруживается: мы узнаем кино или последовательный образ, когда видим их. В этих случаях «перцепт» можно определить как тот конкретный объект (или размытая форма и т. д.), который, скорее всего, обеспечил бы эту же самую информацию, если бы он действительно присутствовал. Когда объект присутствует, нет никакой необходимости в постулировании отдельного перцепта [с. 609].

Как следует из этой цитаты, мы «постулируем существование образов восприятия» только потому, что «иногда как будто бы видим вещи, которых на самом деле нет» (кино, например), и когда мы «неправильно информированы», а «когда объект есть, в образе восприятия нет необходимости». У этого очень уважаемого мною автора настолько отличная от моей позиция, что мне с ним сложно даже полемизировать. И все же он является в когнитивной психологии несомненным авторитетом, и его представления необходимо принять во внимание.

В случаях кино-, видео-, фото- и тому подобных изображений нет никакой «неправильной информированности», о которой говорит У. Найссер. Просто здесь мы имеем дело с особыми физическими объектами, многие из которых (например, фотографии) являются иконическими знаками других (основных), известных нам объектов и актуализируют модели-репрезентации этих основных объектов в нашем сознании даже в отсутствие основных объектов.

Описывая способность человека сознательно вращать ментальные образы, исследованную Р. Шепардом и его коллегами, У. Найссер, например, лишь задает вопрос:

Не обязывает ли нас существование ментального вращения допустить наличие «аналоговых» представлений в памяти? [У. Найссер, А. Хаймен, 2005, с. 18.]

Следующие рассуждения У. Найссера (1981) типичны для представителей когнитивной психологии:

Некоторые психологи полагают, что можно манипулировать образом, изучать его и перерабатывать... как если бы он был картиной, которую реально разглядывает индивид. Это в определенном смысле согласуется с интроспекцией, поскольку мы действительно как будто бы рассматриваем наши образы. В то же время философский аспект такого подхода имеет целый ряд слабых мест... [с. 142–143].

...Вещи, находящиеся внутри или позади других вещей, можно представить точно так же, как вещи, взаимодействие которых открыто взору. Если бы образы были мыслимыми картинами, это было бы невозможно: никакая обыкновенная картина не в состоянии показать закрытые объекты (исследователи, которые проводят аналогии между образами представления и картинами, пишут, впрочем, о «как бы картинах», а не о «картинах». — С. П.). Если же, однако, они суть предвосхищения, нельзя ограничивать их тем, что можно увидеть только с данной точки наблюдения. Отсюда следует, что память получит дополнительную помощь, если вообразить скрытые, не допускающие графического изображения связи между двумя вещами и представить себе эти связи в виде некоторой картины [с. 155].

Иными словами, сам У. Найссер в итоге приходит к сравнению образов представления с теми же «картинами». Тем не менее автор пытается избежать возвращения к представлениям об образах классической психологии и предлагает новые, хотя и не вполне удачные и не очень ясные трактовки этого понятия:

...умственные образы суть перцептивные предвосхищения... [с. 181].

Образы — это готовность к восприятию информации, фактически отсутствующей в непосредственной ситуации... [с. 195].

Образы (представления и воспоминания. — С. П.) не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов, поскольку восприятие по своей сути не сводится... к получению перцептов (вопрос: а к чему тогда восприятие сводится? — С. П.). Образы (представления и воспоминания. — С. П.) — это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения [с. 145].

Встает вопрос: *что собой феноменологически представляет этот «план сбора информации», якобы возникающий в нашем сознании?* В то же время

автор (там же) отмечает важное обстоятельство: вполне вероятно, что люди различаются в своих способностях переживать более и менее яркие чувственные образы, а также в способности давать себе отчет о своем психическом содержании. Он полагает, что:

...некоторые люди находят естественным утверждать, что они «видят» свои образы, другие же полностью отвергают такую терминологию. Трудно сказать, насколько эти индивидуальные различия связаны со случайным выбором метафоры и насколько они отражают реальные различия зрительных перцептивных механизмов [с. 144].

С одной стороны, полубихевиористская в своей основе позиция не позволяет У. Найссеру признать наличие образов как психических феноменов в полном объеме. С другой стороны, как глубокий ученый, он не может и отказаться от них полностью из-за их субъективной очевидности. В итоге он замещает феноменологическую сущность образа ссылкой на его гипотетическую функцию, что совсем не проясняет вопрос, а только еще больше его запутывает.

Понятие *образ* не вызывает энтузиазма и у других когнитивных психологов. Р. Л. Солсо (1996), например, тоже предпочитает обходиться без него. Он пишет:

То, что мы ощущаем (видим, слышим, обоняем или чувствуем вкус), почти всегда есть часть сложного паттерна, состоящего из сенсорных стимулов [с. 33].

...Мы знаем, что свет, отражающийся от печатной страницы, воспринимается чувствительными нейронами и передается в мозг, где происходит опознание деталей, букв и слов. Однако в этом элементарном процессе не участвует значение, которое обычно постигается в процессе чтения [с. 333].

Рассматривая кратковременную память, мы видели, что информация в ней хранится в акустическом виде, а также, возможно, в зрительном и семантическом, но все же тип используемого в ней кода часто вызывает споры. ...В долговременной памяти информация, очевидно, кодируется и акустически, и визуально, и семантически.

...Вкусовые, запаховые и тактильные коды также используются в долговременной памяти, но они крайне мало исследованы [с. 194].

Самое главное, что в этом выстроенном автором «элементарном процессе» не участвуют вербальные ментальные образы, на уровне которых и «происходит опознание деталей, букв и слов». Итак, как мы видим, **несмотря на громкие заявления когнитивистов об их отказе от бихевиоризма, последний по-прежнему во многом определяет их взгляды.**

Многие представители когнитивизма жестко разграничивают образы воспоминания и представления, с одной стороны, и образы восприятия — с другой, рассматривая в качестве «мысленных образов» и варианта репрезентации

знаний лишь первые. Тогда как перцептивные образы рассматриваются ими как «результат действия стимула», «продукты зрительного восприятия», «фактические изображения», «конкретные объекты», «восприятие информации», «сложные паттерны, состоящие из сенсорных стимулов» и т. п. В общем, как угодно, но не как образы восприятия.

Б. М. Величковский (2006) в своем двухтомном обзоре литературы по когнитивной психологии пишет:

Считается, что отдельные аспекты схем¹ (Сноска моя. — С. П.) могут осознаваться в форме «субъективных образов». Объяснение природы последних представляет собой одну из наиболее спорных проблем когнитивных исследований. Теория двойного кодирования Пэйвио подчеркивает специфику образного кодирования, хотя сторонники данной теории не всегда способны достаточно ясно объяснить, в чем эта специфика состоит. Тяготеющие к формализации авторы трактуют образы как предложения некоторого «ментального языка» [с. 50].

Автор (2006а), как и У. Найссер, подчеркивает значение индивидуальных различий, которые, вероятно, сильно влияют на позиции исследователей:

...природа образов продолжает вызывать оживленные споры. Дискуссия была начата Пылишиным (Pylyshyn, 1981), атаковавшим исследования образной памяти за чрезмерную «картинность» лежащей в их основе метафоры. Фактически утверждается, что наглядные образы являются эпифеноменами, а эффективные формы репрезентаций — это дискретные логические функции, или пропозиции. Спор об аналоговой или пропозициональной природе образов продолжался несколько десятилетий, приобретая такой характер, что для его разрешения нужно было бы уметь буквально «заглянуть в мысли» другого человека. Интересно, что позиция, занимаемая в этой дискуссии, коррелирует с особенностями зрительных образов участников и различиями в их подготовке, причем сторонники картинной метафоры тяготеют к гуманитарным наукам и биологии, а представители пропозициональной точки зрения — к математике и языкам программирования [с. 291].

И все же Б. М. Величковский (2006а) тоже убежден, что когнитивная психология должна иметь дело с чем-то «более объективным», чем ментальные явления. Он, например, задает вопрос:

Нельзя ли найти какие-либо более серьезные, например нейропсихологические, доказательства связи восприятия со способностью образного представления (визуализации)? [С. 53.]

Интересно было бы увидеть, как можно нейрофизиологически (то есть объективными методами) доказать связь двух психических (субъективных)

¹ ...Схема представляет собой удобный «конспект»... повторяющейся ситуации и помогает интерпретировать и дополнять необходимыми деталями наши воспоминания [Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг, 2001, с. 328].

явлений между собой, еще и не используя при этом интроспекцию, которая не признается когнитивизмом.

Описывая эксперименты З. Пылишина с многозначными фигурами (рис. 2), допускающими различные смысловые интерпретации (кошка — сокол, утенок — кролик, утка — куница), Б. М. Величковский (2006а, с. 54) отмечает, что если испытуемому, не знающему о существовании двух возможных интерпретаций, показать фигуру в положении, оптимальном для восприятия первого из альтернативных объектов, а затем предложить мысленно перевернуть ее в положение, объективно способствующее узнаванию второго объекта, то испытуемый не сможет обнаружить в представляемой фигуре второй объект. Тогда как при поворотах рисунков с этими фигурами испытуемый легко узнает либо один, либо другой объект. Б. М. Величковский (2006а, с. 54) согласен с Пылишиным (Pylyshyn, 2003), полагающим, что это объясняется различиями между мысленным образом (образом представления) и чувственным восприятием (образом восприятия). Мысленный образ не может быть семантически интерпретирован, поскольку он сам всего лишь семантическая интерпретация.

Рис. 2. Многозначные фигуры

Как я постараюсь доказать дальше, никаких специальных «семантических интерпретаций» как таковых в сознании нет и быть не может. **В сознании есть только те явления, которые в принципе могут быть интроспективно в нем обнаружены, то есть только то, что принципиально доступно рефлексии и может быть зафиксировано интроспективно в качестве психического явления.** Соответственно, в сознании нет в форме особых психических сущностей, отличных от образов и ощущений, ни «семантических интерпретаций», ни «готовностей», ни «схем» (если это не визуальный образ созданного человеком материального объекта — схема чего-либо), ни многочисленных иных неясных сущностей, широко обсуждаемых в когнитивной психологии. **Из репрезентаций в нем есть лишь ощущения, образы и составленные из них более сложные психические конструкции.** Все остальное, описываемое в литературе в качестве неопределенных и непонятных, но якобы присутствующих

в сознании сущностей, является построениями фантазии исследователей и не более того.

Обсуждаемая Б. М. Величковским (2006а, с. 54) многозначная фигура, в которой потенциально представлены два разных объекта, после того как мы уже опознали в ней один из них, актуализирует в сознании модель-репрезентацию (преимущественно визуальные образы представления именно этого конкретного объекта: либо птицы, либо кошки, либо утки, либо кролика и т. д.). Далее эта находящаяся уже в нашем сознании сенсорная модель-репрезентация первого объекта при прекращении актуального восприятия фигуры начинает выступать как установка и не позволяет больше никак трансформировать образ воспоминания-представления многозначной фигуры, чтобы распознать в фигуре что-то еще, даже если мы мысленно ее перевернем. В то же время при восприятии перевернутого рисунка мы способны опознать в фигуре второй объект, так как образ восприятия объекта, по-видимому, не столь жестко зависит от установки, как образы представления и воспоминания.

Почему исследователи, не принимающие факт существования психических образов, полагают реальным факт наличия концептуально-пропозициональных репрезентаций? Что является для них доказательством наличия последних? Предложения в книге, которую они, например, читают, или те предложения, которые пишут сами?

Но предложения — это не концептуально-пропозициональные репрезентации, а конструкции языка.

Да и вообще, что такое концептуально-пропозициональные репрезентации с точки зрения психической феноменологии?

Конструкции языка действительно результат экстерииоризации наших вербальных¹ психических конструкций, которые и есть те самые «концептуально-пропозициональные репрезентации», но об этом мы тоже знаем лишь на основании собственной интроспекции.

Получается, что у нас нет не только никаких «объективных» доказательств существования чувственных репрезентаций (образов и ощущений), но и каких-либо доказательств существования концептуально-пропозициональных репрезентаций. Более того, если какие-то условные «объективные» эксперименталь-

¹ Термин «вербальный», например «вербальное мышление» (см. в том числе: П. Тульвисте, 1988), не очень удачен (в пер. с лат. *verbalis* означает «устный»), но распространенные в литературе термины «речевое мышление» или «словесно-логическое мышление» и даже «внутренняя речь» представляются мне еще более неудачными. Наиболее адекватным является термин «понятийное мышление». В то же время термин «понятийные психические конструкции» в литературе вовсе не используется. Вместо него широко применяется термин «когнитивно-пропозициональные репрезентации». Он тоже не представляется мне однозначно удачным хотя бы потому, что первая его часть («когнитивно») имеет слишком широкое значение для того, чтобы обозначать именно конструкции из понятий. Ранее я (С. Э. Поляков, 2004) использовал понятие *вербальные психические конструкции*, кажушееся мне более точным, и продолжаю это делать здесь.

ные доказательства наличия образных репрезентаций вроде бы есть, как принято теперь считать благодаря экспериментам с ментальными образами (см. выше), то «объективных» доказательств существования концептуально-пропозициональных репрезентаций нет вовсе. Поэтому традиционные когнитивисты могли и даже должны были бы усомниться и в их наличии и попытаться это экспериментально проверить. Правда, и в отношении образных, и в отношении вербальных репрезентаций у нас есть наиболее достоверные и бесспорные доказательства их существования — результаты нашей интроспекции.

В качестве возможного объяснения распространенных сомнений в очевидности наличия ментальных образов можно, пожалуй, только выдвинуть предположение о том, что разные люди не настолько сходны психически, как представляется нашему «здравому смыслу», и между ними могут существовать радикальные психические различия. Одни люди способны, вероятно, переживать намного более яркие и детализированные ментальные образы, чем другие. Имеющиеся в литературе указания позволяют всерьез рассматривать такую возможность. Так, Р. Вудвортс (1950) пишет, например:

Существование значительных индивидуальных различий в образах было впервые отмечено Фехнером (G. T. Fechner, 1860) и позже подтверждено на более обширном эмпирическом материале Гальтоном (F. Galton, 1880). Фехнер просил своих испытуемых вызвать образ определенного предмета и обнаружил, что в то время, как некоторые сообщали об успехе, другие были способны в лучшем случае получить кратковременное мелькание, после чего образ заменялся голой мыслью о предмете.

...Вслед за Гальтоном другие исследователи обнаружили, что у одних индивидов преобладают яркие зрительные образы, а у других — яркие слуховые или моторные образы [с. 396].

В соответствии с данными Ф. Гальтона (F. Galton, 1879), примерно у 10 % людей зрительные образы интроспективно отсутствуют. Мне лично тем не менее представляется, что результаты Ф. Гальтона нуждаются в серьезной проверке. Большую роль здесь могут играть также различия в степени рефлексии собственного психического содержания, степени его понимания и эффективности самоотчета. В. Х. Кандинский (2001, с. 121–122) тоже приводит данные о том, что у разных психологов и психиатров были разные способности к вызыванию у себя зрительных и слуховых образов. О своем интересном наблюдении за молодой женщиной, обладавшей способностью переживать уникально яркие и детальные образы представления и воспоминания, трудноотличимые по этим характеристикам от перцептивных образов, сообщает (см. раздел 3.4) Ч. Ф. Стромейер III (2005, с. 623). Думаю, сейчас не составит большого труда проведение интроспективных экспериментов, которые позволят ответить на вопросы об особенностях индивидуальных различий ментальных образов и их рефлексии.

В целом нельзя не отметить, что когнитивная психология стала в XXI в. гораздо более терпима к ментальным образам, чем была в последней трети XX в. Например, теория А. Пэйвио является сейчас общепризнанной частью когнитивной психологии, хотя и считает совершенно естественным и бесспорным факт существования психических образов — то, что еще не так давно вызывало неприятие у большинства когнитивных психологов.

В заслуживших мировое признание учебниках по психологии авторы пишут уже как о само собой разумеющемся, что:

...психологи, философы и программисты делят представления на два больших класса: *аналогические* и *символические*. Аналогии обладают некоторыми из действительных характеристик объекта, который они представляют. Символы, напротив, не несут в себе никакой связи с обозначаемым объектом. ...Мышление использует оба эти класса представлений [Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг, 2001, с. 350].

Мне, однако, представляется нецелесообразным жесткое противопоставление образного и вербального «кодирования» (как принято говорить в когнитивной психологии), или образных и вербальных репрезентаций. Хотя с методологической точки зрения это вполне оправданно. **И те и другие репрезентации феноменологически являются образными, то есть появляются в сознании человека как чувственные образы в своей основе. Первые — как образы окружающей реальности вообще. Вторые — как образы лишь специфической ее части — особых искусственных объектов — слов. При этом то, что вербальные репрезентации имеют дополнительное символическое значение, ничего принципиально не меняет в их изначально чувственной природе.**

Подводя итог, можно сказать, что, попытавшись заменить старые понятия *ощущение* и *образ* новым понятием *ментальные репрезентации*, когнитивная психология лишь создала иллюзию решения связанных со старыми понятиями проблем. Значения, традиционно вкладываемые в старые понятия, действительно не вполне соответствуют психической реальности, упрощая и искажая ее (к этому мы еще вернемся). Однако «новому» понятию *ментальные репрезентации* в когнитивистской трактовке присущи собственные недостатки. В первую очередь — неопределенность содержания с тенденцией к подмене психического содержания этого понятия физиологическим содержанием. В результате чего оно ничуть не лучше раскрывает сущность тех явлений, которые должно обозначать. Более того, новые недостатки даже серьезнее старых.

Понятие *репрезентация*, кстати, отнюдь не новое. Так, В. Виндельбанд (2007) пишет:

...он (Лейбниц. — С. П.) изобрел выражение, ставшее важным именно для новейшей психологии: он называл представления вообще *representations*... [с. 505].

Следовательно, изначально понятие *репрезентации* обозначало не что иное, как образы представления. Э. Кассирер (2002) понимает репрезентацию шире:

...репрезентация — представление одного содержания в другом и через посредство другого — должна быть признана сущностной предпосылкой построения самого сознания, условием его собственного формального единства [с. 40].

Я думаю, что, исходя из представлений классической психологии, **понятие психические репрезентации можно и нужно понимать лишь как психические явления, представляющие (собой) в сознании окружающую нас реальность и нас самих в ней.** Хотя в когнитивной психологии это понятие рассматривается сразу в трех, а то и в четырех смешивающихся между собой плоскостях: психологической, физиологической, информационной и даже инженерно-технической, что делает его содержание противоречивым и аморфным. В этой связи интересно высказывание С. Палмера, которого цитирует Б. М. Величковский (2006а):

Каждый, кто попытался почитать современную литературу о когнитивных репрезентациях, довольно скоро пришел бы в недоумение, и с полным на то основанием. Эта область запутанна, плохо определена и крайне дезорганизована. Среди наиболее популярных терминов можно найти следующие: зрительные коды, вербальные коды, пространственные коды, физические коды, наименования, образы, аналоговые, цифровые и векторные репрезентации, изоморфизмы первого и второго порядка, многомерные пространства, шаблоны, признаки, структурное описание, семантические сети и даже голограммы. Эта избыточность терминов... была бы хорошим делом, если бы все различия были ясны и систематически дополняли друг друга. Факт состоит в том, что они не ясны и не соотносимы между собой... Это не характерно для области с глубоким пониманием своих проблем и серьезным стремлением к их разрешению (Palmer, 1978, p. 259) [с. 289].

Тем не менее само **понятие психическая репрезентация представляется мне очень удачным, так как оно подчеркивает тот факт, что в сознании человека возникает в процессе восприятия не «как бы копия» воспринимаемого объекта, а нечто иное. Иное, которое может лишь представлять в специфическом и не совпадающем с «реальностью в себе» антропоморфном виде воспринимаемый человеком ее элемент.** Данное понятие феноменологически более правильное, чем, например, понятие *ментальный образ*, но оно имеет два очевидных минуса. Во-первых, оно является более общим понятием и включает в себя фактически все психические феномены: и ощущения, и разнообразные психические образы (восприятия, представления и воспоминания), и даже понятия и конструкции из них. Во-вторых, когнитивная психология вообще размыла его границы, чрезмерно и явно неадекватно расширив его значение и включив в него множество неясных нейрофизиологических, биохимических,

информационных и прочих конструктов. Поэтому понятие *психические репрезентации* можно и нужно использовать, но его значение должно быть при этом четко определено.

В дальнейшем изложении я буду исходить из следующих постулатов.

- **В психике и сознании есть только то, что нам позволяет обнаружить там наша интроспекция. Как бы мы ни относились к интроспекции, другого метода непосредственного рассмотрения психического содержания просто нет.**
- **Сознательные психические явления есть первейшая и самоочевиднейшая реальность, существование которой не требует дополнительных экспериментальных подтверждений и доказательств.**
- **Не следует смешивать уровни анализа когнитивной деятельности. У нас нет никаких оснований использовать для объяснения психических феноменов физиологические данные, тем более метафорические конструкции из области технических наук. Если же мы привлекаем метафоры для пояснения своих гипотез, то должны ясно об этом говорить, чтобы не возникало путаницы в их понимании.**
- **Нельзя не признать, что интроспекция дает не очень много для понимания сущности психических явлений, как, впрочем, и «объективные» методы исследования, но интроспекция по крайней мере позволяет выделить, описать и обозначить имеющиеся у нас психические феномены хотя бы для последующего их изучения, в том числе экспериментального.**
- **Психические репрезентации можно разделить на простые и сложные, а также на чувственные (ощущения, образы и конструкции из них) и символические (образы понятных слов — понятия и конструкции из них).**

2.2. Репрезентации и компьютерная метафора

Сегодня когнитивная психология отчетливо распадается на течения. Несмотря на то что очень многие когнитивные психологи уже приняли возвращение в психологию образов, позиции противников ментальных образов достаточно сильны. Традиционный когнитивизм не только сомневается в существовании психических феноменов — он активно пропагандирует компьютерную метафору сознания, нередко даже объединяя в одной плоскости рассмотрения репрезентации и алгоритмы. В одном из наиболее авторитетных учебников по психологии, выдержавшем 15 изданий, авторы Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут:

Основная идея когнитивной науки состоит в том, чтобы представить когнитивную систему в виде гигантского компьютера, выполняющего сложные вычисления. Подобно тому как компьютерные вычисления можно разбить на ряд более простых — сохранение, извлечение и сравнение символов или репрезентаций, человеческое действие можно разложить на элементарные психические компоненты. ...Работу компьютера можно анализировать на различных уровнях: как на уровне технических устройств, где главная роль принадлежит микросхемам, так и на уровне репрезентаций и алгоритмов, где главное — это процессы и структуры данных; сходным образом когнитивную деятельность человека можно анализировать на уровне «устройств», то есть нейронов, и на уровне мысленных репрезентаций и процессов. Таким образом, представления об умственных действиях и уровне анализа являются краеугольными камнями когнитивной науки (Osherson, 1990) [с. 39].

Это по своей сути глубоко ошибочный, непродуктивный и тупиковый подход. Дело в том, что «работу компьютера» нельзя «анализировать как на уровне технических устройств, так и на уровне репрезентаций и алгоритмов», так как уровень «репрезентаций и алгоритмов» приносится в результаты работы компьютера не компьютерными механизмами, а внешним по отношению к компьютеру и не являющимся его частью человеческим сознанием. Компьютер не более чем физический инструмент, который сам является набором более простых физических объектов. Его функционирование заключается во взаимосвязанном изменении состояния этих элементов и возникновении в результате этих изменений новых физических объектов — изображений на экране или на иных носителях.

В работе и элементах компьютера не больше репрезентаций и даже алгоритмов, чем в работе и элементах мясорубки. Человек и только человек приносит в изменения физических состояний ЭВМ некое значение, превращает их в своем сознании в символы и знаки, рассматривает их изменения как алгоритмы. Именно он наполняет смыслом возникающие на экране изображения. Репрезентации есть только в сознании, которое работает с компьютером. Компьютер, в отличие от мозга, не создает репрезентации. Он просто сложно изменяет свое физическое состояние во времени по заданным человеческим сознанием схемам этого его изменения — алгоритмам. Самостоятельное по отношению к нему сознание использует его лишь как сложное физическое устройство, отличающееся от калькулятора, ручки и блокнота лишь большим количеством составляющих его элементов. Это человек приписывает компьютеру некое значение, которое на самом деле присутствует в сознании, поэтому **компьютерная метафора неприменима для понимания функционирования психики и сознания.**

Считать, что работу компьютера можно анализировать «на уровне технических устройств, где главная роль принадлежит микросхемам, и на уровне репрезентаций и алгоритмов», — примерно то же самое, что полагать

возможным анализировать работу пишущей машинки на уровне технического устройства и на уровне репрезентаций, потенциально содержащихся в напечатанном ею авторском тексте. Ситуация с человеческим мозгом гораздо более сложная, так как мозг не только функционирует как совокупность физических объектов, например нейронов, но и, вероятно, участвует вместе с организмом в целом в формировании сознания, в том числе тех самых репрезентаций. Поэтому формально его работу, наверное, можно анализировать на уровне «устройств», то есть нейронов, и на уровне его непонятого вклада в формирование мысленных репрезентаций и процессов. Однако возникает другой вопрос: *насколько правомерно прямо отождествлять работу нейронов и возникновение психических репрезентаций?*

Вероятно, эти явления взаимосвязаны и как-то сложно соотносятся между собой. Но соотносятся между собой и сложным образом коррелируют с возникновением психических репрезентаций и другие, более простые физиологические явления и изменения. Например, увеличение кровообращения или потребления кислорода в определенных структурах мозга во время решения задач или восприятия объектов. *И что нам это дает в понимании психических репрезентаций?*

Пока ничего, несмотря на оптимистические заявления многих авторов. Следовательно, **утверждение, что «когнитивную деятельность человека можно анализировать на уровне “устройств”, то есть нейронов, и на уровне мысленных репрезентаций и процессов» так же, как работу компьютеров, не просто спорное, но и весьма вредное, как и компьютерная метафора психики и сознания в целом.** Безусловно, когнитивную деятельность следует исследовать на всех уровнях, но из этого никак не вытекает, что ее следует отождествлять с функционированием компьютера, а также пытаться объяснять психические репрезентации, используя понятийный аппарат более низкого уровня, что происходит в когнитивизме везде и постоянно.

Б. М. Величковский (2006а), например, пишет:

Чем более полно в рамках нейрокогнитивной парадигмы удастся описать психику в терминах объективных мозговых процессов, тем больше, вообще говоря, оказывается соблазн вновь отказаться от менталистской терминологии и целиком перейти на язык физиологии [с. 296].

Автор говорит о широком распространении сейчас «теории идентичности психики и мозга», оперирующей следующими постулатами:

Психические состояния — это состояния мозга. Сознание — это нейрофизиологический процесс [с. 296–297].

Мне представляется, однако, что в рамках «нейрокогнитивной парадигмы» вообще никак не удастся описать психику «в терминах объективных мозговых

процессов». Пока что, как мне кажется, исследователям, придерживающимся этих взглядов, удастся лишь неудачно подменять психические явления нейрофизиологическими понятиями и терминологией из смежных дисциплин: математики, информатики и т. д., что создает иллюзию большей «объективности», но не добавляет ни грана ясности. Напротив, такая подмена окончательно запутывает даже изначально относительно понятные вопросы.

Я не разделяю оптимизма автора (с. 294) и в отношении результатов применения «мозгового картирования» как метода, якобы выявляющего «все более полную связь мозгового субстрата и психологических функций». Связь, конечно, есть, но *дало ли нам картирование мозга действительно что-то новое для понимания «самосознания, принятия решений и понимания поэтических метафор» по сравнению даже с обычной электроэнцефалографией, например?*

Нет. Результаты физиологических исследований мозга вообще не сильно продвинули психологическую науку. Так, например, несмотря на существенное продвижение наших знаний о структуре зрительных рецепторов, зрительных путей и структуры корковых отделов зрительного анализатора, мы в итоге ничуть не продвинулись в понимании зрительного образа. Даже не достигли единства в вопросе: *есть ли сами ментальные образы?*

То, что новые методы не имеют принципиальных преимуществ в изучении психических явлений перед, например, давно известными электроэнцефалографией или методикой регистрации вызванных потенциалов, в общем-то, очевидно и для самих экспериментаторов (см., например: Б. М. Величковский, 2006, с. 150). Эти и другие новые и новейшие методы исследования не приближают нас к пониманию проблемы соотношения психики и мозга. Они лишь позволяют лучше понять работу мозга.

Б. М. Величковский (2006, с. 158–160) пишет, что исследования «зеркальных» нейронов, разнообразных нейротрансмиттеров и исследования по когнитивной геномике тоже только приближают нас к пониманию работы мозга, но не сущности психики. Тем не менее автор полагает, что:

...идеи перцептивной основы знания можно возродить, если отказаться от опоры на интроспективные данные как начальный пункт анализа и обратиться к бессознательным нейрофизиологическим процессам сенсомоторной и сенсорно-перцептивной обработки [Б. М. Величковский, 2006а, с. 77].

...Интроспективные характеристики образов служат плохим предиктором успешности их использования как мнемотехнического средства [Б. М. Величковский, 2006, с. 399].

В этой его позиции отражается общий когнитивистский подход к сенсорным психическим феноменам. То, что автор предлагает заменить интроспективные данные ни много ни мало «бессознательными нейрофизиологическими

процессами сенсорно-перцептивной обработки», также отражает генеральную линию когнитивной психологии. Б. М. Величковский (2006а) утверждает, что:

...при обработке в нейронных сетях происходит расщепление информации об объекте на отдельные признаки. Эта особенность регистрации сенсорных воздействий уже содержит элемент абстракции. В частности, понятие «тигр» отличается от зрительного образа тигра (воспринимаемого или только воображаемого) тем, что признак «полосатость» остается недоспецифицированным — конкретное число полос на шкуре не играет роли и остается абстрактной переменной. Эти же особенности характеризуют и сенсорное кодирование признака пространственной частоты. Соответствующие нейроны-детекторы кодируют лишь ориентацию и примерную плотность полос, оставляя вопрос об их точном количестве открытым. Точно так же можно подойти к рассмотрению свойств понятия «треугольник». Комбинация информации от трех нейронов-детекторов, настроенных на выделение углов, без учета их конкретных размеров и ориентации, могла бы в принципе иметь требуемый абстрактный характер [с. 77].

Только с учетом когнитивистской позиции автора можно понять, почему смешиваются физиологические и психологические категории, как «информация» может «расщепляться в нейронных сетях», а физиологические «особенности регистрации сенсорных воздействий» «содержать элемент абстракции». *Зачем нам следует заменять субъективно абсолютно реальный и легко воспроизводимый по нашему желанию собственный психический феномен — ментальный образ треугольника, например, — совершенно непонятно что собой представляющей по своей сути — то ли психологический феномен (раз речь идет об информации), то ли все же физиологическое явление — «информацией от трех нейронов-детекторов»?*

Можно только повторить, что нет никакого смысла замещать смутными и аморфными терминами «перцептивные символы», «интерпретация сенсорных данных» или чем-то вроде «перцептивно-семантических фреймов» (как это постоянно происходит в когнитивизме) то, что мы реально переживаем в своем сознании, пусть и в виде не всегда понятных нам образов представления и воспоминания.

Предполагаемая наукой связь между биологическими и психическими процессами, конечно, есть, но она непрямая и неясная и выявляется лишь рационально — сложными опосредованными методами. По этой причине попытки связать напрямую психические явления с доступными сегодня нашему изучению физиологическими процессами, протекающими в мозге, и непосредственно привлечь последние для их объяснения и психологического анализа не вполне адекватны, как и попытки прямого технического или информационного объяснения протекания психических процессов. Старания многих авторов использовать технические, информационные и физиологические термины

с целью «лучшего» и «более объективного» объяснения функционирования психики вообще иррациональны и бессмысленны. Они были бы смешны, если бы не были так вредны.

В психологии тем не менее широко распространены и считаются не только уместными, но и адекватными инженерно-технические «описания» процесса зрительного восприятия. При этом обычно не делается никаких указаний на то, что подобные «объяснения» и не объяснения вовсе, а всего лишь попытки гипотетического отождествления с человеческим восприятием физических процессов, протекающих в технических устройствах, предназначенных для регистрации (а не восприятия) световых сигналов. И использовать такие модели можно лишь в качестве грубых метафор для условного объяснения да и то лишь физиологических процессов, обеспечивающих зрительное восприятие, а при обсуждении психических явлений их просто некорректно применять.

Мы ничего не выигрываем, размывая границы между психологией, физиологией и информатикой. Наоборот, с одной стороны, наши понятия становятся менее конкретными, более аморфными и менее информативными. С другой стороны, в результате возникает некая рыхлая и бессмысленная смесь из несопоставимых понятий.

Даже в очень интересных работах встречается множество странных утверждений вроде таких:

Перевод стратегического знания в оперативное на нейрофизиологическом уровне представляет собой процесс активации и перекодирования информации [Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005, с. 202].

Информация в форме прообраза [там же, с. 232].

...Прообраз — это оптофизическая дифференциация пространства [там же, с. 218].

Или таких:

Нам известно, что в долговременной памяти хранятся абстрактные коды образов и что эти коды могут сопоставляться с входными стимулами, обеспечивая распознавание этих стимулов. Мы видели, что информация может быть структурирована с помощью различных правил — правил орфографии, правил перекодирования рядов цифр, правил синтаксиса. Все эти правила хранятся в долговременной памяти. Мы также убедились, что в долговременной памяти содержатся значения слов и факты [Р. Клацки, 1978, с. 160].

Подобное смешение совершенно разных и несопоставимых сущностей («коды образов», «структурированная информация», «хранение правил» и т. п.) и разных плоскостей анализа очень часто встречается в современных работах по психологии, так как многие исследователи почему-то полагают,

что чем больше в их психологических теориях «математикообразности», заимствований из информатики и физики, даже неуместных, тем они «объективнее» и убедительнее. Мне представляется, что если уж автор психологической теории использует техническую метафору, то он должен пояснять, что это всего лишь метафора, а не особенности человеческой психики. Очевидно, что созданные людьми приборы и устройства наиболее понятны для нас и с ними удобнее всего сравнивать нечто непонятное и труднообъяснимое. Но подобные сравнения запутывают и создают неадекватные представления у людей, впервые знакомящихся с психологией и с такого рода теориями.

Непрекращающиеся попытки когнитивных психологов ввести неясные, а порой и вовсе сомнительные сущности, якобы более «объективные», потому что имеют отношение к физиологии, анатомии и информатике, свидетельствуют лишь о не преодоленном до конца бихевиористском наследии.

В связи с упорными попытками когнитивных психологов¹ рационально доказать самим себе, что образы, возможно, на самом деле существуют в их сознании, а еще лучше — попытаться обнаружить «стоящее за ними» что-то более материальное, по крайней мере способное более «объективно» их заменить, актуально высказывание И. Гете, которое цитирует И. Зайферт (2006):

Но одного вида прафеномена для людей обычно недостаточно, они думают, что должны идти дальше. Они подобны детям, которые, когда посмотрятся в зеркало, тотчас переворачивают его, чтобы увидеть, что же такое находится с его обратной стороны.

...Они (феномены. — С. П.) только и являют себя и существуют, причем в них нельзя познать ничего дальнейшего. ...Он [физик] (да и психолог тоже. — С. П.) должен разработать метод, который соразмерен созерцанию. Ему следует остерегаться превращения созерцания в понятие, а понятия — в слово, чтобы обходиться и поступать с этими словами, как если бы это были предметы [с. 24].

Нам остается лишь снять шляпу перед прозорливостью гения. О том же пишет Э. Гуссерль (2009):

Никакая мыслимая теория не может заставить нас усомниться в принципе принципов: любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правой источник познания, и все, что предлагается нам в «интуиции» из самого первоисточника... нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает. Ведь мы же усматриваем и то, что любая мыслимая теория могла бы любую из своих истин почерпнуть, в свою очередь, лишь в данном из самого первоисточника [с. 60–61].

¹ Вслед за Р. Декартом, который, правда, верил своей интроспекции, когнитивные психологи усомнились бы, вероятно, даже в очевидности их собственного существования и проверили бы данный факт экспериментально, если бы смогли, но пока не изобрели соответствующего «объективного» эксперимента.

Следовательно, «принцип принципов» — это рассмотрение самого феномена — ощущения и образа, а не попытки их замены многочисленными «объективными» сущностями, не имеющими к данным, доступным интроспекции психическим явлениям, никакого отношения.

М. Хайдеггер (1988), обсуждая тезис Декарта «Ego cogito (ergo) sum» — «Я мыслю, следовательно, я существую», кочующий из книги в книгу в течение последних четырех веков, пишет:

Он (тезис. — *С. П.*) говорит, что я существую как представляющий, что не только мое бытие, по существу, определено этим представлением, но что мое представление как всеопределяющая «репрезентация» выносит решение о наличии, *praesentia*, всего представляемого, то есть о присутствии того, что в нем (представлении) подразумевается, то есть о бытии этого подразумеваемого в качестве сущего. ...То, на что все опирается как на непоколебимое основание, — это представление в своей сущностной полноте, поскольку им определяется существо бытия и истины, а также существо человека в качестве представляющего, и самый способ такого основополагания [с. 283].

Таким образом, наши субъективные психические явления — ощущения и образы и другие психические репрезентации лежат в основе всякой «объективности», в основе «объективной реальности» и вообще всякого опыта. И если мы усомнимся в существовании и достоверности собственных психических явлений, в том числе и ментальных образов, то тогда вообще не существует ничего не только истинного, но и подлежащего рассмотрению и изучению. Хотим мы того или нет, наши субъективно очевидные чувственные образы — это единственная, данная нам от рождения основа для любого нашего рассуждения и последующего анализа. И нет ничего иного. И не будет никогда найдено, несмотря на любые попытки измыслить что-нибудь «более достоверное».

Мы можем долго и пространно рассуждать по поводу того, что именно наши ощущения и образы представляют собой с точки зрения физиологии, физики, информатики и т. д., и строить разного рода вербальные мысленные конструкции в отношении их возможной «объективной сущности», но ничего достовернее и очевиднее самих этих исходных, данных нам от природы, чувственных феноменов своего сознания мы не изобретем.

М. Шелер (2006а, с. 384) совершенно справедливо говорит о том, что наука никогда не исходит из «ощущения», но всегда исходит из «положения вещей».

Это так, но «положение вещей» выстраивается наукой с помощью рациональных вербальных моделей, то есть рациональных выводов из «ощущений». И если наука, в частности когнитивная психология, предпочитает реальность собственных вербальных построений реальности ощущений, то это

неправильно. Иными словами, выстроенные исследователями символические вербальные конструкции не должны значить для них больше, чем их же собственные ощущения и образы, из которых, собственно, эти конструкции в конечном счете и возникают. Попытки заменить очевидные и первичные сенсорные психические феномены надуманными логическими построениями бессмысленны и вредны. М. Хайдеггер (1988) проводит параллели между высказыванием Декарта:

...я часто замечал, что философы заблуждаются в том, что простейшее и само по себе известное они пытаются сделать более ясным посредством логических понятийных определений; ведь таким путем делают само понятное более темным, —

и высказыванием Аристотеля:

Доказывать очевидное из неочевидного свойственно человеку, не способному различать, что известно само по себе и что — не само по себе [с. 295].

Тезисы для обсуждения

1. Несмотря на громкие заявления ведущих представителей когнитивизма об их отказе от бихевиоризма, последний по-прежнему во многом определяет их взгляды. И объективистская парадигма абсолютно доминирует в когнитивной психологии.
2. Нет и не может быть никаких объективных доказательств существования в сознании абсолютно субъективных психических явлений — ощущений, образов, конструкции из них и т. д. Однако субъективное переживание каждым из нас собственных психических явлений, доступных интроспекции, со времен Античности было и остается первейшей и самоочевиднейшей реальностью, существование которой не требует дополнительных экспериментальных подтверждений и доказательств.
3. Субъективно очевидные для нас и доступные нашей интроспекции ощущения, ментальные образы и конструкции из них — это единственная данная нам от рождения основа для любого нашего дальнейшего рассуждения и анализа. И нет для нас в «реальности в себе» ничего иного. Наши субъективные психические репрезентации лежат в основе всякой «объективности», «объективной реальности» и вообще любого опыта. И если мы усомнимся в существовании и достоверности собственных психических явлений, например ментальных образов, то тогда у нас не останется ничего не только «истинного», но и подлежащего научному рассмотрению и изучению.
4. В сознании (и психике) есть только те явления, которые в принципе могут быть интроспективно в нем обнаружены, то есть только то, что

принципиально доступно рефлексии и может быть зафиксировано интроспективно в качестве психического явления — желания, эмоции, ощущения, образа или составленной из них более сложной психической конструкции. Все остальные якобы имеющиеся в психике объекты, обсуждаемые в когнитивизме, вроде «семантических интерпретаций», «готовностей», иных многочисленных неясных сущностей, являются лишь гипотетическими построениями исследователей, не имеющими отношения к содержанию психики.

5. Нельзя не признать, что интроспекция дает не очень много для понимания сущности психических явлений, как, впрочем, и объективные методы исследования. Но интроспекция по крайней мере позволяет выделить, описать и обозначить имеющиеся у нас психические феномены хотя бы для последующего их изучения, в том числе экспериментального.
6. И чувственные, и вербальные (символические) психические репрезентации представляют собой ментальные образы физических сущностей, единые в своей феноменологической основе. Но если первые являются образами самых разных физических сущностей окружающего мира, то вторые являются образами небольшой его же части — особых, создаваемых людьми, искусственных физических объектов — слов и несут в себе дополнительные смыслы. То, что вербальные репрезентации имеют дополнительное символическое значение, ничего принципиально не меняет в их изначально образной природе. Кстати, так называемые концептуально-пропозициональные репрезентации — это мысленные вербальные конструкции, состоящие из слуховых (и зрительных) образов слов, имеющих понятное человеку значение.
7. Психическая репрезентация, возникающая в процессе восприятия элемента «реальности в себе», — это не как бы «копия» воспринимаемого предмета, физического объекта или явления. Это зависящее и от «реальности в себе», и от сознания психическое явление, антропоморфно представляющее в сознании воспринимаемый элемент «реальности в себе» в форме самостоятельной от сознания сущности, присутствующей в мире, чаще физической.
8. Нельзя смешивать уровни анализа когнитивной деятельности психики. У нас нет никаких оснований для объяснения психических феноменов путем низведения их до уровня физиологических объектов, а тем более объектов из области технических наук и информатики. Если же мы привлекаем метафоры для пояснения своих гипотез, то должны ясно об этом говорить, чтобы не возникало путаницы в их понимании.

9. Абсолютно недопустимо и не добавляет убедительности теориям широко представленное в современной когнитивной психологии использование сущностей, заимствованных из естественных наук («коды образов», «структурированная информация», «перцептивные смыслы», «интерпретации сенсорных данных», «перцептивно-семантические фреймы», «хранение правил» и т. п.) с целью якобы «лучшего» и «более объективного» объяснения функционирования психики. Несостоятельны и попытки исследователей замещать аморфными и непонятными гипотетическими сущностями (физиологическими, информационными и даже техническими) те психические феномены (ощущения, образы и понятия), которые мы реально переживаем в своем сознании и которые способны интроспективно опознавать, различать и обозначать, пусть их смыслы и не всегда совершенно понятны нам.
10. Утверждение, что когнитивную деятельность человека можно анализировать на «уровне устройств», то есть нейронов, и на «уровне мысленных репрезентаций и процессов» так же, как работу компьютеров, не просто ошибочное, но и весьма вредное. Компьютерная метафора вообще неприменима для понимания функционирования психики и сознания. Она используется исследователями как наиболее понятная им и за неимением чего-либо лучшего.

ГЛАВА 3

Ощущения и образы

- Определение ощущения и образа.
- Сравнительные характеристики ощущений и образов.
- Мысленные, ментальные или психические образы.
- Образы представления и их отличия от образов восприятия.
- Образы воспоминания.

3.1. Определение ощущения и образа

Психические репрезентации можно разделить на простые и сложные, а также на чувственные (ощущения, образы и конструкции из них) и символические (образы понятных слов — понятия и конструкции из них). Уже вторую сотню лет все руководства по общей психологии начинаются с описания и определения ощущений. Предложены сотни определений, однако вопрос о том, что же такое ощущения, далек от решения. Приведу лишь несколько определений:

Ощущение. Любой непроработанный, элементарный опыт чувства или осведомленности о каких-то состояниях внутри или вне тела, вызванный возбуждением некоторого рецептора или системы рецепторов, сенсорные данные. <...> Субъективный класс сенсорных впечатлений, сгруппированных вместе на основе общих элементов; модальность ощущения, например слуховое ощущение, ощущение запаха, зрительное ощущение и т. д... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 590–591].

Ощущение: 1) психофизический процесс непосредственного чувственного отражения (познания) отдельных свойств явлений и предметов объективного мира, то есть процесс отражения прямого воздействия стимулов на органы чувств... 2) возникающее в результате указанного процесса субъективное (психическое) переживание силы, качества, локализации и других характеристик воздействия на органы чувств (рецепторы) [Большой психологический словарь, 2004, с. 363].

Под ощущениями как таковыми понимают непосредственные, фундаментальные и прямые контакты (переживания) определенного рода, иными словами, они относятся к осознанному знанию о качестве или характеристических признаках окружающих нас предметов, таких как «тяжелый», «теплый», «громкий» и «красный», и это знание, как правило, является результатом воздействия простого, изолированного раздражителя. ...Восприятие представляет собой результат упорядочения ощущений и их превращение в знания о предметах и событиях физического мира [Х. Шиффман, 2003, с. 24–25].

Эти относительно новые определения не имеют преимуществ перед гораздо более старыми. Например, Э. Титченер (1898) считает ощущениями:

...те элементарные сознательные процессы, которые соединены с телесными процессами в определенных телесных органах [с. 22].

У. Джеймс (2003) рассматривает ощущения как:

...непосредственные результаты воздействия нервных токов на сознание... [с. 14].

Р. Эйслер (2007) определяет ощущение как:

...присутствие (и в то же время возникновение) (в сознании. — *С. П.*) простого содержания в зависимости от определенных чувственных функций... [с. 149].

Чувствование же — как:

...переживание (наличность) (в сознании. — *С. П.*) удовольствия или страдания. Все эти состояния объединяются сознанием, все они заключаются в переживании чего-то, что само по себе отлично от состояния переживания [с. 149].

Б. Рассел (2000) замечает:

Мы будем называть «ощущением» тот опыт, который дает нам непосредственное знание этих вещей [с. 159].

При этом Э. Титченер (1898) признает, что отдельное ощущение — это абстракция:

Отдельное ощущение, рассматриваемое независимо от других ощущений, есть продукт научного анализа, есть отвлечение, абстракция от действительной душевной жизни... [с. 118].

Сказанное, впрочем, касается, в первую очередь, ощущений, которые являются «элементами образа».

Очевидно, что приведенные определения представляют собой по большей части не столько феноменологические описания психических явлений,

сколько констатацию условий их возникновения. После знакомства с ними не появляется ясного понимания того, что же такое *ощущение*, поэтому трудно не согласиться с М. Мерло-Понти (1999), который пишет:

...понятие ощущения... кажется непосредственным и ясным: я ощущаю красное, голубое, горячее, холодное (вместе с тем. — С. П.). ...*Понятие — это самое что ни на есть смутное...* (курсив мой. — С. П.) [с. 25].

Ощущение — это психическое явление, которое мы переживаем, когда воспринимаем что-то тактильно, на вкус, с помощью обоняния, температурной, болевой и interoцептивной чувствительности, а также в тех случаях, когда у нас возникает смутное, недифференцированное зрительное или слуховое восприятие, не достигающее ясности образа. Лично я не могу вербализовать психические феномены, называемые ощущениями, и вынужден, апеллируя к интроспекции, отправлять читателя к его собственным специфическим психическим переживаниям, возникающим у него в определенных условиях.

Определения психического *образа* несколько больше, чем определения *ощущения*, соответствуют психологическим и феноменологическим критериям, но от этого, впрочем, не являются более четкими и ясными:

Образ — субъективная картина мира или его фрагментов... [Психологический лексикон, 2005, с. 152].

Чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику... [Большой психологический словарь, 2004, с. 342].

Образ. Термин происходит от латинского слова, означающего имитацию, и большинство способов употребления его в психологии — и устаревших, и современных — вращаются вокруг этого понятия. Следовательно, наиболее распространенными синонимами для него являются понятия «сходство», «копия», «воспроизведение», «дубликат» и т. д... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 530–531].

Образ восприятия (син. перцептивный образ, перцепт) — отражение в идеальном плане внешнего объекта (сцены), воздействующего на органы чувств [Большой психологический словарь, 2004, с. 342].

Мало того, что приведенные определения во многом противоречат друг другу. Они еще и не проясняют сущность того, что пытаются осветить. **Отсутствие адекватных определений ощущений и образов — этих, казалось бы, самых простых психических феноменов, а также тот факт, что наиболее удачные попытки их объяснения связаны с интроспекцией, свидетельствуют о том, что образы, как и ощущения, не могут быть эффективно вербализованы, то есть**

раскрыты с помощью языковых конструкций. Сделать это так же невозможно, как описать слепому, чем зеленый цвет отличается от синего, или рассказать глухому, чем отличается мелодия от шума водопада. Для того чтобы понять это, необходимо все это просто пережить. Поэтому трудно не согласиться с В. В. Любимовым (2007), который совершенно справедливо замечает:

Определить образы можно единственным способом — посредством самонаблюдения. Читателю нужно, воспользовавшись этим методом, обратиться к своему индивидуальному сознанию и посмотреть, что находится справа, что слева, вспомнить, что снилось в последний раз или как выглядит ближайшая станция метро. Не апеллируя к индивидуальному сознанию и методу интроспекции, определить образное явление как явление, переживаемое субъективно, невозможно [с. 9].

И этот прием, пожалуй, единственный и наиболее верный способ определения не только образа и ощущения, но и вообще любого психического явления. С учетом использования данного приема можно попробовать дать определение образа. **Образы восприятия — это те физические сущности (предметы, объекты, явления и пр.), которые вы видите и слышите вокруг себя, а ощущения — те дополнительные чувственные феномены, которые они же и ваше тело порождают в вашем сознании.**

В связи с рассмотрением ощущений следует коснуться проблемы часто встречающегося в литературе неправомерного отождествления исследователями изменчивости физических предметов с раздражимостью и чувствительностью¹ живых организмов.

Нам придется обсудить еще один важный вопрос, по-разному решаемый в отечественной и западной психологии. **В советской, а теперь и российской психологии принято выделять образы восприятия, или перцептивные образы, а также образы представления и воспоминания.** Вероятно, это восходит еще к работам основателей классической психологии. *Оправданно ли создание общего понятия образы (психические, или ментальные), которое объединяет в себе и перцепты, и образы представления и воспоминания?*

Мне думается, что оправданно, так как образы представления, а уж тем более воспоминания, несомненно, представляют собой, говоря метафорически, что-то вроде полустертых временем психических результатов процесса восприятия, то есть «следы», «остатки» прошлых перцептов. Следовательно, феноменологически они имеют общую с ним природу, то есть едины.

Теперь о дуалистическом подходе, разделяющем физический предмет (пусть даже не предмет, а только «вещь в себе») с его психической репрезентацией, а также об объективистском и субъективистском взглядах на эту проблему.

С одной стороны, ввод в психологию понятия *образ восприятия* вроде бы свидетельствует тем самым о поддержке представления, согласно которому

¹ См. примечание 3.

существует предмет во внешнем физическом мире и психический образ этого предмета в сознании воспринимающего его человека, а это не что иное, как яркое проявление объективистской позиции в психологии. С другой стороны, понятие *образ восприятия* вполне может сочетаться и с субъективистским подходом. Ведь по факту вне нас существует фрагмент трансцендентной «реальности в себе», из которой именно наше сознание с помощью своей репрезентации — образа восприятия (или перцепта) создает привычный нам предмет.

Победа бихевиоризма в начале XX в. сняла для зарубежной психологии проблему использования понятия *образы восприятия*. Все ментальные феномены были просто объявлены «вне закона» и исчезли из психологической литературы. Р. Хольт (1981) пишет:

Образы, внимание, состояния сознания и другие основные понятия старой психологии были преданы анафеме как «менталистские» и выдворены из светлицы в ночную мглу [212, с. 19].

Только в начале 70-х гг. XX в. в США стали появляться и рассматриваться психологическим сообществом работы, в которых вновь стали обсуждать и анализировать ментальные образы. Это, впрочем, никак не отразилось на признании правомерности понятия *образ восприятия*. Даже принятие самого факта наличия психических феноменов для большинства представителей когнитивизма до сих пор не бесспорная и важнейшая очевидность, а скорее вынужденная необходимость.

Вероятно, поэтому в зарубежной психологической литературе и сейчас вместо понятия *образ восприятия* обычно рассматривают восприятие как процесс и предпочитают обходить вопрос о результатах этого процесса. Авторы вынуждены как-то обозначать образы восприятия, поэтому используют то, что можно назвать их аналогами. Они пишут о «восприятиях» (например, Х. Шиффман, 2003; М. Д. Хоровиц, 2005, с. 10–32), «феноменах восприятия» (например, Ж. Годфруа, 1999), «перцептах» (например, У. Найссер, 1981; Р. Л. Солсо, 1996), «перцептивных символах» (например, Л. Барсалу, 2011, с. 125–138), «гештальтах» (например, Д. Майерс, 2001), «перцептивных репрезентациях» (например, Л. Барсалу, 2011, с. 125–138) или «паттернах» (например, Д. Майерс, 2001; Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др., 2003; Д. Кун, 2007), не раскрывая детально значения данных терминов.

Д. Майерс (2001), например, в своем учебнике психологии ограничивается следующим пояснением:

В начале XX века группа немецких психологов заинтересовалась, каким образом наш разум организует наши ощущения и превращает их в восприятия. Человек, воспринимающий сенсорные сигналы, организует их в «гештальт». Чтобы превратить сенсорную информацию в значимое восприятие, мы должны организовать ее... [с. 255].

Дж. Андерсон (2002) в своей монографии много говорит о восприятии, но нигде специально не называет его результаты. Тем не менее он вынужден писать о «репрезентациях, основанных на восприятии» (с. 111 и далее), имея в виду фактически то, что я называю образами представления, но так и не использует понятие *образ восприятия*, даже просто понятия *перцепты* или *восприятия*. Между тем от признания факта наличия образов представления, или ментальных образов, которые автор обсуждает, до признания образов восприятия даже не шаг, а полшага. Однако наследие бихевиоризма преодолеть непросто. Дж. Андерсон (2002) спрашивает:

Похожи ли зрительные образы (образы представления. — С. П.) на зрительное восприятие (образы восприятия. — С. П.)? [С. 125.]

И сам же отвечает:

Зрительные образы имеют много общих свойств с продуктами зрительного восприятия, но реинтегрировать зрительные образы не так легко, как фактические изображения [с. 127].

При этом он не поясняет, что представляют собой феноменологически эти «продукты зрительного восприятия» и «фактические изображения».

В монографии Р. Солсо (1996) я нашел всего два упоминания о перцептах.

Порой вызывают улыбку изобретательность и языковые уловки, которые авторы применяют, чтобы хоть как-то обозначить образы восприятия, так как без упоминания этих важнейших психических феноменов трудно описывать психологические исследования.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001), например, пишут, обсуждая историю изучения восприятия:

Локк и Беркли (философы-эмпирики) полагали, что органы чувств пассивно накапливают эти простейшие ощущения, которые, в свою очередь, затем склеиваются воедино при помощи ассоциаций, образуя при этом более сложные феномены — «перцепции» [с. 252].

Но, обсуждая дальше на протяжении целой главы восприятие и образы восприятия, авторы предпочитают вообще их не называть:

...перед тем как решить, является ли разглядываемый нами объект яблоком (или бейсбольным мячом, или головой человека, или чем-либо еще), мы должны организовать мир ощущений в виде понятной нам картины, в которой находятся реальные объекты и происходят реальные события [с. 253].

Тем не менее обозначать образы восприятия все равно необходимо, поэтому авторы продолжают:

Мы рассмотрели несколько этапов, составляющих процесс восприятия объекта: мы обнаруживаем признаки поля, а затем анализируем это поле так, что

идентифицируем фигуру, выделяющуюся на фоне. ... Мы должны выяснить, что собой представляет этот объект, является ли он буквой А, или жирафом, или яблоком, или чем-то еще. Эта стадия процесса восприятия объекта называется распознаванием *образа* (выделено мной. — С. П.)» [с. 272–273].

Позиция исследователей, не использующих термин «образ восприятия», понятна и может даже показаться обоснованной, так как она по крайней мере в меньшей степени поддерживает дуализм физического и психического и объективистский подход к окружающему миру и психике. Вместе с тем своим отказом от этого важного понятия она создает неоправданные трудности при описании психических феноменов.

Возникает вопрос: *дал ли какие-то преимущества отказ от использования понятия образ восприятия?*

Полагаю, что нет. Во-первых, у исследователей возникают ненужные сложности с обозначением группы важнейших психических феноменов. Во-вторых, не акцентируется их внимание на очевидных отличиях образов восприятия реальности от самой «реальности в себе», хотя еще классики психологии установили тот, казалось бы, очевидный теперь для всех факт, что появляющиеся у нас образы восприятия не только не идентичны, но даже не всегда соответствуют воспринимаемой нами «реальности в себе».

Мне представляется, что психологи должны использовать термин «образы восприятия». Но предварительно они должны отказаться от двух догматов: 1) того, что физические предметы, объекты и явления противоположны психическим и имеют совершенно иную природу, то есть от дуализма; 2) того, что наше сознание создает только психические феномены. К этому второму догмату мы еще вернемся.

3.2. Сравнительные характеристики ощущений и образов

Еще Дж. Локк, Д. Беркли и другие философы-эмпирики полагали, что ощущения образуют при помощи ассоциаций более сложные перцептивные феномены. Так же считали и основатели научной психологии. Выделение ощущений и образов, или, как называл последние В. Вундт, представлений, производилось им на основе их большей или меньшей сложности и не имеет под собой никакой иной реальной основы. В. Вундт (2007) писал, например:

Такой элемент сознания, как отдельный удар такта, называется ощущением, а соединение таких элементов в более или менее сложный такт — представлением (представление он далее отождествляет с образом. — С. П.). ...Так, зеленый, красный, белый или черный цвета мы называем зрительными ощущениями, а зеленую поверхность, черное тело — зрительными представлениями [с. 33–34].

До сих пор многие исследователи считают ощущения элементами образов:

Ощущение — предполагаемое рядом философских и психологических концепций элементарное содержание, лежащее в основе чувственного знания внешнего мира, «кирпичик» для построения восприятия и иных форм чувственности [В. А. Лекторский, 2001, с. 115].

Х. Шиффман (2003) тоже пишет:

...восприятие представляет собой результат упорядочения ощущений и их превращения в знания о предметах и событиях физического мира [с. 24–25].

Впрочем, далеко не все считают, что образы складываются из ощущений.

Дж. Гибсон (1988), например, полагает, что:

...ощущения не лежат в основе восприятия [с. 97].

Для того чтобы понять, как же ощущения и образы соотносятся друг с другом, необходимо рассмотреть функции, которые они выполняют. Ощущение конкретной модальности репрезентирует множество объектов, обладающих, как принято считать, неким общим свойством. Причем объекты внутри этого множества часто не могут быть дифференцированы между собой лишь на основе данного ощущения. Таким образом, конкретное ощущение позволяет нам лишь выделять в окружающей реальности определенное множество объектов, обладающих способностью вызывать у нас это ощущение. Например, множество *кислых* или множество *теплых* объектов. В отличие от ощущения образ восприятия уже позволяет выделить конкретный объект из множества сходных объектов или из множества репрезентаций одной модальности. Следовательно, **ощущение — это менее информативная, чем образ, репрезентация объекта, позволяющая сознанию лишь отнести объект к определенному однотипному по соответствующему свойству множеству, тогда как образ — это более информативная репрезентация того же объекта, позволяющая выделить объект среди прочих, в том числе сходных с ним объектов, входящих в то же множество, что и он.**

Можно предположить, что эти различия между психическими репрезентациями — образами восприятия, с одной стороны, и ощущениями — с другой, — обусловлены в основном разной степенью развития соответствующих анализаторов и мозговых структур, участвующих в создании перцептивной репрезентации, например зрительной и вкусовой.

И образы восприятия, и ощущения — перцептивные психические феномены. Однако ощущения репрезентируют лишь сходные в данной модальности

объекты, что позволяет мышлению формировать потом из них множества. Образы дают возможность выделять уже отдельные объекты в этих множествах. Данное обстоятельство и было зафиксировано в языке с помощью разных понятий — *ощущение* и *образ*. То, что и ощущения, и образы восприятия — перцептивные модели, различающиеся главным образом степенью своей дифференцированности, подтверждается тем, что у людей с дефектами органов зрения и слуха вместо соответствующих образов восприятия могут возникать лишь зрительные или слуховые ощущения, которые не позволяют дифференцировать воспринимаемые объекты среди множества других, сходных с ними.

Итак, ощущение отличается от образа восприятия лишь своей меньшей субъективной информативностью, что не позволяет ему превратиться в завершенную чувственную перцептивную репрезентацию объекта, которая дает возможность воспринимающему сразу выделить объект среди прочих, даже сходных с ним объектов. А. Д. Логвиненко (1987) тоже полагает, что:

...можно сконструировать такой стимул, который будет порождать в нашем сознании образ, обладающий только интенсивностью, качеством, протяженностью и длительностью (например, однородное во времени и пространстве цветное пятно). Иными словами, образ такого стимула будет настолько элементарен, что его можно считать воплощением чистого ощущения. ...Так мы приходим к ощущениям в их второй ипостаси, иначе говоря, к ощущениям как элементарным образам, то есть образам элементарных стимулов. Но тогда возникает следующая проблема: можно ли отождествлять ощущения как элементы образа с ощущениями как элементарными образами? Гипотеза постоянства — это тот ответ, который давала на этот вопрос созерцательно-сенсуалистическая психология. И ответ этот, как легко видеть, является утвердительным [с. 10].

Х. Шиффман (2003) говорит примерно о том же:

...мы согласны с теми, кто считает, что результатом воздействия окружающей среды обычно является полезная для организма информация, часть которой — сравнительно простая информация общего характера (например, яркость предмета), а часть — более сложная (например, информация, связанная с идентификацией предмета) [с. 25].

Сравнение признаков тактильного ощущения и зрительного образа (табл. 1) демонстрирует их большое феноменологическое сходство, несмотря на различия в чувственной модальности и сложности. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает необходимость отнесения ощущений и образов восприятия к одной группе психических явлений.

Таблица 1. Различия между образами восприятия и тактильными ощущениями

Зрительные образы восприятия	Тактильные ощущения
1. Узнаваемы при повторном появлении в сознании	1. Узнаваемы при повторном появлении в сознании
2. Произвольно не управляемы; человек может изменить образ только опосредованно, меняя порождающую его реальность, то есть воздействуя на нее физически с помощью своего тела или изменяя состояние своего тела с помощью препаратов, например	2. В основном произвольно не управляемы; человек может изменить ощущение только опосредованно
3. Чаще имеют формы и границы	3. Обычно имеют формы и границы
4. Локализуются в месте расположения моделируемого ими объекта в окружающем человека пространстве, всегда проецируются сознанием вовне	4. Локализуются в месте расположения соответствующих рецепторов, раздражаемых объектом, на границе тела и окружающего его пространства, обычно проецируются сознанием в место взаимодействия тела и объекта
5. Уникальны, специфичны в отношении воспринимаемого объекта	5. Специфичны лишь в отношении целых групп объектов. Сходные ощущения могут вызываться разными объектами
6. Повторяемы и воспроизводимы; есть основания предполагать, что в очень сходном виде они возникают и у других наблюдателей, взаимодействующих с объектом в тех же условиях. Повторяются у субъекта при повторном взаимодействии с тем же объектом в тех же условиях	6. Повторяемы и воспроизводимы; есть основания предполагать, что в очень сходном виде они возникают и у других наблюдателей, взаимодействующих с объектом в тех же условиях. Повторяются у субъекта при повторном взаимодействии с тем же объектом в тех же условиях
7. Максимально дифференцированы	7. Минимально дифференцированы
8. Как бы предъявляются сознанию извне на разном расстоянии от тела	8. Как бы предъявляются сознанию на границе тела и окружающей среды
9. Прогнозируемы, то есть человек может предвидеть их появление в определенном месте и обстоятельствах, если знает, что другие наблюдатели сообщают о возникающих у них там же соответствующих образах	9. Прогнозируемы, то есть человек может предвидеть их появление в определенном месте, если знает, что другие наблюдатели сообщают о возникающих у них там же в сходных обстоятельствах соответствующих ощущениях
10. Могут существовать достаточно долго: часы, дни и дольше при сохранении условий восприятия и концентрации внимания на объекте восприятия	10. Могут существовать достаточно долго, если стимул меняется и не возникает физиологической адаптации
11. Максимально реальны, яркие и достоверны, с очевидностью репрезентируют факт наличия чего-то вне субъекта	11. Максимально реальны, яркие и достоверны, с очевидностью репрезентируют факт наличия чего-то вне субъекта

Зрительные образы восприятия	Тактильные ощущения
12. По своему содержанию неразрывно связаны с текущим моментом времени; репрезентируют настоящее, окружающую сейчас реальность	12. Неразрывно связаны с текущим моментом времени; репрезентируют настоящее, окружающую сейчас реальность
13. Не могут находиться друг в друге; могут лишь закрывать или маскировать друг друга	13. Не могут находиться друг в друге, могут маскировать друг друга
14. Устойчивые и завершённые, репрезентируют некую окончательную для данного момента времени форму объекта	14. Устойчивые и завершённые, репрезентируют некую окончательную для данного момента времени форму объекта
15. Отличаются своеобразной «навязанностью» сознанию со стороны внешнего мира. Воспринимаются как самостоятельные по отношению к субъекту. Возникают в очевидной и жесткой связи с определенными элементами реальности (объектами), которые моделируют в данный момент, и жестко детерминированы ими	15. Отличаются своеобразной «навязанностью» сознанию со стороны внешнего мира. Возникают в очевидной и жесткой связи с определенными объектами, которые моделируют в данный момент, и жестко детерминированы ими
16. Открываются новыми своими сторонами или меняются при перемещении воспринимаемого объекта или человека в пространстве	16. Могут изменяться при перемещении воспринимаемого объекта или человека в пространстве
17. В их появлении непосредственно и сейчас участвуют органы чувств	17. В их появлении непосредственно и сейчас участвуют органы чувств
18. Способны в некоторой степени изменяться за счет вербального знания об объекте	18. Способны в некоторой степени изменяться за счет вербального знания об объекте
19. Репрезентируемый объект всегда возникает в окружении образов других объектов реальности, как «фигура на фоне»	19. Объект может репрезентироваться и как «фигура на фоне», и как изолированная «фигура»
20. Реалистичны, то есть всегда соответствуют неким известным человеку принципам, возникают в пределах привычных рамок известных физических законов	20. Реалистичны, то есть всегда соответствуют неким известным человеку принципам, возникают в пределах привычных рамок известных физических законов

Как видно из приведенной таблицы, экстероцептивные, в частности тактильные, ощущения феноменологически сходны с образами восприятия, несмотря на различия в модальности и степени сложности.

Очевидно, что информационная насыщенность (дифференцированность) образа восприятия зависит от возможностей конкретных рецепторных аппаратов. Наглядно это проявляется, например, в различиях зрительного восприятия у человека с хорошим зрением и близорукого или у человека с обычным зрением

и дальтоники. Чем лучше развит анализатор, тем больше новых свойств объекта он позволяет репрезентировать. **Выявление новых свойств объекта является мерилем и критерием эффективности и органа чувств, и создаваемой мозгом с его участием психической репрезентации.**

Отличие ощущения от образа восприятия в том, что в ощущении есть лишь сенсорный тон (модальность), интенсивность и чувственный тон (приятное — неприятное), но практически нет других составляющих или того, что я назвал бы направлениями репрезентирования или субмодальностями. Тогда как в образе их много. Например, в слуховом образе восприятия отдельно репрезентируются интенсивность звука, его удаленность, направление движения, тембр и т. д. В зрительном образе специально и независимо репрезентируются локализация, цвет и форма объекта, градиенты его поверхностей и углы их наклона, фигура и фон, светимость и затемненность и т. д.

А. Н. Гусев (2007) приводит интересный факт, демонстрирующий специфическую чувствительность периферии сетчатки и, возможно, объясняющий, какие физиологические механизмы ответственны за появление в одних случаях ощущений, а в других — перцептивных образов:

Нужно зафиксировать прямо перед собой некоторую точку и, грубо определив границы поля зрения правого и левого глаза, попросить кого-нибудь совершать колебательные движения небольшим предметом так, чтобы его проекция попадала на самый край одного из полей зрения. Вы отчетливо увидите, как некий объект совершает движения, сможете определить его направление, но вы не сможете увидеть, *какой именно* предмет движется [с. 209].

Таким образом, можно предположить, что, когда проекция объекта попадает на разные области сетчатки, различия физиологических свойств ее участков определяют не только характеристики визуального образа, но и сам факт того, насколько информативная репрезентация возникнет в сознании. Именно поэтому, как я уже писал, при недоразвитии или дефектах соответствующих органов чувств вместо полноценных зрительных и слуховых образов тоже могут возникать лишь зрительные и слуховые ощущения. Например, ощущение света у слабовидящих или ощущение шума у людей с нарушениями слуха. Из сказанного следует, что **ощущения и образы восприятия — это явления одного вида, но разной степени сложности. Поэтому можно говорить об образах восприятия разной модальности, имеющих для воспринимающего разную степень информативности, которая обусловлена разным развитием соответствующих органов чувств.**

Абсолютное большинство исследователей в соответствии со «здравым смыслом» связывают ощущения исключительно с качествами объектов, несмотря на то что **любое ощущение представляет собой перцептивную репрезента-**

цию объекта в целом. На то, что ощущение — самостоятельная перцептивная модель реальности, указывает и М. Мерло-Понти (1999):

Я испытываю ощущение как модальность существования вообще, которое уже обращено к физическому миру и которое течет во мне, хотя я и не являюсь его создателем [с. 278].

Впрочем, существует и радикально противоположная позиция. Э. Страус (2001), например, рассматривая историю эволюции понятия *ощущение*, пишет:

Доктрину субъективности ощущений в грубом виде можно сформулировать приблизительно так: ощущения — это не образы вещей. Они не являются свойством предмета или врожденной характеристикой вещи. ...Так как они в сознании, то они не могут свидетельствовать о внешнем мире. Они чисто субъективны [с. 255].

Ощущение, конечно, субъективно, но оно явно представляет собой вместе с тем и результат взаимодействия тела человека и внешнего мира, репрезентированный в сознании. Нельзя поэтому согласиться с тем, что ощущения «не могут свидетельствовать о внешнем мире», хотя они действительно «чисто субъективны».

Принято считать, что ощущения обусловлены физическими свойствами объектов. Однако можно ли считать свойства вещей только их свойствами, если, во-первых, они появляются лишь в результате взаимодействия объекта с субъектом, а потому зависят от последнего не меньше, чем от объекта? Во-вторых, многие свойства объекта — это часто вообще результат сравнительного анализа нашим мышлением множества образов разных объектов. В-третьих, об ощущениях и свойствах можно говорить только применительно к взаимодействию объектов с человеком, то есть без этого взаимодействия нет ни восприятия, ни ощущений, ни этих самых свойств объектов.

Г. Гельмгольц говорит о том же:

Каждое свойство и качество вещи есть не что иное, как ее способность оказывать известные действия на другие вещи. Такое действие мы называем свойством... Но если то, что мы называем свойством, всегда касается отношения между двумя вещами, то такое действие, естественно, никогда не может зависеть только от природы одной только действующей вещи, а состоит вообще лишь в отношении ко второй вещи, на которую оно действует, и зависит также и от последней [цит. по: Э. Кассирер, 2006, с. 350–351].

Таким образом, то, что свойства вещей — это не только их свойства, очевидно. Если бы, например, мы могли воспринимать гравитационные, электростатические и магнитные поля, видеть в инфракрасном, рентгеновском и ультрафиолетовом свете, у наших образов (объектов) появились бы новые, обусловленные этими нашими возможностями свойства.

Воспринимаемые нами свойства объектов не присущи им до нашего взаимодействия с объектами, как полагает «здравый смысл». Они определяются результатом взаимодействия «реальности в себе» с нашими органами чувств и мозгом, и будь у последних иные особенности, репрезентируемые сознанием образы (объекты) приобрели бы иные свойства. Теплый объект, например, только потому теплый, что мы имеем строго определенную температуру тела. То есть он теплый для нас и по сравнению с нашим телом. Да и само это якобы существующее вне нашего сознания и воспринимаемое нами свойство объекта, обозначаемое термином «теплота», — всего лишь конституированная нами сущность, приписываемая нами объекту.

Наиболее очевидно относительность и условность свойств объектов проявляется на следующем примере. Для обычного человека киноварь имеет красный цвет, для дальтоника — черный или темно-серо-желтый (Г. Гельмгольц, 2002, с. 38). Следовательно, один и тот же объект приобретает «разные» свойства в зависимости от особенностей конкретного органа восприятия. При этом он, как мы знаем, вообще приобретает эти свойства, с одной стороны, вследствие способности части физической «реальности в себе», конституированной нашим сознанием в качестве поверхности киновари, отражать световые волны в определенном диапазоне. С другой стороны, благодаря способности нашего сенсорного аппарата и мозга репрезентировать эти волны в виде поверхности определенного цвета. Сказанное не означает, что «реальность в себе» лишена свойств. Правильнее сказать, что у нее потенциально неисчерпаемое множество свойств, которые могут быть конституированы сознанием вообще, но в человеческом сознании репрезентируются и конституируются лишь те, которые оно в состоянии смоделировать особым, присущим лишь человеку способом.

Как я уже сказал выше, без взаимодействия объекта с человеком у него нет свойств, да и его в качестве объекта не существует. Даже такие выдающиеся исследователи, как Дж. Серл (2002), порой недостаточно четко высказываются, что вводит читателей в заблуждение:

Одной из труднейших и наиболее важных задач философии является прояснение различия между теми свойствами мира, которые внутренне присущи (intrinsic) ему в том смысле, что они существуют независимо от любого наблюдателя, и теми, что зависят от наблюдателя в том смысле, что они существуют относительно некоторого внешнего наблюдателя или пользователя (user). Например, то, что объекту присуща определенная масса, есть его внутреннее свойство. И если бы мы все умерли, у него по-прежнему была бы эта масса. А вот то, что этот же самый объект является ванной, не есть внутреннее свойство: он существует только по отношению к пользователям и наблюдателям, которые и придают ему функцию ванны [с. 21–22].

Ответить автору можно словами У. Джеймса (2000), которые тот сказал больше века назад:

Многие современные физики (речь идет о последней четверти XIX в. — С. П.) полагают, что такие понятия, как «материя», «масса», «атом», «эфир», «инерция», «сила», не столько являются верным отображением скрытой от нас реальности, сколько интеллектуальными орудиями, применяемыми в качестве рабочей гипотезы для того, чтобы получить возможность распоряжаться силами природы. Подобные понятия в их глазах представляют не откровения, а простые условные обозначения, подобно «килограмму», «ярду». Литература по данному вопросу обширна [с. 61].

Из этой верной, на мой взгляд, позиции автора следует, что **нет ни одного свойства, приписываемого нашим сознанием объектам, которое можно отнести к «внутренне присущим» им, так как все они (свойства), как и сам образ (объект), конституированы в таком «специфически человеческом» виде именно нашим сознанием и с помощью его понятий.** Возьмем свойство «масса». В понимании «здравого смысла» это нечто выражающееся в килограммах. В более «углубленном» научном понимании это сила, с которой объект давит на опору или с которой объекты притягиваются друг к другу. Если бы в нашем языке не было понятий *сила*, *вес* и *притяжение*, понятие *масса* приобрело бы совсем другое понимание. Иные понятия предполагают иные модели реальности и иные свойства тех же самых объектов. При этом многие свойства, представляющиеся нам сейчас главными в объектах, могли бы вовсе не конституироваться сознанием.

Распространяя на наше чувственное восприятие окружающей реальности принцип неопределенности В. Гейзенберга, ограничивающий применение к микрообъектам классических понятий ньютоновской физики¹, можно сказать, что окружающая нас реальность настолько многообразна, бесконечна и непостижима в своей сути, что мы принимаем за нее ту доступную нам ее чувственную репрезентацию, которую наше сознание в состоянии построить, и лишь в той форме, в которой оно способно это сделать. Впрочем, нам, во-первых, и не остается ничего другого, а во-вторых, адекватность нашей модели восприятия доказана эволюцией на практике. Тем не менее мы должны хотя бы отдавать себе отчет в ограниченности собственных возможностей познания физического мира.

¹ В. Гейзенберг (2005) пишет: «Все слова, применяемые нами в физике для описания экспериментов, например “измерение”, “положение”, “энергия”, “температура” и так далее, опираются на классическую физику и ее представления об объективности. Тезис, что подобное объективное описание в мире атомов невозможно... был действительно очень революционным; и... многие физики... просто не были готовы его принять» [с. 54]. Автор продолжает: «Чем же тогда заменить понятие фундаментальной частицы? Полагаю, что нам следовало бы заменить его понятием фундаментальной симметрии» [с. 59].

Интероцептивные ощущения гораздо менее дифференцированы, чем экстероцептивные, например тактильные. Частично совпадая с ними по своим характеристикам, они отличаются большей лабильностью, слабой прогнозируемостью, локализацией внутри тела и неразрывной связью с его состоянием. При произвольной концентрации внимания на них можно обнаружить картину внутреннего восприятия, ненамного уступающую по разнообразию восприятию внешнему, хотя и не столь тонко дифференцируемую и понимаемую человеком. Все эти обычно очень слабые ощущения могут становиться сильными и превращаться в большую проблему при некоторых видах психических заболеваний, когда меняется, например, порог чувствительности и они заполняют сознание, что бывает, в частности, при некоторых видах депрессии. Между интероцептивными и экстероцептивными ощущениями даже больше различий, чем между образами зрительного восприятия, например, и тактильными ощущениями.

3.3. Мысленные, ментальные или психические образы

Кроме образов восприятия, психология рассматривает образы представления, воспоминания и воображения, которые еще называют мысленными, ментальными или психическими образами. Р. Хольт (1981) дает такое определение мысленного образа:

...смутное субъективное воспроизведение ощущения или восприятия при отсутствии адекватного сенсорного воздействия... ...в бодрствующем сознании представлен как составная часть мысленного акта, включает образы памяти и образы воображения; может быть зрительным, слуховым или любой другой сенсорной модальности, а также чисто вербальным¹ (Сноска моя. — С. П.) [с. 53].

Б. Г. Мещеряков (2007) считает, что мысленные образы — это:

...мысленные репрезентации, феноменологически подобные картинам; то же, что и образы воображения [с. 222].

Вместо понятий *мысленные, ментальные* или *психические образы*, встречающихся в современной зарубежной психологии, в российской психологии обычно используют понятия *образы восприятия, представления* и *воспоминания*.

¹ Еще раз подчеркну, что понятие *вербальный* означает «имеющий отношение к устному слову» или, если рассматривать это понятие шире, к слову вообще, а потому не является характеристикой модальности мысленного образа. Соответственно, образы слов (вербальные образы) могут быть слуховыми — образ звучащего слова, визуальными — образ видимого слова и даже тактильными — образ дактильной формы слова, применяемой в специальной литературе для слепых.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) полагают, что:

...многие наши знания существуют в форме аналогий, называемых психическими образами [с. 351–352].

В качестве образа представления обычно рассматривается:

...наглядный образ предмета или явления (события), возникающий на основе прошлого опыта (данных *ощущений* и *восприятий*) путем его воспроизведения в *памяти* или *воображении*. В связи с этим различают представления памяти (образы воспоминаний. — С. П.)... и представления воображения (образы представления. — С. П.) [Большой психологический словарь, 2004, с. 406].

В качестве образов воспоминания рассматривается:

...извлечение из долговременной памяти образов прошлого, мысленно локализуемых во времени и пространстве [Психологический лексикон, 2005, с. 105].

С. Л. Рубинштейн (2007) определяет образ воспоминания как:

...представление, отнесенное к более или менее точно определенному моменту в истории нашей жизни [с. 18].

Ощущение, как и образ, можно не только воспринимать, но и представлять и вспоминать. Я определил бы *представление* как акт спонтанной или произвольной актуализации в сознании любых по модальности образов, не являющихся результатом актуального восприятия и не имеющих непосредственного отношения к автобиографической памяти; а *воспоминание* — как акт спонтанной или произвольной актуализации в сознании образов, относимых сознанием к автобиографической (эпизодической) памяти. Данные определения помогают по крайней мере уловить разницу между обсуждаемыми психическими феноменами.

В литературе выделяются и другие разновидности психических образов: последовательный, иконический, эйдетический и т. д.

По мнению некоторых авторов (см., например: У. Эко, 2005, с. 282; Б. Мещеряков, В. Зинченко, 2004, с. 342), образ по своему содержанию может быть чувственным и рациональным (образ атома, мира, войны и т. д.). Однако образ в принципе не может быть ни по форме, ни по содержанию, ни по каким-либо еще параметрам рациональным. **Образ — это всегда и только чувственная психическая репрезентация.** Она по своей природе не может быть рациональной или иррациональной, так как понятие *рациональный* означает:

...предполагающий использование обоснования или свойства разумности (то есть обычно немислимый без и вне вербальных конструкций. — С. П.)... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 177–178].

Поэтому термин «рациональный» неуместен применительно к образу. Говорить о рациональном образе столь же бессмысленно, как, например, о сенсорной вербальной идее. Другое дело, можно говорить об образах, иллюстрирующих некую рациональную идею (идея атома, мира, войны и т. д.).

3.4. Образы представления и их отличия от образов восприятия

Если образ восприятия, возникающий при фиксированном в течение даже достаточно продолжительного времени на объекте восприятия взгляде, субъективно кажется единичным и устойчивым, то возникающие в нашем сознании в течение нескольких секунд образы представления даже одного и того же объекта отчетливо распадаются в процессе интроспекции на множество последовательно возникающих очень кратковременных, мимолетных образов. Это что-то вроде непрерывной последовательности, «потока» кратковременных образов. Даже удерживаемый сознанием более или менее устойчивый образ воспоминания определенного объекта интроспективно представляет собой такой «поток» непрерывно сменяющихся друг друга образов. Причем лишь некоторые из них идентифицируются сознанием как более или менее точные репрезентации вспоминаемого объекта. Представьте себе, например, лицо знакомого человека, и вы немедленно убедитесь в том, что, скорее всего, не сможете удержать в сознании его образ. Образ этот возникает и немедленно сменяется другими образами, в том числе не имеющими отношения к вашему знакомому, а затем вновь появляется в сходном, но все же уже ином виде.

В норме нам достаточно легко удастся произвольно управлять течением своих образов представления. Например, представив себе нарисованного человечка, мы можем легко заставить его двигать правой ногой, мизинцем, левой рукой, крутить головой и т. п. Эта очень важная особенность образов представления «привязана» к вербальному мышлению. Достаточно подумать: «*Он крутит головой*» — и образ делает это, как бы иллюстрируя соответствующую вербальную конструкцию. Образ представления, следовательно, способен изменяться в результате появления вербальных мыслей о представляемом предмете. Как только, например, мое вербальное знание напоминает мне, что объект представления может иметь нечто или, наоборот, не должен иметь чего-то, моментально это нечто появляется или исчезает в визуальном образе представления.

Образы представления вслед за Э. Гуссерлем (2000) можно разделить на то, что он называет потенцией и фантазией. Первые — образы представления того, что должно вот-вот произойти, — продолжение, развитие событий, как бы достраивание реального восприятия. Вторые — фантастические образы, которые,

в свою очередь, можно разделить на абсолютную фантазию и относительно реальные образы воображения. Фантазия абсолютная — это, например, образы сказочных существ. Относительно реальные образы воображения — это, в частности, фантазии в отношении собственных действий, которые, к примеру, человек выполнил бы, находясь в данный момент совершенно в ином месте или в иных условиях.

В. М. Аллахвердов (2000) приводит интересные наблюдения Т. И. Бжалава:

После адаптации в темноте испытуемому дают в руку красный треугольник и в течение 2 секунд освещают его. У испытуемого, как и положено, возникает послеобраз. Пусть теперь испытуемый в темноте начинает медленно (безразлично, с закрытыми или открытыми глазами) приближать невидимый ему треугольник — размер послеобраза увеличивается. Когда испытуемый, наоборот, начнет разгибать руку, размер послеобраза станет уменьшаться. Если же предмет, находящийся в руках испытуемого, был освещен, и испытуемый выпускает его из рук и далее выполняет сгибание и разгибание рук без предмета, то размер последовательного образа не изменяется [с. 317].

Эти наблюдения демонстрируют зависимость образа представления от имеющегося у испытуемого знания об особенностях трансформации реального образа восприятия в результате изменения, например, условий восприятия, а также от установки испытуемого.

Образы восприятия, с одной стороны, и образы представления и воспоминания — с другой, обычно представляют собой субъективно отчетливо различимые феномены сознания. К. Ясперс (1997), например, приводит следующие их различия:

1. Восприятия телесны (имеют объективный характер), представления образны и имеют субъективный характер.
2. Восприятия возникают во внешнем объективном пространстве, представления возникают во внутреннем субъективном пространстве представлений.
3. Восприятия ясно очерчены и предстают перед нами во всех подробностях, представления лишены ясных очертаний и являются нам неполными, лишь в отдельных деталях.
4. Чувственные элементы в восприятиях отличаются полнотой и свежестью; например, цвета яркие. Иногда чувственные элементы адекватны тем, которые даны в восприятиях, но в большинстве случаев степень их выраженности неадекватна. Зрительные представления большинства людей никак не окрашены.
5. Восприятия постоянны и легко могут удерживаться без изменений, представления рассеиваются, и их каждый раз нужно воссоздавать заново.
6. Восприятия не зависят от воли. Они не могут быть произвольно вызваны или изменены и воспринимаются с чувством пассивности, представления зависят от воли. Они могут быть вызваны или произвольно изменены. Они порождаются с чувством активности [с. 103].

Из сказанного автором можно заключить, что образы восприятия нельзя относить наряду с образами представления и воспоминания к ментальным, или

психическим, образам. И вероятно, это правильно, так как очень уж сильно они различаются между собой феноменологически. Тем не менее не все так однозначно, и образы восприятия тоже являются особой, очень своеобразной разновидностью психических, или ментальных, явлений. И мы еще вернемся к этому вопросу.

В табл. 2 приводятся различия между визуальными образами восприятия и представления, которые можно обнаружить в процессе интроспекции при обычном дневном освещении.

Таблица 2. Различия между визуальными образами восприятия и образами представления

Зрительные образы восприятия	Зрительные образы представления
1. В их появлении непосредственно и в данный момент участвуют органы чувств	1. В их появлении органы чувств непосредственно в данный момент не участвуют
2. Произвольно не управляемы; человек может изменить образ только опосредованно, меняя порождающую его реальность, то есть воздействуя на нее физически с помощью своего тела, меняя положение тела или изменяя состояние своего тела с помощью препаратов, например	2. Произвольно управляемы в известных пределах
3. Обычно имеют четкие формы и границы	3. Обычно имеют формы и границы, которые весьма подвижны
4. Локализируются в месте расположения моделируемого ими объекта в окружающем человека пространстве, всегда проецируются вовне	4. Локализируются в особом представляемом пространстве, могут проецироваться куда угодно
5. Уникальны, специфичны в отношении воспринимаемого объекта	5. Отдельные образы могут быть специфичны в отношении репрезентируемого ими объекта
6. Повторяются у субъекта в очень сходном виде при повторном взаимодействии с той же физической реальностью в тех же условиях. Есть все основания полагать, что в очень сходном виде они возникают и у других наблюдателей, взаимодействующих с той же физической реальностью в тех же условиях. Воспроизводимы	6. Не повторяются точно в том же виде
7. Возникают в очевидной и жесткой связи с объектами внешней реальности, которые они репрезентируют	7. Не возникают в очевидной и жесткой связи с присутствующими в окружающем мире объектами, которые они репрезентируют

Зрительные образы восприятия	Зрительные образы представления
8. Как бы предъявляются сознанию извне во внешнем пространстве	8. Не сопровождаются в норме ощущением предъявления их сознанию извне
9. Прогнозируемы, то есть человек может предвидеть их появление в определенном месте, если знает, что другие наблюдатели сообщают о возникающих у них там соответствующих образах	9. Не связаны жестко с определенным местом
10. Могут существовать достаточно долго: десятки минут и даже дольше — при сохранении условий восприятия и концентрации внимания на объектах восприятия	10. Непрерывно сменяют друг друга, крайне изменчивы
11. Обладают особым качеством — максимальной степенью реальности, яркости и достоверности, очевидности для субъекта наличия чего-то вне его сознания. Представлены во всей широте цветового спектра, насыщены и крайне многообразны по цветовой гамме	11. Не обладают качеством максимальной яркости и достоверности, а также очевидности наличия чего-то вне субъекта, но при этом субъективно реальны, то есть человек уверен в их наличии в его сознании. Преимущественно серые, их цвета представлены в минимальной цветовой гамме, бледны, стерты, блеклы. Цвета можно менять произвольным усилием
12. По своему содержанию неразрывно связаны с текущим моментом времени, так, образ непосредственно и сейчас дан наблюдателю	12. По своему содержанию не связаны с текущим моментом времени, так как образы могут относиться к прошлому и будущему
13. Образы жестко пространственно ограничены, занимают определенное место, не могут находиться друг в друге; могут лишь закрывать или маскировать друг друга	13. Образы пространственно не ограничены, могут находиться друг в друге. Можно, например, легко представить себе любой предмет внутри другого предмета
14. Устойчивые и завершенные — находящиеся в окончательном для данного момента времени состоянии	14. Очень неустойчивые, непрерывно и спонтанно меняются или вовсе исчезают
15. Отличаются своеобразной «навязанностью» сознанию со стороны внешнего мира. Как бы самостоятельны по отношению к субъекту. Возникают в очевидной и жесткой связи с определенными объектами, которые моделируют в данный момент, и жестко детерминированы ими	15. Не вполне самостоятельны по отношению к субъекту, так как часто зависят от его воли. Часто возникают вне связи с какими-либо окружающими объектами, не детерминированы ими
16. Открываются новыми своими сторонами или меняются (усиливаются, ослабевают, искажаются) при перемещении воспринимаемого объекта или человека в пространстве	16. Не зависят или мало зависят от перемещений человека в пространстве

Продолжение ↗

Таблица 2 (продолжение)

Зрительные образы восприятия	Зрительные образы представления
17. Максимально дифференцированы и детализированы	17. В большинстве своем не дифференцированы и не детализированы
18. Узнаваемы как те же образы при повторном появлении в сознании	18. Некоторые из них узнаваемы при повторном появлении в сознании как сходные с прошлыми образы
19. Далеко не всегда способны достраиваться за счет вербального знания о воспринимаемом предмете	19. Способны достраиваться за счет вербального знания о предмете
20. Репрезентируемый объект всегда возникает в окружении образов других объектов реальности, как фигура на фоне	20. Репрезентируемый объект может возникать как бы в пустоте или на темно-сером фоне
21. Реалистичны, то есть всегда соответствуют неким известным человеку принципам, подчиняются естественным физическим законам	21. Могут быть и нереалистичны, то есть не соответствовать известным человеку принципам и физическим законам
22. Репрезентируют только конкретный объект	22. Не всегда репрезентируют конкретный, то есть известный человеку, объект

Необходимо отметить, что описанные выше различия между образами представления и образами восприятия верны лишь при определенных условиях — для зрительных образов, например, при достаточно ярком естественном освещении в состоянии обычного бодрствования субъекта. Если же мы попробуем сравнить их в сумраке или в особых состояниях сознания, то многие их качества резко изменятся, а различия частично сотрутся. Это касается, например, цветовой яркости, четкости границ, ясности форм, пространственных отношений между репрезентациями объектов и их удаленности от нас.

Достаточно провести небольшой эксперимент и, как предлагал Г. Гельмгольц (2002), зайти ночью в знакомую комнату. Зрительное восприятие окружающего при этом разительно изменится. Вместо привычных ярких, рельефных, цветных объектов с четкими границами, контрастных и насыщенных, располагающихся на разном расстоянии от нас, мы увидим нечто черно-серое с сильно размытыми границами, почти утратившее объемность и формы, состоящее из разных по размерам темных и очень темных пятен. При этом мы, как ни странно, обычно не замечаем отличий таких необычных образов восприятия от привычных образов тех же объектов и не задумываемся о том, что же на самом деле видим в привычных условиях и видим ли в сумерках или даже в темноте. Мы понимаем, конечно, что при недостатке света плохо видно окружающее, но это почему-то не мешает нам в знакомой обстановке всегда действовать более или менее уверенно и не испытывать особых затруднений.

Объясняется это тем, что у нас есть модель-репрезентация (см. главу 7) той части окружающего мира, в которой мы бываем часто, представленная детальными образами воспоминания и представления. Именно поэтому в знакомой обстановке даже в полной темноте мы в состоянии ориентироваться и двигаться в нужном направлении, находя необходимые нам предметы. Причем наши образы представления и воспоминания окружающего в этом случае становятся несравнимо более красочными, рельефными и структурированными, чем образы восприятия тех же объектов, предстающих перед нами в виде серо-черных пятен. Данное обстоятельство позволяет нам не замечать того факта, что образы представления и воспоминания замещают в нашем сознании в эти моменты образы актуального восприятия.

Я, например, ловлю себя на том, что картину, которую вроде бы вижу сейчас в сумраке собственной спальни, я на самом деле вспоминаю, в то время как реально воспринимаю черное пятно на темном фоне, даже не замечая этого. Подмена образа восприятия образом воспоминания обусловлена моей установкой — пониманием того, где я сейчас нахожусь. Но установка легко может и ввести в заблуждение, изменяя неясные образы восприятия и создавая аффективные или установочные иллюзии, например трансформируя на кладбище ночью смутный образ восприятия надгробия в образ угрожающей фигуры.

Ядвига Конрад-Мартиус (2006) описывает интересный психический феномен, заключающийся в одновременном репрезентировании окружающей реальности сразу в двух плоскостях (перцептивными образами и образами воспоминания):

...представляемый предмет... является *в том же* самом «реальном» пространстве... здесь он предметно «укоренен» так же, как и воспринимаемые предметы; нет никакого существенного различия в том, перевожу ли я у себя в комнате взгляд с одного воспринимаемого предмета на другой или обращаю его на *невоспринимаемый*, но все же *поддающийся непосредственному обозрению коридор* [с. 260].

Здесь образ восприятия предметов комнаты непосредственно связан с образом воспоминания коридора и словно продолжает актуальный образ восприятия. То же самое происходит, когда, например, вслед за Р. Декартом (1989) я вижу лишь шляпы и плащи на улице, но одновременно я и как бы «вижу» за ними людей, хотя фактически их не воспринимаю. Таким образом, чувственные модели-репрезентации окружающего меня мира, актуализируясь лишь какими-то отрывочными восприятиями, представляют моему сознанию все богатство моего прежнего опыта, даже если сейчас мои восприятия крайне отрывочны и рудиментарны. «Чувственный опыт» — это вся глобальная чувственная модель мира, которая уже существует к данному моменту в моей памяти.

По данным литературы, образы представления-воспоминания у отдельных людей могут быть не менее яркими, чем образы восприятия, и могут иметь многие свойства, характерные для образов восприятия. Так, Ч. Ф. Стромейер III (2005) приводит, например, следующее наблюдение:

Элизабет... может по своему желанию мысленно спроецировать точное изображение какой-то картины или сцены на свое полотно или на другую поверхность. ...Образ содержит все детали текстуры и цвета оригинала. Как только образ сформирован, он остается неподвижным, и Элизабет может перемещать по нему свой взгляд, чтобы исследовать детали. Элизабет... говорит, что может, например, спроецировать бороду на безбородое лицо или же листья — на обнаженное дерево; эти дополнения настолько яркие, что они могут затмить истинный образ. Однако она никогда не путает эйдетические образы с реальностью, и ее редко беспокоят спонтанные мысленные образы. ...Через годы после прочтения стихотворения на иностранном языке она может извлечь из памяти образ печатной страницы и воспроизвести стихотворение с нижней строки до верхней со скоростью, с которой она обычно пишет [с. 623].

Нередко у наших образов представления отсутствуют важнейшие детали. Несмотря на это, мы легко узнаем в этом своем смутном образе конкретный предмет. *Почему?*

Полагаю, что тут играют роль два фактора. Во-первых, то, что образ представления — и особенно образ воспоминания предмета — обычно возникает вместе с образами других предметов, окружающих данный предмет в физической реальности — в некоем привычном контексте. Например, образ здания появляется одновременно с образами других зданий, располагаясь на своем месте среди них, как фрагмент определенной площади или улицы, то есть возникает в рамках целостной модели-репрезентации части физического мира. Во-вторых, то, что образ представления предмета часто сопровождается обозначающим его понятием, следовательно, он является еще и чувственным значением данного понятия.

Между феноменологически разными мирами воспринимаемого и представляемого существует важнейшее различие, а именно — первый мир объективно реален. Он нам физически дан. И мы имеем в своем сознании его устойчивую глобальную перцептивную репрезентацию, состоящую из актуальных образов восприятия и ощущений. Тогда как второй мир — это скорее внутренние меняющиеся психические содержания нашего сознания. Именно наличие резкой субъективно регистрируемой феноменологической разницы между образами восприятия и образами представления расщепляет для нас мир на физический и психический. Первый находится в воспринимаемом пространстве, тогда как второй — в воображаемом. *Что такое воображаемое, или представляемое, пространство?*

Ядвига Конрад-Мартиус (2006) так характеризует его:

...наглядно данное в представлении — в отличие от наглядно данного в восприятии... имеет нечто своеобразно «отдаленное» — как если бы это содержание само по себе требовало того, чтобы его вынесли из затемняющей его среды и показали в «правильном свете». ...Представляемое содержание *в себе* указывает на иной, возможный для него наглядный способ данности, а именно на данность в восприятии. ...*Явление представляемого происходит не там, где является воспринимаемое, а в сфере*, которая отчетливо отличается от этой сферы восприятия... Этот момент, очевидно, имеет в виду Мах, когда говорит о явлении представляемого «в ином поле» и прежде всего об «изменении направления внимания»: «я ощущаю, как при переходе к представлению отвожу внимание от глаз и обращаю его к чему-то иному». ...Представляемое содержание... постоянно «удерживается» моим «умом»; оно не отделено от него полностью, как отделены или оторваны предметы восприятия (поэтому никоим образом нельзя отказать в некотором феноменальном основании выражению «представлять нечто “в уме”»), тем не менее и представляемое содержание может отчетливо являться «где-то там вовне», но только в отличие от предметов восприятия оно там — если можно так предварительно выразиться — *не укоренено*. Оно «парит где-то там», но место этого парения не поддается точному определению... [с. 249–250].

Действительно, можно сказать, что образы представления явно менее реальны, чем образы восприятия, точнее, реальны как-то иначе и располагаются в ином психическом пространстве. Б. М. Величковский (2006а) отмечает, что когнитивная психология установила факт:

...как сходства, так и ряда качественных различий между образами (представления. — С. П.) и восприятием. Существование подобных различий не позволяет более считать образные представления просто «ослабленными копиями» предыдущих сенсорных воздействий, особенно в случае «продуктов» нашего творческого воображения, часто имеющих гипотетический и даже явно фантастический характер [с. 56].

Безусловно, образные представления не просто «ослабленные копии» предыдущих образов восприятия. Это положение подтверждается, например, весьма необычными порой «продуктами» нашего творческого воображения. Хотя, с другой стороны, в наших образах представления, по-видимому, действительно, как говорили старые авторы (Дж. Локк, Д. Юм и др.), нет ничего такого, чего не было ранее в наших образах восприятия. Другое дело, что все то, что было в образах восприятия, настолько фрагментировано и «переконструировано» в наших образах представления, что корни этих новых «продуктов» творчества нашего сознания найти в образах представления действительно порой практически невозможно. Вместе с тем не следует забывать о том океане образов восприятия естественных и искусственных физических объектов, которые в самых неожиданных формах изливаются на нас с бесчисленных

экранов и страниц. Невозможно поэтому с уверенностью сказать, что мы не видели чего-то из самых безумных своих фантазий на этих еще более безумных экранах и страницах.

Существуют весьма интересные экспериментальные данные об общности физиологических механизмов, лежащих в основе тех и других видов образов. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007, с. 389–390), ссылаясь на Farah at al., сообщают, что все нарушения зрительного восприятия у пациентов с поврежденным мозгом, как правило, сопровождаются аналогичными нарушениями зрительных образов воспоминания.

Так, у пациентов с поражением теменной доли правого полушария развивается игнорирование левой стороны поля зрения и поля представления-воспоминания. Итальянский невролог Бизиак (Bisiach & Luzzatti, 1978) просил больных представить себе, как выглядит знакомая им площадь в их родном Милане, если стоять лицом к церкви. Пациенты называли большинство объектов, находящихся справа от них, но очень мало тех, что были слева. Когда их просили представить себе ту же площадь с противоположной точки, как если бы они стояли спиной к церкви и смотрели на площадь, пациенты игнорировали объекты, которые опять находились с левой стороны от них, хотя раньше они их называли.

Авторы делают вывод, что поврежденные структуры мозга обычно опосредуют и образы представления, и образы восприятия.

3.5. Образы воспоминания

Интроспективно образы воспоминания похожи на образы представления, но отличаются от них каким-то феноменологически неясным дополнением, сигнализирующим нам о том, что это все же иные образы — образы чего-то реально воспринятого нами в прошлом. В отличие от образов представления образы воспоминания более определенные, детализированные, устойчивые, конкретные и повторяющиеся всякий раз в очень сходном виде. Можно поэтому согласиться с мнением У. Джеймса (2003), что:

...предмет воспоминания проникнут яркостью и непосредственностью, какие вовсе недостижимы для объекта представления [с. 164].

Главное, возникающие образы воспоминания спонтанно сменяют друг друга и, каждый раз репрезентируя строго определенный ход событий, создают специфическое ощущение воспроизведения реально пережитого. Поэтому образы воспоминания и воспоминания пережитых ощущений субъективно рассматриваются в качестве «следов», фрагментов прошлых образов восприятия

и ощущений. К образам воспоминания можно повторно возвращаться, как бы вновь и вновь их рассматривая. Даже открывать в них вроде бы какие-то мелкие, новые, забытые детали.

Несмотря на то что при каждом новом появлении образов воспоминания в сознании они различаются между собой, репрезентируемая ими схема развертывания изменений прошлой реальности остается прежней. В образах воспоминания, как и в образах восприятия, нет характерных для образов представления объективно невозможных трансформаций и в них гораздо больше произвольности. В воспоминаниях есть только то, что действительно произошло или могло произойти в реальности в прошлом. Если образы восприятия и воспринимаемые ощущения обладают одним особым качеством — бесспорностью и очевидностью своего существования, независимого от нашего субъективного желания или нежелания, то воспоминания обладают другим особым качеством. Они сопровождаются ощущением того, что репрезентируют нечто действительно имевшее место в прошлом. Неясно, что стоит за этим интрапсихическим ощущением феноменологически.

Некоторые образы представления тоже могут настолько напоминать события прошлого, что человеку порой трудно сказать, имело ли место данное событие в его жизни или это лишь иллюзия его памяти. Возможно, в появлении таких обманов памяти участвуют сны, некоторые яркие события которых со временем могут становиться неотличимы от мимолетных событий прошлого. Объектом воспоминаний могут быть и собственные мысли. Не только вербальные, например воспоминания о собственных размышлениях и сформированных ранее вербальных идеях, но даже образы представления, которые возникали в этой связи. При этом человек именно помнит, что думал так или представлял себе что-то.

Образы воспоминания, в отличие от образов представления, сгруппированы в устойчивые последовательные ряды, репрезентирующие связанные друг с другом события, пережитые в прошлом, или те, которые могли быть нами тогда же пережиты. Они всегда включены в контекст содержания эпизодической памяти как элементы последовательно разворачивающегося единого целого и занимают в нем строго определенное место. По-видимому, в этом последнем обстоятельстве и заключается основное различие между образами воспоминания и образами представления. Содержащаяся в эпизодической памяти¹ метафорическая «лента» воспоминаний, периодически разворачивающаяся в сознании, фактически представляет собой жесткую психическую конструкцию из тесно связанных между собой образов

¹ Эпизодическая память — форма памяти, в которой информация сохраняется с «мысленными пометками» о том, где, когда и как эта информация была взята; то есть материал в памяти касается определенных эпизодов [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 11].

воспоминания (и представления) изменявшейся в прошлом окружающей реальности и нашего взаимодействия с ней. Видимо, именно жесткая связь между отдельными последовательностями образов в первую очередь и делает их образами воспоминания.

Отдельные образы представления порой неотличимы от образов воспоминания, и трудно сказать, действительно ли всплывающий в сознании конкретный образ является неким следом пережитого, либо это образ, синтезированный сознанием из многих фрагментов образов воспоминаний. Можно даже предположить, что некоторые образы представления — это «оторвавшиеся» от таких «рядов», от этой «ленты» памяти образы воспоминания. По мере удаления во времени от пережитых событий воспоминания о них стираются, местами прерываются и «лента» теряет множество образов, бесследно исчезающих из нее. Остаются только самые яркие и эмоционально важные образы, но и они уже не детализированы и схематичны.

Образы воспоминания могут быть весьма подробными и связными, но в них в отличие от образов восприятия всегда существуют более или менее явные пробелы и многочисленные «потертости», как принято говорить в психопатологии. Образы воспоминания могут в известных пределах дополняться и видоизменяться под влиянием образов представления и даже вербальных знаний. Г. Эббингауз (1998), например, пишет:

Там, где воспоминания имеют пробелы или неопределенны, они с трудом могут противостоять влиянию представлений, внушенных вопросом (например, не правда ли, г. Х. был такого же роста, как Вы?) [с. 117].

Элизабет Лофтус (E. Loftus, 1975; E. Loftus, N. Hoffman, 1989 и др.) установила, что событие, воскрешаемое в памяти, восстанавливается неточно. Она полагает, что процесс, называемый памятью, не более чем реконструкция реального события. Вместо своего реального прошлого, например отпуска, мы реконструируем события, используя информацию из многих источников: своих реальных воспоминаний об этом отпуске, воспоминаний о других своих отпусках, проведенных там же, из фильмов, которые снимались в том же месте, и т. д. Мы уверены, что возникающие у нас воспоминания — это правда, тем более если рассказывали о них в присутствии кого-то другого, кто был вместе с нами в то время. Э. Лофтус (E. Loftus, 1975) указывает, что на наши воспоминания мощное влияние оказывают вербальные знания. Она удивляется тому, как сильно наши истории могут расходиться с реальными событиями.

Дж. Р. Андерсон (2002, с. 214) тоже пишет, ссылаясь на Ридер (Reder), что многие воспоминания в реальной жизни включают в себя правдоподобные умозаключения, а не точные воспоминания, люди часто оценивают, что мо-

жет быть правдоподобным, а не пытаются извлечь из памяти точные факты. Он (2002, с. 216) приводит описание опытов Ридер и Росс (Reder & Ross), из которых следует, что люди не столько оперируют реальными воспоминаниями о пережитой ими ситуации, сколько делают выводы из имеющейся репрезентации пережитой ими ситуации. Иными словами, мы часто оперируем не воспоминаниями, а выводами из воспоминаний — производными вербальными конструкциями. Дж. Р. Андерсон (2002) отмечает, что:

...Когда испытуемым усложняют материал при заучивании, они обычно вспоминают больше заученной информации, но также склонны вспомнить умозаключения, которых не заучивали. ...Умозаключения при заучивании помогают нам перейти от того, что мы фактически слышали и видели, к тому, что мы полагаем истинным. ...Грань между памятью и воображением весьма тонка, и легко перепутать источник информации. Серьезные ошибки памяти могут происходить потому, что люди не в состоянии отделить, что они фактически пережили, от того, что они вывели путем умозаключений или вообразили [с. 218–219].

Главная эволюционная роль образов представления и воспоминания состоит, видимо, в том, что они готовят человека к возможным в данной ситуации изменениям реальности. Кроме того, они постоянно дублируют, дополняют текущий образ восприятия реальности и немедленно замещают его при внезапном его выключении. Без этого человек мгновенно дезориентировался бы в реальности, например, даже при кратковременном закрывании глаз. Сами образы представления и воспоминания — это полученное ранее путем активного взаимодействия с реальностью и переработанное на основе предшествующего личного опыта особым образом структурированное чувственное знание о ней. Это особые сенсорные репрезентации конкретной части окружающей реальности.

Некоторые образы представления трудноотличимы от образов воспоминания. В свою очередь, образы воспоминания легко трансформируются в образы представления. Например, я могу представить, как моя собака прыгает через обруч, чего она никогда не делала, или как моя собака управляет автомобилем. Эти новые образы субъективно даже более реальны, чем прочие образы представления. Сказанное лишний раз подтверждает феноменологическую близость образов воспоминания и представления.

Ощущения, как и образы, можно разделять на воспринимаемые, представляемые и вспоминаемые. Достаточно легко представить себе определенные ощущения (вспомнить их), если перенести себя мысленно в ту или иную ситуацию, например представив кусочек сахара или лимона во рту, розу у лица или сильный порыв ветра, поднимающего и швыряющего в лицо пыль, песок и листья с земли. Представляемые (вспоминаемые) запах или вкус отличаются

от воспринимаемых ощущений запаха и вкуса столь же отчетливо, как образы представления и воспоминания — от образов восприятия. Даже в том случае, когда, например, в помещении при отсутствии цветов пахнет розами, мы легко узнаём, что это именно восприятие, а не представление.

Бывает, мы непроизвольно вспоминаем пережитые в прошлом ощущения. Например, возникает воспоминание прошлого ощущения, которое порой трудно даже привязать к определенной модальности. Первоначально это скорее даже сложное полимодальное воспоминание некой прошлой эмоционально приятной ситуации, которое было спровоцировано образами восприятия окружающей нас сейчас и в чем-то сходной с прошлой ситуацией. Порой воспоминание о пережитом в прошлом ощущении невозможно соотнести с конкретным эпизодом прошлого. Оно всплывает как воспоминание, относящееся скорее к целому периоду жизни, например к детству или периоду жизни в конкретном месте, а не к какой-то определенной ситуации. Есть лишь понимание того, что нечто подобное переживалось мною раньше, непонятно, когда конкретно, где именно и в связи с чем, но возникшие воспоминания ощущений знакомы и приятны или неприятны.

Упрощая сенсорные психические феномены, исследователи втискивают их в жесткие рамки понятий: *ощущение*, *образ*, *репрезентация* и т. п. В результате рассматриваемые сущности кажутся достаточно простыми. Такими же простыми объектами, как окружающие нас физические предметы: гвозди, рыбы, овощи и т. п., только объектами психическими. В действительности же рассматриваемые психические сущности неизмеримо сложнее, неопределеннее, а главное — непонятнее, чем конкретные физические объекты, даже для самого конституирующего их сознания. В этом смысле они скорее ближе к тем абстрактным физическим сущностям («сила», «работа», «энергия» и т. п.), в самом наличии которых создавшее их человеческое сознание не вполне уверено.

Тезисы для обсуждения

1. Психические репрезентации можно разделить на чувственные (ощущения, образы и конструкции из них) и символические (образы понятных слов — понятия и конструкции из них).
2. В психологии отсутствуют адекватные определения ощущений и ментальных образов (восприятия, воспоминания и представления) этих, казалось бы, самых простых психических феноменов. Наиболее удачные попытки их объяснения связаны с отсылками к интроспекции, что дополнительно свидетельствует о невозможности их эффективной вербализации, то есть раскрытия с помощью языковых конструкций.

3. Образы восприятия и ощущения — чувственные психические феномены, возникающие в процессе перцепции. Однако ощущения репрезентируют многие разные, но сходные в определенной модальности объекты, а образы выделяют уже отдельные объекты среди многих похожих.
4. Феноменологические отличия ощущения от образа восприятия заключаются в том, что в ощущении есть лишь модальность, интенсивность и чувственный тон (приятное — неприятное), но практически нет других составляющих или того, что можно назвать направлениями репрезентирования или субмодальностями. Тогда как в образе их много. В результате ощущение отличается от образа восприятия меньшей субъективной информативностью, что мешает ему превратиться в завершенную чувственную репрезентацию объекта, позволяющую воспринимателю сразу выделить объект среди прочих, даже сходных с ним в данной модальности объектов.
5. Исследователи в соответствии со «здравым смыслом» связывают ощущения исключительно с качествами объектов, несмотря на то что любое ощущение, как и образ восприятия, представляет собой перцептивную репрезентацию объекта в целом. Ощущения — это менее дифференцированные и информативные образы, чем основной, все того же объекта. Меньшая степень информативности обусловлена более слабым развитием соответствующих анализаторов и мозговых структур, участвующих в создании ощущения.
6. Принято считать, что ощущения обусловлены физическими свойствами объектов. Однако воспринимаемые нами свойства объектов не присущи им исходно. Они определяются результатом взаимодействия «реальности в себе» с нашими органами чувств и мозгом, и будь у последних иные особенности, репрезентируемые сознанием образы (или объекты) приобрели бы новые свойства.
7. Выявление разных свойств у воспринимаемого объекта является мериллом и критерием эффективности и органа чувств, и создаваемой сознанием с его участием психической репрезентации.
8. Наряду с понятием *ментальные образы*, распространенным в современной зарубежной психологии, в российской психологии используются понятия *образы представления* и *воспоминания*. Образы восприятия тоже являются ментальными, или психическими, но они резко отличаются феноменологически от образов представления и воспоминания.
9. Представление — это акт спонтанной или произвольной актуализации в сознании любых по модальности образов, не являющийся результатом актуального восприятия и не имеющий непосредственного отношения

к автобиографической памяти. Воспоминание — акт спонтанной или произвольной актуализации в сознании образов, относящихся к автобиографической (эпизодической) памяти.

10. Возникающий в сознании образ представления конкретного объекта отчетливо распадается в процессе интроспекции на множество последовательных кратковременных, мимолетных образов. Создается что-то вроде непрерывной последовательности, «потока» кратковременных образов. Удерживаемый в сознании более или менее устойчивый образ воспоминания конкретного объекта интроспективно тоже представляет собой «поток» непрерывно сменяющихся друг друга мгновенных образов.
11. Образ представления способен изменяться в результате появления в сознании вербальных мыслей о представляемом объекте.
12. В знакомой комнате и почти в темноте наши образы представления и воспоминания окружающего становятся несравнимо более информативными и структурированными, чем образы восприятия реальности, предстающей перед нами в виде серо-черных пятен. Данное обстоятельство позволяет нам ориентироваться и действовать в знакомых ситуациях даже при отсутствии полноценного восприятия.
13. Главная эволюционная роль образов представления и воспоминания состоит, видимо, в том, что они готовят нас к возможным в данной ситуации изменениям реальности. Кроме того, они постоянно дублируют, дополняют текущий образ восприятия реальности и немедленно замещают его при внезапном его выключении.
14. Самые «простые» психические феномены — ощущения и образы — лишь кажутся элементарными. В действительности эти конституированные исследователями психические сущности очень сложны и еще недостаточно изучены.

ГЛАВА 4

Образ и объект

- Главные свойства образа восприятия.
- Эволюция содержания понятия *образ*.
- Представления о соотношении объекта и его образа.
- Изоморфен ли образ восприятия объекта репрезентируемому им фрагменту «реальности в себе»?
- Еще раз о том, что образ восприятия предмета и есть предмет.
- Последствия появления в сознании образов восприятия и ощущений.

4.1. Главные свойства образа восприятия

Дж. Гибсон (1988) рассматривает восприятие как:

...поток, аналогичный потоку сознания... [с. 339].

Это «...не процесс обработки чувственных данных, а извлечение инвариантов из стимульного потока» [с. 26].

...Восприятие — это акт, а не реакция; акт внимания, а не автоматически возникающее впечатление; достижение, а не рефлекс [с. 217].

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004) определяют восприятие как:

...сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа (употребляются также термины «перцепция», «перцептивный процесс»). ...Система *действий*, направленных на ознакомление с предметом, воздействующим на *органы чувств*, то есть чувственно-исследовательская деятельность *наблюдения*... [с. 83].

А. Н. Гусев (2007) подчеркивает, что:

...восприятие, или перцептивный образ, представляет собой *активный* процесс, создающий *осознанное* психическое отражение *предмета и ситуации в целом* в виде целостного знания... возникающий *при непосредственном* воздействии предмета на органы чувств. ...Это активный и созидательный процесс, опосредованный индивидуальным опытом субъекта, рассматриваемый как решение им своего рода *перцептивной задачи*. В качестве синонима восприятия в психологической литературе также используются термины *образ восприятия* или *перцептивный образ* [с. 13].

Я сказал бы, что **восприятие — это акт психического репрезентирования элементов окружающей «реальности в себе» на основе изменений состояния человеческого тела, возникающих в процессе его взаимодействия с «реальностью в себе», включающий в себя формирование психических репрезентаций в виде самостоятельных и как бы независимых от сознания внешних сущностей, расположенных в месте нахождения элементов «реальности в себе», и рефлексии их сознанием. Уже на уровне восприятия сознание создает чувственные предсущности физического мира.**

Ф. Олпорт (2002) выделяет шесть классов феноменов восприятия. Первый класс представлен основными модальностями и субмодальностями сенсорных моделей. Это «цвет, музыкальный тон, запах розы, вкус, боль, переживания давления, тепла или холода...». Второй класс представлен «фигурационными или конфигурационными» феноменами восприятия. Третий класс составляют феномены константности восприятия. Четвертый класс — «субъективные шкалы оценок» качеств, создаваемые человеком. Пятый класс представлен феноменом «предметного характера восприятия». Другими словами, «вещи и события предстают перед нами не просто как качества, свойства или формы, но именно как вещи и события». Шестой класс, или свойство восприятия, — «эффект доминирующей установки или состояния».

Предложенные Ф. Олпортом шесть классов феноменов не могут быть объединены по какому-то общему принципу, так как представляют собой явления разного порядка.

Ч. Осгуд (2002, с. 113) тоже выделяет шесть характеристик перцептивных феноменов. Часть из них совпадает со свойствами Ф. Олпорта: организация периферических сенсорных событий (эквивалентна пятому свойству Ф. Олпорта — предметности), целостность (частично эквивалентна второму свойству Ф. Олпорта), константность (эквивалентна третьему свойству Ф. Олпорта). Не имеют аналогов такие характеристики, рассматриваемые Ч. Осгудом, как транспозиция (перенос) — треугольник может проецироваться на разные участки сетчатки, не претерпевая при этом искажений; избирательность — объекты, связанные с едой, имеют для голодного качества фигуры; изменчивость — ре-

гулярные черные и белые узоры на кафельном полу при продолжительном рассматривании организуются в меняющиеся узоры.

То, что Ч. Осгуд (2002) называет транспозицией, как мне представляется, скорее, следует отнести к константности формы. То, что он называет избирательностью, скорее особый вариант установки, обусловленной влиянием мотивов на восприятие. Тогда как изменчивость — не что иное, как конкуренция имеющихся в сознании до начала восприятия «эталонов» при неопределенности актуальных зрительных впечатлений.

Дж. Брунер (2002) рассматривает свойства восприятия в динамическом аспекте. По его мнению, восприятие — это процесс принятия решения, основанный на использовании отличительных признаков, содержащий операцию умозаключения и включающий в себя категоризацию. Категории различаются по их готовности, которая минимизирует неожиданности внешней среды и максимизирует успех. Он считает, что истинность восприятия состоит в отнесенности стимулов к соответствующим категориям и восприятие будет истинно в той мере, в какой готовность систем категорий отражает вероятность событий.

Свойства ощущений и образов восприятия на основе работ предшественников удачно обобщил А. Н. Гусев (2007, с. 15–21). Он выделяет следующие свойства ощущений. 1. Сенсорное качество¹, или модальность (цвет, высота тона, сладость). 2. Интенсивность (светлота светового пятна, громкость звука). 3. Протяженность ощущения в пространстве (большой — маленький, слева — справа, локальный — объемный). 4. Длительность ощущения. 5. Ясность ощущения. Автор замечает, что сенсорные качества не являются независимыми друг от друга. При изменении одного качества может измениться и другое.

А. Н. Гусев (2007, с. 25–28), ссылаясь на работы Ф. Олпорта, выделяет те же свойства восприятия, что и последний, но относит их уже к свойствам образа восприятия. Так, первое свойство — «сенсорное качество» — он отождествляет с «живой чувственной тканью образа», а в «предметном» характере восприятия подчеркивает «чувство реальности предмета», объективно существующего для воспринимающего его человека, и его «объективированность», то есть «чувство вынесенности содержания образа восприятия вне самого субъекта». Автор пишет также об «одномоментности» образа восприятия — «одномоментности переживания значения предмета». Кроме того, «предметность» восприятия означает, по мнению автора, и его «полиmodalность», слияние в перцептивном образе всех чувственных впечатлений.

¹ Многие другие авторы, начиная с Э. Б. Титченера, не без основания рассматривают первое качество ощущения как основное, тогда как прочие — уже как собственные характеристики, или измерения, ощущения.

Обращает на себя внимание то, что **выделяемые исследователями качества образа восприятия являются фактически качествами воспринимаемого объекта: предметность, реальность, объективированность, дистантность, объемность и др.** Данное обстоятельство лишней раз подтверждает тот очевидный факт, что **образ восприятия и есть сам воспринимаемый объект. И если согласиться с этой данностью, то многие «свойства восприятия» естественным образом превратятся в свойства воспринимаемого физического объекта (и наоборот).** Кстати, свойства образа (объекта) можно и желательно дополнить.

Правильнее было бы расположить свойства образов восприятия в ином порядке. Главным свойством перцептивных психических феноменов является их обязательная осознаваемость. Они всегда даются нам или являются в нашем сознании, поэтому **осознаваемость ощущений и образов — их главное качество, которое и делает их психическими феноменами, но одновременно и объектами физической реальности.** Это качество психических явлений в силу его непостижимости и плохой вербализуемости мало обсуждается исследователями и принимается ими как аксиома: психические явления осознаются — это данность, которую бессмысленно пытаться интерпретировать и трудно обсуждать.

Все ощущения и образы имеют качество осознанности, то есть они даны в сознании, являются его феноменами и обладают самоочевидным существованием для нас. Если рассмотреть эту проблему в ином разрезе, то можно даже сказать, что они не только являются содержанием сознания, но и создают его, служат «кирпичиками» сознания. **Осознание — это интроспективная регистрация самого факта наличия явления в психике — появление его перед нашим «мысленным взором».** **Осознаваемость — качество, исходно присущее любому психическому явлению, каждое из которых сразу возникает осознаваемым.** **Однако осознанное психическое явление может рефлексироваться и пониматься человеком в разной степени: от полного и всестороннего понимания до полного непонимания как значения данного явления, так и самого факта его пребывания в сознании в течение какого-то, порой достаточно продолжительного, времени.**

С такой точкой зрения согласны далеко не все. Так, В. М. Аллахвердов (2000), например, полагает, что:

...если мы говорим, что испытываемый нечто *осознает*, то это обозначает как факт представленности субъекту картины мира и самого себя, так и выраженную в словах способность испытываемого отдавать себе отчет в том, что происходит [с. 34].

Если принять точку зрения автора, то придется признать, что не только у животных, в том числе высших приматов, нет сознания, так как они явно

не имеют «выраженной в словах способности отдавать себе отчет о том, что происходит», но и мы большую часть своего бодрствования пребываем в бессознательном состоянии, так как нам просто некогда отдавать себе в слова отчет в том, что с нами происходит. Слишком уж быстро и много с нами всего происходит, и нам не до вербальных самоотчетов, да мы и не смогли бы это сделать. Тем не менее мы прекрасно осознаем происходящее с нами и вокруг нас, а также свои действия, даже не пытаясь вербализовывать ни то ни другое в каких-либо самоотчетах.

Вторым свойством многих перцептивных психических феноменов является их означенность, или наличие у них значения, понятного воспринимающему в разной степени. Благодаря этому у воспринимающего есть возможность с каждым новым актом восприятия все глубже проникать в суть воспринимаемого предмета, лучше понимая его. Данное свойство другие авторы (Ф. Олпорт, 2002, А. Н. Гусев, 2007) включают в предметность, хотя часто образы репрезентируют совсем не предметы, а, например, явления, ситуации, стороны и сложные изменения реальности.

Третьим свойством перцептивных психических феноменов является их вещественность¹ (или в более абстрактном смысле — материальность). Вслед за Ф. Brentano (1996) до сих пор принято считать, что перцептивные феномены интенциональны, то есть всегда направлены на нечто предметное. Однако их интенциональность обусловлена тем, что образы восприятия — это и есть окружающие человека объекты, их свойства, изменения, действия и отношения.

Особым проявлением вещественности является предметность образов восприятия, которая касается лишь образов восприятия предметов, а не вообще всех перцептивных образов, в том числе образов явлений, ситуаций, сторон и сложных изменений реальности. Понятие *предметности*, по Ф. Олпорту, включает в себя реальность и значение. Другие авторы рассматривают его еще более широко. А. Д. Логвиненко (1987), например, пишет:

Предметность образа восприятия означает его: 1) реальность... 2) объективированность... 3) означенность... 4) константность... 5) полимодальность... [с. 3].

Действительно, свойство вещественности образов восприятия вообще и предметности образов восприятия объектов в частности включает в себя все то, что является свойствами окружающих нас физических объектов и явлений, а именно: реальность, объективированность, константность и многое другое.

¹ См. примечание 4 в конце книги.

Соответственно, **четвертым свойством перцептивных психических феноменов — объектов-образов¹ является их абсолютная достоверность, или реальность, для нашего «Я».** Чувство реальности проявляется в том, что образы восприятия порождают у наблюдателя абсолютную уверенность в физическом наличии воспринимаемого объекта.

Пятым свойством образов-объектов является объективированность (или объективность), которую, в свою очередь, можно разделить по крайней мере еще на два свойства: доступность иным наблюдателям и прогнозируемость, или предсказуемость. Доступность наблюдателям заключается в том, что образы-объекты в очень сходном виде возникают и у других наблюдателей, попавших в те же условия восприятия. Прогнозируемость образов есть способность человека предвидеть их появление в определенных условиях восприятия, если он сам ранее в них находился или другие наблюдатели сообщили ему о восприятиях, возникавших у них в этих условиях, а также подчиняемость объектов-образов известным физическим законам, то есть хорошо известным людям схемам предсказуемых изменений объектов.

Шестым свойством образов-объектов является их дистантность (дистальность). Субъективное ощущение вынесенности вовне, или дистантности образа восприятия, связывается в литературе с понятием *дистальный стимул*².

В. В. Любимов (2007) предлагает важное уточнение:

Дистальным стимулом мы будем называть воспринимаемый объект. *Проксимальным стимулом* — отображение дистального стимула на рецепторной поверхности [с. 30].

Иными словами, дистальный стимул — это не что иное, как находящийся вне нашего тела и воспринимаемый нами как находящийся на расстоянии от нас объект, или феноменологически — образ восприятия объекта. Термин «дистальный стимул» ничего не добавляет к нашему пониманию и ничего не проясняет в нем, внося при этом дополнительную путаницу. Вместе с тем он подчеркивает тот важный факт, что образ восприятия всегда дается нам

¹ Я отождествляю образ восприятия с объектом восприятия, поэтому и использую термины *объект-образ* или *образ-объект*. Подробнее это отождествление будет рассмотрено ниже.

² Даже если рассматривать стимул как «физический агент (раздражитель), воздействующий на орган чувств (рецептор)» [Большой психологический словарь, с. 529], то и в этом понимании термин «дистальный стимул» неудачен, так как воспринимаемый нами в зрительном, слуховом, обонятельном или ином чувственном диапазоне дистально расположенный (удаленный) предмет не воздействует на наши рецепторы сам. Воздействует нечто иное: электромагнитные волны, воздушные колебания, двигающиеся в воздухе молекулы вещества, то есть воздействие предмета всегда чем-то опосредовано, и в любом случае посредник является «проксимальным стимулом», воздействующим на наши рецепторы.

на разном удалении — дистанционно, даже несмотря на то, что соответствующие зрительная, слуховая или тактильная стимуляции всегда проксимальны. Следовательно, сознание, несмотря на проксимальность стимуляции, как-то умудряется поместить образ восприятия вовне, в место локализации репрезентируемого объекта и на разном расстоянии от тела.

Проецирование образа восприятия вовне — одна из самых удивительных загадок восприятия. Способность к формированию дистантных, находящихся на удалении от тела наблюдателя психических образов — это универсальное свойство психики, связанное, видимо, не только лишь со зрительным или слуховым анализаторами. Например, больные в психиатрической клинике нередко жалуются на ощущение присутствия постороннего. К. Ясперс (1997) описывает его так:

Больной чувствовал, что кто-то постоянно следует за ним или, скорее, чуть сзади и в стороне от него. ...Больной никогда его не видел, не слышал, не прикасался к нему и не ощущал его прикосновения; тем не менее он с исключительной ясностью испытывал чувство чьего-то физического присутствия [с. 112].

Модальность этого болезненного ощущения трудно определить. Возможно, это что-то вроде особого тактильного чувства. Для нашего обсуждения здесь важно не столько какая именно это модальность, сколько то, что она не зрительная или слуховая. Возникновение при возбуждении рецепторов сетчатки дистального зрительного образа, удаленного от воспринимающего глаза, столь же удивительно, как и появление удаленного тактильного образа при возбуждении тактильных рецепторов поверхности спины (в опытах со слепыми испытуемыми (см., например: G. Guarniero, 1972).

Кстати, дистальные тактильные репрезентации возникают не только в специальных экспериментальных условиях. Дистальные тактильные ощущения хорошо знакомы всем нам и многократно описаны в литературе как проецирование ощущений на кончик отвертки, ножа, палки и т. д. (см., например: К. Прибрам, 1975, с. 92–193). Универсальная способность психики к дистантному (или дистальному (Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 246)) проецированию играет в адаптации роль, которую нельзя переоценить. Эта же способность позволяет нашему сознанию выстраивать мир в пространстве вокруг нас. Причем она формирует пространство как визуальное, так и слуховое и даже, как мы видим, тактильное. У животных, имеющих иные анализаторы, намного превосходящие по своим возможностям человеческие, она же, возможно, формирует еще и обонятельные, ультразвуковые, электростатические, температурные и другие пространственные репрезентации.

Дж. Хохберг (2003) пишет:

При всех условиях, когда мир являет нам устойчивые и неизменяющиеся дистальные свойства, а органы чувств полностью меняют проксимальный стимул, мы склонны воспринимать постоянные дистальные свойства [с. 213].

Мне представляется, что правильнее было бы сказать: **несмотря на то что наши «органы чувств получают постоянно меняющуюся проксимальную стимуляцию» от внешнего мира, нашему сознанию удастся конституировать в репрезентируемом мире постоянные для нас его элементы: объекты, их свойства, действия и т. д. — с постоянными для нас их «дистальными свойствами».**

Седьмым свойством перцептивных психических феноменов является их модальность. Существуют, например, слуховые и зрительные образы, обонятельные ощущения или даже полимодальные целостные перцептивные репрезентации воспринимаемого объекта. Считается само собой разумеющимся и не требующим специальных доказательств, что все люди испытывают одинаковые ощущения, если последние относятся к одной модальности. Например, принято считать, что разные люди в одних и тех же условиях испытывают одно и то же идентичное ощущение, например ощущение тепла, а не разные ощущения: «тепло'», «тепло"», «тепло'''» и т. д. Здесь я имею в виду не интенсивность, а именно индивидуальные различия в тонких чувственных свойствах ощущений одной модальности. То же касается цвета, вкуса, запаха, звука и т. д. Мне представляется очевидным, что люди, прикасаясь, например, к одному и тому же предмету, имеющему температуру 40 °С, испытывают разные ощущения, зависящие от индивидуальных особенностей их рецепторов и других систем организма.

Я не имею здесь в виду то, что у одного и того же человека качества ощущения в рамках одной модальности, например зрительной, то есть цвет того же объекта, могут существенно различаться в зависимости от исходного состояния человека. А. Хаксли, например, пишет, обсуждая влияние галлюциногенов и других психоактивных веществ на зрительное восприятие:

Первое — самое важное — это переживание света... Все цвета становятся сверхнасыщенными по сравнению с тем, как мы их видим в нормальном состоянии; и в то же время значительно возрастает способность различения цветовых оттенков [цит. по: А. Н. Гусев, 2007, с. 340].

Восьмым свойством образов восприятия является их константность. К этому свойству мы еще специально вернемся позже.

Девятым свойством перцептивных психических феноменов является целостность их структуры. Каждый из них представляет собой гештальт.

Десятым свойством перцептивных психических феноменов является их специфическая структурированность по принципу «фигура – фон».

Одиннадцатым свойством образов восприятия является их возникновение в тесной связи с имеющейся в сознании каждого человека субъективной «картой мира», или глобальной моделью-репрезентацией мира, обусловленной предшествующим опытом и культурной принадлежностью.

Двенадцатым свойством перцептивных психических феноменов является их зависимость от имеющейся у воспринимающего установки, контекстной «настройки», а также их зависимость от эмоционального и мотивационного состояния воспринимающего.

Тринадцатым свойством перцептивных образов является их относительная независимость от нашего «Я», что выражается, например, в невозможности их изменения произвольным усилием сознания.

Можно выделить и другие свойства образа восприятия. Например, то, что в норме образы восприятия и ощущения всегда причинно обусловлены — возникают в результате взаимодействия чего-либо с нашими органами восприятия, а не изнутри и без видимых причин, как, например, многие образы представления. Важным свойством перцептивных психических феноменов является разная степень понимания образа и ощущения воспринимающим. Появление все более глубокого понимания перцепта требует научения воспринимающего. Достойным специальным упоминанием качеством образа восприятия является вызываемое им *ощущение знакомости — незнакомости*, обусловленное повторным восприятием того же или сходного фрагмента реальности. К свойствам образов восприятия можно с некоторой натяжкой отнести их разную способность привлекать к себе внимание субъекта, а также их разную представленность, их разный «удельный вес» в содержании его сознания.

К свойствам перцептивных образов можно отнести и все то, что является свойствами соответствующих воспринимаемых объектов, которые и есть эти самые образы. Они детализированы, неразрывно связаны с текущим моментом времени, максимально жестко пространственно ограничены, занимают в пространстве определенное место, обычно отделены друг от друга и не проникают друг в друга, даже находясь друг в друге; они всегда завершены, узнаваемы при повторном появлении в сознании, достаточно стабильны, повторяемы, могут сохраняться, даже если человек долго находится в тех же условиях восприятия, или вновь появляются у него при его повторном попадании в те же условия восприятия; способны открываться для нас новыми своими сторонами при изменении, например, масштаба и координат восприятия; уникальны и конкретны; меняются при изменении положения

наблюдателя по отношению к объекту наблюдения, но тем не менее остаются константными.

В. И. Белопольский (2007) пишет:

Кроме *пространственных признаков* (направление, удаленность, локализация, протяженность), играющих первостепенную роль в ориентировке и целенаправленном перемещении наблюдателя в среде, чувственный образ может включать и такие характеристики, как *интенсивность* воздействия (громкость, яркость, тяжесть, сила запаха и т. п.), его *динамику* (изменение, движение, мелькание, биение), *чувственный тон* (освещенность, цветность, теплота, тональность, гладкость, приятность) и *структурные* отношения (размер, ориентация, форма, контрастность, созвучие, вкусовое сочетание, композиция запахов) [с. 11].

Однако очевидно, что образ не может «включать такие характеристики, как интенсивность и динамика». Эти характеристики предполагают уже сравнение образов между собой. Соответственно, обсуждая подобные характеристики, мы должны говорить еще и о последовательностях сходных образов, и об изменениях образов, что позволяет рассматривать в результате такие их характеристики, как интенсивность, динамика и др., но это уже другая тема.

4.2. Эволюция содержания понятия *образ*

Как я уже отмечал выше, первые попытки систематического изучения зрительных образов в психологии восходят к сэру Фрэнсису Гальтону (1883), который просил людей описывать свои образы, оценивая при этом их отчетливость. Однако понятие *образ* используется в философии очень давно. П. Кюглер (2007), ссылаясь на книги Р. Керни (R. Kearney) «История философии», Ф. Коплестона (F. Copleston) «Пробуждение воображения» и других авторов, сделал интересный исторический обзор взглядов на эволюцию понятия *образ*. По его словам, значение понятия *образ* многократно изменялось на протяжении двух последних тысячелетий.

История данного понятия начинается в западной философии с Платона. П. Кюглер (2007) приводит его аллегорическую историю, в которой люди сидят в пещере в оковах и не могут двигаться с места. Высоко за людьми сзади — огонь, а прямо за ними — стена, выполняющая роль ширмы. Стена скрывает от них дорогу, по которой движутся другие люди. Эти люди несут разные фигуры, утварь, изображения живых существ и др. Несут так, чтобы они были над стеной и отбрасывали тени на противоположную, видимую лю-

дям стену пещеры. Люди в оковах могут видеть только тени и воспринимают их как единственную реальность. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, они узнают, что были обмануты тенями, отбрасываемыми на видимую стену пещеры реальным миром. По Платону, образы — внешние производные материального мира, который сам является лишь проявлением высшего идеального мира. Образы — это копии копий.

Аристотель, по мнению П. Кюглера, трансформировал теорию Платона. Согласно его учению, образ находится уже внутри человека, а его источником является материальный мир. Образы — посредники между чувствами и разумом, мост между миром сознания и миром материальной реальности. Тем не менее Аристотель наделяет свойством первичности не образ, а сенсорные данные. Образ является их отражением, а не источником. Ни Платон, ни Аристотель не рассматривали процесс возникновения образа как изначальный и автономный. Для них образы — это результат копирования, имитации, повторения. Вторичное отражение чего-то более «сущностного», находящегося вне человеческого существа.

П. Кюглер (2007) констатирует, что взгляд на образы сохранялся, практически не меняясь, в философских системах неоплатоников: Порфирия, Прокла, Плотина — и у средневековых теологов: Августина, Бонавентуры и Фомы Аквинского. Он замечает, что и библейская (иудейско-христианская), и эллинистская традиции считали создание образов воспроизводящей активностью, отражением «истинного» источника смысла, находящегося за пределами человеческого мира, — Бога или форм (метафизических, как у Платона, или физических, как у Аристотеля). Со времени древних греков существование этих пар противоположностей: внешнего и внутреннего, души и тела, разума и чувства, духа и материи — мыслилось неизбежным, закладывавшая основу западной метафизики. В них видели каркас, поддерживающий структуру нашего мышления. Образ занимал позицию между любой парой этих противоположностей.

По мере развития западной культуры понимание образа постепенно менялось. По словам П. Кюглера, уверенность в том, что образ — это только копия некоего оригинала, пошатнулась. С приходом Ренессанса пропало понимание того, «что есть образ — одежда, которую мы надеваем, или наша собственная кожа» (2007, с. 126). П. Кюглер выделяет несколько выдающихся фигур Ренессанса (Парацельс, Фичино и Бруно), которые развили новое понимание образа. Рассматривая образ как творческую, трансформирующую силу, действующую внутри человека, алхимики перевернули традиционную теорию знания и образа так же, как Коперник перевернул космологию. Бруно вообще посмел заявить, что человеческое воображение само является источником познания!

Что работа воображения предваряет разум и в действительности создает его. Из чего следует неизбежный вывод о том, что творец не Бог, а человек. Эти идеи и привели Бруно на костер.

Представления Р. Декарта, как считает П. Кюглер, окончательно узаконили дуализм и разделили мир на объекты и субъекты. Его теория мыслящего субъекта окончательно обозначила перелом в западной психологической мысли, поместив источник смыслов, творчества и истины внутрь человека, которому был отдан приоритет перед объективной сущностью или божественным. Д. Юм, по словам П. Кюглера, пошел еще дальше, предположив, что человеческое знание может строиться на основании себя самого. Д. Юм считал образ оставшейся в уме копией пережитых и «поблекших» чувств. И настаивал на том, что мир представлений содержится внутри человека. Вся реальность, с которой мы имеем дело, — наш внутренний музей искусств. И мир разума, и сама так называемая материальная реальность — лишь субъективные представления, выдумка. Согласно Д. Юму, психический образ более не связан ни с какими трансцендентными сущностями. Образ — вся истина, которая нам доступна. Однако Д. Юм — сторонник теории соответствия: если мы не можем утверждать, что есть соответствие между образом и трансцендентным объектом, мы не можем установить истину, следовательно, нам недоступна никакая истина.

П. Кюглер (2007, с. 130) считает, что позиция Д. Юма по отношению к психическим образам заключает в себе следующую проблему: если мир, который мы знаем, есть лишь коллекция пустых выдумок, лишенных всякого трансцендентного основания, то все, на чем основывается наше чувство реальности, — это субъективный вымысел, лишенные фундамента образы.

П. Кюглер пишет, что в 1781 г. И. Кант ошеломил коллег, объявив воображение неизменным начальным условием любого знания, процесс формирования образа — неотъемлемым условием любого знания, а процесс создания образов — как воспроизводящим, так и производящим. П. Кюглер полагает, что после работ И. Канта философия перестала рассматривать психические образы как копии и придала им роль творящего начала.

И. Кант (1994) действительно пишет:

...само... пространство и время, а вместе с ними и все явления суть сами по себе не вещи, а только представления и не могут существовать вне нашей души... утверждать, что явление существует само по себе, безотносительно к нашим чувствам и возможному опыту, можно было бы, конечно, лишь в том случае, если бы речь шла о вещи самой по себе («вещи в себе». — С. П.). Но речь идет только о явлении в пространстве и времени, которые суть лишь определения нашей чувственности, а не определение вещей самих по себе, и потому то, что находится в пространстве и времени (явления), не существует само по себе,

а есть только представления, которые, если они не даны в нас (в восприятии), не встречаются нигде [с. 306–307].

...Явления вообще вне наших представлений суть ничто... [с. 314].

Вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и... отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются, *и если бы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не сами по себе* (курсив мой. — С. П.). Каковы предметы сами по себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать их, который к тому же необязателен для всякого существа, хотя и должен быть присущ каждому человеку. Мы имеем дело только с этим способом восприятия [с. 61–62].

Из сказанного следует, что: 1) «мир в себе»¹ не идентичен нашим чувственным репрезентациям, и какой он — нам знать не дано; 2) мир в репрезентируемом нашим сознанием, привычном для нас виде только в нашем сознании и существует; 3) наши же чувственные репрезентации окружающих вещей — и не репрезентации вовсе, а самые что ни на есть единственно реальные для нас вещи, в том числе материальные.

Как должно понимать кантовскую «вещь сама по себе» («вещь в себе») — как «стол в себе», то есть уже все же «стол», а не «ничто», пусть и «в себе», или все же лишь как неопределенную часть — фрагмент аморфной, никак не доступной нам иначе, чем в виде стола, «реальности в себе»?

Сам И. Кант пишет о «вещи самой по себе» («вещи в себе») так:

...каковы вещи сами по себе, я не знаю и мне незачем это знать, потому что вещь никогда не может предстать мне иначе как в явлении [там же, с. 205].

Попытаемся изменить поставленный выше вопрос: *есть ли вообще «вещь сама по себе» («вещь в себе»)?* Мне представляется, что И. Кант не довел свои рассуждения до логического конца. Если, как он сам утверждает:

...вещи... все свойства объектов и все отношения их... могут существовать только в нас, а не вне нас [с. 61], —

то и «вещей в себе» нет и быть не может в «реальности в себе». **Без человеческого сознания никакой «вещи», даже «вещи в себе» нет вовсе.** Она — творение человеческого разума, в ее основе — человеческое понятие *вещь* и специфическая чувственная конструкция нашей психики.

¹ Дальше я называю его «реальность в себе».

Именно сознание создает *объекты, предметы и явления*, их *свойства и действия*, овеществляет окружающую «реальность в себе». Но оно делает это не в ней, а в себе самом. Без психики и сознания в «реальности в себе» есть лишь «нечто в себе». **Сенсорные репрезентации сознания формируют в сознании, но в месте локализации «реальности в себе» физическую реальность, придают ей чувственную вещественность, хотя и не создают еще в ней понятные сознанию сущности. Символические модели сознания — понятия и конструкции из них — конституируют эту чувственную вещественность физической реальности и формируют уже в ней физические сущности, или вещи: предметы, явления, свойства и т. д. В аморфной «реальности в себе» без человека нет «вещей». «Вещь», как, впрочем, и «вещь в себе», конституируется лишь сознанием, способным оперировать понятиями, и в сознании.**

В. Виндельбанд тоже обращает внимание на это противоречие в позиции И. Канта, хотя и в другой связи:

Во всем том, что нам представляется данным, кроется уже деятельность нашего разума... [В. Виндельбанд, 1995а, с. 9].

С точки зрения теоретического разума... вещь в себе является абсолютным противоречием. Каждый признак понятия существует в качестве представления в сознании, следовательно, зависит от самого сознания и имеет смысл только в нем. Поэтому представление, независимое от сознания, не имеющее признаков (так как это-то и называется непознаваемостью) вещи в себе, является немислимым и совершенно невозможным. Вещь в себе не только не может быть познана, но не может быть и мыслима [В. Виндельбанд, 2007а, с. 215].

И это очевидно, так как сама «вещь в себе», как и вещь вообще, является таким же понятием нашего сознания, как и любое другое. Она порождение человеческого сознания, которое может существовать только в самом сознании и нигде больше. Мы еще вернемся ниже к вопросу конституирования человеческого сознанием объектов, явлений, их свойств и действий.

Мои оппоненты могут сказать, что уже для животных существуют объекты: партнеры, пища, хищники и т. д. Однако эти объекты тоже созданы человеческим сознанием, так как без соответствующих понятий нет и не может быть никаких объектов. Есть что-то иное. В частности, у животных есть лишь чувственные репрезентации окружающего мира. Своеобразное понимание реальности животными на чувственном уровне окружает их знакомыми или незнакомыми, приятными или неприятными прикосновениями, запахами, притягательными или отталкивающими вкусами, пугающими, привлекательными или индифферентными визуальными образами, громкими

или тихими звуками и т. д. и т. п. **Для животных не существует объектов в нашем их понимании: вещей и предметов, явлений, их свойств и действий. Есть лишь более или менее выделяемые и на чувственном уровне понимаемые, то есть узнаваемые чувственные репрезентации и типовые реакции на них.**

Безусловно, у животных формируются сложные модели-репрезентации того, что мы называем конкретными объектами: партнеров, детенышей, других членов группы и т. д. Но для них это лишь чувственные фрагменты окружающего мира. Даже у высших животных, обладающих чувственными предпосылками, не существует предметов в нашем их понимании, пока и если они не усвоили соответствующие простые понятия (в процессе специального обучения, организованного людьми).

Мне опять могут сказать: да, с возникновением развитой психики появляется способность репрезентировать изначально присущие реальности, то есть имеющиеся в ней исходно сущности: предметы, явления и т. д. И чем более развито сознание животного, тем лучше оно может выделить в окружающем мире сущности, исходно уже присутствующие в нем. Чтобы убедиться, что это все же не так и И. Кант был прав, имеет смысл разобраться в том, из чего складывается в нашем сознании предмет. Он репрезентируется в сознании как что-то светлое или темное, что-то цветное или черно-белое, что-то приятно или неприятно пахнущее, что-то твердое или мягкое, что-то вкусное или отвратительное, что-то теплое или холодное, что-то гладкое или шершавое и т. д. Возникает вопрос: *состоит ли предмет из всего перечисленного?*

Очевидно, что все то, что мы приписываем предмету как его физические качества: яркость, цвет, запах, твердость, вкус, теплота и т. д., на самом деле лишь повторяющиеся особенности наших психических репрезентаций, имеющие к сущности предметов весьма условное отношение. Например, цвет. Очевидно, что цвет — это психический феномен, а не физическая сущность, хотя «здравый смысл» заставляет нас считать, что цвет порождается в сознании совокупностями электромагнитных волн определенной длины, следовательно, они и есть сущность цвета, то есть цвет — это репрезентация электромагнитных волн определенной длины. И все же цвет — это психический феномен, специфическое визуальное переживание, хотя и возникающее при воздействии определенных электромагнитных волн на зрительные рецепторы человеческого глаза. И если не будет человека с его глазами и сознанием, то и цвета не будет в человеческом его понимании, даже если сохранится в физической реальности то, что мы репрезентируем себе сейчас вербально как *электромагнитные волны определенной длины*.

Если меня спросят: «Видят ли, например, даже животные разные цвета предметов?» — я отвечу, что некоторые животные способны реагировать на световые волны разной длины, соответствующие разным цветам человеческого спектра, но из этого не следует, что они, как люди, воспринимают цвет предметов. Да, они, вероятно, испытывают разные визуальные ощущения, но говорить при этом, что они понимают различия между вариантами цвета, означает впасть в антропоморфизм¹. Подчеркну еще одно важное обстоятельство: мы не воспринимаем электромагнитные волны (об этом пишет и Дж. Гибсон, 1988, с. 157), а лишь имеем в сознании психическую репрезентацию состояния своего тела, возникшего в результате взаимодействия этих волн с особыми структурами тела — рецепторами. Хотя в соответствии со «здравым смыслом» принято считать, что мы воспринимаем именно цвет, который является свойством физических предметов.

Сказанное о цвете в полной мере относится и к сущностям, воспринимаемым нами как другие качества предметов: запах, вкус, теплота, твердость и т. д., вообще ко всем сущностям, которые мы привычно отождествляем с качествами объектов, якобы вызывающими у нас соответствующие ощущения. Не будет нашего сознания, не будет и этих качеств физических предметов, так как именно особенности наших анализаторов и нашего сознания порождают конкретно такие репрезентации в известных нам модальностях. Очевидно также, что, будь у нас иные сенсорные системы, окружающие нас объекты радикально изменились бы. Поменялась бы даже их пространственная локализация, и исчезли бы их привычные для нас границы и формы, не говоря уже о таких их качествах, как цвет, светимость, вкус, запах, температура и др. Многие объекты просто исчезли бы, и появились бы новые.

Летучие мыши воспринимают ультразвуковые сигналы, отраженные предметами. Для них поэтому существуют те грани реальности, о наличии которых мы, возможно, и не подозреваем. Однако будь у нас соответствующие органы чувств, появились бы и новые объекты. Собаки имеют гораздо более чувствительный к запахам, чем у нас, обонятельный орган. Рыбы воспринимают специальным сенсорным органом электростатические заряды. Эти чувственные репрезентации тоже породили бы для нас множество объектов, будь у нас подобные анализаторы, а главное — новые понятия для выделения этих репрезентаций. **Наша физическая реальность с ее объектами, их свойствами и действиями радикально отличается даже от мира, чувственно**

¹ *Антропоморфизм*. Приписывание человеческих характеристик организмам, находящимся на более низких ступенях развития, или неодушевленным объектам [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 55].

репрезентируемого обезьяной, а мир последней радикально отличается от мира кошки, рыбы или птицы.

Могут сказать: то, что человек не воспринимает такие объекты, как ультразвук, электростатические заряды, электромагнитные волны за пределами видимого спектра и еще массу других вещей, не свидетельствует о том, что без него их не станет в физическом мире, так как они останутся в физической реальности и их по-прежнему будут воспринимать летучие мыши, насекомые, рыбы и т. д. Или даже вообще никто не будет воспринимать. Но мы-то сейчас знаем, что они есть, следовательно, они будут присутствовать даже без нас. Да, животные будут воспринимать результат воздействия на их тела элементов окружающей их реальности, но они не выделяли и не станут выделять и тем более оперировать мысленно такими сущностями, как *объекты*, например. **Лишь человек конституирует сущности, которые появляются по мере создания им понятий. Без таких понятий, как *объекты, предметы, вещи, их свойства и действия* и т. д., всех этих сущностей в мире нет. Хотя уже животные, в частности приматы, формируют чувственные предпонятия, а следовательно, в их мире уже присутствует что-то «приближающееся» к нашим предметам и физическим объектам.**

Теперь о мире без человека. Без чувственных моделей и человеческих понятий, конституирующих и выделяющих конкретные сущности, в окружающем нас мире есть лишь никак не сегментированная, невидимая, беззвучная, безвкусная, не ощущаемая никем «реальность в себе». Сознание конституирует, структурирует особым образом эту исходно аморфную и амодальную (как пишет А. Н. Леонтьев (1981)) физическую «реальность в себе».

Оно, говоря метафорически, создает физические предметы и сущности из фрагментов «реальности в себе», как пекарь, делающий буханки хлеба и булки из муки, воды и огня. Другое сознание, не менее развитое, чем человеческое, если оно обладает соответствующими собственными понятиями, будет конституировать, создавать из «реальности в себе» иные объекты или вовсе иные сущности, непонятные для нас. В случае исчезновения сознания все выделяемые им сейчас сущности исчезнут и останется не предметный мир, а лишь непостижимая и амодальная «реальность в себе».

Из сказанного мной, конечно, ни в коем случае не следует, что человек создает вокруг себя объекты физической реальности. Его сознание лишь специфическим образом конституирует — «лепит» своими средствами, взаимодействуя с «реальностью в себе», — чувственные и вербальные репрезентации антропоморфных сущностей мира, доступных для его понимания.

Можно метафорически представить себе некое тончайшее покрывало из чувственных и вербальных репрезентаций, которое наше сознание набрасывает на

трансцендентную «реальность в себе», делая ее тем самым видимой, осязаемой и относительно понятной для себя, но антропоморфной. Как человек-невидимка превращается в видимого, если надевает одежду и перчатки. Но элементы этого покрывала, которые мы принимаем за окружающие физические сущности, по-прежнему остаются лишь конструкциями нашего сознания, а не являются «отражениями», некими «копиями» предметов физической реальности, так как «элементы покрывала» представляют собой сугубо человеческие «инструменты», чуждые «реальности в себе», а не ее атрибуты.

Из того факта, что человек конституирует предметы из окружающей его «реальности в себе», отнюдь не следует, что, кроме нашего сознания, во-все ничего нет. «Реальность в себе», безусловно, есть. Но воспринимаемой и существующей в антропоморфной вещественно-предметной форме ее делает именно наше сознание. Это было очевидно еще епископу Д. Беркли. Мне представляется, что вместо понятия «*вещь в себе*» правильнее использовать понятие «*фрагмент “реальности в себе”*».

Что же все-таки такое «реальность в себе»?

Это то, что в процессе нашего восприятия становится для нас видимым (цветным или черно-белым, ярким или темным), ощущаемым тактильно (острым или тупым, гладким или шероховатым), ощущаемым на вкус, пахнущим, теплым или холодным и т. д. В то же время, это нечто не имеющее в себе ничего обозначаемого человеческими понятиями. Это действительно лежащая для нас «по ту сторону», или трансцендентная¹, «реальность в себе».

Итак, «вещи в себе», или «предмета в себе», нет. Есть лишь «реальность в себе», или сущее, или аморфное и непонятное нечто, которое наше сознание превращает в объекты. Необходимо все же признать, что, несмотря на отсутствие объектов в «реальности в себе», сама она — реальность — все же, по-видимому, включает в себя отдельные аспекты, или элементы, или части, некоторые из которых затем и конституируются человеческим сознанием в форме объектов и явлений реальности. Следовательно, мы конституируем объекты не из целостной аморфной «реальности в себе», а из отдельных составляющих ее частей, элементов или фрагментов. Надо отдавать себе отчет в том, что любое наше понятие: *часть, фрагмент, элемент* и др. — уже конституирует «реальность в себе», но без понятий мы не сможем ничего обсуждать, так как у нас не будет предмета рассмотрения.

Вернемся к образу объекта и к П. Кюглеру (2007). К. Юнг, по мнению П. Кюглера, предложил новый взгляд на образы. Он стал рассматривать их

¹ Трансцендентное — «то, что лежит за пределами возможного опыта и не может быть предметом познания (душа, свобода, Бог)» [Современный философский словарь, 2004, с. 57].

как промежуточное звено между субъектом и объектом, как источник ощущения психической реальности. Реальность заключается отныне в образах, так как в них соединяются внутренний и внешний мир человека. П. Кюглер считает мысль К. Юнга о том, что психический образ — это мост между идеями и вещами, третьей и промежуточной позицией, которая успешно завершает развернутую в Средние века дискуссию между номинализмом и реализмом. Являясь юнгианским психоаналитиком, П. Кюглер, естественно, переоценивает, на мой взгляд, роль К. Юнга в формировании новых воззрений на образ и умалчивает о сходных взглядах других выдающихся исследователей. Между тем аналогичные и гораздо более разработанные идеи составляют суть известной теории нейтрального монизма, созданной У. Джеймсом и представленной в работах Э. Маха. Причем сам У. Джеймс, обсуждая их, ссылается еще на Дж. Локка и Д. Беркли.

Согласно этой теории, различие между ментальным и физическим, между образом и объектом зависит от того, в каком контексте рассматривается чувственно явленная нам «вещь». У. Джеймс (1997) так излагает данную идею:

Я утверждаю, что... единая часть опыта, взятая в определенном контексте, играет роль познающего, душевного состояния, «сознания», тогда как в другом контексте та же единая часть опыта будет играть роль познанной вещи, объективного «содержания». Одним словом, в одном сочетании он (опыт. — *С. П.*) фигурирует как мысль, в другом — как вещь. И так как он может присутствовать в обоих сочетаниях одновременно, то мы имеем полное право считать его в одно и то же время как субъективным, так и объективным [с. 362–363].

Итак, в соответствии с представлением У. Джеймса в зависимости от того, в какую психическую конструкцию, созданную нашим сознанием, входит актуальное психическое содержание — образы восприятия и ощущения, последние можно рассматривать либо как содержание сознания (репрезентации объекта), либо как внешний физический мир (сам физический объект). Образы восприятия являются в результате одновременно и нашими психическими явлениями (содержанием нашего сознания), и физическими вещами. Парадокс, который У. Джеймс, однако, достаточно убедительно разъясняет.

Автор пробует далее распространить эти свои представления на прочие психические явления, в том числе и на понятия. Он полагает, что «любой единичный неперцептуальный опыт может, подобно перцептуальному опыту, быть рассмотрен дважды». Просто как объект или область объектов в одном контексте и как состояние ума — в другом. Причем нигде «не замечается никакого внутреннего саморазделения на сознание и содержание сознания».

В одном контексте «неперцептуальный опыт» представляет собой, по мнению автора (У. Джеймс, 1997, с. 365), целиком сознание; в другом — его содержание.

Однако «содержание сознания» не всегда есть физическая реальность, а часто — и вовсе не она. Тут у У. Джеймса (1997) возникают большие сложности, которые он и сам замечает:

Пока все чрезвычайно ясно, но мое положение, вероятно, покажется читателю менее убедительным, когда я перейду от восприятия к понятиям или от вопроса о наглядно представимых вещах к вещам, непосредственно нами не воспринимаемым [с. 364].

И он совершенно прав. Более того, к понятиям он так и не перешел, потому что не смог бы доказать применительно к ним свою точку зрения, ибо многое из того, что обозначается понятиями, просто невозможно найти в окружающей физической реальности или отнести к ней явно. Следовательно, понятия не могут, как образы восприятия, в разных контекстах выступать то психическими, то физическими сущностями. Меня здесь интересует не то, насколько не прав этот глубокий мыслитель, распространяя свою теорию на представления и понятия, а то, насколько он прав, рассматривая образы восприятия в зависимости от контекста то как явления сознания, то как физические явления.

Э. Мах (2005) говорит другими словами примерно о том же, о чем и У. Джеймс:

...там, где рядом с выражениями «элемент», «комплекс элементов» или вместо них употребляются обозначения «ощущения», «комплекс ощущений», нужно всегда иметь в виду, что элементы являются ощущениями только в этой связи, в этом отношении, в этой функциональной зависимости. В другой функциональной зависимости они в то же время — физические объекты [с. 59].

Таким образом, в зависимости от контекста содержание нашего восприятия превращается из психического явления в физический объект и наоборот. Б. Рассел (2007, с. 213–215) тоже полагает, что чувственные данные не являются ни ментальными, ни физическими, но считаются таковыми в зависимости от способов их познания. Они — «точка встречи» физики и психологии. Автор пишет:

...Нет такой простой сущности, на которую вы могли бы указать и сказать: эта сущность является физической, а не ментальной. Согласно Уильяму Джеймсу и нейтральным монистам, такого не случается с любой простой сущностью, которую вы можете взять... Я не претендую на знание того, является он (нейтральный монизм. — С. П.) истинным или нет. Я все более и более склоняюсь к чувству, что он может быть истинным [с. 215].

4.3. Представления о соотношении объекта и его образа

Напомню утверждение П. Кюглера (2007, с. 132), что после работ И. Канта философская мысль перестала рассматривать психические образы как копии или копии копий и придала им роль творящего начала. О том же говорит В. Виндельбанд (1995а):

Критика чистого разума (Канта. — *С. П.*) раз и навсегда установила невозможность для зрелого философского сознания мыслить мир так, как он является наивному сознанию, то есть «данным» и отраженным в сознании. Во всем том, что нам представляется данным, кроется уже деятельность нашего разума: на том факте, что мы сначала создаем для себя вещи, и основывается наше познавательное право на них [с. 9].

Для того чтобы понять, приняла ли психология такую точку зрения, приведу несколько определений из авторитетных источников:

Объект... То, что существует вне познающего и действующего субъекта, независимо от его ощущений, чувств и желаний, и может стать предметом его направленной активности в качестве предмета познания и деятельности [Психологический словарь, 2007, с. 393].

Образ восприятия — субъективная представленность предметов окружающего мира или их свойств [там же, с. 389].

Объект — понятие, используемое в психологии в трех основных значениях: 1) ...то, на что направлена деятельность человека как субъекта; 2) ...то, что противостоит человеку как субъекту. ...Предполагается, что субъект играет активную, а объект — пассивную роль; 3) любой предмет или человек, на которого направлено внимание данного человека [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 288].

...Образ восприятия — отражение внешнего объекта в идеальном плане... [там же, с. 283].

Объект. ...В исследованиях восприятия и познания — аспект окружения, который осознается кем-то. Это значение выражается в таких фразах, как стимульный объект в отношении физического объекта, который кто-то обнаруживает, ощущает или распознает... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 539].

Образ восприятия (син. — перцептивный образ, перцепт) — отражение в идеальном плане внешнего объекта (сцены), воздействующего на органы чувств [Большой психологический словарь, 2004, с. 342].

Цитаты можно было бы продолжить, но и так совершенно очевидно, что понятие *объект* обозначает в современной психологии некий самостоятельно и независимо от человека существующий, в том числе в физической реальности, предмет, тогда как его *образ* — психическую репрезентацию данного предмета. Подобные взгляды разделяют и российские, и зарубежные исследователи, в том числе признанные авторитеты. Так, Дж. Гибсон (1988), например, полагает, что физический объект —

это просто устойчивое вещество с замкнутой или почти замкнутой поверхностью [с. 75].

Из всего вышесказанного ясно, что вопрос «*Присутствуют ли физические объекты во внешнем мире сами по себе, или это сущности, конструируемые нашим сознанием?*» психологи по-прежнему решают в рамках «здорового смысла», а не философии, хотя этот вопрос — один из центральных не только для философии, но и для психологии, и для последней, в общем-то, принципиальный.

Впрочем, справедливости ради надо признать, что и сегодня в психологии существуют три основные точки зрения на соотношения объекта и его образа, традиционно представленные в философии в течение многих веков. В соответствии с первой, которой придерживается подавляющее большинство исследователей, образы восприятия «отражают» реально существующие физические объекты и явления. В соответствии со второй, окружающий мир — продукт нашего сознания. Третья пытается объединить первые две.

Первая точка зрения, которая восходит еще к Аристотелю и даже, по видимому, к еще более ранним мыслителям, рассматривает образы как отражения, модели или репрезентации реально существующих в физическом мире объектов. В. Виндельбанд (2007а) пишет:

Учение, что чувственный мир есть лишь слабое отражение внешнего мира, так же старо, как метафизическое мышление вообще. Оно не чуждо ни мудрствованиям индийской философии, ни логической ясности древнегреческих систем; неоднократно при различных обстоятельствах выступало оно в Средние века в философии [с. 73].

Эта точка зрения может быть выражена следующими недавними словами психолога В. И. Белопольского (2007):

Посредством эффекторного (в широком смысле) звена деятельности возникающий образ постоянно соотносится, «уподобляется» своему источнику — реальному объекту или ситуации, за счет чего и достигается его адекватность... [с. 26].

М. Вартофский (1988, с. 189–190), например, рассматривает объекты восприятия как:

...независимые от восприятия, хотя они... воспринимаются нами *посредством их репрезентаций*.

Он считает объекты восприятия:

...реальными, то есть пространственно-временными, или материальными объектами (или процессами), которые мы воспринимаем,

а сами репрезентации —

«перцептивным артефактом», «опосредующими «реалиями»..., которые мы не воспринимаем, но *посредством которых* мы воспринимаем реальные объекты (или реальные процессы).

Сходных взглядов придерживаются и многие другие исследователи.

У. Найссер (1981), например, пишет:

...влияние воспринимающего на окружающий мир пренебрежимо мало; он не изменяет объекты, когда рассматривает их или прислушивается к издаваемым ими звукам. (Имеются, разумеется, исключения, особенно в микромире физики, но они не будут интересовать нас здесь) [с. 71].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) констатируют:

Объект в психологии понимается как фрагмент реальности, на который направлена активность субъекта в процессе взаимодействия его с внешним миром. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект взаимодействует с ними. ...Объективный мир представляет собой материальный континуум меняющейся плотности. Сгущение плотности материи есть физические тела различного размера. ...Объект понимается как некая оперантная конструкция, существующая до субъекта и не зависящая от него. Это положение считается столь очевидным и психологически естественным, что даже не аргументируется [с. 67].

Не вполне понятна логика исследователей, готовых рассматривать объект восприятия, например нечто твердое, кислое, теплое или зеленое, как независимое от восприятия, при очевидности того, что нечто кислое, твердое, теплое или зеленое в принципе не может быть независимым от восприятия. Ведь только человеческое сознание, соотносящее нечто с человеческим телом, способно конституировать его именно в таком виде.

Вторая точка зрения на соотношение объекта и его образа представляет собой современные варианты представлений Платона, Д. Беркли и многих других мыслителей, в соответствии с которыми объекты внешнего мира и, естественно, их образы являются порождениями нашего сознания.

В. Итгельсон, например, считает, что:

...мир, как мы его ощущаем, является продуктом восприятия, а не его причиной [цит. по: А. Н. Гусев, 2007, с. 276].

Ж. Бодрийяр (2006) замечает, что:

...сегодня естественные науки пришли к признанию принципиального исчезновения объекта в поле виртуализации: отныне объект неуловим [с. 37].

Третья точка зрения пытается, и вроде бы небезуспешно, найти компромисс. Г. Гельмгольц (2002) полагает, например, что наши образы — это лишь знаки предметов, которые мы научились использовать. Он пишет:

Наши представления о предметах просто *не могут* быть ничем другим, как символами, то есть естественно определяемыми знаками предметов, которые мы учимся использовать для управления нашими движениями и действиями. Если мы научились правильно читать эти символы, то мы можем с их помощью так организовать свои действия, чтобы они приводили к желаемому результату, то есть появлению новых ожидаемых ощущений. ... Представление и его объект принадлежат, очевидно, двум совершенно различным мирам, которые в такой же степени не допускают сравнения друг с другом, как цвета и звуки, буквы в книге и звучание слов, которые они обозначают [с. 36–37].

Э. Кассирер (2006) тоже считает, что

...наши ощущения и представления (читай: образы восприятия. — С. П.) суть знаки, а не *отображения* предметов. ...От образа мы требуем некоторого подобия с отражаемым объектом, а в этом подобии мы здесь никогда не можем быть уверены. Напротив, знак не требует никакого материального сходства в элементах, а лишь функционального соответствия в структуре [с. 183, 349].

Все наше знание, как бы оно ни было завершено в себе самом, никогда не дает нам самих предметов, а знаки этих предметов и их взаимоотношений [с. 347].

Он уточняет:

Предметы физики в их закономерной связи представляют собой не столько «знаки чего-то объективного», сколько объективные знаки, удовлетворяющие определенным логическим условиям и требованиям. Из этого само собой вытекает, что мы никогда не познаем вещей в том, что они представляют собою, а всегда познаем их лишь в их взаимоотношениях и что мы можем констатировать в них лишь отношения пребывания и изменения [с. 350].

Примерно о том же говорит Б. Рассел (2001):

На самом деле не бывает иллюзий чувств, бывают только ошибки в истолковании данных как знаков вещей, иных, чем они сами [с. 181].

Обсуждая опыты с инверсионными очками, М. Мерло-Понти (1999) замечает, что образы восприятия — это скорее:

...система визуальных данных, воспринимаемых как простые знаки для дешифровки, которые еще следует переводить на язык пространства [с. 314].

В. М. Бехтерев (1999) тоже полагает, что:

...образ следует понимать не как статическую совокупность ощущений, а как знак, «иероглиф», сконструированный рассудком из ощущений, для обозначения конкретных условий [с. 163].

Таким образом, то, что мы считаем образами предметов или вещей, по мнению приверженцев третьего направления — лишь знаки реальных сущностей. Впрочем, сторонники первого направления тоже, по сути дела, считают образы предметов иконическими знаками реальных физических предметов, которые, однако, существуют в виде предметов сами по себе.

Если, как полагают многие исследователи, образ восприятия объекта — знак этого объекта, то что же такое знак?

В литературе определение знака очень многозначно и довольно расплывчато. В контексте настоящего обсуждения мне представляется несколько более предпочтительным следующее:

Знак — элемент символического моделирования явлений объективного мира, основанный на подстановке одного предмета или явления вместо другого, которая служит цели облегчения моделирования тех или иных отношений исходного предмета [Большой иллюстрированный психологический словарь, 2007, с. 205].

Ч. С. Пирс (2000) определяет знак более широко:

Знак, или репрезентамен, есть нечто, что замещает собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. ...Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю интерпретантом первого знака. Знак замещает собой нечто — свой объект. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая к некоторой идее, которую я называю основанием репрезентамена [с. 48].

Если согласиться с тем, что психический образ объекта представляет собой знак фрагмента «реальности в себе», то возникает вопрос: какого рода знаком

он является? Иконическим, как считают сторонники независимого от человека существования объектов, или каким-то иным?

Ч. С. Пирс выделяет три вида знаков: 1) икона; 2) индекс; 3) символ. Он говорит:

...все, что угодно, может служить Заменой всему, что угодно, на основании подобия.

...Знак, однако, может быть иконичным, то есть может репрезентировать свой Объект, главным образом, через подобие... Знак есть образ своего Объекта... [с. 76–77].

Иконичные знаки Ч. С. Пирс (2000, с. 77) разделяет на образы, схемы и метафоры. В качестве примеров иконы он (2000, с. 63–67) приводит качества объекта и «некоторую индивидуальную схему».

Д. Г. Лахути (2005) поясняет, что:

...изображение, изобразительный или иконический знак... знак, имеющий непосредственное, наглядное (например, зрительное) сходство со своим объектом, например портрет, географическая карта, геометрический чертеж [с. 463].

Ч. С. Пирс (2000) выделяет также индекс — знак, обозначающий свой объект, в силу существующей между ними естественной связи. Например, симптом болезни; указательный палец, направленный на предмет; или указательное местоимение, высказанное о предмете. Он пишет:

Индексальный знак — это знак или репрезентация, отсылающая к своему объекту... в силу существования динамической (включая пространственную) связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, — с другой [с. 94].

В качестве примеров индексов Ч. С. Пирс (2000, с. 63–67) приводит: флюгер, указательные местоимения, выкрики уличных торговцев, непроизвольный вскрик, направляющий внимание на объект, которым вызвано его (вскрика) наличие. «Выкрик» может быть знаком, только если он имеет значение, связанное с обозначаемым предметом: «Газеты! Газеты!» В противном случае он может лишь привлечь внимание к чему-то: «Граждане! Граждане!» — и знаком будет уже, например, пачка газет в руках кричащего. «Непроизвольный вскрик» не может быть четко определенным знаком. Максимум — это знак каких-то проблем, внезапно появившихся у вскрикнувшего человека. Ложка — индекс еды, меч — войны, крест на земле — смерти. Шум дождя — индекс дождя, стук колес поезда — индекс дороги.

Третьим видом знака является, по Ч. С. Пирсу, символ. Это знак, связь которого с его объектом не основана ни на сходстве, ни на непосредственной

связи, а вменена, или приписана, соглашением или привычкой (законом). Ч. С. Пирс (2000, с. 90) относит символы к «конвенциональным знакам» или знакам, зависящим от привычки (приобретенной или врожденной).

Он справедливо утверждает, что:

...все слова, предложения, тексты книг и другие конвенциональные знаки — суть Символы [с. 88].

Наследство Ч. С. Пирса (2000, с. 58–59, с. 96; 2005, с. 174) при всей своей философской глубине оставляет много неясностей и вопросов: *что есть знак у Ч. С. Пирса — физический объект, или психический, или и то и другое? Как знак соотносится с образом и идеей?* И многие другие.

4.4. Изоморфен ли образ восприятия объекта репрезентируемому им фрагменту «реальности в себе»?

Исследователи, полагающие, что образы — это репрезентации или по крайней мере знаки существующих во внешнем мире предметов, давно обсуждают вопрос: *как соотносятся сенсорные репрезентации с предметным миром?*

Большинство авторов (представители первого направления (см. выше)) считают (в полном соответствии со «здравым смыслом»), что образы подобны репрезентируемым ими объектам. Причем так думали не только в XIX в. — Г. Гельмгольц (2002, с. 40), например, считал, что каждый образ подобен своему объекту в одном отношении и отличен в другом, как это имеет место в картинах, статуях, музыкальных и других произведениях, — но полагают и сейчас. В. Ф. Петренко (2005), например, замечает:

Априори... можно полагать следующее: образы, символы сохраняют отношение подобия с отражаемыми объектами [с. 48].

О более сложных отношениях изоморфизма между объектами и их образами говорит Б. М. Величковский (2006):

Как считает... Шепард, между физическими объектами, нейрофизиологическими процессами и субъективными образами существуют отношения изоморфизма. Вместо прямого структурного изоморфизма гештальтпсихологов Шепард имеет в виду «изоморфизм второго порядка», сохраняющий информацию об отношениях между объектами, а не о конкретных признаках объектов. Точное значение этого принципа не получило в работах Шепарда подробного истолкования. Неясно, например, в каком смысле можно говорить об изоморфизме в связи с восприятием и визуализацией вторичных качеств объектов [с. 395].

«Здравый смысл» не делает ясных различий между психическим образом и бытовым понятием *образ* (вообще), рассматривая и тот и другой как имитацию, копию, дубликат, воспроизведение. Толковый словарь В. И. Даля (1998а), например, определяет слово «образ» как «подобие предмета, изображение его» (с. 1582). Во многом это объясняется, по-видимому, наличием у нас образов представлений и воспоминаний, выступающих как копии, или иконы образов восприятия. Возможно, поэтому, в свою очередь, и сами образы восприятия отождествляются «здравым смыслом» с внешними объектами. Хотя из того, что образ представления можно рассматривать в качестве иконы образа восприятия, вовсе не следует, что сам образ восприятия тоже икона, но уже внешнего объекта.

В. Виндельбанд (2007, с. 273–274) цитирует Дж. Локка, который полагал, что, даже если чувственные образы ведут свое начало от внешних предметов, у нас нет оснований допускать, будто первые должны быть безусловно похожими на вторые. Например, письменные знаки не имеют ни малейшего сходства с тем, что репрезентируют. Автор продолжает:

Необходимость... видеть в чувственных качествах только известный род представлений человека, но не копию действительно существующего телесного мира, после того как Галилей, Декарт, Гоббс и Локк с одинаковой энергией проповедовали ее (эту необходимость. — С. П.), сделалась настолько общепризнанным и само собой разумеющимся убеждением, разделяемым всей просветительской философией, что Кант, например, в своих гносеологических исследованиях уже не рассматривал специально этого вопроса... он молча предполагал его заранее как основу своих собственных теорий. Действительно, при помощи этих соображений философия больше чем на столетие предварила тот взгляд, который был впоследствии эмпирически засвидетельствован и проведен психологией под именем специфической энергии органов чувств [с. 275].

Тем не менее и сегодня, почти через два с половиной века после появления теории И. Канта (1994), представления о том, что восприятие лишь отражает окружающий нас предметный мир, доминируют в психологии, успешно игнорируя «общепризнанность», о которой писал В. Виндельбанд (2007, с. 275).

Действительно, учитель Г. Гельмгольца И. Мюллер еще в первой половине XIX в. обратил внимание на то, что возникновение ощущения зависит не столько от воспринимаемого объекта, сколько от мозга и от особенностей импульсов, поступающих по определенным нервам, которые он назвал «специфическими энергиями органов чувств». Из чего следует очевидный вывод: мы воспринимаем не вещи, окружающие нас, а лишь переживаем определенные состояния нашего собственного тела. Наши образы, или репрезентации, моделируют изменения в структурах тела, произошедшие в результате его

взаимодействия с окружающими физическими средами (твердыми, жидкими и газообразными), электромагнитными колебаниями, гравитационными полями и, вероятно, с чем-то еще, что мы пока плохо себе представляем. Таким образом, наши ощущения и образы являются особыми проявлениями наших телесных изменений, которые и информируют нас как о состоянии нашего тела, так и через них — о внешней реальности, взаимодействующей с телом. В любом случае мы не можем (хотя и делаем это постоянно) выстроить в одной плоскости прямую цепь явлений между тем, что называем «воспринимаемым физическим объектом», и тем, что называем «психическим образом этого объекта».

Ф. Этгив (цит. по: Н. Смит, 2003, с. 88) указывает, что мы заблуждаемся, когда наивно полагаем, будто окружающий нас внешний мир нам дан, что он просто существует, что мы воспринимаем его совершенно прямым образом. По его словам, кажущаяся непосредственность этого опыта должна быть более или менее иллюзорной, поскольку каждый бит получаемой нами информации о явлениях внешнего мира проходит через наши органы чувств либо прошел через них в прошлом. Вся эта информация опосредуется активностью физиологических аппаратов и передается в мозг в форме кодов. Соответственно, все то, что мы воспринимаем якобы в качестве внешнего реального мира, может быть только репрезентацией, а не копией этого внешнего мира.

Однако в соответствии со «здравым смыслом» до сих пор принято считать, что мы видим свет, что наше зрительное восприятие — это прямой результат попадания отраженного предметом света в глаз, что отражаемый предметом и структурированный им свет якобы «строит на сетчатке проекцию предмета» или по крайней мере вызывает в рецепторах сетчатки, а затем и в коре мозга соответствующие структуре предмета структурные же изменения, которые затем приводят к появлению изоморфного предмету визуального образа его восприятия.

Дж. Гибсон (1988), однако, замечает:

...есть все основания утверждать, что то, что мы всегда видим, — это окружающий мир или факты об окружающем мире, и что мы никогда не видим фотонов, волн или лучистой энергии. ...Если свет в точном значении этого термина никогда не виден как таковой, то из этого следует, что видение окружающего мира не может основываться на видении света как такового. Как это ни парадоксально звучит, но стимуляцию рецепторов сетчатки нельзя увидеть. Гипотетические ощущения, возникающие в результате такой стимуляции, не являются исходными данными для восприятия. Стимуляция может быть необходимым, но никак не достаточным условием для видения. Помимо стимуляции рецепторов, должна быть еще и стимульная информация для воспринимающей системы [с. 94].

...События во внешнем мире не следует смешивать с содержащейся в свете информацией о них. В световом строе нет никаких материальных событий, в нем есть только информация, задающая события, — это так же верно, как и то, что в световом строе нет никаких материальных объектов, а есть только инварианты, задающие объекты. В объемлющем свете нет никаких точных копий или изображений объектов реального мира. И то, что происходит во внешнем мире, тоже не может копироваться или дублироваться в свете. Мы должны ясно осознать это, ибо вопреки всему очень уж сильно искушение считать, что движение световых элементов копирует движение тел во внешнем мире... [с. 157].

Итак, даже сам свет (не говоря уже о создаваемых в результате его взаимодействия с рецепторами глаза изменениях в нервных структурах мозга и тем более возникающих затем психических феноменах) не моделирует и не копирует отражающие его физические объекты. Вместе с тем для «здорового смысла» кажется очевидным, что свет содержит копию объекта, отразившего его, так как в зеркале, например, этот отраженный объектом свет порождает копию объекта.

То, что Дж. Гибсон называет «стимульной информацией», есть не что иное, как изменчивость светового потока. Можно только добавить, что в окружающем мире нет и такой сущности, как *информация*. В данном случае то, что называется *информацией*, — просто структурированный, точнее, оцениваемый нашим сознанием как имеющий структуру свет. Он взаимодействует с нашей зрительной системой и вызывает в ней физические изменения. И именно эти изменения репрезентируются сознанием в виде образа окружающего мира.

Таким образом, между тем, что «здоровый смысл» рассматривает как воспринимаемые нами объекты, и нашими визуальными образами их восприятия находятся как минимум два «промежуточных» объекта, радикально изменяющие сущность того, что согласно представлениям «здорового смысла» «непосредственно передается» от реального предмета в сознание. Это, во-первых, свет, так как мы воспринимаем не сами объекты, а отраженный ими свет, и, во-вторых, физиологические структуры нашего тела.

П. Фейерабенд (2006) высказывает сомнения и в адекватности световой передачи информации через промежуточную физическую среду:

...привычка выражает веру в то, что одни наши чувственные впечатления правдивы, а другие — нет. Мы... уверены, что материальная среда между объектом и нашим глазом не оказывает разрушительного воздействия и что физическая сущность, посредством которой устанавливается контакт, — свет — доставляет нам истинную картину. Все это абстрактные и в высшей степени сомнительные

допущения, формирующие наше видение мира, но недоступные прямой критике. Обычно мы даже не осознаем их влияния до тех пор, пока не столкнемся с совершенно иной космологией: предрассудки обнаруживаются благодаря контрасту, а не анализу [с. 115–116].

Р. Л. Грегори (2003, с. 14) отмечает, что наш глаз воспринимает не объект, а лишь «упорядоченный узор световых пятен». Об этом, впрочем, еще задолго до него говорил и Д. Беркли (2000):

То, что мы видим в строгом смысле этого слова, — это не твердые тела и даже не плоскости разной окраски, это только разнообразие цветов [с. 90].

Тем не менее в результате процесса восприятия в нашем сознании возникает не цветовой узор, а уже образ объекта.

Дж. Гибсон (1988) рассматривает другой аспект проблемы:

Даже если бы удалось свести оптические возмущения к движению пятен, они все равно не были бы похожи на движение тел или частиц в пространстве. У оптических пятен нет ни массы, ни инерции, они не могут сталкиваться, и на самом деле это не пятна, а встроенные друг в друга формы, которые не могут двигаться. Все это убедило меня в том, что у так называемого оптического движения настолько мало общего с физическим движением, что его не следует даже называть движением. Каким же образом оптическое возмущение соотносится с задаваемым им событием в окружающем мире и есть ли между ними вообще хоть какое-нибудь соответствие? Такое соответствие есть, и оно имеет вид последовательной упорядоченности. Начало и конец возмущения в строе в точности совпадают с началом и концом события в окружающем мире. Если события одновременны, возмущения тоже одновременны [с. 166].

Однако даже соответствие этих событий имеет место лишь в нашем сознании, потому что и то, что принято считать событиями, конституируется сознанием и существует только в нем.

Итак, психический образ — это психический результат физиологических процессов, вызванных воздействием электромагнитных волн («структурированного света», по Дж. Гибсону) на рецепторы нашей сетчатки, не являющийся прямым и обязательным следствием только лишь особенностей этих волн.

Дж. Гибсон (1988) пишет:

Считается, что сигналы, попадающие в мозг от нервных окончаний, служат материалом для последующей перцептивной обработки в мозгу. Я, однако, исхожу из совершенно иного допущения. Факты убеждают в том, что в стимулах как таковых информации нет, что ощущения светлоты не являются элементами

восприятия, а сигналы, поступающие на сетчатку, не являются теми сенсорными элементами, которые обрабатываются мозгом. Для зрительного восприятия, кроме стимуляции, требуется еще и стимульная информация. При однородной объемлющей темноте зрение не работает из-за отсутствия стимуляции. При однородном объемлющем свете зрение не работает из-за отсутствия информации, хотя при этом имеются адекватная стимуляция и соответствующие ощущения [с. 92].

Я уточнил бы, что не «из-за отсутствия информации», так как в физической реальности, в том числе и в световом потоке, просто нет информации, она появляется лишь в сознании. Для возникновения зрительной репрезентации необходим меняющийся световой поток.

Обсуждая то, что образ меняется в зависимости от контекста восприятия, чего не должно было бы быть, если бы между объектом и его образом была жесткая прямая причинно-следственная связь, М. Мерло-Понти (1999, с. 35) обращает внимание на то, что отдельно взятый отрезок прямой линии (А) и аналогичный отрезок (Б), включенные в рисунок Мюллера-Лайера, не являются для восприятия «одним и тем же» отрезком (рис. 3).

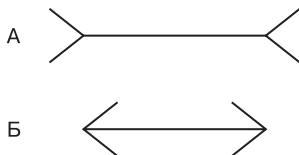

Рис. 3. Рисунок Мюллера-Лайера с отрезками одинаковой длины

Р. Л. Грегори (2003) пишет:

...из одних и тех же данных можно «вывести» совершенно разные объекты. Но воспринимаем мы лишь один объект и обычно воспринимаем верно. Ясно, что дело не только в сочетании, сложении нервных паттернов, восприятие строится и из решений. ...Процесс восприятия предусматривает выбор (всегда спорный, нечто близкое к пари) той интерпретации сенсорных данных, которая является наиболее вероятной, если исходить из мира реальных объектов. Перцепция строит что-то вроде гипотез, с помощью которых из сенсорных данных выводится объективная реальность [с. 32, 38–39].

Следовательно, у нас есть все основания говорить о наличии еще и третьей сущности между воспринимаемыми нами объектами и нашими образами их восприятия. Она представляет собой некий психический контекст, который

неясным пока способом трансформирует возникающие психические «ответы — впечатления», преобразовывая их в ту или иную завершенную перцептивную репрезентацию в зависимости от условий восприятия и состояния воспринимающего субъекта. Даже в тех случаях, когда причиной появления образов восприятия заведомо является не внешняя реальность, а биохимические и физиологические болезненные изменения в самом мозге (истинные галлюцинации), сознание, формируя или реконструируя психические образы, учитывает контекст реальной ситуации, в которой человек в данный момент находится. Например, В. М. Аллахвердов (2000, с. 317) цитирует К. Ясперса, отмечавшего, что размеры галлюцинации у больного изменяются, когда наблюдение за ними он ведет через разные оптические линзы (через объектив или окуляр бинокля); галлюцинации вообще могут пропадать, если больной смотрит на них сквозь непрозрачное стекло.

Неожиданный подход к проблеме соотношения объекта и его образа демонстрирует М. Хайдеггер (1988):

Показывает ли представленное в представлении (образы. — С. П.) что-либо из действительного, это очень сомнительно, даже прямо неверно; ведь все действительное есть становление. А всякое представление, как устанавливание, сковывает становление и показывает становящееся в остановке, стало быть, таким, каково оно не «есть». Представление дает только видимость действительного [с. 300–301].

Автор отмечает, что образы реальности статичны, тогда как окружающая реальность непрерывно меняется, а следовательно, уже поэтому они не могут соответствовать ей.

Можно, впрочем, с ним поспорить, так как то, что принято называть образами восприятия, представления и воспоминания, само состоит из последовательностей мгновенных образов, сменяющих друг друга и формирующих восприятие движений объектов и изменения окружающего физического мира в целом.

Э. Кассирер (2006) уточняет важное обстоятельство:

...познать содержание — значит превратить его в *объект*, выделяя его из стадии только данности и сообщая ему определенное логическое постоянство и необходимость. Мы, таким образом, познаем не «предметы» — это означало бы, что они раньше и независимо *определены и даны как предметы, а предметно*, создавая внутри равномерного течения содержаний опыта определенные разграничения и фиксируя постоянные элементы и связи. Понятие предмета, взятое в этом смысле, уже не представляет собой последней *границы* знания,

а, наоборот, его основное средство, пользуясь которым оно выражает и обеспечивает все то, что сделалось его прочным достоянием. Это понятие обозначает логическое владение самого знания, а не нечто темное, потустороннее, навсегда ему недоступное. Таким образом, «вещь» — уже больше не неизвестное, лежащее перед нами только как материя, а выражение формы и модуса самого постижения [с. 348].

По мнению автора (2002):

...изобилие образов не раскрывает, а, наоборот, как оболочка, скрывает стоящее за ним лишенное образа Единое, к которому все они тщетно стремятся. Лишь отказ от образной определенности, или, как это называется на языке мистики, возврат к «чистому ничто» может вернуть нас к подлинной праоснове и перво-сущности [с. 46–47].

Э. Кассирер фиксирует значение для познания не образа, а понятия, обозначающего и тем самым конституирующего предмет. Без обозначающего предмет слова появление предмета в нашем сознании и интерсубъективном использовании людьми невозможно. Кроме того, Э. Кассирер предлагает еще один взгляд на образы восприятия — наши чувственные репрезентации не столько репрезентируют, сколько «скрывают» стоящее за ними «Единое», или «реальность в себе».

На вопрос о том, есть ли в «реальности в себе» независимые от нашего сознания «вещи» — предметы, объекты, явления, вслед за И. Кантом (1994) следует ответить отрицательно. Хотя критики вполне могут указать нам, что если машина наедет на сомневающегося, то сомнения в ее существовании оставят его вместе с жизнью. Действительно, **окружающая нас реальность, бесспорно, есть, но мы обсуждаем не вопрос ее наличия или отсутствия, а лишь формат соответствия ей наших репрезентаций.**

Факт существования «реальности в себе», безусловно, подтверждается и тем, что человек способен воздействовать на нее, изменяя ее совершенно определенным предсказуемым образом и даже создавая в ней новые формируемые его фантазией искусственные сущности. Он, например, конструирует машины, строит дома и мосты, вызывает дождь.

В конечном счете **споры о том, каким видом знака по отношению к элементу «реальности в себе» является образ физической сущности, возникающий в сознании, бессмысленны, так как «реальность в себе» доступна нам только в форме наших перцептивных образов. Следовательно, у нас нет предмета спора. Гораздо важнее для нас тот факт, что наш психический образ восприятия объекта является одновременно для нас самим этим физическим объектом.**

4.5. Еще раз о том, что образ восприятия предмета и есть предмет

В психологии доминируют представления, противоречивость и неясность которых, как это ни странно, не привлекает к себе внимания исследователей. Считается, например, что образ восприятия предмета — это психическое явление, а раз так, то, как и все ментальные феномены, он существует в особом психическом пространстве восприятия. Одновременно большая часть исследователей не сомневается в существовании вокруг нас еще и реального физического пространства, заполненного физическими предметами, объектами и явлениями, которые мы и воспринимаем.

Не менее странно и то, что образ восприятия предмета почему-то сам обладает всеми свойствами предмета: предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находится во внешней реальности и т. д. (см., например: Ф. Х. Олпорт, 2002; А. Н. Гусев, 2007; А. Д. Логвиненко, 1987 и др.). При этом, с одной стороны, он репрезентирует целостный объект, с другой стороны, сам является гештальтом (там же).

Постулат о том, что предмет существует в физическом мире наряду с его психической репрезентацией в сознании, настолько стар, что представляется многим совершенно бесспорным и очевидным. Хотя исходно он является всего лишь утверждением древних мыслителей, которое, как и любая гипотеза, нуждается в доказательствах. Большинство психологов, однако, вполне устраивает привычная «здоровому смыслу» схема: есть предмет в окружающем физическом мире и есть наша психическая репрезентация его — образ восприятия этого предмета. В то же время они отнесут себя скорее к сторонникам теории И. Канта (1994) и согласятся с тем, что в окружающем мире нет предметов, или вещей, а есть лишь «вещи в себе». Сами же вещи появляются лишь в сознании воспринимающего.

То есть в их сознании происходит «удвоение», а то и «утроение» сущностей. Кроме трансцендентной «вещи в себе» и психической репрезентации вещи, между ними появляется более понятная «здоровому смыслу» третья вещь — физическая. В этом умножении сущностей виноваты наши старые теории об устройстве мира, которые, как всем представляется, настолько бесспорны, что даже не нуждаются в подтверждении.

Между тем не мешало бы вспомнить слова У. Джеймса (1997, с. 362–363) и других философов о зависимости психической сущности от плоскости ее рассмотрения, или контекста. Если мы рассматриваем, например, свой образ

восприятия в качестве воспринимаемого нами элемента физического мира, то он превращается, как отмечали У. Джеймс, Э. Мах и Б. Рассел (см. раздел 4.2), в физический предмет, существующий в физической реальности. Если же мы рассматриваем тот же самый вроде бы элемент физического мира, но уже как свой образ восприятия (то есть в качестве психического феномена), то в нашем обсуждении немедленно появляется некая психическая «как бы копия» физического предмета, существующая уже в психическом пространстве восприятия.

В итоге одна и та же сущность нашего сознания в зависимости от контекста рассмотрения странным образом превращается для нас в два разных объекта — физический предмет или психическое явление. Напрашивается очевидный вывод — **образ восприятия объекта и сам физический объект — это одна и та же психическая сущность, которую можно рассматривать под разными углами зрения и в разных плоскостях, трактуя ее по-разному — то как физический объект, то как наш психический образ его восприятия.**

Мое утверждение, что **психический образ восприятия и есть элемент нашей физической реальности, следовательно, физическое прямо присутствует в сознании**, может показаться нелепостью, ахинеей, полной ерундой, так как в нашем мировоззрении прочно удерживает позиции декартовский дуализм физического и психического. Несмотря на широко декларируемый исследователями отказ от дуализма, он по-прежнему очень силен. Его постоянно поддерживает интроспективно очевидная разница между нашими образами восприятия (физической реальностью) и образами воспоминания — представления (психический мир).

Забавно то, что «здоровый смысл» обычного человека естественно и привычно отождествляет образ восприятия объекта с самим объектом и лишь исследователи их разделяют, упорно и привычно пытаюсь вставить между фрагментом «реальности в себе» (или «вещью в себе», по И. Канту (1994)) и тем, что называется «образом восприятия объекта», еще и некий понятный «здоровому смыслу» физический объект.

Необходимо все же сделать заключительный шаг и принять факт идентичности образа восприятия физического объекта тому, что мы называем самим физическим объектом, понять наконец, что **психический образ восприятия объекта — это не просто «как бы картинка в голове», а единственно реальный объект физического мира, его оригинал, данный нам сознанием в единственно возможной для нас форме психофизической репрезентации.** Он и есть конституируемый сознанием именно в таком виде физический объект.

Другого физического объекта нет и не может быть нигде, кроме нашего сознания. Образ восприятия представляет собой абсолютный и единственно данный нам «подлинник» того, что мы привыкли считать физическим объ-

ектом, существующим независимо от нас. **Физическую реальность и «вещность» ему придают исключительно наши же психические, чувственные его репрезентации. Есть только две данности — «реальность в себе» вне нашего сознания (не следует путать ее с физической реальностью) и ее психическая репрезентация в форме физического объекта в нашем сознании (или объекта физического мира).**

Трудно принять и понять то, что никак не согласуется с доминирующей в нашем сознании дуалистической парадигмой — **невероятно, но физический предмет пребывает в вещественной форме лишь в нашем же сознании и больше нигде. И наше сознание строит из таких объектов свой реальный физический мир.** Но понимание этого странного парадокса устраняет необходимость в присутствии между амодальным фрагментом «реальности в себе» и его перцептивной чувственной репрезентацией в сознании привычного для «здорового смысла» физического объекта. Что помогает нам, как призывал У. Оккам (2010), не умножать сущее без нужды.

Метафорически образ восприятия можно сравнить с точкой на пересечении двух прямых. Она принадлежит обоим прямым. Могут задать вопрос: если образ восприятия — это не копия, а единственный подлинник физического объекта, то почему и я вслед за всеми называю его психической репрезентацией последнего? Мне остается только признать существующее несовершенство нашего понятийного аппарата, который, несомненно, требует коррекции. **Образ восприятия физической сущности является психической репрезентацией элемента «реальности в себе», представленной в сознании в форме вещественного предмета, объекта или явления физического мира.**

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

Представьте, что мы показываем яблоко тому, кто никогда не встречался с подобным видам фруктом. Он вряд ли поймет, что это и для чего это предназначено. Однако можно гарантировать, что он увидит нечто круглое, красное и, без сомнений, существующее материально — короче, он воспримет это яблоко как объект [с. 253].

Образ восприятия мы действительно расцениваем всегда и однозначно не иначе как физический объект или непонятное, но реальное явление. Однако яблоко репрезентировано в сознании взрослого человека и чувственными образами, и понятием «яблоко». Поэтому могут спросить: *раз есть две разные репрезентации яблока, как же тогда можно отождествлять образ восприятия яблока и объект «яблоко»?*

Тут, однако, нет никакого противоречия, так как вербальная репрезентация яблока вторична по отношению к чувственной его репрезентации. **Вербальная репрезентация всегда дублирует чувственную репрезентацию там, где есть**

последняя. Там же, где ее нет, вербальная репрезентация сама конституирует объект реальности, подлинный или мнимый, и становится им для человека. Как мы увидим ниже, она конституирует объекты и другие сущности физической реальности почти столь же легко, как делают это чувственные репрезентации.

Надо сказать, что в литературе давно и с самых разных позиций, в том числе и прямо противоположных моей, обсуждается идея о том, что наш образ восприятия объекта и есть объект. Так, Н. Смит (2003) сообщает, что Б. Скиннер, например, подвергает сомнению логику, лежащую в основе предположения, что мы реагируем на репрезентации мира, а не на сам мир. И приводит его слова:

Если познание заключается в конструировании психических (ментальных) копий реальных вещей, как мы познаем копии? Быть может, мы создаем копии копий, копии, копии, копии, копии и т. д.? Когда мы передвигаемся по определенной местности, конструируем ли мы карты, по которым мы ориентируемся, или мы ориентируемся на самой местности? А если у нас есть карты, создаем ли мы карту карты? Напротив, считает он, «тело реагирует на мир в точке контакта; создание копий было бы пустой тратой времени» [с. 110].

Н. Смит (2003) продолжает:

...Теория прямого реализма также подхватывает аргументацию, критикующую репрезентационизм. Герген (Gergen, 1994) тоже считает, что конструкт ментальных репрезентаций должен предполагать, что и ученые имеют дело только с собственными репрезентациями, а не с реальным миром; и в конечном итоге научная психология становится просто невозможной, а мир оказывается лишенным познаваемой реальности. В таком случае мы можем знать мир только в том виде, как он репрезентируется [с. 110].

Дж. Гибсон (2002а) не формулирует прямо идею о том, что восприятие — это не «отражение», а процесс построения нашим сознанием окружающего мира, сопровождающий непосредственное взаимодействие нашего тела с «реальностью в себе». Он не предлагает какой-то ясной и законченной теории, которая могла бы конкурировать с общепринятой. Тем не менее и его не устраивает репрезентационизм. Он пишет:

Согласно развиваемой здесь теории, не нужны никакие процессы для превращения сенсорных данных в образы восприятия. Предполагается, что не только качественные характеристики объектов, но и сам их объективный характер, их реальность, вещественность и тому подобное раскрываются в стимуляции. Объекты как бы «ощущаются». Данный подход, следовательно, не является теорией восприятия в обычном смысле этого слова. Предлагается полностью отказаться от понятия ощущения как первоосновы феноменального опыта и таким образом очистить психологию от упорно сохраняющегося мнения, что сенсорные впечатления являются предпосылкой других впечатлений [с. 185].

В другой работе Дж. Гибсон (1988) пишет более ясно:

...когда я утверждаю, что восприятие окружающего мира является прямым, я имею в виду, что оно не опосредовано никаким изображением — ни сетчаточным, ни нервным, ни психическим. Прямое восприятие — это особый вид активности, направленный на получение информации из объемлющего светового строя. Этот процесс я назвал извлечением информации [с. 213].

Ниже он снова уточняет, что «прямое восприятие» — то, которое не опосредуется предварительными гипотезами, то есть из его работ однозначно не следует, что он готов отказаться от образов восприятия, заменив их объектами реальности. Однако идея некоего «прямого» восприятия окружающей реальности постоянно подспудно присутствует в его работах, и он то и дело возвращается к ней.

Б. М. Величковский (2006а) замечает:

Внутри определенной «экологической ниши» восприятие не должно быть конструкцией мозга (мнение Гельмгольца) или вероятностной игрой в угадывание (мнение создателя вероятностного функционализма Экона Брунsvика) — оно может быть и действительно является прямым. В этом ответе на то, как осуществляется восприятие, суть экологического подхода Гибсона [с. 320–321].

Н. Смит (2003) обращает внимание на утверждение Дж. Гарфилда о том, что:

...репрезентации являются не внутренними состояниями организма (или компьютера), а отношениями организма (или компьютера) и окружающей среды, точно так же как быть родителем — это не внутреннее состояние, а наличие определенных отношений со своим потомством [с. 88].

Мне, однако, очевидно, что отождествление наших перцептивных психических репрезентаций с представляемыми ими физическими предметами, объектами и явлениями не только прекрасно сочетается с репрезентационизмом, но и решает целый ряд вопросов, существующих в психологии. Самое главное, пожалуй, заключается в том, что оно наносит реальный смертельный удар дуализму физического и психического.

Итак, в окружающем нас мире вне нашего сознания нет, например, сиреневого, сильно пахнущего гиацинта или кислой дольки лимона с цитрусовым ароматом и желтой корочкой, а есть нечто совершенно иное, не имеющее без нашего сознания ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни формы. Придать последние конституируемому предмету может лишь наше сознание, ибо все перечисленное — это его атрибуты, его психические явления, как и сами окружающие нас физические предметы. И только благодаря нашему сознанию амодальные фрагменты «реальности в себе» наделяются чувственными свойствами, вещественностью и специфическим психическим бытием в антропоморфном мире.

Если согласиться с тем, что образ восприятия объекта — это и есть физический объект, становится понятно, почему завершились неудачей все попытки философов разделить физическое и психическое. Одну из первых широко известных попыток такого рода предпринял еще Ф. Brentano (2006). Согласно его представлениям, психическими феноменами являются психические акты:

...слышание звука, созерцание цветного предмета, ощущение тепла или холода... [с. 71].

Тогда как физическими феноменами являются сами:

цвет, фигура, ландшафт... аккорд... тепло, холод, запах... [там же].

После него подобные попытки делали и многие другие исследователи.

Аргументированную и сравнительно недавнюю попытку разделить психические и физические явления предпринял, например, С. Прист (2000). Он пишет:

Мой взгляд, в соответствии с которым и ментальное, и физическое реальны, до-философски и эмпирически убедителен. Также ничто не является ментальным в том отношении, в котором оно является физическим, и ничто не является физическим в том же отношении, в котором оно является ментальным [с. 266].

На основании анализа литературы автор выделяет следующие признаки ментального и физического (табл. 3).

Таблица 3. Признаки ментального и физического

Ментальное	Физическое
Внутреннее	Внешнее
Темпоральное	Пространственно-временное
Личное	Общедоступное
Некорректируемое	Корректируемое
Единственное	Многое
Свободное	Детерминированное
Активное	Пассивное
«Я»	Другое
Духовное	Плотское
Неделимое	Делимое
Непротяженное	Протяженное
Бесформенное	Обладающее формой
Невидимое	Видимое
Интенциональное	Неинтенциональное
Субъективное	Объективное

Если даже забыть на время обо всем сказанном выше относительно того, что образ восприятия может быть либо психическим феноменом, либо физическим объектом в зависимости от плоскости его рассмотрения, приведенные С. Пристом признаки многозначны, противоречивы и явно неспецифичны, а потому и не могут быть использованы с поставленной им целью.

Например, «внешнее — внутреннее». *Внешнее по отношению к чему — к телу или сознанию? Если по отношению к сознанию, то сразу возникает вопрос, какой объем в пространстве занимает сознание?* Его еще никто не определил и не локализовал в пространстве. Если по отношению к телу, то уже само ментальное пространство явно не «умещается» в нем. *Где, например, локализуется представляемый мной плывущим в море или летящим в космосе корабль? Какой будет представляемая мною за окном на фонаре птица — внешней, как она мне видится «умственным взором», или внутренней, так как это мой ментальный образ представления? Каким является мой видимый мною палец? Внешним по отношению к моему сознанию, так как он физический объект, или внутренним, так как это мой образ восприятия и часть моего тела?*

«Темпоральное (развернутое во времени) — пространственно-временное». Предполагается, что ментальное — это не пространственное, а только временное. *Тогда чем отличается в смысле пространственности воспринимаемый мною стол, стоящий в комнате, и представляемый мною тот же стол, стоящий в той же комнате? Я лично полагаю, что и тот и другой обладают пространственностью.*

«Личное — общедоступное». Подразумевается, что личное психическое содержание недоступно и уникально, а физический объект общедоступен, то есть вызывает у всех людей одинаковые образы восприятия и ощущения. Но это не так. Самый простой пример — разное восприятие одного и того же цвета светофора обычным человеком и дальтоником. Следовательно, один и тот же цвет доступен одному и недоступен другому. С другой стороны, тот факт, что Вторая мировая война закончилась в 1945 г., является лишь фактом сознания, но при этом он общедоступен.

«Некорректируемое — корректируемое». Критерий, восходящий к Р. Декарту (1989), который полагал, что знание о сознании некорректируемое, а знание о физических объектах корректируемое. Мне, наоборот, представляется, что скорее наш образ восприятия физического объекта некорректируем нами субъективно, в отличие от легко корректируемого образа представления этого же объекта. Но при этом образ восприятия может быть дополнен при восприятии того же объекта в другом ракурсе, например.

Некоторые критерии имеют явное отношение не столько к ментальному вообще, сколько скорее к «Я». Например, «единственное — многое», «свободное — детерминированное», «активное — пассивное», «неделимое — делимое», «непротяженное — протяженное», «бесформенное — обладающее формой»,

«невидимое — видимое». Психическое содержание явно состоит из многого, но сознание — единственное. «Я» активно, но прочее психическое содержание — пассивно. Точно так же и физическое отчетливо делится на активное (живое) и пассивное (мертвое).

Можно констатировать, что предложенный С. Пристом список не представляет нам никаких возможностей для дифференциации ментального и физического. Как, впрочем, и следовало ожидать. Попытка разделить их обречена на неудачу так же, как и попытка разделить точку, находящуюся на пересечении двух прямых линий. Еще раз вспоминается в этой связи открытие У. Джеймсом (1997, с. 362–363) того, что психическое и физическое различаются нами лишь вследствие контекста, в котором мы их рассматриваем.

Решение многих не решенных на протяжении веков и кажущихся неразрешимыми проблем психологии и философии заключается в понимании того, что корни этих проблем — в теоретических конструкциях, доминирующих в сознании исследователей. И только их радикальная смена может привести к выходу из тупика, так как именно устаревшие научные взгляды порождают псевдосущности и создают псевдопроблемы. К ним, в частности, относится и проблема соотношения материального и идеального, или физического и психического.

С. Прист (2000) сам замечает:

Ни один идеалист не отрицает, что существуют столы, кирпичи, куски дерева и все другие предметы, которые мы обычно относим к физическим объектам. Просто идеалисты отрицают два голословно утверждаемых факта относительно физических объектов... что физические объекты существуют вне восприятия и мышления; что физические объекты материальны, то есть состоят из субстанций под названием «материя». ...Главное утверждение идеалиста заключается в том, что физические объекты не существуют независимо от сознаний. Если бы не было сознаний, то так называемые физические объекты не могли бы существовать. То, что существует, существует только в сознании, поэтому то, что мы на уровне здравого смысла, или дофилософски, рассматриваем как физическое, есть на самом деле ментальное. Физическое есть ментальное [с. 94].

Исходя из позиции С. Приста, мою точку зрения следовало бы считать идеализмом, но это лишь очередное упрощение, так как наличие «реальности в себе» просто смешно было бы отрицать. Однако физический мир не только дан нам лишь в форме психических репрезентаций, но к тому же он строго определенным образом конституирован человеческими понятиями. Любой самый простой физический объект не существовал бы для нас без соответствующего понятия, выделяющего его из аморфной «реальности в себе» и отграничивающего его от прочих ее элементов, тоже конституируемых сознанием.

Дж. Лакофф (2004) рассматривает ту же проблему в другой плоскости:

Метафизический реализм говорит: существует только один правильный способ разделения реальности на объекты. Патнэм, будучи реалистом, не отрицает существования объектов. Возьмем, например, стул и меня, сидящего на этом стуле. Он существует. Если бы он не существовал, я бы упал на пол. Однако этот стул может быть рассмотрен правильно разными способами. С молекулярной точки зрения он представляет собой колоссальное скопление молекул, а не единую недифференцированную, ограниченную сущность. С точки зрения волновых уравнений физики существует не стул, но только волновые формы. С человеческой точки зрения это единичный объект. Таким образом, вопрос, является ли стул отдельным объектом — единичной, отграниченной от всех других сущностью, или пучком молекул, или волновой формой, не имеет единственного правильного ответа. Все ответы могут быть правильными, но правильными в различных концептуальных схемах. Стул реален во всех этих схемах, но он имеет статус единичного, отдельного объекта только в одной из них. Таким образом, когда Патнэм говорит: «Объекты» не существуют независимо от концептуальных схем», он не отрицает реальность объектов; скорее, он оставляет открытой возможность того, что то, что характеризуется как определенный объект определенного вида в одной концептуальной схеме, может быть описано иным образом в другой, столь же законной схеме. Вопрос не в том, существует ли реальность, но в том, существует ли единственно правильный способ ее описания во всех случаях [с. 342].

В основе привычного для «здорового смысла» разграничения физического и психического лежат, по сути дела, феноменологические различия между образами восприятия и образами представления-воспоминания. Физическим мы считаем то, что доступно нашему восприятию. Ментальным же чаще всего — свои образы представления и воспоминания, понятия и конструкции из них, то есть как бы нечто вторичное по отношению к образам восприятия и ощущениям. В основе декартовского дуализма тоже лежит этот феноменологический дуализм — наличие в сознании образов представления и воспоминания, с одной стороны, и образов восприятия — с другой.

Б. Рассел (2001) говорит о том же:

Когда на основе обыденного здравого смысла люди говорят о коренном различии между духом и материей, они в действительности имеют в виду коренное различие между зрительными или осязательными восприятиями и «мыслью» — например, воспоминанием, чувством удовольствия или волнением. Но это, как мы видели, есть различия внутри мира сознания; восприятие является таким же психическим явлением, как и «мысль». Более искушенные люди могут думать о материи как о неизвестной причине ощущения, как о «вещи в себе», которая, конечно, не имеет вторичных качеств и, возможно, не имеет также и первичных. Но сколько бы они ни подчеркивали непознаваемый характер «вещи в себе», они все же думают, что достаточно знают о ней, чтобы быть уверенными в ее

отличии от духа. Я думаю, что это происходит оттого, что они не избавились еще от привычки представлять себе материальные вещи как что-то твердое, с чем можно столкнуться. Вы можете столкнуться с телом вашего приятеля, но не с его духом; следовательно, его тело отлично от его духа. Этот аргумент как продукт воображения упорно держится у людей, которые отвергли его на основании рациональных соображений [с. 247].

Вопрос о критериях разделения ментального и физического бессмыслен, поэтому прав Ж.-Ф. Лиотар (2001), который замечает, что:

...феноменология с необходимостью приводит к отказу от классического различения между внутренним и внешним... [с. 64].

4.6. Последствия появления в сознании образов восприятия и ощущений

У. Джеймс (2003, с. 7–8) говорит о том, что все душевные состояния сопровождаются телесной деятельностью. Любое психическое явление так или иначе отражается в двигательном аппарате, внутреннем или внешнем. Оно может вызывать или внешнее движение, или спазм кишечника, или выброс какого-то вещества в кровь. У. Джеймс отмечает, что ощущения и образы являются пусковыми моментами поведения и всегда сопровождаются изменениями в организме — мышечными реакциями и обязательно эмоциями. Следовательно, самим фактом своего появления в сознании без участия каких-либо вторичных осознаваемых процессов (например, появление эмоций или желаний) образ и ощущение способны «включить» движение организма, то есть они непосредственно «запускают» моторную реакцию.

Г. Эббингауз (1998, с. 100) тоже отмечает, что кинестетические представления нередко вызывают те движения, которым сами обязаны своим возникновением. Одна лишь мысль о том, что испытывает человек, производя определенное движение, при ее достаточной живости вызывает и само движение. А. Бэн (1998) пишет о том же:

Это стремление идеи действия перейти в самое действие показывает, что сама идея есть уже действие, но только в более слабой форме... [с. 367].

С последним вряд ли можно согласиться, но то, что образ, ощущение и даже вербальная идея способны запустить движение, — несомненно.

Б. М. Величковский (2006, с. 327) приводит описание наблюдений (Lhermitte) за пациенткой с поражением лобных долей, страдающей синдромом утилитарного поведения, которая во время врачебной консультации, лишь увидев спицы, немедленно берет их и начинает вязать, не будучи способной

прервать действие. Иными словами, воспринятый ею знакомый образ сразу же запускает без всякой необходимости привычную деятельность, даже неадекватную имеющейся в данный момент ситуации.

Общеизвестно, что внезапное возникновение образа восприятия или нового ощущения может вызывать у человека рефлекторный ответ, то есть моторную реакцию. Самый простой пример — моторная реакция на внезапное действие резкого раздражителя. Причем связи образов и ощущений, с одной стороны, и простых движений — с другой, закреплены генетически в форме безусловных рефлексов.

Итак, **первым особым качеством перцептивного образа является присущая ему способность непосредственно запускать двигательную реакцию (моторный ответ) организма.** Это происходит в виде рефлекторной двигательной или стереотипной поведенческой реакции по типу «*образ восприятия или ощущение — немедленный двигательный ответ*». Эта реакция представляет собой то, что принято называть безусловным рефлексом (см. примечание 5).

Появление образа в сознании может приводить не только к запуску рефлекторного моторного действия, но и к запуску психического действия, то есть своего рода «психическому рефлексу», как можно было бы это назвать. Так, **образ восприятия немедленно актуализирует связанные с ним образы представления и воспоминания (второе особое свойство).** Данный феномен, как мне представляется, настолько очевиден и доступен интроспекции, что даже не нуждается в специальных доказательствах. Но, учитывая тенденцию когнитивных психологов проверять самые очевидные вещи, сошлюсь на эксперимент Дж. Струпа (J. R. Stroop, 1935; 1938) (см. примечание 6). Эксперимент демонстрирует, что образ восприятия способен актуализировать в сознании человека другие ассоциированные с ним чувственные и вербальные образы.

Б. Рассел (2001а) тоже пишет:

Принцип Павлова таков: если дан рефлекс, согласно которому раздражитель В вызывает реакцию С, и если дано, что некоторые животные часто подвергаются действию раздражителя А одновременно с В, то нередко случается, что через некоторое время раздражитель А будет вызывать реакцию С даже при отсутствии раздражителя В. Определить обстоятельства, при которых это происходит, — предмет эксперимента. Ясно, что если мы заменим А, В и С идеями, то принцип Павлова превратится в принцип ассоциации идей [с. 897].

Б. Рассел, безусловно, прав, так как действительно механизм один и тот же. Более того, он один и тот же потому, что фактически-то речь идет не о раздражителе В, который вызывает реакцию С, а об образе или *идее* раздражителя В, которые вызывают реакцию С. Соответственно, и в том и в другом случае речь идет об ассоциации психического явления либо с моторным ответом организма, либо с другим психическим явлением или явлениями.

Результатом возникновения в сознании образа восприятия и ощущения является не только моторный и психический, но и гораздо более сложный, многообразный и до сих пор очень слабо изученный нейрофизиологический и гуморальный ответ, целый «снежный ком» физиологических и соматических реакций (третье особое качество перцептивного образа). Этот ответ проявляется, например, в изменении мышечного тонуса, приводящем к повышению или понижению артериального давления, изменению частоты сердечных сокращений, дыхания, перистальтики, пото- и слюновыделения, побледнению или покраснению кожных покровов, другим вегетативным реакциям, что сопровождается, в свою очередь, разнообразными переменами самочувствия человека и появлением эмоций.

Образы оказывают мощное влияние на всю физиологическую регуляцию организма. Например, теплопродукция организма увеличивается перед выходом из помещения на холодную улицу, желудочный сок выделяется при виде пищи еще до еды, эрекция и другие симптомы полового возбуждения возникают при виде объекта полового влечения. Все это не требует специальных доказательств в силу своей общеизвестности:

Любой стимул, любое предъявляемое слово или изображение сопровождаются изменением состояния и уровня активности многих функциональных систем (местное и общее кровообращение, частота пульса, электрокожное сопротивление, мышечный тонус, частота и интенсивность дыхания и т. д.). На этих изменениях основано множество методик полиграфического исследования личности, в частности пресловутый «детектор лжи», позволяющий регистрировать соматовегетативные реакции на предъявляемые словесные и зрительные стимулы [Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005, с. 318].

Следующим **особым качеством образов восприятия и ощущений является их способность вызывать своим появлением в сознании эмоции.** Можно выделить даже два уровня ответа. Первый — малодифференцированный ответ: приятно — неприятно. Второй — высокодифференцированный ответ: разнообразные эмоции. Еще классики неоднократно отмечали, что многие образы и ощущения обладают специфическими качествами или сопровождаются особыми дополнительными психическими явлениями: «чувством удовольствия или неудовольствия», или «чувственным тоном». Так, Г. Эббингауз (1998) пишет:

Они (чувствования удовольствия и неудовольствия. — *С. П.*) не представляют собой чего-то самостоятельного и существующего само по себе, они всегда выступают только как сопровождающее явление каких-либо ощущений или представлений (образов. — *С. П.*), как нечто, связанное с ними, свойственное им. ...Чувствование же, возникающее в связи с определенными ощущениями или представлениями, ни в коем случае не определено сполна содержанием их; оно в различных случаях может быть весьма различным не только по своей степе-

ни, но и по характеру. Вкус меда или звуки мелодии в разное время вызывают почти тождественные переживания в смысле ощущения. Но эти одинаковые чувственные впечатления, смотря по обстоятельствам, могут быть чрезвычайно приятны, безразличны или даже неприятны [с. 75].

Итак, феномен чувства удовольствия или неудовольствия — это нечто сопровождающее появление ощущений и образов, вторичное по отношению к ним и часто вызываемое ими.

В. Дильтей (1996) тоже замечает:

...я не могу согласиться с широко распространенным учением о том, что всякое ощущение как таковое связано с некоторым чувственным тоном, но каждый раз, когда в центр нашего внимания попадает простое и сильное ощущение, от него исходит так же легкая чувственная окраска душевного состояния [с. 104].

Не требует специального обсуждения в силу своей очевидности то, что многие образы восприятия вызывают у наблюдателя страх, отвращение, тревогу, раздражение, гнев и другие эмоции. Эмоции сопровождают и возникающие у человека идеи, или сложные вербальные конструкции.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) приводят интересные самонаблюдения процесса генерации эмоций образами восприятия:

...оператор показывает необычные и меняющиеся планы объекта. Вначале вы видите какие-то совершенно непонятные, движущиеся, размытые цветные пятна, которые не можете опознать, и они, разумеется, не вызывают у вас никаких эмоций... Затем камера отодвигается, изображение начинает приобретать какие-то формы, и вы видите нечто похожее на огромный рот с двигающимися челюстями, это вызывает у вас чувство беспокойства и даже опасения, далее камера отходит еще дальше... Вы видите, как клещи двигаются, перемалывая что-то, как из предполагаемого рта выделяется липкая жидкость, и это вызывает у вас одновременно чувство ужаса и отвращения.

...Когда камера отходит еще дальше, вы видите обыкновенного кузнечика, мирно жующего свою травку. Негативные переживания уходят, возникает реверсное расслабление, и вы смеетесь над своими опасениями [с. 239].

Авторы делают акцент на интересном феномене:

...никакого опознания объекта при восприятии деталей кузнечика не было, а эмоциональная реакция есть. Почему? ...Выделяемые элементы были похожи на что-то и как таковые были опознаны, но они могли с одинаковым успехом принадлежать маленькому насекомому или огромному монстру. ...Апперцептивное насыщение осуществляется по худшему для субъекта варианту... [с. 240].

Следовательно, еще до ясного понимания наблюдателем того, что собой представляет возникший у него образ, последний способен уже вызывать у воспринимающего те или иные эмоции.

Как известно каждому человеку, образы восприятия и ощущения способны вызывать не только эмоции, но и желания. В. Дильтей (1996) пишет:

Кто по себе не знает, как осаждающие воображение образы внезапно вызывают сильнейшие желания?.. [С. 108–109.]

О том, что образы и ощущения обладают особым качеством побуждения, говорит и К. Коффка, которого цитирует Дж. Гибсон (1988):

Каждая вещь говорит, что она собой представляет... Фрукт говорит: «Съешь меня»; вода говорит: «Выпей меня»; гром говорит: «Бойся меня»; женщина говорит: «Люби меня»; вещи «говорят нам, что с ними делать», у них есть «свойство навязывания» [с. 204].

Это свойство вещи или объекта было названо К. Левином (2004) валентностью.

Он пишет:

...многие вещи или события, с которыми мы встречаемся, проявляют по отношению к нам более или менее определенную волю, побуждают нас к определенным действиям. Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться, двери — открывать и закрывать их, мелкие крошки — подбирать их, собака — ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного «хочет», чтобы его съели. ...Сила требований, исходящих к нам от вещей и событий, очень различна. Начиная от «неодолимого влечения»... существует масса промежуточных ступеней «требовательности», вплоть до слабой степени «приглашения»... Одни вещи нас притягивают (например, прекрасный концерт, интересный человек, красивая женщина), а другие — отталкивают (неприятности, опасность). ...Побудительность того или иного объекта ни в коем случае не должна быть всегда постоянной, напротив, она в значительной степени зависит от внутренней и внешней ситуации, в которой находится человек. ...Лакомый кусок, который еще недавно был источником сильного притяжения, становится нейтральным, как только человек насытился... пресыщение может даже привести к фиксации этой отрицательной побудительности на длительный срок (к любимому некогда блюду, из-за которого был испорчен желудок, иногда не прикасаются годами) [с. 182–183].

Б. М. Величковский (2006, с. 320) ссылается на М. Вертхаймера, который, обсуждая требовательный характер вещей, предлагал представить, что вы находитесь дома и по какой-то причине не хотите подходить к телефону. И если вдруг раздастся звонок телефона, то можно почувствовать требовательную силу звонка, которой приходится буквально сопротивляться, чтобы не взять трубку.

Итак, пятым особым качеством образа восприятия является присущая образу побудительная способность, свойство навязывания, или мотива-

ционное качество. Понятно, что все объекты-образы обладают им в разной степени и оно зависит от исходного состояния организма, поэтому появление в сознании сходного объекта-образа может в одно время сопровождаться сильным побуждением, а в другое — не вызывать его вовсе или вызывать противоположное побуждение.

Все перечисленные выше способности или качества присущи не только образам восприятия и ощущениям, но и всем образам вообще, хотя и в меньшей степени, в том числе образам представления и воспоминания. Учитывая же то обстоятельство, что и понятия являются в своей основе чувственными образами (о чем мы поговорим ниже), становится ясно, почему и понятия, и даже идеи — конструкции из понятий — обладают указанными выше качествами, присущими образам.

Тезисы для обсуждения

1. **Образ восприятия (объект) имеет целый ряд свойств. Основным является осознаваемость, или осознанность, — субъективное переживание, исходно присущее любому психическому явлению и обязательное для них. Его можно назвать интрапсихическим ощущением переживания факта появления феномена в поле сознания или его наличия в психике. Именно оно делает психические явления существующими, так как никак иначе последние не могут верифицировать, удостоверить факт своего бытия в психической реальности. Чтобы присутствовать в ней, они должны стать заметными сознанию, поэтому каждое психическое явление исходно осознаваемо. Это первое и главное свойство образа восприятия и ощущения.**
2. **Осознанность образа восприятия (объекта) отличается от такого его свойства, как понятность, которая может колебаться от ясного понимания до полного непонимания. Понимание образа восприятия (объекта) тесно связано с его осмысленностью, или наличием у него значения, ясного воспринимающему в разной степени. Благодаря этому у воспринимающего есть возможность с каждым новым актом восприятия все глубже проникать в суть воспринимаемого предмета, лучше понимая его.**
3. **Важным свойством перцептивных психических феноменов является их субъективно очевидная вещественность (то, что раньше называли материальностью), связанная с их чувственной природой. Это их доступная воспринимающему телесность, твердость или мягкость, консистенция, пахучесть, прохладность или теплота, их звучание, свечение, их цвет и т. д. Вещественность образа восприятия (объекта) связана с други-**

ми его свойствами — предметностью, реальностью, объективностью, константностью и т. д.

4. **Объективированность (или объективность) образа восприятия (объекта)** в свою очередь, можно разделить по крайней мере еще на два свойства — доступность иным наблюдателям и прогнозируемость, или предсказуемость, будущих его изменений. Доступность наблюдателям заключается в том, что образ восприятия (объект) в очень сходном виде возникает и в сознании других наблюдателей, попавших в те же условия восприятия. Прогнозируемость образа восприятия (объекта) выражается в способности человека предвидеть его появление в определенных условиях восприятия, если ситуация ему знакома или другие наблюдатели сообщили ему об образах восприятиях, возникавших у них в определенных условиях, а также в том, что образы восприятия (объекты) подчиняются известным физическим законам — схемам предсказуемых изменений.
5. **Образы восприятия (объекты)** имеют и другие свойства — чувственную модальность, целостность структуры (каждый из них представляет собой гештальт), дистальный характер (они вызывают субъективное ощущение их удаленности в пространстве от воспринимающего), абсолютную независимость от «Я» (выражающуюся в невозможности их изменения произвольным усилием сознания), структурированность по принципу «фигура — фон». Свойствами перцептивных психических феноменов (объектов) являются также их зависимость от имеющейся у воспринимающего установки, от его эмоционального и мотивационного состояния, а также их возникновение в структуре глобальной модели-репрезентации мира, обусловленной предшествующим опытом и культурной принадлежностью воспринимающего.
6. **Без человеческого сознания** есть лишь невоспринимаемое и невещественное «нечто в себе». Сознание создает антропоморфный физический мир с его предметами, объектами, их свойствами и т. д. Чувственные репрезентации придают реальности вещественность, хотя и не создают еще в ней привычных нам сущностей. Символические репрезентации — понятия и конструкции из них конституируют чувственную вещественность физической реальности, формируя в ней конкретные физические «вещи» — предметы, явления, свойства и т. д.
7. **Физические объекты** появляются в мире лишь вместе с созданием человеческих понятий. Без понятий нет сущностей, даже физических. Хотя приматы, например, формируют чувственные предпонятия, а следовательно, и на животном уровне существует что-то похожее на наши чувственные репрезентации «вещей».

8. И «реальность в себе», и сознание участвуют в формировании антропоморфного физического мира в сознании людей. Нет сомнений в наличии и первичности «реальности в себе». Однако воспринимаемыми и существующими в вещественно-предметной и одновременно психической форме делает ее фрагменты именно сознание.
9. В российской психологии принято выделять образы восприятия, или перцептивные образы, а также образы представления и воспоминания. Образы восприятия и ощущения репрезентируют не воспринимаемые нами и независимо от нас существующие в физической реальности сущности, а изменения, возникающие в нашем организме при его взаимодействии с «реальностью в себе».
10. Образ восприятия объекта — с одной стороны, это психическая репрезентация элемента «реальности в себе». С другой стороны, это в то же время не «как бы картинка в голове», а совершенно реальный и только так и существующий для нас физический объект внешнего мира, конституированный сознанием в единственно возможной для нас антропоморфной вещной форме — в виде психофизической репрезентации. То есть он одновременно и наша психическая репрезентация, и конституированный сознанием объект физического мира.
11. Еще классическая психология обратила внимание, что образ восприятия предмета обладает всеми свойствами предмета — предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находится во внешней реальности и т. д. Теория нейтрального монизма У. Джеймса тоже декларирует, что физический объект и образ его восприятия — это одна и та же сущность, которую можно рассматривать в разных плоскостях, представляя то как физический объект, то как психический образ его восприятия.
12. В обыденной жизни люди естественно и привычно отождествляют психический образ восприятия объекта с самим объектом, и лишь исследователи их разделяют, что объясняется доминирующей в их сознании дуалистической парадигмой Декарта. Тождественностью образа восприятия предмета и самого предмета объясняется полная неудача всех попыток философов разделить психическое и физическое, которые различаются нами лишь вследствие контекста — плоскости их рассмотрения.
13. Физическим мы считаем то, что непосредственно чувствуем и воспринимаем, что имеет вещественный характер. Ментальным же чаще всего — свои образы представления и воспоминания, понятия и конструкции из них, эмоции и мотивы, то есть как бы нечто вторичное по

отношению к образам восприятия и ощущениям. «Вещность» — цвет, тяжесть, твердость, теплоту, звучание, влажность и так далее физическим сущностям придают исключительно наши чувственные их репрезентации, возникающие в разных сенсорных модальностях.

14. Есть только две «границы мира» — элементы непонятной нам «реальности в себе» вне нашего сознания и их психические репрезентации в форме относительно понятных нам физических и прочих сущностей в нашем сознании.
15. Вербальная репрезентация объекта всегда возникает на базе чувственной его репрезентации там, где есть последняя, и дублирует ее. Там же, где ее нет, вербальная репрезентация сама формирует даже объекты физической реальности, подлинные или мнимые, которые и превращаются для человека в часть внешнего мира.
16. Само появление перцептивного образа или ощущения в сознании вызывает целый ряд последствий: запускает моторный ответ организма (рефлекторные двигательные реакции и более сложные произвольные действия), вызывает эмоции и желания, актуализирует в сознании ассоциированные образы представления и воспоминания, порождает многообразные нейрофизиологические и гуморальные ответы и т. д.
17. Образы восприятия = физические сущности не просто формируются сознанием в результате взаимодействия человеческого тела с «реальностью в себе», они являются «точками соприкосновения» сознания и тела с «реальностью в себе», пунктами их взаимодействия.

ГЛАВА 5

Чувственные репрезентации и время

- Мгновенные зрительные образы восприятия.
- Мгновенные образы в экспериментах.
- Слуховые образы и время.
- Некоторые характеристики мгновенного образа восприятия.
- Мгновенный образ восприятия и кино.
- Продолжительность образов представления.
- Мгновенные образы и «подпороговое восприятие».
- Образ как гештальт.

5.1. Мгновенные зрительные образы восприятия

Как соотносятся образ и время? Если репрезентация воспринимаемого или представляемого предмета сохраняется в сознании несколько секунд — это психический образ, а если репрезентация сохраняется в сознании минуты или даже больше — это тоже образ или уже нечто иное? Можно ли считать эквивалентными два образа восприятия одного и того же объекта, один из которых существует в сознании долю секунды, а другой — две секунды? По-видимому, нет. Но в чем заключается их различие?

Образ, как и любое психическое явление, — это нечто развертывающееся во времени, существующее в нем. Поэтому, рассматривая психический образ, мы вынуждены учитывать такой его параметр, как время существования. В противном случае понятие *образ* теряет определенность.

Если рассматривать вслед за У. Джеймсом (2003) сознание и психику как поток, то можно условно говорить о двух видах «срезов психики»: поперечном (мгновенном) и продольном — за период времени. В первом случае многие

психические феномены даже сложно будет квалифицировать. Например, нельзя говорить о мгновенном¹ образе восприятия слова, так как процесс произнесения, а соответственно, и восприятия слова продолжается около секунды, а нередко и дольше. Потому лишь в развернутом во времени психическом содержании сознания можно отчетливо квалифицировать многие психические феномены.

Скорость протекания психических процессов определяет способности организма воспринимать и фиксировать развертывание изменений в окружающей среде. Эту скорость можно представить, например, как количество психических явлений, возникающих в сознании за период времени. Если мы рассмотрим период, продолжительность которого составляет лишь 1 мс, то вряд ли обнаружим в сознании какие-либо феномены, которые сможем квалифицировать. Понятие *мгновение* — условное, так как любое «мгновение» состоит из более мелких «мгновений», которые мы субъективно просто не можем в нем вычленивать. М. Вартофский (1988) справедливо отмечает, что:

...«некоторая» единица времени проста и нераздельна с точки зрения феноменалистского анализа только благодаря тому, что в восприятии ее начало и конец сливаются [с. 314].

Что такое это субъективное психическое «мгновение», сколько реально оно продолжается в единицах измерения времени?

Обобщая данные предшествующих исследований, А. Н. Гусев (2007, с. 247–248), ссылаясь на Г. Вудроу, говорит, например, о том, что световые стимулы длительностью около 12 мс воспринимаются как мгновенные вспышки. Для звуков эта длительность колеблется в диапазоне от 10 до 50 мс. И. Бидерман, Р. Мезанот и Дж. Рабинович (I. Biderman, R. J. Mezzanotte & J. C. Rabinowitz, 1982) приводят данные о том, что мы способны узнавать практически любое изображение всего лишь за десятую долю секунды. Из этого следует, что образы могут возникать, опознаваться и исчезать (то есть «укладываться») в очень непродолжительное время — десятки миллисекунд, возможно, и меньше.

Интроспекция, а также многочисленные экспериментальные данные, имеющиеся в литературе, свидетельствуют о том, что если объект предъявлялся испытуемому меньше критического для его восприятия отрезка времени, то образ восприятия у испытуемого либо вообще не возникает, либо, возникнув, сопровождается сомнениями испытуемого в том, видел (слышал) ли он что-то. При незначительном увеличении времени предъявления объекта у испытуемого появляется ясное понимание факта наличия вонне чего-то воспринятого им без понимания того, какой именно предмет был им воспринят — факт осознания образа. При дальнейшем увеличении времени предъявления объекта испытуемый успевает его узнать — факт первичного понимания образа, то есть зрительное

¹ Под мгновенным здесь понимаются интервалы времени, составляющие от нескольких миллисекунд до нескольких десятков миллисекунд.

впечатление превращается в нечто большее, чем мгновенно промелькнувший в сознании и исчезающий бесследно непонятный образ какого-то предмета. Это «большее» представляет собой уже относительно понятный испытуемому, пусть даже пока и не до конца очевидный, зрительный образ восприятия конкретного предмета. Например, слова, хотя и непонятно какого.

Самые непродолжительные визуальные репрезентации, понятные наблюдателю хотя бы в качестве некоей существующей вонне данности, какого-то внешнего объекта, можно расценивать как мгновенный перцептивный образ. Итак, **мгновенными зрительными образами восприятия я называю сенсорные феномены, существующие в сознании минимальное время и субъективно оцениваемые как факт наличия относительно понятного внешнего объекта.** В качестве «мгновения» я условно рассматриваю применительно к перцептам отрезок времени, необходимый и минимально достаточный для развертывания ощущения или образа восприятия, минимально понятного¹ воспринимающему. Каждый такой образ восприятия существует мгновение, а затем сменяется новым, который, в свою очередь, тоже немедленно сменяется следующим образом.

Мгновенный образ восприятия или мгновенное ощущение всегда осознанны, хотя и не всегда полностью понятны субъекту. Они могут быть понятны воспринимающему в разной степени: 1) нечто существующее; 2) нечто округлой формы; 3) круглый предмет с хвостиком; 4) яблоко; 5) красное яблоко с черенком и т. д. Наблюдатель может рефлексировать их как: 1) появление чего-то непонятного — неузнанный внешний объект; 2) появление конкретного, вполне понятного или хотя бы частично понятного объекта; 3) понимание факта наличия в собственном сознании психического явления — образа или ощущения; 4) понимание факта наличия внешнего объекта и/или психического явления и т. д.

При этом сам **мгновенный образ восприятия или воспринимаемое ощущение могут в последующем быть либо сохранены в памяти с возможностью повторного их «извлечения», либо немедленно забыты, что может создавать у исследователей ошибочное предположение о «подпороговом восприятии» объекта.**

Мгновенные образы восприятия становятся хорошо понятными субъекту обычно в том случае, если сходные мгновенные образы повторяются в виде последовательностей, или серий. Это происходит при увеличении продолжительности времени восприятия объекта и сопровождается все более полным пониманием сущности воспринимаемого предмета. На первом этапе лишь регистрируется сам факт наличия чего-то воспринятого. На втором — происходит «грубое» опознание объекта, например, предъявленный объект относится к категории *слово*, но расценивается как непонятное слово. На третьем этапе возникает понимание значения воспринятого слова и т. д.

¹ Понятного хотя бы в качестве факта восприятия чего-то существующего вонне.

В чем заключается разница между осознанием и разной степенью понимания образа восприятия?

Для того чтобы разобраться в этом, целесообразно провести простой эксперимент. Попробуйте сначала просто быстро взглянуть на литографии М. Эшера «Бельведер» (рис. 4) и «Водопад» (рис. 5) и, отведя взгляд, описать себе, что вы увидели, а затем уже внимательно рассмотрите их.

Рис. 4. Литография М. Эшера «Бельведер»

Рис. 5. Литография М. Эшера «Водопад»

При мимолетном взгляде на них вы не заметите ничего необычного. Одновременно вам поначалу может показаться, что вы ухватили сущность этих изображений. В первом случае я, например, сначала увидел какое-то воздушное строение, похожее на нечто среднее между беседкой и летним дворцом. Во втором — небольшой дом, рядом с которым расположились две более высокие, чем дом, башенки. И ничего более. Таким образом, за время краткой экспозиции картин у меня в сознании возникли вполне осознаваемые мною образы восприятия и воспоминания изображенных на картинах объектов, имеющие даже вполне понятные мне значения.

Следовательно, возникшие образы вроде бы даже позволили мне понять содержание этих картин, но при этом, как показало последующее внимательное их

рассмотрение, сути объектов я не ухватил. Не понял содержащихся в картинах глубоких смысловых искажений, того, что в них присутствуют невозможные в реальном мире детали. Из этого можно сделать вывод об очевидной этапности нашего восприятия, которое по мере увеличения времени экспозиции воспринимаемого предмета позволяет нам все глубже его понимать. Вместе с тем понимание сущности воспринимаемого объекта совсем не обязательно сопровождается рефлексией самих фактов восприятия, осознания и понимания его.

Вернемся к мгновенным образам восприятия. *Какова их продолжительность, то есть сколько длится минимально необходимый для осознания возникшего ощущения или образа период времени?*

Еще Д. Юм (1965, с. 369) заметил «непостижимую быстроту», с которой сменяются наши психические явления. Случайно обратив внимание в процессе интроспекции на кратковременность собственных образов представления, я стал знакомиться с экспериментальными исследованиями, в которых изучались иные феномены, но из которых можно сделать вывод о существовании мгновенных образов восприятия и об их особенностях. Анализ литературы показывает, что продолжительность мгновенных образов восприятия фактически давно установлена экспериментально, хотя исследователи, по-видимому, никогда не ставили специально задачи изучения мгновенных образов восприятия как таковых и даже не обсуждали их. Тем не менее в психологии есть множество экспериментальных данных, свидетельствующих как о наличии мгновенных образов восприятия, так и об их продолжительности.

5.2. Мгновенные образы в экспериментах

Непосредственно измерить продолжительность мгновенных образов восприятия, представления и воспоминания невозможно. Можно лишь попытаться косвенно измерить продолжительность мгновенных образов восприятия. Убеждение «здравого смысла» в том, что образ восприятия объекта существует столько же времени, сколько воспринимающему предъявляется объект, вряд ли разделяют все исследователи, и это правильно. Тем не менее при непродолжительном предъявлении предмета время существования его зрительного образа восприятия можно считать примерно равным времени экспозиции предмета, если пренебречь временем, необходимым для формирования образа, и временем существования иконического образа — послеобраза. К тому же в качестве продолжительности мгновенного образа восприятия объекта А можно условно принять его продолжительность только в том случае, если вслед за объектом А, который был воспринят и опознан испытуемым, немедленно предъявляется объект Б, который тоже опознается испытуемым. Последовательное предъявление объектов обеспечивает стирание послеобраза объекта А образом восприятия объекта Б.

Соответственно, если измерить время между первым и вторым последовательными предъявлениями двух воспринятых и опознанных человеком объектов (желательно в ряду из нескольких последовательно предъявленных разных объектов), то оно будет примерно соответствовать времени существования в сознании образа восприятия первого объекта, так как для того, чтобы воспринять второй и последующие объекты, человек уже должен до этого воспринять и опознать первый. Иначе последующие образы сотрут первый, и человек не сможет подтвердить факт его восприятия и опознания. Самый короткий интервал между предъявлениями объектов, которые испытуемый еще в состоянии опознать, и будет продолжительностью мгновенного образа его восприятия.

А. Н. Гусев (2007, с. 247–248) сообщает, что еще В. Вундтом установлено, что двойной звуковой стимул воспринимается как единичный при интервале между стимулами менее 2–16 мс. Двойной световой стимул — при интервале менее 43 мс. Двойной тактильный — при интервале менее 27 мс. Здесь возникает целый ряд вопросов. *Как именно время экспозиции объекта влияет на образ его восприятия? Через какое время после начала предъявления объекта появляется образ его восприятия? Меняется ли этот образ во времени? Как долго он сохраняется после прекращения предъявления объекта, то есть какова его инерция? С чем мы имеем дело после прекращения предъявления объекта: с сохраняющимся образом восприятия объекта (его инерцией) или уже с образом его воспоминания?* И так далее.

Наиболее важные для исследования мгновенных образов восприятия эксперименты были проведены Дж. Сперлингом.

В экспериментах Дж. Сперлинга (G. Sperling, 1960) испытуемым на очень короткое время (50 мс) предъявляли карточку, на которой было изображено девять букв, расположенных в три строки по три буквы в каждой. Сразу же после предъявления карточки испытуемому предъявляли на том же месте другую карточку, содержащую прямоугольную «метку», отмечавшую букву, находившуюся на этом же месте в предыдущей карточке. Данную букву испытуемый должен был назвать. Место метки менялось. Испытуемый всегда называл отмеченную букву, то есть он на тот момент помнил всю представленную на первой карточке информацию.

Результаты опыта демонстрируют, что 50 мс вполне достаточно для восприятия и распознавания объектов, образы которых потом сохраняются в памяти и могут быть воспроизведены. Следовательно, мы должны принять, что **50 мс хватает для формирования и осознания зрительного образа восприятия, опознания объекта восприятия, а также сохранения и последующего произвольного воспроизведения деталей соответствующего образа воспоминания.** Все это является очевидным доказательством возможности существования мгновенных визуальных образов восприятия.

Другие исследователи получили похожие результаты в иных экспериментах.

Так, Анна Трейсман и Г. Гелад (A. Treisman & G. Gelad, 1980) предлагали своим испытуемым быстро просмотреть множество объектов — 30 букв Y и I (рис. 6, а) и Z и I (рис. 6, б), изображенных на листе, и обнаружить среди них одну букву T. При этом они установили, что испытуемые тратят на обнаружение буквы T, расположенной среди других букв, приблизительно на 600 мс больше, чем в том случае, когда на листе имеется только одна буква T. Они определили, что испытуемые должны были в среднем просмотреть приблизительно половину из 30 букв — 15, прежде чем найти букву T. Следовательно, им требовалось приблизительно $600 / 15 = 40$ мс, чтобы оценить и отклонить каждую ненужную букву.

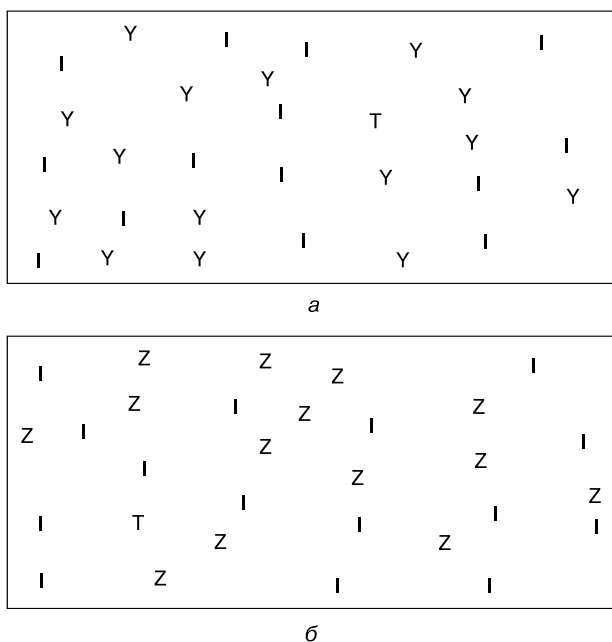

Рис. 6. Тридцать букв Y и I (а) и Z и I (б), изображенных на листе, среди которых нужно обнаружить одну букву T

Итак, за 40 мс не просто возникает мгновенный визуальный образ восприятия объекта, но сознание успевает оценить этот образ и отбросить его или принять. Следовательно, **40 мс — это не просто время, необходимое для восприятия объекта и формирования его мгновенного зрительного образа восприятия, но и время, включающее в себя сознательную обработку данного мгновенного образа.** В другом классическом эксперименте С. Стернберга (S. Sternberg, 1966) были получены сходные результаты.

Испытуемому показывали разные наборы цифр, которые он должен был запоминать. Каждый список содержал от одной до шести цифр. После предъявления список убирала и предъявляли тестовую цифру. Испытуемый должен был

решить, содержалась ли она в списке. Испытуемые редко ошибались. Однако время решения возрастало пропорционально длине списка. Каждая цифра в списке увеличивала время на одну и ту же величину — примерно на 40 мс, то есть на $1/25$ с. Сходные результаты были получены автором впоследствии (S. Sternberg, 1969) при использовании в качестве элементов запоминаемого списка букв, слов, звуков или изображений человеческих лиц.

Приведенные исследования тоже подтверждают, но совершенно иным способом то, что мгновенный зрительный образ восприятия вполне укладывается в 40 мс.

В других опытах Дж. Сперлинга было фактически установлено, что даже 10 мс достаточно для формирования полноценного мгновенного зрительного образа восприятия.

В одном из опытов Дж. Сперлинга (1967) испытуемым предъявлялись ряды, состоящие из семи букв, на 5 мс. Затем испытуемые видели яркую вспышку, которая прерывала существование инерционных образов на сетчатке. Таким образом, искусственно контролировалось время присутствия информации в сенсорном регистре¹. Интервал между экспозицией букв и вспышкой увеличивался с «шагом» 10 мс. Всякий раз испытуемого спрашивали, сколько букв и какие он увидел. Было установлено, что прибавление 10 мс прибавляет одну букву.

¹ В. В. Нуркова (2006) сообщает, что «существование иконического сенсорного регистра было открыто американским психологом Дж. Сперлингом (Georg Sperling, p. 1934)» [с. 131]. По словам В. В. Нурковой (2006), сенсорный регистр Дж. Сперлинг рассматривал как инерционный след ощущения действующего раздражителя [с. 134]. Сенсорный регистр в зрительной модальности был назван У. Найссером *иконической памятью*, а в слуховой модальности — *эхоической памятью* [см.: Р. Л. Солсо, 1996, с. 66, 71].

Б. Эрдман и Р. Додж (B. Erdmann & R. Dodge, 1898) установили, что зрительное восприятие происходит во время фиксации глаз, то есть во время коротких пауз, а не во время их движений — саккад.

В. В. Любимов [2007, с. 279] отмечает, что за несколько миллисекунд до начала саккадического движения глаз чувствительность зрения начинает падать, затем достигает минимума во время скачка, после чего в течение нескольких миллисекунд восстанавливается. Это явление получило название *саккадического подавления*. Б. М. Величковский [2006, с. 172] сообщает, что наши глаза совершают в среднем от трех до пяти саккадических скачков каждую секунду. По другим данным (L. Young, 1963; D. Robinson, 1968), саккада величиной 2° требует около 25 мс, а величиной 10° — около 45 мс. При этом 85 % саккадических движений ограничены 15° [Д. Ф. Фишер, 2006, с. 162].

Исходя из этих данных, можно предположить, что саккадических скачков каждую секунду происходит в среднем существенно больше чем 5. И каждый из них сопровождается возникновением как минимум одного или серии мгновенных образов восприятия. Вероятно, за счет такой организации процесса восприятия мы не замечаем не только саккад, но и морганий. Мы видим окружающий мир стабильным и непрерывным, несмотря на реальные выключения визуального восприятия за счет прекращения поступления света к сетчатке при закрытии глазных век. И у нас не возникает ощущения, что окружающие нас предметы то появляются, то исчезают.

Следовательно, 10 мс достаточно для формирования образа восприятия одной буквы, что дает скорость восприятия около 100 символов в секунду. Правда, это наблюдалось только для первых пяти букв, затем процесс замедлялся.

Учитывая, что вспышка стирала инерционный образ, можно заключить, что в последующем испытуемые давали отчеты уже на основе образов воспоминания, возникших в результате появления мгновенных образов восприятия.

Дж. Сперлинг и сопр. (Sperling et al., 1971) проводили также эксперименты по определению максимальной скорости распознавания. Испытуемым предъявлялись матрицы из букв, в которых нужно было найти и идентифицировать спрятанную цифру. В каждой матрице было от 9 до 16 букв, и матрицы сменялись каждые 40–50 мс. Было установлено, что распознавание одного символа также может осуществляться за время, равное 10 мс (80–120 символов в секунду).

Эти весьма показательные результаты свидетельствуют о возможности существования визуальных мгновенных образов восприятия в промежутке времени продолжительностью около 10 мс. Исследования Дж. Сперлинга также практически ответили и на поставленный выше вопрос: *через какое время после начала предъявления объекта появляется образ его восприятия?*

Он появляется не позднее чем через несколько миллисекунд, так как за время порядка 10 мс происходит распознавание одного символа (буквы или цифры).

А. Марсел (A. J. Marcel, 1980; 1983) предъявлял в своих экспериментах испытуемым в течение 10 мс либо слово, либо пустое поле, а потом для стирания образа восприятия из иконической памяти — в течение 30 мс маскирующее изображение. Затем испытуемым либо просто предлагалось указать, видели они слово или нет (контроль), либо предъявлялся ряд букв для максимально быстрого определения — слово это или случайный набор букв. В ряде случаев предшествующее слово было связано по смыслу со словом буквенного ряда. В контрольной группе испытуемые одинаково часто сообщали, что видели слово и при действительном его предъявлении, и при предъявлении пустого поля. Тем не менее в экспериментальной группе опознание слова в буквенном ряду проходило быстрее, если оно было семантически связано с предшествующим словом. Автор делает вывод о том, что предъявленное в течение 10 мс слово, даже не будучи осознанным, «обрабатывается семантически».

Трудно согласиться с тем, что слово обрабатывается семантически, даже не будучи осознанным. Скорее оно осознается, но не сохраняется при этом в памяти как воспринятое. Однако существенно то, что полного стирания образов из памяти в описанных экспериментах не происходило, и воспринимавшиеся в течение всего 10 мс слова в последующем влияли на переработку новой словесной информации (эффект Марсела). Эти опыты нуждаются в продолжении, хотя для нас важнее здесь сейчас лишь то, что 10 мс предъявления достаточно для возникновения мгновенного образа восприятия, следы которого в ряде случаев как-то даже влияют на последующее восприятие.

Дж. Андерсон (2002) пишет:

Если мы предполагаем, что иконическая память действует приблизительно одну секунду и что за эту секунду могут кодироваться четыре объекта, то для переноса внимания с одного объекта на другой нужно 1/4 секунды. ...Вероятно, эта завышенная оценка продолжительности иконы и времени кодирования букв... [с. 94].

Другими словами, по мнению автора, одной секунды вполне достаточно для формирования минимум четырех визуальных образов. В то же время М. Колтерт (Coltheart, 1983, р. 17–18), например, полагает, что «иконы» (иконические образы представления) создаются в течение первых десятков миллисекунд восприятия.

Дж. Маккин Кеттел (J. McK. Cattell, 1886, 1886a), используя тахистоскоп, оценивал время, необходимое для идентификации фигур, цветов, букв и предложений. Оно зависело от того, насколько испытуемый был знаком с предъявляемым материалом. Буквы и слова предъявлялись всего на 10 мс. Чем больше предъявляемая последовательность букв приближалась к значимой, например к слову, тем больше букв удавалось запомнить испытуемому. При предъявлении на 10 мс не связанных между собой букв испытуемый запоминал три-четыре из них. При предъявлении слов (по три-четыре буквы каждое) он запоминал уже до двух слов. Если же слова были связаны по смыслу, то испытуемый успевал «прочитать» и запомнить до четырех слов. Так как 10 мс — время меньшее, чем необходимо для саккады (которая продолжается от 20 до 30 мс) [Д. Ф. Фишер, 2006, с. 162], автор полагает, что воспринятое испытуемым можно рассматривать (выражаясь метафорически) как единичный «кадр» восприятия. Дж. Кеттел одновременно обнаружил, что в единичном «кадре» восприятия слова воспринимаются не менее легко, чем буквы. Это говорит о том, что они воспринимаются в целом, как гештальты. К тому же воспринимаются, по-видимому, даже легче, чем буквы, так как со словами человек имеет дело чаще, чем с отдельными буквами.

Приведенные данные важны для нас в первую очередь все-таки тем, что **за 10 мс успевает возникнуть мгновенный зрительный образ восприятия**. И после него в памяти испытуемого сохраняются образы воспоминания по крайней мере двух-трех объектов. То, что автор называет «единичным кадром восприятия», мы имеем все основания рассматривать как мгновенный образ восприятия.

Из результатов экспериментов, проведенных Reicher, которые приводят Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007, с. 204), тоже следует, что слово действительно легче воспринять и запомнить.

Испытуемым всего на несколько миллисекунд предъявляли слово или отдельную букву. Затем предъявлялся стимул, содержащий маскирующие знаки на том месте, где находились буквы, и два варианта ответа. Испытуемому надо было решить, какой из двух вариантов слова или буквы предъявлялся ранее. Если ему предъявляли изображение либо только буквы К, либо слова WORK («работа»), а затем спрашивали, была ли последняя буква К или D, испытуемые отвечали точнее в случае предъявления целого слова, а не одной буквы.

Приведенные данные вновь демонстрируют, что экспозиции объекта продолжительностью даже несколько миллисекунд достаточно в ряде случаев для появления мгновенного зрительного образа восприятия.

Результаты экспериментов Е. Тульвинга и К. Голда (E. Tulving & C. Gold, 1963) свидетельствуют о том, что, во-первых, восприятие слов сильно зависит от контекста, во-вторых, времени предъявления слова от 45 до 90 мс вполне достаточно для его понимания и запоминания, даже если оно не имеет отношения к контексту.

Исследователи предъявляли испытуемым для прочтения часть предложения, состоявшую из одного — четырех слов. Затем на очень короткое время — либо последнее слово этого предложения («исполнение»), либо совершенно иное, не связанное с данным контекстом слово, и просили испытуемых опознать его. Последнее слово предъявляли в течение 10 мс. Если испытуемый ошибался, время экспозиции увеличивалось на 10 мс до тех пор, пока испытуемый не опознавал слово. Вариант контекстов:

- Эту...
- Эту актрису...
- Эту актрису похвалили...
- Эту актрису похвалили за выдающееся...

При увеличении количества информации в значимом контексте скорость опознания возрастала и время экспозиции слова уменьшалось с 70 до 45 мс. С увеличением количества информации в неадекватном контексте время, необходимое для опознания слова, наоборот, увеличивалось с 70 до 90 мс.

Исследования по изучению других сенсорных модальностей демонстрируют, что не только зрительный анализатор способен формировать значительно больше одного образа в секунду. Б. М. Величковский (2006, с. 182) приводит, например, данные о том, что если с асинхронностью порядка 100 мс прикасаться к ладоням левой и правой руки (с помощью специальных вибраторов), то сидящему с закрытыми глазами наблюдателю начинает казаться, что что-то или даже кто-то быстро бежит между его ладонями. Из этого следует, что у испытуемого возникают мгновенные тактильные ощущения, из которых, в свою очередь, формируется сложная репрезентация отсутствующего в реальности объекта. Нас здесь интересует не столько то, что именно испытуемый ощущает, сколько его способность воспринимать десяток тактильных ощущений в секунду.

Как показывают эксперименты Н. Морея (N. Morey, 1959) с эхоической памятью, слуховые образы подчиняются иным закономерностям по сравнению с визуальными. Вероятно, в первую очередь потому, что сам характер объектов здесь иной и разворачиваются они во времени гораздо медленнее, чем визуальные.

Все приведенные выше эксперименты, безусловно, не свидетельствуют о наличии мгновенных психических образов. Скажу больше. **Нет и не может быть «объективных» экспериментов, которые доказывали бы существование субъективных психических образов любой продолжительности. Я постулирую их существование на основании интроспекции собственных образов воспоминания и представления. Но сам факт того, что предъявления объекта продолжительностью 40 мс достаточно для его восприятия и предоставления в последующем отчета о нем, свидетельствует о принципиальной возможности существования мгновенных образов восприятия.**

5.3. Слуховые образы и время

Очевидно, что разные по модальности ощущения и образы восприятия, например зрительные и слуховые, требуют разного времени для своего «развертывания». В частности, слуховые образы слов, точнее, то, что принято считать слуховыми образами слов, не способны существовать, то есть развернуться и «уложиться» в такой краткий момент времени, как субъективно переживаемое мгновение. Образ восприятия слова требует для своего формирования и появления в сознании, по-видимому, около секунды. Я уже не говорю об «образе» восприятия самой короткой музыкальной мелодии. Вместе с тем сознание способно формировать и мгновенные слуховые образы. Так, громкий звук (интенсивностью 120 дБ), длящийся всего 3 мс, уже ощущается как отдельный щелчок (А. Н. Гусев, 2007, с. 16).

То, что в литературе принято называть аудиальным, или слуховым, образом слова, является не образом, а сложной последовательностью из многих мгновенных слуховых образов восприятия, более простых, чем звучащее слово, объектов — фонем, существующих доли секунды. Для того чтобы произнести слово, то есть создать искусственный физический языковой объект в виде специфической последовательности волновых колебаний воздушной среды, требуется намного больше времени, чем занимает мгновенный образ слухового восприятия. Попробуйте, например, измерить время, за которое вам удастся произнести слово «исследование» или «коллективизация». На это уйдет от 1 до 2 с. Соответственно, и на восприятие такого слова уйдет то же самое время. Между тем в эксперименте (А. Н. Гусев, 2007, с. 184) человек способен воспринимать короткие тональные сигналы продолжительностью 5–50 мс в качестве щелчков, то есть в его сознании формируются за секунду десятки подобных мгновенных слуховых образов восприятия.

Репрезентация воспринимаемой речи в целом — это почти непрерывная последовательность переходящих друг в друга звуков разного рода: шумов,

свистов, щелчков и т. д., но лишь сознание воспринимающего трансформирует эти последовательности в привычные гештальты слов. Ф. де Соссюр (2006) замечает:

Звуковая цепь, рассматриваемая сама в себе, есть линия, непрерывная лента, где ухо не различает никаких ясных и точных делений; чтобы найти эти деления, надо прибегнуть к значениям. Когда мы слышим неизвестный язык, мы не в состоянии решить, как должна быть анализирована эта последовательность звуков; дело в том, что такой анализ невозможен, если принимать во внимание лишь звуковой аспект языкового феномена. Но, когда мы знаем, какой смысл и какую роль нужно приурочить к каждой части звуковой цепи, тогда для нас эти части обособляются друг от друга и бесформенная лента распадается на куски; в этом анализе нет ничего материального. ...Он (язык. — С. П.) представляет неразделенную массу, где только внимательность и привычка могут различить составные элементы. Языковая единица не обладает никаким специальным звуковым характером, и единственным ее определением может быть следующее: *отрезок звучания, являющийся с исключением того, что ему предшествует, и того, что за ним следует в речевой цепи, «означающим» некоего понятия* [с. 106].

Звучащее слово и тем более мелодия требуют времени для своего развертывания. **Ни мелодия, ни слово не репрезентируются единичным мгновенным слуховым образом.** Если звучащее слово еще может целиком присутствовать в сознании в момент субъективного настоящего психического времени¹, то мелодия не может.

В определенной точке физической реальности, в которой располагается наше ухо, в каждый данный момент есть условный аналог того «отрывка» разворачивающегося во времени физического аудиального объекта — звучащего слова или мелодии, который может «уместиться» в этот момент времени. Будучи репрезентацией короткого конкретного «фрагмента воздушных колебаний», он представляет в сознании краткий звук определенного вида. В каждый

¹ Психическим субъективным настоящим временем я называю минимальный отрезок времени, интроспективно оцениваемый как время актуального присутствия здесь и сейчас (в настоящем). Его можно связать с субъективной фиксацией сознанием изменения воспринимаемого объекта, меняющегося быстро, но так, что его трансформации еще доступны восприятию. Объективно его продолжительность можно попытаться зарегистрировать с использованием хорошо изученного механизма восприятия кино. И в качестве субъективного настоящего времени принять минимальный отрезок времени, за который сознанием регистрируется одиночное изменение воспринимаемого объекта. Субъективно это рефлексировано как одно-временное существование в сознании образов того, что только что было, но уже ушло, и образов того, что только что в нем появилось. По-видимому, это несколько мгновенных образов объекта до и после его трансформации, доступной разрешающей способности наших органов чувств. По продолжительности этот отрезок времени очень примерно составляет десятые доли секунды.

следующий момент времени в точке восприятия появляется уже «фрагмент» других воздушных колебаний, а в сознании — другой звук. Назовем такие звуки «простыми» или мгновенными слуховыми образами восприятия.

За непродолжительное время в месте локализации воспринимающего уха друг друга сменяют «фрагменты» разных воздушных волн, репрезентируемых в сознании в форме десятков звуков или мгновенных образов. **Сознание строит из этих мгновенных слуховых образов уникальные последовательности, или сложные целостные слуховые психические конструкции. И каждая такая психическая конструкция, будучи психическим гешталтом, выступает в качестве репрезентации специфической физической сущности — звучащего слова или мелодии, которые появляются в сознании.**

Создавая специфические конструкции — гешталты из уникальных последовательностей мгновенных слуховых образов восприятия, сознание затем рассматривает эти конструкции как отдельные самостоятельные сущности, оперируя ими в качестве «образов» слов. Такие устойчивые психические конструкции состоят из многих жестко связанных между собой в строго определенном порядке мгновенных слуховых образов.

Мелодия — наиболее длительная уникальная цепь мгновенных слуховых образов является гешталтом, поэтому, слушая знакомую мелодию, мы легко улавливаем фальшивую ноту, замечаем, что прозвучавшая в определенном месте нота — не та, которая должна там быть. Мы способны узнать мелодию как одинаковую физическую сущность, даже когда она звучит в разных тональностях, как, впрочем, и любое слово нашей речи. В виде таких, всегда одинаково разворачивающихся во времени чувственных конструкций в нашей памяти присутствуют слуховые «образы» не только слов и мелодий, но и множества других привычных нам звуковых объектов и явлений: льющейся воды, движущейся машины, работающего генератора, идущего поезда и т. п.

Если слов, фраз и мелодий в каждый конкретный настоящий момент времени нет в физической реальности, так как они требуют времени для своего развертывания, а в каждый настоящий момент времени в физическом мире существуют только одно воздушное колебание из их последовательности, условно говоря, один референт звука, то где же они есть?

Очевидно, что **слуховые образы слов, мелодий и т. д. в качестве развернутых во времени, но целостных физических сущностей присутствуют только в нашем сознании.** Причем они формируются в нем из повторяющихся сходных последовательностей мгновенных слуховых образов восприятия. Именно сознание выделяет чувственные репрезентации слов, мелодий и других понятных ему звуков в потоке прочих слуховых репрезентаций. Правильнее сказать, что, репрезентируя их в качестве осмысленных звуков, оно конституирует, создает в себе эти физические объекты.

5.4. Некоторые характеристики мгновенного образа восприятия

В своих классических экспериментах Дж. Сперлинг (G. Sperling, 1960; Дж. Сперлинг, 1967) попытался определить в том числе количество информации, воспринимаемой при кратковременном (50 мс) предъявлении.

На слабо освещенный экран проецировали матрицу, содержащую 12 символов, расположенных в три ряда по четыре символа. Непосредственно после предъявления матрицы раздавался высокий, средний или низкий звуковой тон. В случае высокого тона испытуемый должен был воспроизвести верхнюю строчку, среднего — среднюю и нижнего — нижнюю. Было установлено, что при предъявлении звуковой «метки» испытуемые могли воспроизвести символы (буквы) из любого ряда. В этом эксперименте они воспроизводили поочередно от 8 до 11 символов из 12 возможных, в среднем — 9,1. Однако после окончания эксперимента при попытке вспомнить всю матрицу по просьбе экспериментатора испытуемые воспроизводили не более 3,8–5,2 буквы, в среднем — 4,3 (что соответствует нижней границе «магического числа» (см. раздел 8.5)). Таким образом, непосредственно после предъявления символов испытуемый помнит в среднем 9,1 символа, но уже спустя непродолжительное время после их предъявления в его памяти остается лишь 4,3 символа... Следовательно, сразу после предъявления его память хранит образы всех или почти всех 12 символов, которые доступны непродолжительное время, если их «извлекать» особым образом. Тем не менее в конечном счете в его памяти остается не более 4–5 образов.

Представляется очевидным, что такие результаты объясняются непродолжительностью хранения зрительной информации в памяти. Причем время хранения меньше, чем даже время, требуемое для воспроизведения (произнесения) 7 ± 2 букв. Иконические образы, по данным Дж. Сперлинга, сохраняются в сознании в течение примерно трети секунды¹ после исчезновения объекта из поля восприятия, тогда как на воспроизведение 4–5 букв, по моему опыту, требуется не менее секунды (попробуйте произнести скороговоркой А, Б, В, Г и Д). Этого времени, по-видимому, вполне достаточно для стирания иконических образов.

Р. Л. Солсо (1996), ссылаясь на результаты экспериментов Эриксона и Коллинза, пишет:

...иконическое хранилище может кратковременно удерживать зрительную информацию в ее исходном виде и с большой детальностью. Некоторые ученые

¹ На вопрос о том, как долго сохраняется образ после прекращения предъявления объекта, то есть какова его инерция, ответил еще В. Вундт. Б. М. Величковский (2006) пишет: «В. Вундт отмечал, что “продолжительность жизни” зрительного образа может превышать номинальное время экспозиции стимула. По его наблюдениям, эта продолжительность (речь здесь идет об иконическом образе. — С. П.) обычно составляет примерно 250 мс» [с. 194].

полагают, что ее объем практически неограничен (в пределах возможностей сетчатки глаза) [с. 68].

Время хранения в эхоической памяти очень мало (от 250 мс до 4 с) (тем не менее это существенно больше, чем иконическое хранение, составляющее «примерно 250 мс». — С. П.), а в кратковременной памяти оно значительно больше и составляет 10–30 с [с. 71].

...Но наиболее полно информация сохраняется в течение первой секунды после слуховой стимуляции [с. 73].

Думаю, что все эти данные нуждаются в дополнительном экспериментальном уточнении. Сохранение мгновенных образов восприятия в памяти зависит от множества самых разных факторов: исходного состояния испытуемого, условий восприятия, сложности воспринимаемого объекта, модальности образа, особенностей предъявления воспринимаемого объекта (так как увеличение продолжительности предъявления приводит к появлению последовательности сходных мгновенных образов восприятия), интервала между окончанием предъявления первого объекта и началом предъявления второго и даже интервала между началом предъявления первого объекта и началом предъявления второго. Так, Б. М. Величковский (2006) сообщает об исследованиях, в которых было установлено, что:

...инерция слуха определялась... началом, а не концом предъявления, так что звуковой сигнал длительностью 10 мс имел «инерцию» 110 мс, а длительностью 100 мс — только 20 мс [с. 200].

Дж. Р. Андерсон (2002, с. 93) отмечает, что Дж. Сперлинг, изменяя постэкспозиционное поле (поле после предъявления стимула), обнаружил, что в случае светлого постэкспозиционного поля сенсорная информация сохраняется в течение только 1 с, а при темном поле — в течение 5 с. Следовательно, яркое постэкспозиционное поле склонно «вымывать» из иконической памяти предъявлявшийся материал. Такой же эффект оказывает и предъявление других объектов после демонстрации первого, которые эффективно «переписывают» результаты первой демонстрации, уничтожая память о первом наборе букв. Данные факты показывают, что сохранение мгновенных образов в памяти зависит и от особенностей последующей стимуляции. И возникновение новых мгновенных образов иного содержания «эффективно» удаляет предыдущие мгновенные образы и из сознания, и из памяти.

Совершенно неясно, является ли продолжительность мгновенных образов восприятия каждой модальности константной для данного субъекта величиной или меняется в зависимости от условий восприятия и состояния воспринимающего. Неясно количество сходных мгновенных образов восприятия в последовательности этих образов, минимально достаточное для понимания

и гарантированного сохранения образа в памяти. Продолжительность мгновенных зрительных и слуховых образов тоже различается. Можно сказать, что **мгновенные образы восприятия, их динамика и сохранение в памяти — это совершенно неизученная область психологии.**

В литературе часто рассматривают чуть ли не в качестве одинаковых феноменов визуальный и слуховой образы восприятия одного и того же слова, несмотря на то что феноменологически это совершенно разные психические явления. Не говоря уже о разной их модальности, даже продолжительность того, что называют слуховым образом слова, существенно больше, чем продолжительность визуального образа изображения этого же слова. Как уже отмечалось, образ звучащего слова (слуховой вербальный образ) — это сложная психическая конструкция, представляющая собой строго определенную последовательность мгновенных слуховых образов фонем (или чего-то еще более мелкого).

Мы привыкли в соответствии со «здравым смыслом» считать звучащее слово физическим объектом. Написанное слово воспринимается человеком, свободно владеющим письменностью, не в качестве последовательности образов букв, а как единый объект. И, как показывают эксперименты (см. например: Д. Ф. Фишер, 2006, с. 162; Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др., 2007, с. 204), слово нередко воспринимается человеком легче и быстрее, чем даже буква.

Для формирования мгновенного зрительного образа восприятия некоторых сложных объектов может потребоваться существенно большее время, чем для возникновения мгновенного визуального образа восприятия слова или буквы. Б. М. Величковский (1982) сообщает, например, что испытуемые узнают сложный зрительный материал в процессе восприятия предметной сцены лишь при длительности предъявления около 300 мс. Обсуждая эксперименты Дж. Сперлинга, он (2006) пишет:

Согласно данным современных экспериментов по восприятию и кратковременному удержанию зрительных конфигураций типа наборов буквенно-цифровых матриц или бессмысленных форм, мы способны воспринять меньше информации (от 1 до 4 элементов) и на более короткое время, чем думал Сперлинг. Возможно, впрочем, что эта информация перерабатывается глубже, например вплоть до выделения различной категориальной принадлежности букв и цифр [с. 272–273].

Мне представляется, что простые объекты воспринимаются в соответствии с закономерностями, обнаруженными Дж. Сперлингом. Сложные же объекты типа сюжетных картин (например, литографии Эшера, см. рис. 4 и 5) воспринимаются как бы поэтапно. При их восприятии возникают те же мгновенные образы, но каждый последующий или каждая новая серия мгновенных образов позволяют глубже понять воспринимаемый объект, уточнить его детали.

Поэтому для максимально полного понимания сложного объекта требуется уже не 10 мс и даже не 40, а, возможно, существенно большее время (Б. М. Величковский, 1982, с. 272–273).

Появляясь и немедленно исчезая из сознания испытуемого, мгновенные образы восприятия могут содержать много сложной информации, но при этом не сохраняются в его памяти вовсе. В итоге у наблюдателя возникает впечатление об отсутствии самого факта восприятия данного объекта или о «подсознательном» его восприятии.

Следовательно, необходимо четко разграничивать процессы возникновения, существования и понимания человеком мгновенного образа восприятия, с одной стороны, и процессы сохранения и последующего воспроизведения воспринятой информации, что убедительно демонстрирует, например, классический опыт Дж. Сперлинга (1967) (см. выше), который показал, что испытуемый воспринимает практически весь объем поступающей к нему информации, но она стирается настолько быстро, что он не успевает даже о ней рассказать.

То, что многие мгновенные образы восприятия действительно сохраняются в сознании очень недолго, а затем бесследно исчезают, подтверждается и данными интроспекции. Трудности с сохранением мгновенных образов восприятия в памяти характерны не только для зрительной, но и для слуховой модальности.

Так, Глюксберг и Коуэн [Glucksberg & Cowan, 1970] предлагали испытуемым слушать разные сообщения, поступающие одновременно в правое и левое ухо. При этом они просили испытуемых обращать внимание на сообщения, поступающие в одно ухо. Периодически в другом ухе звучала цифра. Если испытуемого немедленно спрашивали, слышал ли он цифру, то он давал правильный ответ в пять раз чаще, чем если его спрашивали спустя некоторое время. В течение первых 2 с с момента предъявления цифры результаты резко снижались, а через 5 с достигали уровня спонтанного обнаружения. Исследователи пришли к выводу, что информация из игнорируемого сообщения находится в памяти очень короткое время и теряется в течение 5 с.

Обсуждая эксперименты с отдельным предъявлением слуховой информации и гипотезы Д. Дойча и Дж. Дойча, У. Найссер (1981) пишет, что авторы:

...предположили, что вся информация перерабатывается полностью, независимо от того, является ли она объектом внимания или нет. ...Отбор осуществляется только на стадии запоминания и осуществления действия. Испытуемые... воспринимают оба голоса, но забывают вторичную информацию настолько быстро, что она практически не влияет на их поведение или сознательный опыт. ...Наши психические механизмы знают обо всем, что происходит вокруг нас, но отвергают большую часть этой информации, как не имеющую значения, еще до того, как она достигнет сознания. ...Утверждение Дойчей... означает только то, что мы постоянно регистрируем, а затем забываем множество не связанных между собой сенсорных данных [с. 101].

Мне представляется ошибочной идея о том, что информация забывается до того, как достигнет сознания, потому что отсутствие запоминания не означает отсутствия феномена в сознании в прошлом. Просто, кратковременно присутствуя в сознании, психический феномен не фиксируется затем памятью и не имеет в результате какой-либо возможности повторного появления в сознании в будущем.

У. Найссер спрашивает: «А что же в таком случае происходит с игнорируемой информацией?» И сам же дает ответ:

Вообще говоря, с ней ничего не происходит. Она разделяется на много видов информации, для которых у нас нет схем. Мы просто не воспринимаем ее [с. 105].

...Когнитивную активность человека более целесообразно рассматривать как совокупность приобретенных навыков, чем как функционирование единого, постоянного в отношении своих возможностей механизма [с. 107].

В этой цитате мне представляется интересной фраза о «многих видах информации, для которых у нас нет схем». Не исключено, что действительно **большинство возникающих у нас мгновенных образов не актуализируют в сознании никаких адекватных моделей-репрезентаций или «схем» и даже значимых ассоциаций, в результате чего бесследно исчезают**, но из этого не следует, что «мы просто не воспринимаем ее». Наоборот, мы очень быстро воспринимаем ее и столь же быстро отвергаем как неактуальную и не фиксируем в памяти возникавшие в сознании мгновенные образы восприятия.

У. Найссер (1981, с. 110) приводит данные о том, что опытные пианисты способны слушать прозу, играя одновременно с листа на фортепиано, а профессиональные машинистки могут печатать на машинке, слушая какой-либо текст или напевая детские песенки по памяти. Он пишет:

Сбор информации не находится всецело под сознательным контролем; если бы это было так, мы оказались бы слишком рассеянными, чтобы выжить. Громкие звуки, ритмически повторяющиеся раздражители, внезапные видимые движения, волевые стимулы — все это примеры сигналов, к восприятию которых мы всегда готовы [с. 112].

Я думаю, правильнее, наверное, было бы сказать, что мы их и воспринимаем во множестве в каждую протекающую секунду, но станут ли они предметом более продолжительного и специального рассмотрения со стороны нашего сознания, зависит от того, привлекли ли они наше внимание за мгновения своего существования.

Автор продолжает:

Само понятие «чего-то одного» далеко не ясно: сколько явлений (или вещей) присутствует в моем сознании, когда я слушаю оркестровую музыку, смотрю балет, веду машину и т. д. [с. 122].

Вот о том-то и речь. «Вещей» этих бесчисленное множество. И воспринимаются они нами ничтожное время, а потом бесследно исчезают навсегда. И в своем абсолютном большинстве никогда больше не становятся предметом наших воспоминаний и объектами нашего сознания. А потому у нас и создается впечатление, что они вроде бы и не существовали вовсе. **Можно предположить наличие в сознании как бы двух, говоря метафорически, плоскостей анализа информации. В одной идет непрерывная регистрация максимально возможного объема сенсорного потока в форме мгновенных образов восприятия и отбор лишь малой части информации из этого потока. В другой — специальное рассмотрение отобранного с повторной актуализацией в сознании как выбранных мгновенных образов, так и чего-то ассоциированного с ними.** Эти плоскости сознательного анализа могут быть как параллельными во времени, то есть существующими одновременно, так и чередующимися во времени благодаря быстрдействию сознания.

Но вернемся к мгновенным образам восприятия. Фиксация некоего «итогового» образа восприятия в памяти зависит, видимо, в том числе от количества повторений сходных мгновенных образов, о чем свидетельствуют опыты. Так, например, эксперименты Б. М. Величковского и К.-Д. Шмидта (Б. М. Величковский, 2006, с. 374) показали, что узнавание предъявлявшихся испытуемым цветных слайдов («с видами городов, настолько похожих семантически, что вербальные описания не позволяли их различать») зависит только от длительности первоначального показа слайда, но, например, не от интервала между разными последовательными слайдами.

Таким образом, чем больше возникших последовательно мгновенных образов восприятия слайда (а их тем больше, чем длительнее период восприятия), тем лучше узнавание слайдов, а соответственно, и их запоминание.

Факт наличия мгновенных образов восприятия может помочь нам объяснить некоторые психические феномены. Так, например, Г. Гельмгольц пишет в своей «Физиологической оптике», что:

...можно просто сознательным и произвольным усилием фокусировать внимание на некоторых выбранных точках в абсолютной темноте и бесструктурном поле. Для развития теории внимания это один из наиболее принципиальных экспериментов, которые могут быть сделаны [цит. по: В. И. Белопольский, 2007, с. 98].

Интроспективные наблюдения в процессе повторения сходного опыта привели меня к выводу, что визуальное внимание (внимание, направленное на зрительное восприятие чего-либо) невозможно «оторвать» от актуального образа восприятия, если оно не переключается на параллельно возникающие образы представления. Тем не менее порой действительно создается впечатление, что внимание на очень непродолжительное время как бы «отрывается» от

взора, фиксированного на какой-то точке. Однако этот «отрыв» сопровождается либо утратой ясности восприятия в точке фиксации взгляда в результате переключения внимания на образы представления, либо, вероятно, все же очень быстрыми движениями глаз в сторону нового, произвольно выбранного центра внимания и формированием мгновенного образа восприятия. Данный феномен требует дополнительного изучения.

Можно продолжить опыт Г. Гельмгольца и, зафиксировав взор, сконцентрировать внимание на восприятии каких-то еле заметных слуховых феноменов. Тогда зрительный образ как бы тускнеет и начинает чередоваться с более яркими слуховыми образами. Возникает эффект, напоминающий «мерцание». Можно предположить, что в ситуациях, требующих диссоциации внимания, при постоянной концентрации внимания на основном объекте оно может, вероятно, переключаться на десятые и сотые доли секунды на другие объекты, что приводит к появлению на фоне последовательностей мгновенных образов восприятия основного объекта мгновенных образов восприятия иных объектов. Данное обстоятельство и может трактоваться исследователями как независимость внимания от положения глаз.

Мгновенный образ восприятия играет важнейшую роль в выживании живого существа, позволяя мгновенно опознавать появившийся в поле зрения объект и реагировать на него рефлекторно. В обобщенном виде можно, по-видимому, констатировать следующее:

- **мгновенный зрительный образ восприятия формируется при кратковременном предъявлении объекта восприятия (времени экспозиции до 40 мс, а реально и еще меньшего вполне достаточно для его возникновения в сознании, а нередко и для его сохранения в памяти); появляется он в течение нескольких миллисекунд после попадания объекта в поле восприятия;**
- **существуя, мгновенные образы осознаются;**
- **мгновенный зрительный образ восприятия сохраняется при исчезновении объекта из поля зрения от нескольких десятков до 250–300 мс в зависимости от многих факторов; мгновенный слуховой образ восприятия при прекращении слухового стимула сохраняется до нескольких секунд (хотя эти данные нуждаются в уточнении);**
- **в случае сохранения объекта в поле восприятия в сознании возникает последовательность сходных мгновенных зрительных образов восприятия этого объекта;**
- **для того чтобы у мгновенного образа восприятия появился шанс быть зафиксированным памятью, он должен привлечь к себе внимание; в этом случае немедленно формируются новые мгновенные образы восприятия того же объекта;**

- **одиночные или повторяющиеся недостаточное количество раз мгновенные образы восприятия в большинстве своем не фиксируются памятью; если мгновенные образы не стали объектом внимания, они не фиксируются памятью и безвозвратно теряются;**
- **фиксация некоего «итогового» образа восприятия в памяти зависит, видимо, в том числе от количества повторений сходных мгновенных образов;**
- **если мгновенный образ или последовательность мгновенных образов становятся объектом внимания, они могут сохраняться в памяти, но, даже став предметом внимательного рассмотрения, мгновенные образы, по-видимому, не обязательно фиксируются памятью;**
- **мгновенные образы не рефлексированы, то есть не рассматриваются специально и не понимаются нами в качестве реальных объектов нашего сознания, даже несмотря на то, что занимают в конечном счете львиную долю его содержания и большую часть времени его работы;**
- **возникновение мгновенного образа нового объекта восприятия «стирает» в сознании предыдущий мгновенный образ, не позволяя ему сохраниться в памяти;**
- **нет никаких других образов восприятия, кроме мгновенных образов и последовательностей сходных мгновенных образов восприятия;**
- **последовательности сходных мгновенных образов восприятия создают то, что, собственно, и принято определять сейчас в психологии словами «образ восприятия».**

Факт наличия мгновенных образов важен не только сам по себе, но и как возможное объяснение многих неясных пока проблем восприятия и функционирования психики вообще.

А. Н. Гусев (2007) вслед за В. Вундтом поднимает вопрос еще об одной проблеме, касающейся восприятия и времени. Он пишет:

Это так называемые пороги нерасчлененной длительности. В классической психологии сознания это время называли временной продолжительностью внимания — то физическое время, в течение которого может быть предъявлено некоторое количество стимулов, которые воспринимаются как некая целостность. Понятно, что порог нерасчлененной длительности зависит от природы стимулов, заполняющих данный отрезок времени, и проблема заключается в самом слове «целостность». Тем не менее для простых тональных и световых стимулов тот интервал, в пределах которого испытуемые воспринимают его как настоящий момент времени, простирается от 2,3 до 12 с (при некоторых условиях даже больше, как полагал Э. Титченер) [с. 248].

Автор рассматривает особенности субъективного восприятия времени и перцептивных феноменов при предъявлении испытуемому сходных стимулов. Но на эту же ситуацию можно взглянуть и в другом ракурсе. Речь здесь может идти, по сути дела, о максимальной длительности промежутка времени, в пределах которого последовательность мгновенных образов восприятия конкретного объекта еще рассматривается человеком как нечто целое, единичное и существующее в настоящий момент, то есть в качестве единичного образа восприятия. Тогда можно уже исследовать два вопроса: *сколько времени продолжается то, что можно субъективно расценивать как единичный образ восприятия объекта? И какое количество мгновенных образов восприятия образует то, что мы привыкли считать единичным образом восприятия?*

Мне представляется, что на второй вопрос можно получить ответ, рассматривая наше восприятие кинофильмов, где на протяжении секунд мы можем видеть, как нам кажется, неизменяющийся образ восприятия неподвижного объекта, а на самом деле успеваем пережить за это время десятки мгновенных образов восприятия.

5.5. Мгновенный образ восприятия и кино

Пожалуй, **особенно наглядное доказательство факта существования мгновенных образов восприятия предоставляет нам кино.** Оно изобретено людьми, а потому его принципы нам хорошо известны, понятны и приоткрывают нам тайные механизмы нашего восприятия.

Известно, что человек способен различать на экране единичные картины при скорости смены кадров менее 24 в секунду. Если мы разделим 1 с на 24 части, то получим время экспонирования одного кадра, равное 41,67 мс, что соответствует экспериментальным данным (см. выше) о средней продолжительности мгновенных образов восприятия (примерно один образ восприятия за 40 мс). Р. Л. Грегори (2002а, с. 482) приводит более точные данные о том, что включение и выключение света частотой до 30 вспышек в секунду (одна в 33 мс) воспринимается нами как мелькание. При большей частоте вспышек свет будет казаться непрерывным. Если свет яркий, критическая частота восприятия отдельных изображений (или мельканий) может достигнуть 50 вспышек в секунду (то есть одна в 20 мс).

В кино отдельные картины проецируются с частотой 24 кадра в секунду, что значительно ниже критической частоты предъявления, необходимой для слияния изображений. Однако каждое изображение показывается трижды в быстрой последовательности, так что, хотя показывается всего 24 кадра

в секунду, частота мельканий составляет 72 вспышки света в секунду (один кадр примерно в 14 мс). Эта величина превышает критическую частоту мельканий для всех, кроме ярких участков изображений, попадающих на периферию сетчатки, поэтому там могут быть видны отдельные мелькания. Кроме того, в кинематографе и в мультипликации чрезвычайно важно, чтобы соседние кадры отличались друг от друга незначительно, иначе нашей зрительной системе не удастся «сливать» их в одно плавное изображение.

На основе сказанного можно предположить, что **мгновенные образы восприятия обычно возникают в нашем сознании с частотой, превышающей 25–30 образов в секунду. Непрерывная смена сходных, но различающихся в деталях мгновенных образов восприятия одного и того же объекта создает эффект его непрерывного изменения или движения.** Разворачивающаяся в нашем сознании последовательность таких слегка отличающихся друг от друга мгновенных образов восприятия объекта расценивается нами как единый образ его движения. Скорость смены мгновенных образов восприятия в сознании при этом не может быть меньше 24 в секунду. В противном случае у нас возникло бы ощущение разорванности движений видимых объектов. В памяти изменения реальности тоже должны быть представлены последовательностями мгновенных образов воспоминания, которые сливаются в сознании в непрерывные образы движений объектов.

Вероятно, **скорость, составляющую несколько десятков образов, возникающих за 1 с, следует рассматривать как разрешающую возможность человеческого восприятия изменений окружающей реальности.** Поэтому если потенциально заметные глазу изменения объекта происходят существенно чаще или, наоборот, реже, чем одно за несколько десятков миллисекунд, то наше сознание просто не в состоянии их репрезентировать как движение. А. Н. Гусев (2007, с. 234) отмечает, что стробоскопический феномен имеет базовый общепсихологический характер. Он выражен также в слухе и осязании.

Б. М. Величковский (2006, с. 180) приводит данные о том, что на основании видеосъемки и компьютерной симуляции походки человека даже уже после 100–500 мс экспозиции испытуемые отчетливо видят движущегося человека, уверенно различая мужчин и женщин. Он отмечает, что для восприятия движения, по-видимому, существенными оказываются события внутри интервала времени порядка 100 мс. Автор (2006, с. 181–182) ссылается на А. Мишотта, который показал, что остановки движущегося предмета не замечаются наблюдателем, если они продолжаются менее 100 мс. Но тут же дополняет, что с увеличением точности измерения этот интервал уменьшился с 100 до 30 мс. Это вполне соотносится с приведенными выше данными о продолжительности мгновенных образов зрительного восприятия, составляющей от 10 до 40 мс.

5.6. Продолжительность образов представления

Выше я упоминал о том, что обратил внимание на экспериментальные исследования восприятия, лишь обнаружив интроспективно очень быстро сменяющиеся в моем сознании образы представления. Следовательно, **интроспекция позволяет обнаружить очень кратковременные образы представления. Хотя надо сразу сказать, что эти образы субъективно все же продолжительнее мгновенных образов восприятия, обнаружить которые интроспективно невозможно.** Поэтому правильнее называть их не мгновенными, а только кратковременными. Тем не менее единичные образы представления по своей продолжительности субъективно существенно меньше секунды.

Интроспекция демонстрирует, что неизменные образы представления присутствуют в сознании очень непродолжительное время и тут же сменяются новыми, хотя и похожими образами, что в конечном счете создает ощущение непрерывного «течения» или изменения образа представляемого объекта. Кратковременные образы представления могут сменять друг друга без всякой очевидной связи между собой по содержанию, а могут появляться в виде устойчивых последовательностей, репрезентируя движение определенного объекта или развитие конкретной ситуации.

Обычно **кратковременные образы представления непрерывно возникают и бесследно исчезают из сознания, не сохраняясь в памяти. Они существуют настолько непродолжительное время, так многочисленны и калейдоскопичны, что мы, как правило, не успеваем зафиксировать внимание на каком-то из них, выделить его и подвергнуть рефлексии.** Да, собственно, и не стремимся делать это, а потому в основном не замечаем и не понимаем самого факта их почти постоянного наличия и смены в сознании. Хотя при произвольном усилии можно достаточно легко обнаружить кратковременные образы представления в процессе интроспекции в виде быстро сменяющихся, а потому чаще неясных, «мельтешащих» образов.

Из-за того что память обычно не способна повторно предъявить кратковременные образы представления сознанию, они для нас остаются как бы и не существовавшими вовсе. Тем не менее эти образы создают особый психический фон, достаточно легко обнаруживаемый интроспективно, на котором возникают отдельные более значимые и даже сохраняющиеся потом в памяти образы представления и вербальные конструкции, которые хочется обозначить термином «мысли в виде образов представления». Память может регистрировать последовательности сходных кратковременных образов представления в форме как бы «итоговых», совокупных за период образов представления.

Образы представления очень лабильны, поэтому даже при специальной целенаправленной попытке зафиксировать в процессе интроспекции определенный образ представления сознание, не будучи в состоянии повторно

воспроизвести только что исчезнувший образ, регистрирует не данный конкретный образ, а лишь сам факт появления и немедленной замены этого образа следующим, сходным с ним. То есть удается лишь воссоздать похожий образ и как-то зафиксировать эту его похожесть на исчезнувший образ. Впрочем, то же самое возникает и при попытке вновь воспроизвести любой образ воспоминания, что лишний раз подтверждает утверждение У. Джеймса (2000; 2003), что ни один образ никогда не повторяется в сознании дважды.

Для того чтобы обнаружить кратковременные образы представления-воспоминания, достаточно представить себе, например, белый экран кинотеатра, а на нем черно-белое изображение, возникавшее при обрыве пленки во время просмотра старого (еще пленочного) кинофильма. В результате у меня, например, картины в виде черных крестов, перечеркнутых кругов и тому подобного начинают быстро сменять друг друга. Можно также закрыть глаза и представить себе какой-то знакомый объект, например лицо близкого человека. При этом в сознании тоже появляются быстро сменяющиеся друг друга образы воспоминания и представления. Они очень разнообразны и варьируются от совокупностей неясных пятен и посторонних объектов до более или менее четких образов знакомого лица.

Часто образы репрезентируют просто совокупности каких-то черных или темно-серых линий и незавершенных фигур на сером фоне, которые вроде бы что-то изображают, но не очень ясно, что именно. Они так быстро сменяют друг друга в сознании, что по большей части не удается их зафиксировать и осмыслить. Тем не менее все они осознаются как явления сознания, но в силу кратковременности своего существования и их калейдоскопичности большинство из них малопонятны или вовсе непонятны. Почти так же, как не очень понятны картины, проносящиеся за окном набирающего скорость поезда при фиксации взгляда на неподвижной оконной раме поезда. Они составлены из множества фрагментов каких-то знакомых предметов, но за краткий миг их существования в сознании не удается понять, что это за предметы. В лучшем случае остается лишь ощущение их знакомости.

Даже кратковременные образы представления, появляясь в сознании, всегда осознаются, но понимаются нами лишь при специальной концентрации на них внимания. Например, я закрываю глаза и передо мной быстро движется черная строка на белом фоне. Я, безусловно, осознаю этот образ, то есть регистрирую факт наличия его в сознании, но не понимаю его. Слишком быстро бегут буквы, и я не успеваю их прочитать. Затем они вдруг сливаются и сменяются другим образом — силуэтом лежащего быка, который немедленно трансформируется в новую фигуру.

Смутные кратковременные образы представления рожают столь же неясные ассоциации. Так, например, какая-то незавершенная фигура, то есть часть непонятной черной фигуры на белом фоне, похожая на небрежно нари-

сованный рукой ребенка контур куклы, попадая в поле моего внимания, вдруг актуализирует в моем сознании непонятные ассоциации: вербальную мысль «это знак, как-то связанный с N» и неприятное чувство тревоги, что в совокупности рождает следующую мысль — «это знак, неблагоприятный для N». В следующем возникшем и немедленно исчезнувшем образе воспоминания удается узнать конкретного человека. Неясно, что именно в образе позволяет сказать себе: «Это именно он» — и как мне удастся узнать среди множества других мимолетных образов именно этот образ.

Что я успеваю понять в кратковременном визуальном образе представления, если моему вниманию удастся ухватить его на короткое время?

Если это не образ знакомого объекта, то обычно — ничего, кроме самого факта его наличия. Но нередко внимание выхватывает конкретный образ. Это выражается в том, что данный образ, точнее, его содержание становится точкой притяжения для немедленно возникающих в сознании ассоциаций. Содержание образа превращается в «тему», задающую поток новых ассоциаций, которые как бы «рассматривают», «трактуют» так или иначе данную «тему». Это «рассмотрение» образа приводит в том числе к появлению новых сходных образов воспоминания-представления и вербальных конструкций — мыслей, оценивающих, квалифицирующих, объясняющих и описывающих рассматриваемый образ.

Вероятно, именно из-за кратковременности существования каждого единичного образа представления и воспоминания, их непрерывной смены, фрагментарности, частой непонятности, чередования невербальных и вербальных образов и так далее исследователи нередко и не могут сказать, что представляют собой их мысли: вербальные идеи, чувственные образы или что-то еще.

Характерными признаками сенсорных репрезентаций как образов восприятия, так и образов представления-воспоминания является их возникновение в виде последовательностей мгновенных образов.

5.7. Мгновенные образы и «подпороговое восприятие»

Мгновенный образ восприятия и даже кратковременный образ воспоминания-представления, а тем более несколько сходных последовательно возникших мгновенных образов могут вызывать не только двигательный рефлекторный ответ, но и отчетливый физиологический ответ организма: изменение кожно-гальванической реакции, частоты сердечных сокращений, другие вегетативные реакции. При этом совершенно не обязательно, чтобы мгновенные образы восприятия, вызвавшие вегетативные реакции, в последующем сохранялись в памяти. Иными словами, возникнув в сознании на десятки миллисекунд и даже вызвав физиологический ответ организма, они могут бесследно исчезнуть из сознания, не зафиксировавшись в памяти. Соответственно, и сам

факт их появления в сознании часто не остается в памяти субъекта в качестве имевшего место психического события.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что многие исследователи рассматривают как «бессознательное», или «подпороговое»¹, восприятие. Хотя логичнее было бы предположить, что в большинстве подобных случаев в сознании появлялись вполне осознанные, но очень кратковременные образы восприятия, не оставившие после себя отчетливого следа в памяти, а потому как бы и не существовавшие вовсе. В этой связи есть, по-видимому, необходимость ввести еще один параметр — пороговое количество сходных мгновенных образов, после превышения которого мгновенные образы восприятия фиксируются памятью и могут быть воспроизведены в последующем, что позволяет испытуемому вновь возвращаться к ним в будущем и утверждать, что он воспринял объект.

Многие авторы отождествляют «подпороговое» восприятие с «неосознаваемым». Так, В. М. Аллахвердов (2000) приводит, например, в качестве одного из доказательств наличия такого восприятия экспериментальные данные Д. Викенса:

...испытуемые оценивали сходство двух последовательно предъявляемых слов: например, надо было установить, рифмуются ли слова (рыба — глыба), принадлежат ли они к общей категории (стол — шкаф), вызывают ли одинаково окрашенные эмоции (дворец — красота) и т. д. Первое слово «тахистоскопически» предъявлялось на 50, 60, 70, 80 мс и сразу же после экспозиции маскировалось. Маска (то есть хаотическое изображение, стирающее все, что сохранялось на сетчатке глаза) удерживалась 1,5 с, после чего в течение 5 с экспонировалось второе слово. Затем испытуемый должен был высказать свое суждение. Даже при длительности экспозиции первого слова в 50 мс некоторые высказывания испытуемых о принадлежности к общей категории, о синонимичности и т. д. пары слов оказались правильными, причем даже в том случае, когда само первое слово испытуемому не удавалось воспроизвести, то есть он его не осознавал (точнее, не мог вспомнить. — С. II).

А. Марсел показал также, что слово, предъявленное всего лишь на 10 мс, которое, разумеется, не осознается (не вспоминается потом. — С. II), влияет на последующие процессы переработки словесной информации... [с. 273–274].

Данная цитата доказывает не то, что якобы существует «неосознаваемое», или «подпороговое», восприятие, а то, что в нашем сознании существуют мгновенные образы восприятия и их последовательности, которые осознаются в момент своего существования, но не воспроизводятся впоследствии,

¹ *Подпороговый*... Этот термин фактически относится не к восприятию в обычном смысле этого термина, а к воздействию подпорогового стимула на поведение индивида. ...Если здесь и имеются реальные воздействия... то они невелики и нет никаких свидетельств того, что они могут использоваться для изменения отношений или эмоций. ...Лучший обзор исследований подпороговой рекламы... был сделан американским психологом Дж. В. Макконнелом: «Все рассматриваемые вещи, секретные попытки манипулировать сознанием людей дают настолько же подпороговые результаты, насколько подпороговые стимулы используются» [цит. по: А. Ребер, 2001, с. 151]. По образному замечанию А. Ребера (2001), термин «подпороговое восприятие» — это нечто «любопытное, так как “подпороговый” означает “ниже порога восприятия”» [с. 151].

так как не были зафиксированы памятью испытуемого. В то же время образы воспринятых слов актуализировали, по-видимому, в сознании испытуемых свои значения (к этому мы еще вернемся ниже), сохранившиеся даже после стирания из памяти самих зрительных образов воспринятых слов, что повлияло «на последующие процессы переработки словесной информации».

К сегодняшнему дню накопилось огромное количество литературы, посвященной вопросам «подпорогового», «неосознаваемого», «субсенсорного» и тому подобного восприятия (см. например: Р. Merikle, М. Dantman, 1998; И. Смирнов, Е. Безносюк, А. Журавлев, 1996; Э. Р. Пратканис, 2003; Э. А. Ко-стандов, 2004 и др.). Мне представляется, что большинство рассматриваемых в этой связи экспериментов ничего не доказывают, так как они содержат серьезные методологические изъяны. Невозможно доказать, что так называемый «подпороговый» сигнал является невоспринимаемым. Представляется более очевидным, что на протяжении периода предъявления объекта у испытуемого возникает несколько мгновенных образов его восприятия, которые и определяют результаты опыта, хотя вследствие быстрого исчезновения их из памяти испытуемые отрицают факт восприятия или не могут воспроизвести воспринятое. Проблема методологически сложна и требует дополнительных исследований.

«Подпороговое» восприятие включает в себя так называемые «подпороговые ощущения», или «предощущения»¹. Обсуждая последние, в большинстве случаев следует говорить о реакциях организма не на «подпороговые» ощущения, которых не может быть в принципе, так как это что-то вроде «сухого дождя», а о физиологических реакциях на субсенсорные (неощущаемые) стимулы, то есть здесь следует обсуждать физиологические процессы и осознанные, но быстро забытые ощущения. Необходимо также отдавать себе отчет в том, что проблема реакций человека на «подпороговые» воздействия чрезвычайно многогранна. Здесь нет четкой границы между черным и белым, например между ощущаемыми и неощущаемыми воздействиями. Существует множество переходных и смешанных состояний, а также неясных феноменов и еще больше сомнительных предположений исследователей. А. Н. Гусев (2007) приводит несколько аспектов этой проблемы, рассматриваемых в книге Н. Диксона и влияющих, по его мнению, на результаты экспериментов:

Испытуемый реагирует на стимул, сила и длительность которого ниже порога его восприятия, определенного ранее.

Испытуемый чувствует стимульное воздействие, но не имеет никакого понятия о характере этого воздействия.

¹ *Предощущения...* процессы и состояния в сенсорной системе, которые вызываются внешней стимуляцией, регистрируются физиологическими методами и не вызывают у наблюдателя сознательных ощущений. ...Пороговые звуковые, тактильные, запаховые, световые раздражители и др., не отражаясь в (сознательных) ощущениях, могут тем не менее вызывать условные кожно-гальванические реакции, электрические ответы коры мозга и т. п. [Большой психологический словарь, 2004, с. 406].

Может быть зарегистрирована реакция на стимул, о котором испытуемый ничего не знает.

У испытуемого имеется некое представление о стимуле, но отрицается какая-либо реакция на него.

Испытуемый знает о стимуле и о своей реакции на него, но не понимает или отрицает связь между ними.

А. Н. Гусев (2007) продолжает:

Среди исследователей восприятия до сих пор нет однозначного мнения о степени и характере воздействия подпороговых стимулов на человека... [с. 115–116].

Следовательно, играют определенное значение спонтанные изменения порогов чувствительности испытуемого, степень его информированности и наличие у него установок, возможность физиологического ответа организма на стимул без участия психики, качество рефлексии испытуемых и даже их интеллектуальная состоятельность. К сказанному можно было бы добавить и другие аспекты проблемы: методологические ошибки в постановке экспериментов, ошибки в трактовке их результатов, невоспроизводимость полученных в экспериментах результатов и др.

Подводя итог, можно сказать, что **не бывает подсознательных образов и ощущений, так как они всегда осознанны. Без образов и ощущений не может быть восприятия. Следовательно, нет никакого «подсознательного», «подпорогового» или «субсенсорного» восприятия.** В эту группу ошибочно относят либо наблюдения, когда у испытуемых не зафиксировались в памяти мгновенные образы восприятия и ощущения, либо результаты, обусловленные методологическими ошибками в проведении экспериментов и трактовке их результатов.

5.8. Образ как гештальт

В гештальтпсихологии тоже, по сути дела, постулируется, что психические образы — это сконструированные психикой целостности, или гештальты, не являющиеся просто суммой своих более элементарных частей. Наиболее типичный пример — слуховой образ слова, который не является просто суммой составляющих его звуков. В 1890 г. Х. фон Эренфельс (цит. по: Е. Е. Соколова, 2005) продемонстрировал идею гештальта на примере музыкальной мелодии, исполняемой в разных тональностях. Знакомая мелодия узнается человеком как та же самая, несмотря на полное несходство составляющих ее тонов. Ч. Осгуд (2002в) пишет:

Перцептивные формы как интегрированные целые допускают перенос, несмотря на значительные изменения в сенсорных элементах, их составляющих. Известной иллюстрацией тому является мелодическая тема. Временная последовательность

тонов, которая неизменно узнается нами как «Милая Аделина», может переходить от струнных к духовым или голосу, из одного ключа в другой и т. п.: даже измененная по ритму, она еще сохраняет свой «целостный характер» [с. 327].

Е. Е. Соколова (2005) подчеркивает важное свойство образа-гештальта:

...целое дано в восприятии испытуемого раньше, чем какая-либо его часть [с. 141].

Многokrатно описанная в литературе в качестве типичного примера образа-гештальта последовательность музыкальных тонов, или мелодия, не является в строгом смысле образом. Слишком уж явно сама мелодия выходит за пределы того, что можно было бы считать единичным физическим объектом, поэтому нельзя говорить и об образе ее восприятия. Как я уже говорил выше, мелодия — это жестко структурированная последовательность образов более простых объектов — отдельных звуков, которые тем не менее формируют в сознании человека особую целостность — гештальт. С большим основанием о слуховом образе восприятия можно говорить применительно к короткому слову, например к слову «я». Хотя абсолютное большинство звучащих слов так же, как и мелодии, представляют собой устойчивые последовательности разных звуков, а «образ восприятия слова» тоже является целостной сложной психической конструкцией, состоящей из строго определенной последовательности более простых образов — образов фонем.

О том, что зрительный образ — это тоже особый гештальт, свидетельствует факт, на который обратил внимание еще К. Коффка (2002): фигура и фон образуют вместе единую структуру, поэтому первая никак не может существовать отдельно и независимо от второго. Соответственно и воспринимается фигура по-разному в зависимости от фона. Например, серый овал (рис. 7) выглядит более светлым на черном фоне, чем на белом.

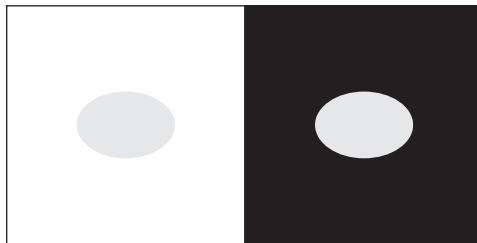

Рис. 7. Серый овал на черном и на белом фоне

При восприятии букв алфавита Л. Брайля для слепых, где каждая буква кодируется несколькими выпуклыми точками, возникают тактильные гештальты (В. В. Нуркова, 2006, с. 149).

Ч. Осгуд (2002в, с. 327) верно замечает, что целостный характер гештальта теряется, когда мелодия проигрывается в обратном направлении, и этому факту теоретики гештальта не уделили должного внимания. Вместе с тем квадрат или круг сохраняют свой «целостный характер», несмотря на любые изменения в их величине, цвете, точке зрения и т. д. Автор полагает, что этот феномен связан как с константностью восприятия, так и с образованием понятий. Мне представляется, однако, что данное обстоятельство связано лишь с феноменологическими различиями между визуальными и слуховыми образами, а именно с тем, что уже сам единичный **визуальный мгновенный образ квадрата или треугольника возникает как «коротко живущий» гештальт**, хотя и существует в сознании в течение всего лишь нескольких десятков миллисекунд.

Слуховой же образ слова или тем более мелодии формируется как феноменологически совершенно иной «длительно живущий» гештальт, состоящий уже из целой последовательности мгновенных слуховых образов восприятия тонов мелодии или фонем слова, которые в строго определенном порядке возникают в сознании на протяжении всего времени восприятия мелодии или слова (от одной до нескольких десятков секунд и даже больше). Следовательно, **слуховые «образы» слова или мелодии — гештальты сформированы как специфические последовательности строго определенных мгновенных слуховых образов, поэтому-то изменение порядка мгновенных образов в них и приводит немедленно к разрушению соответствующего гештальта.**

К. Дункер (1981) касается интересного вопроса — сходства гештальтов, представленных в нашем сознании:

...«сходство» не обусловлено идентичными элементами; там, где имеется идентичность элементов, мы встречаемся со «сходством» совершенно иного типа, которое даже не следовало бы называть тем же словом. Если бы сходство было обусловлено идентичными элементами, то это означало бы, что чем больше два объекта или процесса имеют общих элементов, тем более они должны быть сходными. Однако это неверно. Представьте себе мелодию, сыгранную в двух различных ключах; здесь нет ни одного общего элемента, и тем не менее какое сходство: мы замечаем, что это одна и та же мелодия; сходство это настолько велико, что мелодия, заученная в одном ключе, может быть легко воспроизведена в другом. С другой стороны, можно оставить все элементы идентичными, изменив только один или два из них, и мелодия будет полностью разрушена. То же самое можно заметить и в любом виде нашего поведения или приобретенного опыта. Сейчас нам нужно внести различие между *гештальтом* и *суммой*. Если сходство двух явлений (или физиологических процессов) обусловлено числом идентичных элементов и пропорционально ему, то мы имеем дело с *суммами*. Если корреляция между числом идентичных элементов и степенью сходства отсутствует, а сходство обусловлено функциональными структурами двух целостных явлений как таковых, то мы имеем *гештальт* [с. 39].

Таким образом, сходство гешталтов заключается не в идентичности входящих в них элементов, а в сходстве структуры последовательностей соотносимых элементов, составляющих сравниваемые психические гешталты.

Своеобразный гештальт в виде разворачивающейся во времени строгой последовательности из многих мгновенных зрительных образов восприятия мы имеем, когда сталкиваемся с восприятием движения объекта. Возникающий в этом случае сложный визуальный образ-гештальт движения состоит из строго определенной последовательности мгновенных зрительных образов восприятия конкретных незначительных и всегда повторяющихся в сходном виде изменений объекта. Если переставить эти мгновенные образы (например, поменяв местами кадры на киноплёнке, регистрирующей движение объекта), то исчезнет гештальт конкретного движения и возникнет восприятие хаотичного изменения объекта. Образ-гештальт воспринимаемого звучащего слова также исчезнет, если поменять местами его слоги.

Многократное повторение и восприятие сходных ситуаций и событий в окружающем мире приводит к запоминанию образов-гешталтов движения и к тому, что в сознании человека может актуализироваться весь сложный образ-гештальт в результате восприятия лишь каких-то его частей. Увидев, например, падающую чашку, мы легко можем представить себе ее разлетающиеся осколки. Вероятно, способность сознания оперировать «сложными» образами-гешталтами связана с тем, что многие из них оно способно удерживать в памяти целиком.

Еще В. Вундт (2007) давал испытуемым прослушивать ряды звуков, состоящие из одного, двух, трех, четырех и так далее тактов. Такты могли быть различной степени сложности: двухдольные (тик-так), трехдольные (ритм вальса — раз-два-три) и т. д. Испытуемым не разрешали считать количество тактов. Вслед за первым рядом сразу же предъявлялся второй. Испытуемый должен был ответить, возникает ли у него ощущение равенства рядов или нет. Ему приходилось сравнивать удерживаемый в памяти ряд звуков с непосредственно воспринятым. Испытуемые давали верные ответы для восьми двухдольных, шести трехдольных и пяти четырехдольных тактов (16, 18, 20 ударов соответственно).

Следовательно, человек способен одновременно удерживать в сознании слуховые образы 16–20 последовательных ударов метронома, сгруппированных в слуховой образ-гештальт. Вероятно, именно это позволяет нам формировать целостные чувственные репрезентации сущностей, отсутствующих в физической реальности в каждый данный момент, то есть развернутых во времени (слов, мелодий и т. п.), а также чувственно репрезентировать само время и изменения объектов во времени, то есть их движения.

Тезисы для обсуждения

1. Любое психическое явление, в том числе образ восприятия, разворачивается во времени. Рассматривая психический образ, необходимо поэтому учитывать такой его параметр, как время существования. В противном случае понятие *образ восприятия* теряет свою определенность. Образы восприятия могут возникать, распознаваться сознанием и исчезать за очень непродолжительное время — десятки миллисекунд.
2. Большинство психических сущностей (явлений, процессов, состояний и т. д.) можно обнаружить, только рассматривая их на протяжении относительно продолжительного периода времени. Изначально они и были конституированы исследователями, анализирувавшими именно развернутую во времени психику — «поток сознания». Психика конкретного человека существует лишь в своем кратком психическом субъективном настоящем времени. Поэтому многие психические сущности в принципе не могут «поместиться» не только в настоящем мгновении¹ психики, но даже в ее субъективном настоящем, так как само их наличие возможно только в динамике времени. Тем не менее есть психические сущности, для пребывания которых в психике достаточно ее субъективного настоящего мгновения.
3. Можно метафорически говорить о двух видах «срезов психики» — поперечном (мгновенном) и продольном (за период времени). Соответственно и о двух видах психических сущностей — доступных интроспекции в реальной психике в ее субъективном кратком настоящем времени и ретроспективно конституируемых сознанием исследователей в виде феноменов, постепенно разворачивающихся в «текущем» во времени «потоке» психических явлений.
4. Мгновенный зрительный образ восприятия — это сенсорный феномен, присутствующий в сознании минимальное время, однако позволяющий фиксировать факт наличия внешнего объекта. Он формируется в течение нескольких миллисекунд после попадания элемента «реальности в себе» в поле восприятия. Для его появления в сознании, понимания и оценки, а нередко и для сохранения его в памяти обычно достаточно 40 мс (для некоторых объектов — гораздо меньшего времени — 10–15 мс).
5. Я постулирую существование мгновенных образов восприятия по аналогии с кратковременными образами воспоминания и представления, обнаруженными в процессе собственной интроспекции. С помощью «объективного» эксперимента нет возможности доказать наличие мгно-

¹ Условно принятый мной интервал времени, составляющий от нескольких миллисекунд до нескольких десятков миллисекунд.

венных образов, как и вообще психических образов, вследствие их субъективности. Однако сам факт достаточности 40-миллисекундного предъявления объекта для его восприятия с возможностью предоставления впоследствии испытуемым отчета о нем свидетельствует о принципиальной допустимости существования мгновенных образов восприятия.

6. Объективным доказательством наличия мгновенных образов восприятия является кино, в котором человек воспринимает проецируемые на экран кадры фотопленки с частотой 25 и более в секунду. Кино изобретено людьми, а потому его механизм хорошо известен и понятен. При просмотре фильма психика формирует мгновенные образы восприятия с частотой, которая превышает 25–30 образов в секунду.
7. Если мгновенный образ или последовательность мгновенных образов становятся объектом внимания, они могут сохраняться в памяти, но, даже став предметом внимательного рассмотрения, не обязательно фиксируются памятью. Мгновенный образ восприятия может быть сохранен в памяти с возможностью повторного его извлечения либо немедленно забыт, что создает у исследователей ошибочные предположения о «подпороговом» восприятии объекта.
8. Мгновенный зрительный образ восприятия всегда осознан, хотя и не всегда полностью понятен. Он сохраняется в сознании после исчезновения из поля зрения фрагмента «реальности в себе» на время от нескольких десятков до нескольких сотен миллисекунд в зависимости от разных факторов. Возникновение нового отличающегося мгновенного образа восприятия в зависимости от условий восприятия обычно «стирает» из сознания предыдущий мгновенный образ, часто не позволяя ему и сохраниться в памяти. Это, однако, не исключает возможности одновременного существования в сознании нескольких мгновенных образов.
9. В случае продолжения восприятия в сознании возникает последовательность сходных мгновенных зрительных образов восприятия объекта. Последовательности сходных мгновенных образов восприятия создают то, что в отечественной психологии принято обозначать понятием образ восприятия.
10. Фиксация некоего «итогового» образа восприятия в памяти зависит, видимо, в том числе от количества повторений сходных мгновенных образов. Одиночные или повторяющиеся недостаточное количество раз мгновенные образы восприятия в большинстве своем не фиксируются памятью. Возникнув в сознании на десятки миллисекунд и даже вызвав физиологические ответы организма, мгновенные ментальные образы могут исчезнуть, не сохраняясь в памяти. Соответственно и сам факт

их появления в сознании при этом не сохраняется в памяти в качестве имевшего место психического события.

11. Нет и не может быть никакого «подпорогового» восприятия, так как не бывает «подсознательных» образов и ощущений. Они либо есть и тогда осознаются, либо их просто нет. Все, что исследователи относят к так называемому «субсенсорному» восприятию, — либо физиологические явления, либо не зафиксировавшиеся в памяти испытуемых мгновенные образы восприятия и ощущения, либо ошибочные трактовки результатов эксперимента.
12. Устойчиво повторяющаяся последовательность сходных, различающихся в деталях, однотипно и привычно разворачивающихся мгновенных образов восприятия объекта расценивается сознанием как изменение или движение объекта. Скорость смены мгновенных образов восприятия в сознании при этом не может быть меньше 24 в секунду. В противном случае возникает ощущение хаотичности и разорванности движений объекта. Вероятно, скорость, составляющую несколько десятков мгновенных образа в секунду, следует рассматривать как разрешающие пределы человеческого восприятия изменений окружающей реальности.
13. Большинство возникающих у нас мгновенных образов не актуализируют в сознании никаких адекватных моделей-репрезентаций и даже ассоциаций, в результате чего бесследно исчезают, но из этого не следует, что мы просто не воспринимаем их. Наоборот, мы очень быстро воспринимаем большую часть окружающего и столь же быстро отвергаем как неактуальную информацию, не фиксируя мгновенные образы в памяти.
14. Нет никаких других образов восприятия, кроме мгновенных образов и последовательностей сходных мгновенных образов восприятия.
15. Интроспекция позволяет обнаружить некоторые кратковременные (менее секунды) образы представления и воспоминания, которые субъективно все же продолжительнее мгновенных образов восприятия.
16. Кратковременные образы представления и воспоминания обычно не рефлексированы, то есть не рассматриваются специально и не фиксируются сознанием в качестве его реальных объектов, даже несмотря на то, что наряду с мгновенными образами восприятия занимают в конечном счете основную долю его содержания.
17. Можно предположить наличие в сознании как бы двух плоскостей анализа информации. В одной идет непрерывная регистрация максимально возможного объема сенсорного потока в форме множества мгновенных образов восприятия и отбор лишь малой части информации из этого

потока. В другой — специальное рассмотрение отобранного с повторной актуализацией в сознании как выбранных мгновенных образов, так и ассоциированных с ними иных репрезентаций, сохраненных в памяти.

18. Слуховые образы слов, мелодий и так далее в качестве неких целостных физических сущностей присутствуют только в нашем сознании. Оно выделяет их в потоке прочих слуховых репрезентаций. Правильнее сказать, что, репрезентируя их в качестве осмысленных звуков, оно конституирует, создает эти «физические» объекты.
19. Не только мелодия, но даже звучащее слово требует времени для своего развертывания, а следовательно, не репрезентируется единичным мгновенным слуховым образом. Сознание строит из мгновенных слуховых образов звуков, составляющих звучащее слово или мелодию, уникальные последовательности, или сложные целостные слуховые психические конструкции — гештальты. Они выступают в качестве конструируемой сознанием специфической отдельной физической сущности — звучащего слова или мелодии.
20. Изменение порядка мгновенных образов в слуховом «образе» слова или мелодии, а точнее, в психической конструкции — гештальте немедленно приводит к его разрушению.
21. Развернутую во времени последовательность из многих мгновенных зрительных образов восприятия, возникающую в сознании при восприятии знакомого нам движения объекта, можно назвать образом восприятия движения объекта, который тоже представляет собой вариант гештальта.
22. Сходство гештальтов заключается не в идентичности входящих в них мгновенных образов, а в сходстве структуры последовательностей мгновенных образов, составляющих гештальты.

ГЛАВА 6

Модель-репрезентация

- Влияние опыта на восприятие, «настройки» восприятия.
- Постоянство объекта и изменчивость его образа.
- Исследования, предшествовавшие появлению термина «модель-репрезентация».
- Мономодальный образ и полимодальная модель-репрезентация объекта.
- Об особенностях моделей-репрезентаций.
- Влияние моделей-репрезентаций на восприятие.
- Конкуренция моделей-репрезентаций в процессе восприятия.
- Модели-репрезентации и иллюзии восприятия.
- Модели-репрезентации у людей с восстановленным зрением.

6.1. Влияние опыта на восприятие, «настройки» восприятия

Р. Л. Солсо (1996, с. 38) отмечает, что еще Аристотель «полагал, что разум человека воздействует на восприятие объектов». В классических опытах К. Дункера (K. Duncker, 1939), многократно повторенных впоследствии, было показано, что имеющийся опыт восприятия объекта мощно влияет даже на восприятие цвета. Так, силуэт листа кажется испытуемому более зеленым, чем силуэт ослика, хотя цвет обоих предъявляемых испытуемому силуэтов в действительности одинаков. Следовательно, имеющийся у нас опыт предопределяет цвет воспринимаемого объекта, даже в ущерб «объективной» истине.

Аналогичные явления обнаруживаются и при исследовании слуха. Х. Шиффман (2003, с. 597) обращает, например, внимание на то, что, как правило, в процессе любой беседы собеседники плохо слышат или вообще не слышат отдельные звуки или слова из-за посторонних звуков. Однако в большинстве

случаев этого не замечают, так как слушатель сам «вставляет» недостающие звуки. Восприятие непрерывной речи зависит от предчувствий и ожиданий определенных слов, основанных на когнитивном «каркасе» — общем контексте беседы. Экспериментальные данные (Х. Шиффман, 2003, с. 600) свидетельствуют о том, что заметные нарушения понимания речи возникают, лишь если она не слышна в течение половины всего времени эксперимента (звук включался и выключался девять раз в секунду), но и в этом случае утрачиваются лишь 15 % слов.

Это говорит об участии в восприятии речи образов представления и воспоминания слов, которые хоть и не услышаны, но могли быть услышаны в соответствии с контекстом. То же самое имеет место во время чтения, когда мы «на скорости проскакиваем» слово, понимая его неправильно, и затем вновь к нему возвращаемся, так как оно «выпадает» из общего контекста. Все это позволяет предположить, что привычные понятия и даже целые вербальные конструкции, существующие в сознании человека, позволяют ему «довоспринимать» не совсем ясные слуховые и зрительные вербальные образы восприятия. При этом известные и понятные человеку вербальные конструкции могут ошибочно подменять то, что им «недовоспринято». Так, например, артист З. Гердт (2001) рассказывает в своей книге:

Когда я был маленький, и «Интернационал» пели все, и все слова знали все, и горели взоры, и до мировой справедливости было рукой подать, а слово «воспрянет» было мне недоступно, я искренне, с чувством скорой всеобщей правды и добра, пел: «С Интернациона-а-а-алом возпряников в рот людской». И я видел этот рот, этот воз и, кажется, даже добродушное лицо возницы [с. 190–191].

Элизабет Лофтус (E. Loftus, 1975; E. Loftus & N. Hoffman, 1989 и др.) установила, что наша память представляет собой не точное воспроизведение имевших место в прошлом событий, а, скорее, приблизительную реконструкцию этих событий, на которую оказывает влияние множество факторов. Р. Л. Солсо (1996) цитирует Д. Нормана и Д. Румельхарта:

Репрезентация информации в памяти не является точным воспроизведением реальной жизни; на самом деле это сочетание информации, умозаключений и реконструкций на основе знаний ... о мире вообще. ...Сенсорные стимулы могут при хранении подвергаться (и часто это так и есть) абстрагированию и модификации, являющимся функцией богато и сложно переплетенного знания, структурированного ранее [с. 43].

Если отбросить аморфный и непонятный термин «сенсорные стимулы», которые якобы «могут храниться» и т. д., то, безусловно, можно согласиться с трансформацией сенсорных образов в результате взаимодействия со «структурированным ранее знанием», существующим в виде других сенсорных же образов.

Автор продолжает:

Наши внутренние репрезентации перцептов могут исказить реальность [с. 44].

Возникает вопрос: *каковы механизмы этого искажающего результаты восприятия влияния?*

У. Найссер (1981, с. 41) ссылается на Элеонору Гибсон, которая полагает, что различие между тренированным и нетренированным наблюдателями состоит не в том, что тренированные добавляют нечто к стимулу, а в том, что тренированный наблюдатель способен извлекать больше информации из стимула. Он обнаруживает «признаки и структуры высших порядков», к которым невосприимчив «наивный» наблюдатель. Так, новорожденный не способен извлечь и использовать информацию, которую старшие дети и взрослые усваивают без всяких усилий. Мне лично представляется, что это происходит только потому, что у новорожденного нет пока соответствующих даже сенсорных репрезентаций (не говоря уже о вербальных), способных участвовать в процессе восприятия, которыми уже обладают более старшие дети и тем более взрослые.

У. Найссер (1981, с. 190) отмечает, что опыт шахматиста-мастера способствует образованию у него огромного множества схем позиций шахматных фигур. Его «словарь схемных позиций» может быть равен словарю слов родного языка. Автор пишет, что:

...информация, определяющая правильный ход, содержится в свете, воспринимаемом как младенцем, так и мастером, но лишь последний готов к тому, чтобы ее собрать [с. 191].

Следовательно, наличие в сознании человека «схем» в виде, например, последовательно изменяющихся образов воспоминания позиций фигур на доске, возникших благодаря опыту решения аналогичных проблем в сходных ситуациях, существенно влияет на восприятие. Однако «информация, определяющая правильный ход», не «содержится в свете», как полагает автор. Окружающая реальность лишь структурирует свет, точнее, электромагнитные волны. Информация же в виде психических феноменов содержится только в сознании шахматиста-мастера. Она представляет собой его образы воспоминания аналогичных игровых ситуаций и образы представления, предвосхищающие дальнейшее развитие шахматной партии. Такие образы, естественно, не содержатся в сознании новичка, просто не имеющего подобного опыта.

Что видят, глядя на шахматную доску (правильнее сказать, не столько видят, сколько представляют), мастер-шахматист и новичок, который только учится играть в шахматы?

Первый представляет интенсивную активность фигур, действующих по строго определенным правилам, и варианты развития позиции в самых раз-

ных направлениях. Тогда как второй видит только фигуры, стоящие на раскрашенной доске, и представляет лишь несколько наиболее очевидных ходов, которые он знает.

Д. Бом (2002, с. 212–216) пишет, что мы воспринимаем не то, что находится перед нашими глазами. Мы воспринимаем все «в организованной и оструктуренной форме». Общие черты нашей способности схватывать структуру окружающего нас мира опираются на то, что мы познали еще в раннем детстве.

Следовательно, ребенок исследует свое окружение и постоянно создает новые репрезентации мира, которые лучше всего объясняют его опыт. В результате он «настраивается» на свое окружение. Все, что оказывается ложным, постоянно отбрасывается, и выдвигаются новые репрезентирующие мир психические конструкции для их использования на практике. Ребенок создает свое внутреннее «видение» — представление мира, основываясь на своих движениях и восприятиях.

Формирование нашим мозгом психических конструкций — того, что Д. Бом (там же) называет конкретной структурной «настройкой», — необходимое условие восприятия поддающихся узнаванию аспектов мира. Лишь благодаря такой «настройке» мы способны видеть более или менее организованные в пространстве системы вещей, связанных друг с другом и изменяющихся во времени. Возникшие в детстве структурные элементы «настройки» нашего сознания могут распадаться, когда меняется привычное окружение. Например, при долгой изоляции или при восприятии окружения, лишённого видимой структуры.

Д. Бом (2002, с. 213) ссылается на опыты Хелда и сотрудников, которые помещали испытуемых в воду при температуре комфорта, причем испытуемые ничего не видели, не слышали и не могли получить с помощью рук осязательные ощущения. После периода изоляции у испытуемых менялось восприятие окружающего мира. Они иначе воспринимали цвет, форму и т. д. Однако постепенно нормальное восприятие у них восстанавливалось.

Что значит: мы воспринимаем все «в организованной и оструктуренной форме» (Д. Бом, 2002, с. 212–216)? Почему мы так воспринимаем? Что это за «структуры» или «настройки», которые могут распадаться, когда человек попадает в окружение, обладающее иной структурой?

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), ссылаясь на исследования (Ittelson, Kilpatrick), отмечают, что:

...мы видим не предмет, не явление, а свой прогноз, свою собственную, лично обусловленную конструкцию, позволяющую предвзятать наши замыслы в действия. Поэтому, когда такого опыта нет, процесс познания затрудняется. ...Мы воспринимаем мир, исходя из своих желаний, потребностей, целей [с. 16].

Несмотря на единодушное признание разными исследователями существования какого-то субъективного компонента, принимающего участие в восприятии, ни одна из теорий не может объяснить суть этого феномена. Авторы продолжают:

Концепции опознания, основанного на сравнении с чем-либо (паттерн, эталон, прототип), не могут объяснить, как же происходит опознание незнакомых объектов, которое тем не менее происходит. ...Не менее важной задачей для оживления представляется не только распознавание объекта, но и регистрация его отсутствия. Однако ни одна из имеющихся концепций не поясняет, как организм это осуществляет [с. 17–18].

Возникает вопрос: *с чем происходит сравнение, что представляют собой феноменологически эти «эталоны», «паттерны», «прототипы»?*

Р. Л. Солсо (1996, с. 85), например, считает «эталон» «некоторой внутренней структурой, которая при ее сопоставлении с сенсорными стимулами позволяет опознать объект». Он полагает, что в процессе приобретения жизненного опыта у нас образуется огромное количество «эталонов», каждый из которых «связан с некоторым значением». Автор ссылается на результаты экспериментов (D. Hubel & T. Wesel), позволивших установить в опытах на кошках и обезьянах, что для каждого специфического визуального стимула (край, полоса или отрезок) и каждой особенности стимула существует определенный набор нейронов мозга, которые на них реагируют. Например, изменение расположения стимула вызывает ответную реакцию новой группы клеток. Р. Л. Солсо высказывает предположение, что в долговременной памяти могут храниться:

...не конкретные эталоны и тем более не детальные признаки многочисленных паттернов, которые нам приходится опознавать, а своеобразная абстракция паттернов, которая и служит в качестве прототипа. Паттерн сопоставляется с прототипом, и при наличии сходства происходит его опознание. ...Свидетельства в пользу прототипного сравнения — повсюду вокруг нас, и интуитивно эта гипотеза выглядит весьма достоверной. Мы узнаем машину марки «Фольксваген», даже если у нее другие цвет и форма или она облеплена всякими безделушками, которые никак не сходятся с идеализированной моделью в нашей голове. В этом смысле прототип — это не только абстракция из набора стимулов, но и «краткий конспект», наилучшая репрезентация данного паттерна. ...Предполагается, что прототип — это абстракция набора стимулов, воплощающая множество сходных форм одного и того же паттерна. Прототип позволяет нам распознавать образ, даже если он не идентичен прототипу, а только похож на него [с. 89–93].

«Эталоны» и «прототипы» видятся автору не в форме психических образов или психических конструкций, а в когнитивистском ключе — как «абстракции паттернов», «абстракции набора стимулов». Непонятно, что это такое феноме-

нологически, но нам здесь важно лишь то, что наличие каких-то структур — «настроек», «эталонов» и «прототипов» — не вызывает у исследователей никаких возражений и сомнений.

Г. Гельмгольц (2002) указывает на явно избыточный характер информации, поступающей к наблюдателю, которая тем не менее не мешает ему эффективно воспринимать мир. Р. Л. Грегори (2003) замечает в то же время, что:

...восприятие — удивительно эффективный процесс использования явно недостаточной и потому неоднозначной информации для выбора одной из хранящихся в памяти гипотез о сиюминутном состоянии внешнего мира. Гипотезы строятся для ответа на вопросы о том, что представляют собой объекты, какова их величина и какое положение в пространстве они занимают. ...Опознавание объектов упрощено благодаря тому, что большинство знакомых предметов содержит избыточную информацию. У лица два глаза — но довольно увидеть один из них. А раз виден один глаз, значит, возле него должен быть и нос. Если видна голова, значит, рядом — туловище, руки, ноги. Например, кинокадры, показываемые крупным планом, были бы совершенно лишены смысла, если бы не наша способность «присочинять» факты, связывая их с видимыми частями знакомых объектов [с. 103].

Получается, что, с одной стороны, воспринимаемая реальность обычно предоставляет наблюдателю слишком много информации о мире вообще. С другой стороны, у наблюдателя часто недостаточно информации, необходимой для построения образа восприятия именно этого объекта. Но, несмотря на это, ему обычно удается создать образ восприятия объекта. Сказанное еще раз подтверждает наличие в воспринимающем сознании неких дополнительных по отношению к собственно перцептивному образу феноменов, в том числе благодаря которым и становится возможным эффективное восприятие объекта при недостатке актуальной информации о нем на фоне избытка прочей, мешающей информации. *Что собой представляют эти феномены, активно участвующие в восприятии?*

Д. Майерс (2001) считает, что:

...мы воспринимаем мир не таким, каков он есть на самом деле, а таким, каким нам кажется [с. 265].

Однако не поясняет, почему это происходит.

А. Н. Гусев (2007) говорит о подчеркивании разными психологами двуплановости образов восприятия:

...Э. Титченер выделял в образе его чувственную основу и воспринимаемый смысл, Г. Гельмгольц — первичные образы и образы восприятия, Дж. Гибсон — видимое поле и видимый мир, А. Н. Леонтьев — чувственную ткань и предметное содержание [с. 286].

О том же пишет В. Ф. Петренко (2005):

В идеях Канта (1994) об априорных категориях сознания, в понятиях В. Вундта об «апшерцепции», в идущем от Шпенглера (1993) понятии картины мира, присущей каждой культуре (Гуревич, 1974, 1989, 1993), в представлениях Выготского (1934), А. Н. Леонтьева (1976, 1979) об опосредованности восприятия системами знаний и понятии «образ мира» (Смирнов, 1985; Петухов, 1984; Стоценко, 1987), в представлениях о категориальных структурах сознания в психосемантике (Осгуд, 1957, Келли, 1971; Петренко, 1975, 1983, 1988; Шмелев, 1983) — во всех этих понятиях заложена идея опосредования, преломления наличного восприятия через некие структуры знаний, идея наложения на настоящее следов прошлого, обобщенного и упорядоченного. Но в каких формах отлит этот прошлый опыт? [С. 24.]

Итак, учитывая все сказанное выше, можно утверждать, что у взрослых людей существует некая психическая «настройка», точнее, некое внутреннее сенсорное «представление мира». Вероятно, это то, что можно назвать «видимым миром» (Дж. Гибсон) или «картиной мира» (А. Н. Леонтьев), и оно влияет на текущее восприятие окружающей реальности. Эта «настройка» (или множество «настроек»), видимо, может быть постепенно перестроена в каких-то пределах при помещении человека в иную, незнакомую ему реальность.

Исследователям неясно, что собой представляет это явление феноменологически и каков механизм его влияния на восприятие. Можно лишь предположить, что наши перцептивные впечатления непрерывно подстраиваются под существующие в нашем сознании « типовые » привычные репрезентации реальности. Как говорит Дж. Стрэттон, предметы осмысливаются совершенно иначе, чем воспринимались (цит. по: Р. Л. Грегори, 1970, с. 224).

Прямое отношение к этим «настройкам» имеет контекст восприятия. И. Бидерман и его сотрудники (I. Biderman, A. Glass & E. Stacy, 1973) показали, что точность опознания и время, требующееся для идентификации объекта, зависят от его соответствия контексту, в котором проводится опознание. С. Палмер (S. Palmer, 1975) продемонстрировал, что «правильное опознание объекта в соответствующем контексте (узнавание буханки хлеба после показа сцены «кухня») происходит примерно в 84 %, тогда как эффективность опознания объекта вне контекста существенно ниже.

То, что элементы «настройки», установившиеся в мозгу, могут распадаться, когда человек попадает в окружение, обладающее иной структурой, было описано Дж. Стрэттоном (2002, с. 567), который первым исследовал на себе эффекты, вызываемые длительным ношением очков, переворачивающих изображение окружающего мира. Он показал, что сильные первоначальные нарушения координации между зрением и движениями после трех дней уменьшались, а к восьмому дню образовывались новые зрительно-моторные координации.

С течением времени исследователь все меньше осознавал, что зрительный мир перевернут, а «нормальные» зрительные образы воспоминания продолжали оставаться у него стандартом и критерием для оценки окружающей реальности. Координация и практически нормальное восприятие восстанавливались, даже если первоначальное изображение переворачивалось на 180°. После прекращения ношения очков адаптация снова расстраивалась и трудности начинала вызывать, наоборот, уже прежняя нормальная обстановка. Впрочем, эффект этот быстро проходил.

Аналогичные опыты Ф. В. Снайдера и Н. Х. Пронко (цит. по: Дж. Стрэттон, 2002, с. 567–568) продемонстрировали, что испытуемые обычно не отдавали себе отчета в том, видят ли они мир перевернутым или же обычным, а для их адаптации была обязательно необходима самостоятельная моторная активность. Последующие эксперименты американских и европейских исследователей дали противоречивые результаты в отношении возможности перцептивной адаптации к перевернутому образу.

А. Д. Логвиненко (2002а, с. 571–572), много занимавшийся этой проблемой, отмечает, что, во-первых, испытуемые обычно затруднялись с ответом на вопрос, как они видят мир — правильным или перевернутым. Что странно, так как речь идет не о нюансах в зрительной картине, а о ее ориентации относительно вертикали. Во-вторых, что пристальное вглядывание в зрительную картину и ее интроспективный анализ позволяли обнаружить перевернутость визуального поля даже в конце длительного адаптационного периода. Следовательно, можно сказать, что испытуемые не рефлексировали по поводу того, как ориентированы образы восприятия окружающего мира, и просто приспособились к новым образам. При этом испытуемые настолько адаптировались к перевернутому образу реальности, что переставали осознавать его необычность.

А. Д. Логвиненко (2002а) обнаружил также исчезновение у испытуемых константности видимого положения и видимой формы объектов:

...в частности, испытуемые всегда отмечают, что при ходьбе земля «колышется» в такт шагам, а при наклоне головы «вздыбливается». Земной поверхности, попадающей в поле зрения, можно по желанию придать практически любой видимый наклон [с. 573].

Автор (2002а, с. 575) пишет, что после надевания инвертоскопа зрительное пространство становится уплощенным — «нечто среднее между плоскими фигурами и объемными телами», — нереальным и отчужденным. Оно «как некая картинка локализуется между испытуемым и предметами в осознаваемом мире».

Забегая вперед, выскажу предположение. Учитывая тот факт, что перевертывание образа восприятия приводит к отрыву «видимого поля» от «видимого

мира» (термины Дж. Гибсона (1988)), что сопровождается ощущением нереальности «видимого поля», можно предположить, что ощущение реальности образа восприятия обусловлено у нас именно прочными и естественными связями этих двух феноменологических составляющих (подробнее см. в разделах 7.2–7.3). Другими словами, **можно предположить, что реальность образу восприятия придает его неразрывная связь и внутреннее единство с существующей уже моделью-репрезентацией окружающего мира.**

А. Д. Логвиненко (2002а, с. 576) полагает, что адаптация к новому образу в условиях длительного ношения переворачивающих изображение очков происходит в форме построения нового «видимого мира». Новое восприятие возникает не вместо прежнего, а наряду с ним. Человек начинает строить правильно ориентированный «видимый мир» по инвертированному зрительному пространству, но при этом он не теряет способности воспринимать «видимый мир» и без инвертоскопа (с. 584).

Б. М. Величковский (2006, с. 253) приводит интересные данные других исследователей (O'Reagan & Noë, 2001), проводивших аналогичные эксперименты. Например, свечка, видимая в инвертоскоп сначала в перевернутом положении, вдруг воспринимается испытуемым правильно, если ее поджигают и пламя устремляется вверх; точно так же «переворачивается» чашка, в которую начинают наливать воду. Следовательно, в процессе адаптации восприятия происходят потрясающие и необъяснимые трансформации перевернутого очками «объективного» образа восприятия.

Как мне кажется, это можно объяснить только тем, что **образы восприятия (то, что принято так называть) представляют собой результат некоего сложного взаимодействия вновь возникающих перцептивных чувственных репрезентаций с имеющимися в памяти психическими репрезентациями привычной окружающей среды. И отнюдь не всегда итоговые перцептивные репрезентации, то есть образы восприятия, определяются актуальной сенсорной стимуляцией. Если они, например, приходят в противоречие с нашими основными, незыблемыми, привычными представлениями о реальности, то последние с помощью каких-то непонятных механизмов радикально трансформируют итоговый образ восприятия даже в ущерб его «объективной» реалистичности.**

М. Мерло-Понти (1999) пишет:

Перевернуть объект означает отнять у него его значение... Видеть лицо... значит оказывать на него определенное воздействие, быть способным следовать по его поверхности определенным перцептивным маршрутом — с подъемами и спусками, — его не узнать, если я пойду по нему в обратном направлении, как неизвестна та гора, на которую я только что карабкался, если я спускаюсь с нее быстрым шагом [с. 325].

Когда воспринимаемый визуально мир переворачивается с помощью очков, совокупность тактильных, вестибулярных, слуховых, кинестетических и других образов и ощущений, в том числе визуальных образов воспоминания и представления, составляющих привычное значение «нормального» визуального образа восприятия привычной окружающей действительности, остается прежней. Возможно, это привычное значение как бы ассимилирует и постепенно трансформирует новый перевернутый зрительный образ объекта, превращая последний в приемлемую для сознания разновидность репрезентации знакомой окружающей реальности. Поскольку сознание понимает окружающее в первую очередь именно через значение его образа восприятия, то можно предположить, что в результате перевернутость визуальной формы окружающих объектов перестает восприниматься сознанием. Хотя при специальном обращении внимания испытуемых на этот факт он осознается ими.

По-видимому, на протяжении человеческой жизни образы восприятия одних и тех же объектов даже в естественных условиях могут переживать существенные трансформации при сохранении субъективной константности репрезентируемых ими объектов, но эти трансформации обычно не рефлексированы нами. Так, характеристики зрительного восприятия в детстве, зрелости и старости явно различаются, а следовательно, принципиально меняются ясность, контрастность, вероятно, структурированность и другие характеристики образов восприятия, но человек обычно замечает лишь выраженные изменения ясности образов. Однако адаптация зрительного анализатора не беспредельна. Так, например, в результате хирургического переворота глазных яблок лягушки адаптации к новому состоянию не происходит (Х. Шиффман, 2003, с. 482).

Эксперименты с переворачиванием зрительного образа мира показали также, что адаптация восприятия возможна лишь при наличии активных движений испытуемых. Это подтверждается классическими опытами Р. Хелда и А. Хайна (R. Held & A. Hein, 1963) с котятками, которые продемонстрировали, что, если двигательный опыт и опыт визуального восприятия мира приобретаются независимо друг от друга и между ними нет надлежащей связи, нарушается нормальное развитие перцептивно-моторной координации. Ж. Пиаже (1998) тоже отмечает, что:

...восприятие всегда направляется и ограничивается схемами действия. Познание начинается с действия, а всякое действие повторяется или обобщается (генерализуется) через применение к новым объектам, порождая тем самым некоторую «схему», то есть своего рода практический концепт [с. 89].

Все приведенные и многие другие наблюдения свидетельствуют о том, что **в нормальном зрительном восприятии участвуют по крайней мере две группы явлений — собственно образы восприятия и что-то еще, нечто**

дополнительное. Первая — то, что принято называть «образом восприятия окружающего мира», или то, что Дж. Гибсон (1988) назвал видимым полем. Вторую группу существующих в сознании явлений можно назвать моделью-репрезентацией окружающего мира. Это то или почти то, что Дж. Гибсон (там же) назвал видимым миром. За «настройки» сознания, предшествующие восприятию объектов и участвующие в нем, ответственны имеющиеся в памяти модели-репрезентации этих и сходных с ними объектов.

6.2. Постоянство объекта и изменчивость его образа

Многие авторитетные философы и естествоиспытатели, даже не будучи психологами, давно обращали внимание на то, что я называю моделью-репрезентацией, не выделяя, впрочем, этот психический феномен. Их весьма занимал вопрос: *как множество разнообразных и всегда новых перцептивных образов объекта в итоге превращается в сознании в один-единственный строго определенный объект?*

Э. Мах (цит. по: Э. Кассирер, 2006, с. 297) замечает, что, несмотря на большую изменчивость перцептивных чувственных образов объекта, тот всегда остается самим собой, и объясняет это связью чувственных элементов между собой, тем, что объект (тело) «состоит в исполнении известных уравнений, имеющих место между его чувственными элементами».

М. Мерло-Понти задается вопросом:

Может ли нечто вообще *представить себя* нам в истинном виде, если синтез этого «нечто» никогда не имеет завершения? ...Подобная завершенность оказывается невозможной... [цит. по: У. Эко, 2005, с. 106–107].

Ж.-П. Сартр (цит. по: У. Эко, 2005, с. 105–106) утверждает, что объект нельзя свести к конечному ряду его проявлений, к постоянно меняющимся образам его восприятия. Здесь конечное противостоит бесконечному, причем бесконечное помещается в самую сердцевину конечного.

Б. Рассел (2000, с. 158–159) пишет, что мы безосновательно полагаем, будто действительно видим реальную форму вещей. На самом деле вещь меняется даже при изменении точки наблюдения, но мы не обращаем внимания на это, потому что опыт научил нас конструировать «реальную» форму, исходя из кажущейся, а в практической жизни нас интересует не то, что мы видим, а лишь нечто выводимое из того, что мы видим. Автор (там же) прямо говорит, что «реальный» стол, например, если таковой вообще существует, не тот, что мы воспринимаем посредством зрения, осязания и слуха. Если он и существует, то не является предметом нашего непосредственного познания. Он лишь вывод из того, что познается. Автор задает вопрос: если «реальный» стол существует, то к какому виду объектов он принадлежит?

Более важным мне лично представляется вопрос: *где существует (если она вообще существует) эта самая «реальная» форма объекта и что она такое?*

Э. Кассирер (2006) делает важный вывод о возможном существовании самостоятельной психической сущности:

То, что связывает многообразные содержания представления в одну основную психическую форму, не может заключаться ни в одном из этих содержаний, а также в простом агрегатном соединении их. Здесь мы, скорее, имеем... *некоторое самостоятельное образование, обладающее определенными свойствами. Надо признать за эмпирический факт наличие подобный образований и получающийся благодаря этому прирост в содержании независимо от тех теоретических предпосылок, исходя из которых можно его толковать* (курсив мой. — С. П.) [с. 381].

Впрочем, Э. Мах (2005, с. 50) даже раньше него говорил о чем-то подобном, указывая, что, несмотря на постоянные изменения образа знакомого объекта, сумма того, что остается постоянным, всегда так велика в сравнении с изменениями, что последние ступшеваются. Он (там же) пишет:

Темный образ постоянного, не изменяющийся заметным образом с выпадением той или другой его составной части, кажется чем-то, что существует само для себя. Ввиду того что можно отделять от постоянного каждую его составную часть в отдельности без того, чтобы образ перестал представлять весь комплекс и мог бы быть по-прежнему узнан, кажется, что если отделить от него все составные части, то все же кое-что еще останется [с. 52].

Другими словами, есть некий сложный психический комплекс — «темный образ», «то, что существует само для себя», представляющее нам объект вне ситуации его восприятия. *Но что это такое феноменологически?*

Э. Кассирер (2006) предлагает свое объяснение:

Если зададим себе вопрос, что следует разуметь под трехмерным протяженным телом, то мы — как это показывает в одном месте Гельмгольц — психологически в самом деле приходим лишь к ряду сменяющих друг друга отдельных зрительных образов. Однако более точный анализ показывает, что из одной только самой по себе взятой смены всех этих образов... никогда не могло бы получиться представление телесного объекта, если бы не присоединялась к ней мысль о правиле, сообразно которому каждому отдельному образу указывается определенное место и положение в совокупном комплексе [с. 330–331].

Думается, однако, что **дело** здесь отнюдь не в «правилах», а **в наличии особого сложного психического явления, в котором множество разных образов воспоминания и представления объекта интегрируются в новую сущность, репрезентирующую объект в целом.**

Ж.-П. Сартр (2002, с. 59–60) пишет, что, когда представляет себе куб, сразу схватывает его весь, целиком видит шесть его сторон и восемь углов одновременно, его прямые углы и квадратные стороны. Он подчеркивает, что

может мыслить конкретные сущности в одном-единственном акте сознания, упоминает о «само себя сознающем знании, сразу же помещающемся в центре объекта» и о «синтетическом единстве множества явлений, ознакомление с которыми осуществляется постепенно».

Интроспекция, однако, заставляет нас усомниться в наличии такого визуального образа, который «сразу схватывает объект целиком» со всех сторон да тем более «в одном-единственном акте сознания». *Тогда о чем пишет Ж.-П. Сартр? Что лежит в основе превращения в сознании множества разнообразных и всегда новых перцептивных образов объекта в определенный и единственный объект? Какова феноменология этого явления?*

Что-то описанное Ж.-П. Сартром (2002, с. 59–60) действительно есть в нашей психике. В каком бы ракурсе мы ни посмотрели на хорошо знакомый объект, например на свой дом, мы его, как правило, неизменно узнаем, даже несмотря на то, что возникающие при этом образы могут сильно различаться и посторонний человек, увидевший фотографии того же дома в тех же ракурсах, будет уверен, что видит разные объекты. *Почему мы узнаем знакомый объект, даже если он предстает перед нами в самых неожиданных видах?*

Каким-то непонятным образом мы действительно «видим» (точнее, представляем и вспоминаем) знакомый нам объект в целом, включая его закрытые части вместе с реально видимыми наружными элементами. Он становится доступен сознанию сразу и во всех ракурсах и разрезах.

Об этом художественно пишет М. Мерло-Понти (1999):

...я вижу соседний дом под некоторым углом, его же с правого берега Сены видят по-другому, иначе его видят изнутри или совсем иначе — с самолета; дом как таковой не совпадает ни с одной из этих явленностей, он, по словам Лейбница, есть ортогональная проекция этих и всех возможных перспектив, некое положение без перспективы, из которого все они могут происходить, — дом, видимый ниоткуда... Наша первоначальная формулировка должна быть пересмотрена: сам дом — это не дом, видимый ниоткуда, но дом, видимый отовсюду. В завершённом виде объект сверхпрозрачен, он пронизан наличной бесконечностью взглядов, которые перекрещиваются в его глубине и ничего не оставляют там скрытым [с. 101–103].

...Чтобы нам явился абсолютный объект, объект этот должен стать бесконечностью различных перспектив, слившихся в одном-единственном видении, обладающем тысячей взглядов [с. 105].

Образ дома, который мы сейчас видим перед собой, — это не то, что увидел бы человек, никогда прежде не имевший дела с домами. Не некая изогнутая рельефная поверхность, а видимый и, самое главное, одновременно вспоминаемый и представляемый нами дом, существующий в нашем сознании в виде объемного объекта, включающего в себя множество самых разных других объектов: окон, ламп, стен, людей, водопроводных труб и т. п.

Мы «видим» дом именно так только потому, что обладаем устойчивой психической конструкцией, репрезентирующей нам данный знакомый объект, представленный в нашем сознании в виде бесчисленного множества визуальных образов воспоминания и представления, возникших в результате предыдущего восприятия его нами со всех мыслимых позиций и в совершенно разных условиях. И конструкция эта актуализируется любыми, даже сильно различающимися перцептивными впечатлениями, вызываемыми у нас данным объектом.

Все это объясняется тем, что **мы не просто видим дом, но одновременно имеем в сознании его модель-репрезентацию, которая позволяет нам его как бы «видеть отовсюду», точнее, вспоминать и представлять «отовсюду».** Она включает в себя не только множество визуальных образов воспоминания воспринятого нами в прошлом объекта, но и «итоговые» образы его представления, иллюстрирующие объект в целом. Это созданные сознанием на основе образов воспоминания, измененных дополнительным, в том числе вербальным, знанием об объекте, образы представления, в которых невидимые для глаза части объекта «видны» нам почти столь же хорошо, как и непрозрачные передние поверхности объекта и сквозь них. В результате мы как бы «видим» непрозрачный объект насквозь, «видим» его внутренние части.

То, что М. Мерло-Понти (1999, с. 105) называет «абсолютным объектом», есть мономодальная визуальная модель-репрезентация дома. **Из множества увиденных нами ранее проекций наше сознание формирует итоговый целостный зрительный образ воспоминания-представления «абсолютного объекта», составляющий «ядро» его чувственной модели-репрезентации.**

Благодаря имеющейся у нас модели-репрезентации видимый нами дом — это совершенно не тот объект, который репрезентируют нам образы восприятия сейчас. Точнее, тот дом, который мы «видим» сейчас, — это совсем не тот объект, который наблюдатель, незнакомый с объектом «дом», сейчас реально увидел бы из этого же положения. Мы видим известный нам дом именно так только потому, что уже множество раз видели его и похожие на него дома прежде. И все эти образы воспоминания участвуют в формировании нашего теперешнего его целостного образа восприятия.

Возвращаясь к утверждению Б. Рассела (2000, с. 158–159) о конструировании нами «реальной» формы объекта, исходя из кажущейся, мы имеем все основания сказать, что **реальная форма объекта действительно существует, но только в нашем сознании и представляет собой то, что я называю моделью-репрезентацией данного объекта. Ее мы никогда не видим в окружающем нас мире, но всегда подразумеваем.** Я полагаю, что «реальный» расселовский стол (там же) в форме своей модели-репрезентации, несомненно, существует в сознании.

Человек легко узнает в качестве знакомых и чрезвычайно сложные объекты, нередко даже если видел их очень недолго. Так, Р. Никкерсон и М. Адамс (2005, с. 165–166) сообщают о том, что человек легко отличает сложные изображения,

которые он недавно видел, от тех, которые он видит впервые, даже в случае предъявления ему для запоминания на несколько секунд каждого из сотен или тысяч изображений. Авторы полагают, что зрительная память быстро аккумулирует и сохраняет всю информацию о предъявляемом объекте. И у человека сохраняется достаточно информации о «старом» изображении, чтобы отличить его от нового. *Что собой представляет это сохранившееся «старое» изображение?*

У. Найссер и А. Хаймен (2005) пишут, что:

...частое предъявление объекта и наличие способности «узнавать» этот объект в практических целях не гарантируют, что объект будет представлен в памяти человека точно и во всех деталях... Как правило, элементы зрительных стимулов не сохраняются в памяти — за исключением тех ситуаций, когда на то есть функциональная причина. ...Среди характеристик объекта лучше всего запоминаются те, которые необходимы, чтобы в повседневной жизни отличать этот объект от других [с. 177–178].

О невозможности возникновения у человека одинаковых психических образов восприятия даже того же самого объекта неоднократно говорили и основоположники научной психологии, в частности У. Джеймс (2000; 2003).

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001, с. 253) тоже удивляются тому, что, несмотря на постоянные изменения «ближнего стимула» (сетчаточной проекции объекта), нам как-то удается воспринять постоянные качества внешнего объекта — яблока, банана, вазы.

Мне представляется, это объясняется тем, что **постоянные качества объекта конституируются нашим сознанием в самой модели-репрезентации данного объекта**. По той же причине мы и не пытаемся каждый раз «ухитриться и определить очертания яблока», а также «понять, что оно не имеет отношения к банану» (Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001, с. 253)), и мы легко компенсируем тот факт, что часть яблока скрыта вазой. Все недостающее уже дано в наших моделях-репрезентациях яблока, банана и вазы, и все эти «достижения» обусловлены данным фактом.

Что лежит в основе нашего представления о постоянстве окружающих предметов?

Выше я уже говорил о том, что образ восприятия предмета и есть сам предмет. *Но что же тогда делает предмет неизменным для нас, если каждый раз мы видим иной его образ? Почему разные образы всякий раз репрезентируют нам один и тот же предмет?*

Ответ на эти вопросы заключается в том, что **у нас есть особые психические феномены. Я называю их моделями-репрезентациями (физических сущностей окружающего нас мира). Они репрезентируют все воспринятые нами в прошлом предметы, физические объекты и явления.**

Оппоненты могут возразить, что человеку достаточно и образов воспоминания об объекте. Тогда возникает вопрос: *а каких именно образов достаточно*

(см., например, рис. 8), если каждый из них отличается от всех прочих пород настолько, что даже такой хорошо знакомый объект, как лошадь, наблюдателю бывает трудно в них узнать? Как все эти разные чувственные репрезентации превращаются в сознании человека в один объект — лошадь?

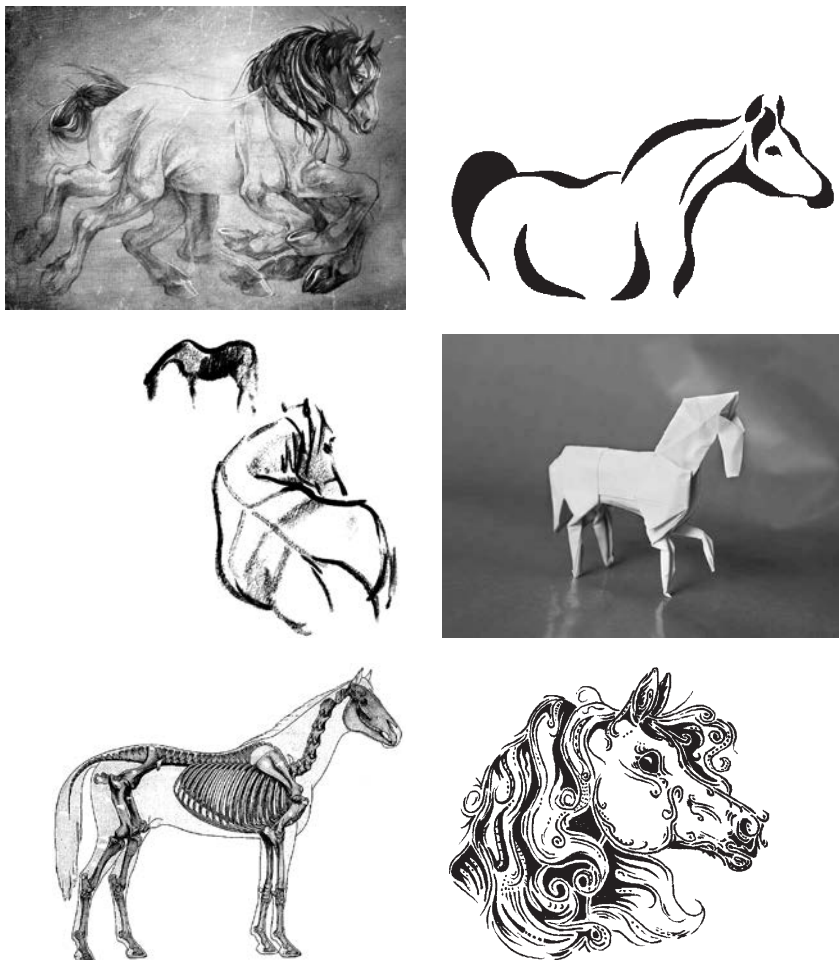

Рис. 8. Рисунки лошадей

Мне могут сказать: «Благодаря понятию *лошадь*».

Тогда пусть сомневающиеся ответят на вопрос: *как разные чувственные репрезентации превращаются у маленьких детей и даже животных в один знакомый им объект, несмотря на то что они не имеют еще понятий вовсе?*

Маленький ребенок, например, легко узнает знакомую игрушку и тянется к ней, даже если видит только небольшую ее часть и каждый раз новую. Следовательно, дело не в наличии понятий.

6.3. Исследования, предшествовавшие появлению термина «модель-репрезентация»

То, что я называю моделью-репрезентацией¹ или целостной сенсорной репрезентацией доступного восприятию знакомого объекта, давно привлекало внимание исследователей и даже обсуждалось ими в разных контекстах пусть и не в качестве особого самостоятельного психического феномена. Модель-репрезентация сходна с тем, что Ж.-П. Сартр называл интенциональным объектом², Ж. Пиаже — сохранением объекта, а А. Райнах — подразумеванием объекта³.

Ж.-П. Сартр (2002) пишет:

Если, например, Жан-Поль Сартр глядит на своего друга Пьера, сидящего за столом напротив него... то в этот момент Пьер дан ему чувственным способом и непосредственно. Если же он в отсутствие Пьера рассматривает портрет последнего или его фотографию, то и в этом случае ему чувственно дан тот же Пьер, однако уже не непосредственно, а через посредство портрета или фотографии [с. 72–73].

И в том и в другом случае Пьер репрезентирован в сознании Сартра с помощью целостной сенсорной модели-репрезентации конкретного человека. Только в первом случае она актуализируется образами восприятия реально сидящего рядом Пьера, существующими в сознании одновременно с ней, а во втором случае — образами восприятия фотографии или портрета, которые являются иконическими знаками Пьера.

¹ Термин «модель-репрезентация» никуда не годен по многим причинам и мне самому категорически не нравится. Но он был выбран мною, как говорится, за неимением ничего лучшего. Я просто не смог придумать другой, более адекватный. Может быть, правильнее было бы назвать рассматриваемую психическую сущность целостной репрезентацией объекта, или полноценной его репрезентацией, или репрезентацией-гештальтом. Последняя, пожалуй, адекватнее всего.

² *Интенциональность*... направленность сознания на предмет (Брентано, Гуссерль). Сознание всегда есть «сознание о...», так что интенциональность составляет характернейшую черту сознания. ...Один и тот же предмет можно одновременно воспринимать, представлять, любить, желать, ненавидеть и т. д. Интенциональный объект может быть реально существующим или вымышленным... [Большой психологический словарь, с. 205].

Уже Брентано усматривал в интенциональном внутреннем существовании предмета сущностную характеристику психических феноменов. Согласно Брентано, любое явление внутреннего опыта, или психический феномен, в отличие от физического, «содержит в себе нечто в качестве объекта», хотя и неодинаковым образом. ...В представлении нечто представляется, в желании — желается, в любви — любится и т. д. [Словарь философских терминов, с. 204].

³ Я обнаружил в работах этих авторов описания сущностей, похожих на рассматриваемые мною модели-репрезентации, уже после написания черновика данной книги и, несомненно, вообще обратил на них внимание только потому, что они соответствовали моим мыслям и представлениям.

Друг Пьер существует в сознании Сартра, как и наши друзья, когда мы о них вспоминаем, в нашем сознании в виде целостной завершенной сенсорной психической модели-репрезентации, которую Ж.-П. Сартр вслед за Э. Гуссерлем и Ф. Брентано называет интенциональным объектом. Последний появляется в сознании не только, когда Сартр смотрит на Пьера или на его фотографию, но и тогда, когда Сартр лишь вспоминает о своем друге.

Ж.-П. Сартр продолжает:

Я хочу вспомнить, как выглядит лицо моего друга Пьера. Я делаю некоторое усилие и произвожу в себе определенное образное сознание Пьера. Объект представляется в очень несовершенном виде: некоторые детали отсутствуют, другие внушают недоверие, все вместе выглядит довольно туманным¹ (здесь и далее ссылки мои. — С. П.). Пробивается какое-то чувство симпатии и расположенности к этому лицу, которое мне хотелось воскресить, увидев его, однако оно еще не вернулось². Я не отказываюсь от своего намерения, встаю и вынимаю из ящика стола фотографию. Это превосходный портрет Пьера, на нем я нахожу каждую деталь его лица, даже те черты, которые прежде от меня ускользали. Но фотографии недостает жизни, она в совершенстве показывает внешние характерные черты его лица, но не передает его выразительности. К счастью, у меня есть еще один шарж на него, выполненный искусным рисовальщиком. На этот раз взаимное отношение частей лица смело нарушено — чрезмерно длинный нос, слишком выступающие скулы и т. д. Тем не менее то, чего так не хватало фото — жизни, выразительности, — ясно предстает на этом рисунке, и я «узнаю» Пьера³. ...Для того чтобы представить лицо Пьера, мы использовали три приема. Во всех трех

¹ В сознании Сартра появляются образы воспоминания и представления Пьера, входящие в модель-репрезентацию Пьера.

² Сартр четко подмечает то обстоятельство, что большая часть кратковременных калейдоскопических образов, возникающих после постановки субъективной задачи «вспомнить лицо Пьера», вовсе не имеет отношения к визуальному образу лица Пьера. К этому моменту модель-репрезентация Пьера давно присутствует в сознании Сартра, так как он сейчас непрерывно помнит о своем друге и пытается уже вспомнить его лицо, то есть актуализировать еще и конкретный фрагмент этой модели-репрезентации. Но тот особый кратковременный образ или образы, которые сразу делают искомым объект ясно узнаваемым, не появляются. Появления же всех прочих образов, которые тоже имеют какое-то отношение к Пьеру, так как вызывают у Сартра «какое-то чувство симпатии и расположенности», явно недостаточно для решения поставленной Сартром задачи — «вспомнить лицо Пьера». Для ее решения подходит далеко не любой зрительный образ Пьера, а только имеющий какие-то особые характеристики и выделяемый сознанием среди прочих в качестве именно того — нужного, искомого. Другие же возникающие образы «внушают недоверие», и Сартр вновь обращается к фотографии.

³ Лишь появление в сознании Сартра образов восприятия иконолических знаков объекта Пьер, которыми являются фотография и шарж на Пьера, актуализирует по механизму ассоциаций визуальные образы воспоминания его лица. Принципиально важное «узнаю» означает, что в сознании наконец возникли те визуальные образы, включенные в модель-репрезентацию Пьера, которые придают ей чувственную завершенность. Эти образы воскресили в сознании Сартра нечто знакомое и известное ему, нечто отсутствующее, впрочем, и на фотографии, и на рисунке.

случаях мы обнаруживаем некоторую «интенцию», и каждый раз эта интенция нацелена на один и тот же объект¹. Объект этот не является ни представлением, ни фотографией, ни карикатурой — это мой друг Пьер [с. 72–73].

И этот объект (полимодалная сенсорная модель-репрезентация Пьера), как указывает Сартр, действительно нечто гораздо большее, чем просто образ представления. Это и не просто образ воспоминания, и даже не совокупность образов воспоминания и представления. Это нечто иное, являющееся самодостаточной целостностью, особой сущностью, с которой может эффективно манипулировать сознание Сартра даже в отсутствие не только актуального восприятия репрезентируемого объекта — Пьера, но и вообще в отсутствие этого объекта в физической реальности, например даже в случае смерти Пьера.

Таким образом, модель-репрезентация объекта не является ни образом представления, ни образом воспоминания, ни даже их суммой. Чтобы понять это, вам достаточно подумать о ком-то из своих близких. В этот момент в вашем сознании могут появиться либо имя, либо образы воспоминания-представления, например лица близкого человека, но за этими непродолжительными психическими явлениями стоит громадное психическое содержание. Вы отчетливо понимаете, что этими возникшими психическими явлениями не исчерпывается та сущность, которой является для вас близкий вам человек.

В то же время, когда вы бросаете мимолетный взгляд на лицо незнакомого вам человека и отводите глаза, за сохраняющимся в вашем сознании последовательным образом чужого лица не стоит почти ничего, у этого психического феномена не оказывается никакого сложного внутреннего содержания (значения), то есть можно сказать, что для вас это практически «пустой», ничего не означающий образ. Хотя он и может даже вызывать у вас какой-то психический отклик (например, эмоциональный), но лишь всколыхнув в вашей памяти некие не всегда понятные вам ассоциации.

В то же время даже кратковременный образ представления или воспоминания Пьера у Сартра или нашего друга у нас, едва возникнув, уже ассоциирован с множеством знаний об этом объекте, которые достаточно трудно квалифицировать феноменологически. Он появляется не просто как изолированный образ, а как элемент сложного и целостного психического образования, замещающего в сознании данный конкретный физический объект вне зависимости от его присутствия сейчас в окружающем вас мире.

¹ Этот интенциональный объект — сложная полимодалная психическая модель-репрезентация в сознании Сартра человека по имени Пьер. Она существует потому, что Сартр хорошо знает Пьера, помнит не только его внешний вид и особенности его движений, но и его голос, возможно, запах, рукопожатие и т. д. Она представляет собой множество визуальных образов воспоминания и представления Пьера, а также множество слуховых образов, связанных с Пьером, и множество воспоминаний разнообразных ощущений, например запахов его одеколона и сигар.

На примере другого объекта — ковра — Ж.-П. Сартр пытается раскрыть новые грани интенционального объекта:

Ножки кресла, которое стоит у окна, скрывают от меня некоторые кривые линии, некоторые рисунки (ковра. — *С. П.*). Однако я схватываю эти скрытые арабески как существующие в настоящий момент, хотя и загороженные от меня креслом, но вовсе не отсутствующие. ...Я воспринимаю начальные и конечные детали скрытых узоров (которые не видны мне сбоку и позади ножек кресла) как продолжающиеся под ножками этого кресла. Следовательно, тем же способом, которым я схватываю данное, я полагаю в качестве реального и то, что мне не дано [с. 297–298].

Иными словами, сознание Ж.-П. Сартра позволяет ему мысленно достроить в форме зрительных образов представления-воспоминания не существующие в его текущем восприятии скрытые элементы ковра потому, что у него уже есть к этому моменту модели-репрезентации данного и аналогичных ковров.

Ж.-П. Сартр (2002) делает важнейший вывод:

Начиная это исследование, мы думали, что займемся образами, то есть элементами сознания. Теперь мы видим, что имеем дело с *целостностными* сознаниями, то есть с *комплексными структурами*, которые «интенционируют» некие объекты (курсив мой. — *С. П.*) [с. 58].

Чрезвычайно важным представляется замечание автора о «целостностных сознаниях», или «комплексных структурах, которые «интенционируют объекты». Это, по сути дела, и есть те психические конструкции, которые я называю моделями-репрезентациями объектов.

Он продолжает:

В восприятии я наблюдаю объекты. Под этим следует понимать, что объект, хотя и целиком входит в мое восприятие, каждый раз дан мне только с одной стороны. Известен пример с кубом: я не могу знать, что это куб, пока я не схватил в восприятии шесть его граней; в крайнем случае я могу одновременно увидеть три из них, но никогда больше. ...Я могу его потрогать, могу на него смотреть, но всегда вижу его только таким способом, который одновременно и предполагает, и исключает бесконечное число других точек восприятия... Сам объект (точнее, его психическая модель-репрезентация. — *С. П.*) есть синтез всех этих его проявлений [с. 58–59]. Мое знание есть не что иное, как знание об объекте, знание касательно объекта. В акте сознания репрезентативный элемент и элемент знания связаны в один синтетический акт. Следовательно, коррелятивный этому акту объект конституируется одновременно и как конкретный чувственный объект, и как объект знания. Отсюда вытекает то парадоксальное следствие, что объект представляется нам сразу и извне, и изнутри. Извне — поскольку мы его наблюдаем; и изнутри, поскольку это в нем мы воспринимаем то, что он собой представляет. Вот почему крайне скудные и ущербные образы, сведенные к нескольким пространственным определениям, могут обладать для меня богатым и глубоким смыслом. И этот смысл явен; дан непосредственно, в этих чертах дан так, что расшифровывать его не нужно [с. 63].

Рассматривая куб, Ж.-П. Сартр фактически подходит здесь к описанию моделей-репрезентаций любых объектов, в которых предмет может быть представлен нашему сознанию сразу во всех возможных видах и проекциях, когда нам, например, мысленно «видны» все невидимые в физической реальности грани куба сквозь непрозрачные видимые его грани. Ж.-П. Сартр (2002) указывает:

Интенциональный объект образного сознания имеет ту особенность, что его здесь нет, и он полагается как отсутствующий, или что он не существует и полагается как несуществующий, или же что он не полагается вовсе [с. 67].

Следовательно, нашей модели-репрезентации объекта вполне достаточно для его эффективной репрезентации даже в случае его реального отсутствия в воспринимаемой нами сейчас физической реальности.

Модель-репрезентация объекта — это знание о знакомом объекте, включающее в себя образы его воспоминания и представления, способное легко заменить актуальное восприятие объекта. Мы можем поместить модель-репрезентацию любого объекта мысленно в воспринимаемую сейчас реальность или в ее представляемое продолжение, скрытое от наших глаз в данный момент. Так, я легко могу представить рядом с собой в соседнем кресле Платона, например. Причем это мое представление не может быть отождествлено просто с конкретным образом представления или воспоминания, так как я весьма смутно помню, как выглядит мраморный бюст Платона. И вообще Платон для меня — это в большей степени совокупность философских идей, чем человек в физической ипостаси, то есть в моей модели-репрезентации Платона преобладают некие идеализированные образы античных мраморных фигур немолодых мужчин.

Ж.-П. Сартр пишет:

Произвести в себе образное сознание Пьера — значит осуществить интенциональный синтез, собирающий в нем множество прошедших моментов, утверждающих тождественность Пьера во всех его различных проявлениях и рассматривающий этот тождественный объект в определенном аспекте (в профиль, в три четверти, во весь рост, по пояс и т. д.) [с. 67].

Иными словами, **модель-репрезентация Пьера или Наполеона — психический феномен, тождественный для сознания определенному физическому объекту, но существующий в нем независимо от своего референта во внешнем мире и как бы параллельно с ним. Эта психическая конструкция остается реальной для сознания и продолжает существовать в нем, даже если репрезентируемого ею физического объекта уже нет во внешнем мире**, как нет, например, Наполеона или Юлия Цезаря, сгоревшего американского космического челнока или Бастилии при наличии в нашем сознании их моделей-репрезентаций, которые являются реальными объектами нашей психической жизни.

С определенной степенью условности можно сказать, что **в тот момент, когда мы видим своего знакомого, в нашем сознании появляются две его репрезентации — актуальная перцептивная репрезентация и вспоминаемо-представляемая модель-репрезентация.** Причем они в некоторой степени даже самостоятельны, хотя и тесно связаны друг с другом. **В модели-репрезентации нет ничего за исключением того, что в процессе создания в нее вложило наше сознание. Она, в отличие от воспринимаемой вещи, гораздо менее детальна, наглядна и информативна. Но зато она предоставляет сознанию целостный объект, представляемый «отовсюду».**

Модель-репрезентация обычно рождается на основе образов восприятия объекта и впоследствии замещает собой для нас воспринятый ранее объект в его отсутствие. Разные образы воспоминания и представления объекта имеют для нас смысл только потому, что являются элементами его модели-репрезентации.

Ж.-П. Сартр (2002), например, подчеркивает:

...может случиться, что какой-нибудь образ воспоминания возникнет внезапно, неожиданно явит нам чье-то лицо, какой-нибудь пейзаж. Но даже в этом случае он предстает в интуиции как единое целое и сразу раскрывается в том, что он есть. Если бы я воспринимал этот кусок дерна, мне бы пришлось довольно долго его изучать, чтобы узнать, откуда он взялся. В случае же образа (воспоминания, входящего в структуру модели-репрезентации. — *С. П.*) я знаю это непосредственно: эта трава с такого-то луга из такой-то местности. И об этом ее происхождении нельзя догадаться по образу; знание о том, что представляет собой объект, включено в самый акт, которым он дан мне в образе [с. 61–62].

Автор указывает, что в отличие от образа восприятия неизвестного объекта, который может быть совершенно непонятен воспринимающему, образ, актуализирующий в сознании модель-репрезентацию известного объекта, всегда понятен, так как в модели-репрезентации, а через нее и в перцептивном образе всегда уже заключено некое усвоенное нами ранее знание.

Надо с удивлением и сожалением отметить, что приведенные здесь мысли Ж.-П. Сартра остались невостребованными в психологии или, возможно, непонятыми. Между тем это основополагающие, глобальные и совершенно принципиальные для психологии положения, указывающие на существование, кроме ощущений, образов, понятий и т. д., иных психических явлений, образующих следующий уровень более сложных психических феноменов. Об их существовании говорят и другие исследователи.

Модель-репрезентацию объекта фактически описал в своих работах Ж. Пиаже (Piaget, 1954; Piaget & Inhelder, 1969), хотя он и не рассматривает ее как особый психический феномен и даже не уделяет ей специального внимания.

Ж. Пиаже выделяет шесть подстадий развития ребенка в течение сенсорного периода (первые два года жизни, связанные с формированием способности сохранения объекта). На первой, которая продолжается от одного до четырех месяцев, ребенок еще не ищет исчезнувший из поля зрения объект активно, но он уже начинает следить глазами за движущимися объектами и смотрит на то место, откуда предмет только что исчез, как будто ждет его возвращения. Если объект вновь не появляется, ребенок забывает о нем. Исчезнувший объект не воспринимается ребенком как нечто постоянно существующее, которое куда-то переместилось. Р. Р. Хок (2003, с. 181–192) приводит выдержки из журнала наблюдений Ж. Пиаже:

Наблюдение 2. Лоран, возраст — 0 лет 2 мес. Я смотрю на него сквозь прутья его плетеной колыбели и время от времени появляюсь примерно в одном и том же месте. Лоран потом смотрит на это место, когда меня уже там нет, и совершенно явно ждет, что я снова появлюсь там. ...Ребенок только смотрит на то место, откуда исчез предмет: таким образом, у него просто какое-то время сохраняется позиция более раннего восприятия, и, если объект вновь не появляется, он вскоре забывает о нем. Если бы в сознании ребенка было *общее представление о предмете* (здесь и ниже курсив мой. — С. П.)... он бы стал активно стараться разыскать пропавший объект. ...Но малыш, совершенно очевидно, не знает, что тут можно бы сделать, потому что исчезнувший объект еще не воспринимается ребенком как *нечто постоянно существующее*, которое куда-то переместилось; для него это просто какой-то образ, который, исчезнув из поля зрения, уходит в никуда. И возникает оттуда без какой-либо объективной причины [с. 185].

В возрасте от четырех до десяти месяцев ребенок уже начинает искать игрушку, которая не полностью скрылась из его поля зрения.

Когда был виден гусиный клюв, Люсьен не только сразу же хватала гуся за эту видимую часть и тащила к себе, но... иногда она сначала снимала с гуся покрывало, чтобы схватить птичку целиком! ...Никогда, даже после того, как она несколько раз поднимала покрывало, видя перед собой торчащий клюв, Люсьен не старалась поднять покрывало, когда гусь был спрятан целиком! Это является... доказательством того факта, что ребенку намного легче представить себе весь предмет, видя перед собой какую-то его часть, чем заниматься поисками полностью невидимого объекта [с. 186].

Из сказанного Ж. Пиаже можно сделать вывод, что у ребенка в этом возрасте уже появляются, по-видимому, хотя и неустойчивые, сенсорные модели-репрезентации некоторых предметов, с которыми он часто сталкивается, но они еще недостаточно «самостоятельны» и актуализируются преимущественно образами восприятия частей репрезентируемых ими объектов. В 10–12 месяцев у ребенка уже есть устойчивые сенсорные модели-репрезентации предметов, но еще нет устойчивых моделей-репрезентаций привычных изменений пред-

метов, например их пространственных перемещений. Журнал наблюдений Ж. Пиаже (Р. Р. Хок, 2003):

Жаклин сидит на матрасе... Я беру у нее из рук игрушечного попугая и два раза подряд прячу его под матрас слева от нее, на место А. Оба раза Жаклин немедленно начинает поиски, находит и хватается попугая. Затем я беру у нее игрушку и медленно перемещаю попугая у нее перед глазами в такое же место под матрасом, но справа от нее, на место В. Жаклин очень внимательно наблюдает за движением, но в тот момент, когда попугай исчезает на месте В, она поворачивается налево и ищет игрушку там, где та была спрятана раньше, на месте А [с. 187].

В возрасте 12–18 месяцев ребенок уже способен следить за последовательностью перемещений предмета и искать его там, куда он был реально спрятан, то есть у него уже появляются устойчивые модели-репрезентации привычных изменений предметов, например их пространственных перемещений. К двум годам (от 18 до 24 месяцев) у ребенка в полной мере появляется «идея о сохранении объекта». Журнал наблюдений Ж. Пиаже:

Наблюдение 66. В возрасте 1 год 7 мес. у Жаклин обнаруживается... способность осознавать существование предмета, который во что-то заворачивают или прячут... Я кладу карандаш в коробочку, оборачиваю ее бумагой, потом заворачиваю обернутую коробочку еще в носовой платок, затем прикрываю все это беретом и покрывалом. Жаклин быстро снимает берет и покрывало, затем разворачивает платок. Сразу ей не удается найти коробочку, но девочка продолжает искать ее, явно уверенная в ее существовании; затем она замечает бумагу, быстро вспоминает, что это такое, разворачивает бумагу, открывает коробочку и хватается карандаш [с. 188].

Р. Р. Хок (2003) цитирует Ж. Пиаже и Б. Инельдер (Piaget & Inhelder, 1969):

Осознание сохранения предмета, кроме всего прочего, связано с наблюдением за его локализацией; то есть ребенок одновременно обучается и тому, что исчезнувший из поля его зрения предмет не перестает существовать, и старается узнать, куда этот предмет делся. Этот факт с самого начала показывает, что образование схемы сохранения предмета тесно связано с пространственно-временной и причинной организацией реального мира в целом [с. 189].

Осознание постоянства предмета (по сути дела, формирование модели-репрезентации предмета) Ж. Пиаже считает началом истинной мысли, способностью использовать символическую функцию для решения более сложных задач.

Приведенные наблюдения Ж. Пиаже с очевидностью демонстрируют, как у ребенка постепенно формируются сенсорные модели-репрезентации объектов, которыми ему приходилось часто оперировать. В результате этого он

получает новую способность — оперировать уже не предметами, а их психическими репрезентациями. Ребенок приобретает также понимание того, что предметы продолжают существовать, даже исчезая из его поля зрения. Он приобретает способность мысленно располагать их модели-репрезентации, составленные из образов его воспоминания и представления, в пространстве среди воспринимаемых в данный момент реальных предметов. При этом **модель-репрезентация предмета, актуально не воспринимаемого, может выступать в качестве части окружающего физического мира среди актуально воспринимаемых его частей.**

Комментируя исследования Ж. Пиаже, У. Крэйн (2007) пишет:

К концу сенсомоторного периода объекты наделяются независимым и постоянным существованием. Таким образом, дети конструируют своего рода пространственный универсум, содержащий независимые объекты, в котором сами дети — всего лишь один объект среди множества других [с. 152].

Именно модель-репрезентация известного объекта обеспечивает функционирование открытого Ж. Пиаже «закона сохранения объекта» — понимание того факта, что предмет существует даже тогда, когда находится вне пределов досягаемости наших органов чувств.

Благодаря наличию у вас модели-репрезентации книги, если кто-то забрал ее у вас и унес, вы не забываете о ней. Вы помните о ее существовании, как и о существовании забравшего ее человека, даже тогда, когда не видите их. Ж. Пиаже полагает, что эта способность не дана нам от рождения, а появляется, начиная примерно с восьмимесячного возраста. Я считаю, что эта способность обусловлена появлением в сознании того самого, описанного Ж.-П. Сартром «интенционального объекта», который является моделью-репрезентацией существующего ввне предмета и становится со временем самостоятельной и независимой от этого внешнего предмета сущностью сознания ребенка.

Более поздние исследования уточнили данные Ж. Пиаже. Так, Р. Р. Хок (2003, с. 190–191) сообщает, что Р. Байларже и ее коллеги (Baillargeon, 1987; Aguilar & Baillargeon, 1999) показали, что уже в возрасте 2,5 месяца дети обладают ранними формами «сохранения объекта». О том же свидетельствует исследование Вилкокса, Нэдела и Россера (Wilcox, Nadel & Rosser). Последние, изучая недоношенных детей, использовали методы, подобные тем, которые применяла Р. Байларже, и установили, что результаты, демонстрируемые даже недоношенными детьми в отношении сохранения объекта, не слишком отличались от результатов доношенных новорожденных.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007, с. 114–115), ссылаясь на Gelman & Gallistel, тоже сообщают, что новые и изощренные методы тестирования умственной деятельности показывают, что ребенок на самом деле

обладает требуемой от него способностью, но не может решить задачу, так как не имеет других необходимых навыков. О том же пишет Б. М. Величковский (2006а, с. 186):

...у теории Пиаже возникают проблемы с экспериментальными данными. Исследования восприятия в первые недели и месяцы жизни не подтверждают тезис о раннем солипсизме младенца по принципу «out of sight out of mind». Представление о постоянстве существования предмета вместо того, чтобы постепенно формироваться в результате сенсомоторного взаимодействия с окружением, скорее предшествует такому взаимодействию, то есть оказывается чем-то вроде кантианской *априорной категории* [с. 186].

Я думаю, что **представление о постоянстве существования предмета, конечно, не врожденное и формируется у ребенка. Хотя, возможно, формируется достаточно рано и быстро. Гораздо раньше и быстрее, чем полагал Ж. Пиаже.** Однако для нас в данном случае неважно, как формируется модель-репрезентация предмета — после первого же его предъявления или после двадцати первого — и в каком именно возрасте. Вероятно, элементы модели-репрезентации предмета в качестве его образов воспоминания появляются у новорожденного уже вслед за первым визуальным перцептивным образом предмета, выделенным младенцем среди прочих психических феноменов.

В любом случае для того, чтобы появились модели-репрезентации предметов, должны уже существовать образы восприятия, воспоминания и представления. Для того же, чтобы сформировать полноценную модель-репрезентацию, они должны трансформироваться в устойчивую совокупность образов воспоминания и представления конкретного предмета, способную удерживаться в сознании и после исчезновения предмета из поля восприятия.

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004, с. 406) тоже отмечают, что современные исследования свидетельствуют: младенцы уже в первые месяцы жизни воспринимают предметы как нечто независимо от них существующее и противостоящее им во внешнем мире. Впрочем, для нашего рассмотрения в данном случае важно не то, когда появляется способность «сохранения объекта», а сам факт появления и, главное, наличия такой способности у ребенка. Факт появления в сознании самостоятельной и не связанной с текущим восприятием предмета его модели-репрезентации, которая может жить в сознании своей независимой от предмета жизнью. **Модели-репрезентации предметов остаются тождественны самим себе, несмотря на то что непрерывно изменяются вслед за изменяющимися объектами реальности и изменяющимися образами их восприятия.**

Ребенок создает не только модели-репрезентации объектов, но и модели-репрезентации их свойств, изменений и даже более сложных, чем объекты,

сущностей реальности — событий, ситуаций, отношений и т. д. Такие **модели-репрезентации сложных сущностей в литературе нередко называют схемами**. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007), например, пишут:

...по мнению Пиаже, ребенка нужно рассматривать как исследователя-ученого, проводящего эксперименты над миром, чтобы посмотреть, что получится («А что можно почувствовать, если пососать ухо плюшевого мишки?»; «А что будет, если я подвину свою тарелку за край стола?»). В результате этих мини-экспериментов ребенок строит «теории» — Пиаже называл их схемами — о том, как устроены физические и социальные миры. Встречаясь с новым объектом или событием, ребенок пытается понять его на языке уже существующей схемы (Пиаже называл это процессом ассимиляции: ребенок пытается уподобить новое событие предсуществующей схеме). Если старая схема оказывается неадекватной для ассимиляции ею нового события, тогда ребенок, подобно хорошему ученому, модифицирует ее и тем самым расширяет свою теорию мира (этот процесс переделки схемы Пиаже называет аккомодацией)... [с. 103].

Эксперименты Ж. Пиаже (1994, с. 183–193) и других исследователей показали, что модели-репрезентации предметов появляются гораздо раньше, чем модели-репрезентации сложных объектов, их изменений и тем более таких сложных сущностей, как сцена, ситуация, событие и т. д.

Ж. Пиаже (Piaget, 1954; Piaget & Inhelder, 1969) показал, что дети, находящиеся на дооперациональной стадии развития, не осознают других точек зрения, помимо своей собственной. Они полагают, что все остальные воспринимают окружающий мир так же, как они. Следовательно, у детей нет еще моделей-репрезентаций более высокого ранга — не просто отдельного объекта, но и модели-репрезентации большего фрагмента реальности, события или ситуации в целом, которая включает в себя в том числе данный объект.

С целью демонстрации данного факта Ж. Пиаже придумал «задачу трех горок». Ребенка водят вокруг стола, на котором сооружены три горки различной высоты, чтобы он увидел, как они выглядят с разных сторон. Затем его усаживают с одной стороны макета лицом к кукле, сидящей напротив, и просят выбрать фотографии, соответствующие тому, что видит он сам и что видит кукла. Все дети легко выбирают фотографии, соответствующие тому, что видят сами, но в возрасте до 6–7 лет, чтобы показать то, что видит кукла, выбирают фотографию, которая соответствует их собственному видению.

Дж. Брунер (1981) приводит интересные экспериментальные данные, полученные Муни. В опытах Муни детям 7–13 лет и взрослым показывали незаконченные черно-белые рисунки головы и лица. Испытуемые должны были отсортировать рисунки по категориям «мальчик», «старуха» и т. д. С возрастом отмечалось явное нарастание способности опознавать незаконченные рисунки. Дж. Брунер пишет, что по мере того, как мы становимся старше, нам требуется все меньшая избыточность данных.

По моему мнению, эксперименты Муни свидетельствуют о том, что на протяжении периода взросления ребенка формирующиеся в его сознании сенсорные модели-репрезентации самых разных объектов включают в себя все больше элементов и усложняются, что и позволяет ребенку все более легко распознавать в процессе восприятия знакомые объекты даже на основе отрывочных и неполных сенсорных впечатлений.

А. Райнах (2006а) тоже рассматривает то, что я обозначаю понятием *модель-репрезентация* предмета. Он пишет, что, когда название объекта «произносится с пониманием — с ним сплетается один из тех своеобразных актов, который мы назвали подразумеванием или “нацеленностью на”» (с. 491).

Действительно, то, что «подразумевается» нами при произнесении названия предмета, и есть модель-репрезентация предмета. Впрочем, совершенно не обязательно, чтобы предмет был обозначен словом, для того чтобы в сознании появилась его модель-репрезентация. Более того, она появляется еще до усвоения языка, о чем свидетельствуют, например, наблюдения Ж. Пиаже.

А. Райнах (2006а, с. 494) обсуждает и другой пример проявления модели-репрезентации. Он пишет, что, когда мы видим вещь, ее обратная сторона нам не дана, но, если окажется, что обратная сторона вещи, например какого-нибудь сосуда, отсутствует, мы переживем разочарование.

Здесь демонстрируется, как модель-репрезентация достраивает актуальное восприятие, создавая оборотную сторону предмета, недоступную непосредственному восприятию.

Итак, **интенциональный объект Ж.-П. Сартра, сохранение объекта Ж. Пиаже и подразумевание объекта А. Райнаха можно рассматривать как первые указания на существование того сложного чувственного психического явления, которое я называю моделью-репрезентацией физической сущности.**

6.4. Мономодальный образ и полимодальная модель-репрезентация объекта

В литературе широко пользуются понятием *полимодальный образ*, которое нельзя считать правильным и адекватным. А. Н. Гусев (2007) определяет полимодальность образа как:

...слияние в перцептивном образе всех чувственных впечатлений [с. 28].

А. Д. Логвиненко (1987) же, например, рассматривает полимодальность как:

...органическое единство данных, получаемых от органов чувств различной модальности (зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния и т. п.) [с. 3].

Полиmodalность не может быть характеристикой образа, так как образ всегда мономодален. Полиmodalность же подразумевает наличие уже многих образов, «получаемых от органов чувств различной modalности». Следовательно, полиmodalность присуща чему-то большему, чем образ. *Чему?*

Очевидно, что о полиmodalности имеет смысл говорить лишь применительно к такой, например, психической сущности, как сенсорная репрезентация объекта в целом, или его модель-репрезентация.

Чувственная полиmodalная модель-репрезентация объекта — это устойчивая психическая конструкция из множества ассоциированных между собой образов воспоминания и представления определенного объекта, а также воспоминаний и представлений ощущений разной modalности, вызванных им в прошлом.

Модель-репрезентация физической реальности полиmodalна, хотя в ней обычно преобладают визуальные образы. Новые визуальные перцептивные образы актуализируют в сознании входящие в модель-репрезентацию окружающего образы представления и воспоминания той же и других modalностей. Например, когда я нахожусь в одной из комнат своего дома, мое восприятие ограничено ее стенами. Тем не менее, воспринимая лишь их, я вспоминаю и представляю себе то, что находится за ними. Звуки, которые я слышу, актуализируют у меня образы представления известных мне людей, передвигающихся и делающих за стенами определенные действия, которые я узнаю. Например, ставящих на плиту чайник или включающих воду в ванной комнате, проходящих и открывающих окно или дверь и т. д. Звук хлопающей двери и специфический лай собаки немедленно актуализируют образ дочери, вышедшей из дома, и радостно прыгающей вокруг нее собаки. То есть мое актуальное восприятие расширяется во все стороны благодаря имеющейся у меня модели-репрезентации окружающего.

Р. Л. Грегори (1970, с. 9–10) тонко замечает, что когда мы глядим на осеннюю воду в пруду, то воспринимаем ее жидкой и холодной, а когда смотрим через витринное стекло на дымящуюся чашку кофе, видим его горячим и ароматным.

Это происходит исключительно потому, что отдельные сенсорные впечатления всякий раз актуализируют в нашем сознании имеющуюся в нашей памяти целостную модель-репрезентацию данного предмета, явления, ситуации и т. д. Осенняя вода в пруду включена в глобальную модель-репрезентацию осеннего парка, а чашка кофе — в модель-репрезентацию приятного отдыха с кофе.

Полиmodalность модели-репрезентации — это не просто механическое соединение разных по modalности образов и ощущений. Это их своеобраз-

ный сплав, так как репрезентации разной modalности взаимно влияют друг на друга, сменяя друг друга. А. Гелен (1988), например, так говорит об этом:

...зрительное восприятие перенимает опыт осязательного восприятия, то есть все больше исключает руку как орган познания, в то время как оптическое поле насыщено опытным знанием тяжести, консистенции, материальной структуры, вещей и т. д. [с. 179].

Сказанное автором обусловлено тем, что **модель-репрезентация объекта включает в себя сенсорные образы и ощущения разных modalностей и актуализация, например, зрительной составляющей приводит естественным образом к актуализации всех прочих составляющих этой модели.** Соответственно, мы не просто видим воду в осеннем пруду, но и одновременно представляем вызываемые ею ощущения холода в нашей руке, ее сопротивление руке и протекание сквозь пальцы при попытке ее зачерпнуть. Мы не просто видим дымящийся кофе, но и одновременно вспоминаем его вкус, обжигающий губы жар и специфический аромат. Опыт взаимодействия человека с окружающим миром, а также чужой опыт, интериоризированный им из объективной психической реальности¹, трансформируют субъективную модель-репрезентацию объекта и сильно влияют на возникающие в последующем образы восприятия соответствующих предметов.

В этой связи А. Гелен (1988) говорит:

...поле восприятия стало в значительной мере символическим... в ходе развития собственных движений человека. Например, блики, тени, орнамент на каком-нибудь предмете, допустим чашке, мы обыкновенно отчасти вообще не замечаем, отчасти же с их помощью восприятие указывает на пространственные и образные представления, и тем самым косвенно у него «имеются» оборотные стороны предметов и внеположные нам части пространства. ...Материальная структура («тонкий фарфор») и вес видятся целиком, но... иным образом, чем выступающий на переднем плане характер «сосуда», то есть полого и круглого, и опять-таки иным образом даны оптические даты, например, ручка или «удобное для руки» место всей формы внушают определенные привычные движения. Все эти даты глаз охватывает одним взглядом [с. 184–185].

То, что «материальная структура («тонкий фарфор») и вес видятся целиком, но... иным образом, чем выступающий на переднем плане характер «сосуда»», обусловлено именно наличием целостной модели-репрезентации как воспринимаемого уже знакомого предмета, так и других известных воспринимающему сходных объектов. Только благодаря ей у предметов появляются те самые не воспринимаемые сейчас непосредственно «оборотные стороны и внеположные нам части».

¹ Объективная психическая реальность — см. примечание 7, а также: С. Э. Поляков, 2017 и 2023.

А. Гелен (1988) подчеркивает наличие плохо понимаемых нами связей между элементами и частями визуального образа объекта и актуализированных ими воспоминаний ассоциированных с ними кинестетических, тактильных, проприоцептивных и других ощущений:

...значения в оптическом поле суть воплощение прежних, реально совершавшихся движений, например, когда мы вместе с дверной ручкой видим нарисованный на ней указатель «повернуть вниз». Сами эти значения представляют собой точки опоры и вехи для ориентации потенциальных движений, которые сразу отправляются от этих символов и, руководствуясь ими, направляют или тормозят реальное движение [с. 187].

Наличие модели-репрезентации приводит к тому, что визуальный образ ручки и двери в целом актуализирует у воспринимающего воспоминания о разнообразных ощущениях, возникавших в его теле в прошлом в процессе его многочисленных взаимодействий с этой и аналогичными дверями на разных этапах его движения и движений двери по отношению к нему. Это позволяет человеку, восприняв визуальный образ закрытой двери, мгновенно представить себе и зрительный образ открывающейся двери, включающий поворачивающуюся ручку с указателем на ней, и ощущения движения собственного тела, нажимающего на ручку, и визуальные образы движения тела, и ощущения прикосновения и сопротивление ручки давлению, и возможные звуки скрипа петель двери и щелчка защелки замка, наконец, образы этой движущейся защелки и вращающихся петель и многое другое.

Следовательно, модель-репрезентация предмета — это не что-то статичное вроде совокупности картинок, а текущее полимодальное множество репрезентаций, представляющее в сознании не просто статичный объект, но объект, меняющийся в процессе своего взаимодействия с телом человека, и даже меняющиеся в процессе этого взаимодействия интегрированные с объектом части человеческого тела. Она тесно ассоциирована с моделью-репрезентацией самого тела человека, имеющего опыт взаимодействия с данным объектом. Модель-репрезентация предмета содержит в себе знание не только о процессе взаимодействия человека и данного предмета, но и о результате этого взаимодействия. О том же говорил еще епископ Д. Беркли (2000):

Мы не можем открыть наших глаз без того, чтобы идеи расстояния, тел и осязаемых форм не внушались ими. Столь быстр, внезапен и неощутим переход от видимых идей к осязаемым (а я добавил бы, что и к собственно вербальным идеям, связанным со всеми ими. — С. П.), что мы с трудом можем избежать, чтобы не мыслить и те, и другие (и третьи. — С. П.) одинаково непосредственным объектом зрения [с. 85–86].

Модели-репрезентации объектов чаще и преимущественно складываются из визуальных образов их воспоминания и представления, но могут складываться и из других образов и ощущений, например тактильных. Так, Р. Л. Грегори (1970) описывает больного, которому в 52 года вернули зрение. Когда ему показали токарный станок, инструмент, о котором больной раньше мечтал, тот в течение минуты нетерпеливо ощупывал станок с закрытыми глазами, затем отступил назад, открыл глаза, пристально посмотрел на станок и сказал: «Теперь, когда я его ощупал, я его вижу».

Иными словами, для того, чтобы «увидеть», а точнее, мысленно представить, в данном случае тактильно, объект и опознать его, больному оказалось недостаточно визуальных образов. Ему пришлось вновь актуализировать в сознании привычную модель-репрезентацию, состоявшую у него преимущественно из тактильных образов и кинестетических ощущений.

Модель-репрезентация подразумевает наличие целостности в многообразии разноmodalных чувственных репрезентаций объекта.

Э. Страус (2001) пишет:

Они (сенсорные впечатления. — *С. П.*) не проникают друг в друга, не накладываются; в единстве они остаются раздельными. Цвет остается цветом, а твердость — твердостью. Цветная вещь, которую я вижу и до которой дотрагиваюсь, — это одна и та же вещь. Я касаюсь вещи, а не цвета. Я беру карандаш, а не желтый цвет. Эти аспекты объединяет *что*, которое может одновременно показываться в разных вещах, но полностью — ни в одной из них, следовательно, *что* позволяет и требует определенного дополнения [с. 268].

Эта цитата ставит перед нами ряд важных проблем. Во-первых, **наши сенсорные репрезентации представляют нам не свойства, а объект в виде этих свойств и через эти свойства**. Во-вторых, один и тот же объект, например карандаш, может репрезентироваться разными по modalности репрезентациями. Следовательно, в сенсорных репрезентациях разной modalности есть нечто общее, улавливаемое как-то нашим сознанием, несмотря на радикальные различия, имеющиеся между разными по modalности репрезентациями одной и той же сущности.

Это чувственное общее затем на другом (вербальном) уровне фиксируется сознанием с помощью новой, уже символической репрезентации — понятия, обозначающего объект. В данном случае — понятия *карандаш*. Но и на сенсорном уровне можно выделить это *общее*, присущее модели-репрезентации как гештальту и заключающееся в ее предметности, вещественности, или объектности. Феноменологически общее, или «что», представлено в сознании на чувственном уровне полиmodalной, но целостной моделью-репрезентацией,

которая преподносит наблюдателю объект в качестве особой «вещи». Поэтому **полимодальная модель-репрезентация — это уже сенсорное предпоятие, репрезентирующее представляемый ею объект.**

Существование в сознании полимодальной модели-репрезентации объекта дает ответ на следующий вопрос Э. Страуса (2001):

...как понять единство ощущений, не отрицая при этом их различий? [С. 268.]

Понять его можно через возникшую в сознании новую самостоятельную психическую сущность — модель-репрезентацию объекта, которая может присутствовать в разных своих проявлениях — каждой из ассоциированных между собой мономодальных репрезентаций этого объекта.

Э. Страус (2001) продолжает:

Теория Аристотеля об *aisthesis koine* (общее чувство) открывает общее *нечто*, так как объект может быть одинаково хорошо определен несколькими чувствами. Поскольку определяющий признак может существовать только в рамках одной модальности, то каждая сфера является неполной и нуждается в дополнении; она представляет *другого* только с одной его стороны и требует дальнейшей доработки. *Другой* является общим для всех чувств, в то же время каждое из чувств воспринимает его особым образом. Фактически отдельное чувство не воспринимает, это делает человек с помощью одного или нескольких чувств [с. 268].

И делает он это благодаря модели-репрезентации, которая конституирует объект в целом в его сознании.

Именно существование полимодальных моделей-репрезентаций приводит к ошибочным представлениям о наличии, например, вкусовых и обонятельных образов, о которых пишут некоторые авторы (см., например: А. Ребер, 2001, с. 531). Мне представляется, впрочем, что о тактильных образах (исключая, однако, осязательный образ «треугольника, прижатого к вашей спине...», о котором упоминает А. Ребер (2001, с. 531)) у нас действительно есть все основания говорить. Особенно ярко они проявляются у слепых, причем, вероятно, могут даже приобретать дистантный характер, то есть располагаться достаточно далеко от наблюдателя (см., например: G. Guarniero, 1972).

Что же касается вкусовых и обонятельных образов, то исследователи, по-видимому, ошибочно принимают за них зрительные образы, входящие в полимодальные модели-репрезентации объектов. Так, многие из нас, вероятно, довольно легко смогут представить себе вкус соли или сахара, но одновременно с этими вкусовыми представлениями возникают соответствующие визуальные образы, ответственные за превращение вкусовых ощущений в узнаваемые объекты. Мы можем представить себе запах лилии или розы, но тоже в сопровождении зрительных образов этих цветов, то есть во всех подобных случаях мы имеем дело с полимодальными чувственными репрезентациями объектов.

Модель-репрезентация конкретного объекта включает в себя разные образы его воспоминания и представления. Не только зрительные и слуховые, но и кинестетические, вкусовые, осязательные, вестибулярные, тактильные, проприоцептивные, интероцептивные и обонятельные. То, что она представлена множеством разноmodalных ощущений и образов, возникавших в процессе взаимодействия человека с репрезентируемыми его сознанием объектами, очевидно и обсуждается многими авторами.

Г. Гельмгольц (2002), например, указывает, что:

...уверенность в правильности нашего чувственного восприятия чрезвычайно усиливают испытания, которые мы производим с помощью произвольных движений нашего тела. В отличие от чисто пассивных наблюдений при этом достигается тот же тип твердого убеждения, что и в научном эксперименте [с. 579].

В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов (1994) пишут о том, что предметное содержание сознания представлено в форме не только чувственной, но и «биодинамической ткани», которая создается предметными действиями и движениями, строящими предметный образ. Биодинамическая ткань, по их мнению, принимает столь же активное участие в построении сознания, что и чувственная ткань. Именно благодаря движениям и действиям образ мира «вычерпывается» из реальности.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) приводят удачный пример:

...если вас попросили помочь положить чемодан в багажник машины, то само опознание объекта как чемодана, визуальное определение его размера дает вам возможность предположить его вес и дозировать то усилие, которое вам нужно приложить для того, чтобы поднять его, хотя именно этот чемодан вы никогда не поднимали (в данном случае речь уже идет не просто об образе, а о модели-репрезентации объекта. — С. П.). Значимая ошибка антиципации будет вызывать активацию и осознание этой ошибки: «Вы что, кирпичи туда положили?» или «Да он совсем пустой!». Есть одно условие, необходимое для осуществления этого процесса: информация о предстоящем воздействии может относиться только к знакомым и хорошо изученным стимулам, форма реакции на которые уже выработана [с. 270].

О том же говорит Г. Фолькельт (1930):

...как маленький ребенок, так и экспрессионист стремятся не столько к изображению исключительно внешне оптических проявлений вещей, сколько к воспроизведению их в целостной сущности. А, следовательно, также к воспроизведению оборотной стороны или оптически совершенно не воспринимаемых свойств вещи. ...Ребенок часто выражает в рисунке преимущественно способ воздействия предмета на него самого... [с. 257–259].

«Целостная сущность», о которой говорит автор, феноменологически представляет собой сенсорную модель-репрезентацию, представленную в значительной степени, кроме оптических, «тактильно-моторными, эмоционально-

аффективными» и другими ощущениями, о которых он пишет ниже. Наглядным примером такой нетипичной, то есть не преимущественно визуальной модели-репрезентации предмета является, например, сложная тактильно-проприоцептивно-кинестетическая психическая конструкция, репрезентирующая невидимый предмет, которая актуализируется в сознании человека с завязанными глазами, когда он ощупывает предмет с разных сторон и поворачивает его.

Как замечает Д. Бом (2002),

...при таких операциях редко отдают себе отчет в индивидуальных ощущениях, возникающих в пальцах, суставах и т. д., а просто непосредственно воспринимают общую структуру, складывающуюся некоторым образом из очень сложных смен всех ощущений [с. 208].

Почему дети все «тянут в рот»?

Дело в том, что рот является филогенетически наиболее древней и важной рецепторной частью организма. Он предназначен для взаимодействия с окружающим миром, направленного на пополнение ресурсов организма, на обеспечение его пищей. Именно рот ребенка участвует в построении первых психических образов и даже моделей-репрезентаций окружающих ребенка объектов. В построении таких моделей-репрезентаций участвуют не только вкусовые, тактильные и обонятельные рецепторы ротовой полости и носа, но и сложная интрацептивная чувствительность, в том числе кинестетическая, проприоцептивная и даже вестибулярная. Объект исследуется в самых разных аспектах, в том числе на его сопротивляемость давлению челюстями, сосанию губами и языком, перекачиванию во рту.

В результате не только формируются и уточняются вкусовые и обонятельные ощущения, но и возникает чувственное понимание таких свойств, как мягкость, вязкость, гладкость, упругость, жесткость, сочность или сухость объекта и т. д. и т. п. Все они в совокупности участвуют в формировании сенсорной модели-репрезентации объекта, в которую уже входят и его зрительные образы. Любой попадающий в рот ребенка объект немедленно квалифицируется как приятный — неприятный, вкусный — невкусный, привлекательный — непривлекательный, а потому — нужный или ненужный и т. д.

Важнейшей составляющей частью модели-репрезентации объекта являются ее элементы, моделирующие взаимодействие данного объекта с субъектом и ту функцию, которую данный объект выполняет для субъекта. Модель-репрезентация объекта представляет также в разных чувственных модальностях не только процесс его изменения, но и процесс изменения состояния субъекта во время взаимодействия с данным объектом при использовании субъектом разных его свойств. Модель-репрезентация объекта ассоциирована с моделями-репрезентациями его свойств и способов действий с ним, что позволяет использовать данный объект в деятельности субъекта.

Чрезвычайно интересна феноменология моделей-репрезентаций окружающей реальности, формирующихся у слепоглухонемых детей. А. Н. Гусев (2007) ссылается на работы А. И. Мещерякова, который подчеркивает, что на начальном этапе становления пространственного образа мира для ребенка очень важна константность положения окружающих его вещей. В противном случае он не может найти и узнать конкретный предмет и не научается преодолевать боязнь столкновения с предметами. Ведущими анализаторными поверхностями для слепоглухонемого ребенка являются: лицо, воспринимающее движение и температуру воздуха; ноги, постоянно контактирующие с полом, ощущающие неровности почвы и вибрацию; руки, получающие с помощью палки информацию о находящихся впереди предметах и неровностях дороги; запахи, сигнализирующие о наличии определенных предметов и изменении обстановки. А. Н. Гусев продолжает (2007):

...А. И. Мещеряков писал, что в определенной степени можно говорить об относительной независимости образа восприятия от характера его сенсорной основы: восприняв форму предмета губами или левой рукой, ребенок одинаково хорошо воспроизводит его, вылепив из пластилина. (Это, однако, вряд ли можно рассматривать как разные «сенсорные основы». — С. П.). Эту же мысль высказывал и С. Л. Рубинштейн в одной из работ, посвященных психологии слепоглухонемых. Он подчеркивал, что любой образ является не просто зрительным, слуховым или осязательным, а прежде всего образом предмета или явления, имеющего конкретное значение, что и делает все его характерные сенсорные признаки семантически едиными [с. 335–336].

Итак, модель-репрезентация объекта — это совокупность разноmodalных сенсорных репрезентаций объекта и их изменений в процессе взаимодействия с субъектом, ассоциированная с изменениями состояния субъекта в процессе этого взаимодействия.

Модель-репрезентация объекта — это также множество связанных между собой психических явлений, разворачивающихся в сознании во времени. В каждый данный момент она существует в сознании лишь какой-то своей частью, каждый раз иной. При этом она не просто последовательность психических явлений, а новое, единое и устойчивое сложное психическое явление, состоящее из более простых психических явлений. Главное — она создается сознанием для репрезентирования конкретной и уже известной ему физической сущности или целой группы сходных физических сущностей.

Актуализируется в сознании полиmodalная модель-репрезентация объекта обычно образом восприятия, воспоминания или представления данного или сходного объекта. Так, зрительный образ восприятия лимона часто сопровождается воспоминаниями и представлением ощущений его специфического вкуса и запаха и наоборот. Именно благодаря наличию в нашей памяти полиmodalных моделей-репрезентаций множества объектов мы можем, взяв

с закрытыми глазами в руку предмет и надкусив его или понюхав, понять, что взяли грушу или кусок хлеба, а ощупав с закрытыми глазами другой знакомый предмет, зрительно его себе представить. Благодаря им мы, восприняв лишь один элемент знакомого предмета, немедленно вспоминаем, что свистящий чайник — горячий на ощупь, а одинаковые по размеру бруски из дерева и металла имеют разный вес.

Исходное присутствие в сознании модели-репрезентации определенного объекта может облегчить и ускорить восприятие соответствующего объекта или, наоборот, привести к ошибочному восприятию чего-то в качестве этого объекта при его реальном отсутствии вовне. **Наличие модели-репрезентации определенного объекта в сознании в момент восприятия лежит в основе перцептивной установки.**

Скептик может сказать, что нет никаких моделей-репрезентаций, а есть лишь привычные образы воспоминания и представления объектов, которые и являются их репрезентациями, и не надо изобретать лишние сущности, как советовал У. Оккам (2010). Но пусть скептик тогда ответит: *как совершенно разные и часто неполные образы восприятия одного и того же объекта всякий раз актуализируют в его собственном сознании именно этот объект и что обеспечивает ему понимание тождества этого объекта?*

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) задают сходный вопрос:

Каким образом мы распознаем мириады форм и ситуаций, повсюду окружающих нас: треугольники и эллипсы, небоскребы и автомобили, слоны и жирафы? Одна простая гипотеза (выдвинутая ранними эмпириками) звучит так: в нашей памяти находятся некие списки признаков для каждого из объектов, которые мы можем распознать. ...Но, чуточку поразмышляв, мы увидим, что все не так просто. Одна из проблем — это вариативность большинства стимулов: мы распознаем жирафов сбоку или в анфас, издали или находясь поблизости, вне зависимости от того, лежат они или стоят.

...Обладаем ли мы списком признаков для каждого объекта? К тому же очень часто мы видим лишь неполные изображения объектов и тем не менее узнаем их. Мы воспринимаем телевизионных комментаторов как полноценных и здоровых людей, хотя никогда не видели их ног; мы идентифицируем геометрическую фигуру как квадрат, хотя один из его углов закрыт от наших глаз... [с. 265].

Действительно. Мы воспринимаем капот, торчащий из-за угла дома, как машину, а человека, стоящего за забором, над которым видна лишь его голова, — в целом, а не как отдельно висящую над забором голову, потому что наши модели-репрезентации предъявляют в сознании объект целиком даже на основании восприятия лишь одной его детали.

Скептики опять скажут нам: «А мы знаем, что голова не может висеть над забором без тела». Верно. Однако знание может существовать лишь в двух феноменологических формах. Либо как конструкция из понятий (вербальных образов), либо как конструкция из невербальных образов.

Модель-репрезентация того, что представляет собой человек, в соответствии с которой его голова не может висеть самостоятельно над забором, и есть вариант невербального знания. И как часть знания о мире модель-репрезентация человека входит в глобальную модель-репрезентацию окружающего мира, являясь знанием о нем. В результате мы «видим» не голову, что должно было бы соответствовать «объективно» воспринимаемой реальности, а человека с головой, торчащей из-за забора.

Бесконечность и неповторимость образов восприятия требует формирования единой совокупной модели-репрезентации объекта, так как без нее мы были бы не в состоянии идентифицировать воспринимаемый каждый раз по-новому объект.

Существует понятие *собираемый образ* объекта. Можно выделить также собираемый образ воспоминания-представления одного конкретного объекта и собираемый образ воспоминания-представления множества сходных объектов.

Б. Рассел (2007) пишет, например:

Мысля собаку вообще, мы можем использовать смутный образ собаки, который подразумевает вид, а не какого-то представителя вида. ...Если я вызываю образ собаки с точки зрения на общее высказывание о собаках, я использую только те характеристики своего образа, которые он разделяет со всеми образами собак [с. 241].

«Собираемый образ» всегда мономодален, так как образ, как я уже говорил, не может быть полимодальным, или это тогда уже не образ. **То, что называют «собираемым» (например, визуальным) «образом» объекта — не что иное, как мономодальная зрительная модель-репрезентация этого объекта. Она представляет собой множество образов воспоминания и представления определенного объекта, воспринятого ранее с разных расстояний, в разных проекциях, при разном освещении, в движении и покое, в разном физическом и психическом состоянии, при разных показателях освещенности, температуры, влажности и других параметров окружающей физической реальности.** Кстати, мономодальной модели-репрезентации вполне достаточно для формирования, например, у ребенка понимания постоянства конкретного объекта. Следовательно, даже мономодальных (например, зрительных) моделей-репрезентаций объектов легко хватает для полноценного представительства их в сознании.

Собираемый визуальный «образ» можно назвать эффективной или достаточной для мысленного оперирования объектом, частью его чувственной модели-репрезентации. Причем для формирования такой минимально достаточной мономодальной модели-репрезентации сознание, по-видимому, может ограничиться единичным и непродолжительным взаимодействием с объектом.

6.5. Об особенностях моделей-репрезентаций

Модель-репрезентация — типичная психическая конструкция. Понятие *психическая конструкция* я использовал ранее (С. Э. Поляков, 2004, 2017, 2023) для обозначения сложных психических образований, представляющих собой особую форму психических явлений. Они возникают в результате естественного развития простых¹ психических феноменов (ощущений и мгновенных образов).

Психические конструкции, в том числе и модели-репрезентации, по сравнению с ощущениями, мгновенными образами и понятиями нужно рассматривать как явления следующего уровня сложности. Так как они состоят из множества ассоциированных между собой простых феноменов, но обладают новыми свойствами.

В отличие от ощущения и мгновенного образа модель-репрезентация не существует в каждый конкретный момент времени в сознании вся и сразу в силу ограниченности его объема, а проявляется в нем лишь теми или иными своими элементами. Их метафорически можно сравнить с выступающими над водой частями вращающегося айсберга. В каждый следующий момент «над водой» появляется новая грань айсберга». Тем не менее составляющие ее мгновенные образы и ощущения выступают как части новой целостности, гештальта, приобретшие дополнительные качества. В частности, они способны полноценно замещать ее в сознании и выполнять ее функции.

Модели-репрезентации представляют собой уникальные, самостоятельные и независимые от других психических конструкций сложные чувственные психические явления, формируемые сознанием для представления ранее воспринятых физических сущностей. Модель-репрезентация одновременно является и сложным психическим феноменом, и репрезентируемой им физической сущностью, и, наконец, знанием о ней, ее связях и взаимодействиях с окружающим миром. С их появлением сознание начинает конституировать в физическом мире чувственно явленные ему сущности. Мир на чувственном уровне становится для человека «вещным» и более понятным.

В случае психической конструкции мы имеем дело не просто с ассоциацией — набором связанных между собой простых психических явлений, который обладает лишь суммой свойств этих явлений, а с новым психическим феноменом, приобретшим новые свойства и не сводимым уже к сумме свойств составляющих его частей.

¹ Выше я пытался показать, что психические явления, которые принято называть в научных работах словами «образы» и даже «ощущения», отнюдь не так просты, как принято думать, но я называю их относительно простыми.

В этой связи Э. Кассирер (2006), ссылаясь на Штумпфа и Джеймса, пишет:

...простая «ассоциация» как таковая не может создать никакого нового психического содержания [с. 392].

Если мы соединим совокупность определенных свойств в целое одной устойчивой вещи с многообразно меняющимися особенностями, то это соединение будет предполагать связи по рядоположенности и последовательности, однако не будет к ним сводиться [Э. Кассирер, 1995а, с. 195].

В основе образования этих новых сложных феноменов — психических конструкций лежит открытое И. Кантом (1994) «единство апперцепции», или «единство сознания».

Модель-репрезентация объекта возникает в сознании как удивительный синтез разномодальных и уже поэтому радикально различающихся между собой и принципиально, казалось бы, несопоставимых друг с другом психических явлений — сенсорных моделей одного и того же элемента «реальности в себе».

Эта проблема занимала еще Д. Беркли (2000):

Воспринимаемые зрением движение, форма и протяжение отличны от идей того же названия, воспринимаемых осязанием [с. 7].

...Имеется столько же оснований доказывать, будто видимые и осязаемые квадраты принадлежат к одному и тому же роду, исходя из того, что они называются одним и тем же именем, сколько доказывать, что осязаемый квадрат и односложное слово, состоящее из 7 букв, которым он обозначается, принадлежат к одному и тому же роду, потому что оба они называются одним и тем же именем [с. 82].

Считают величайшим абсурдом воображать, чтобы одна и та же вещь могла иметь более чем одно протяжение и одну форму. Но так как протяжение и форма тела входят в дух двумя разными путями — как через зрение, так и через осязание, то думают... что мы видим то же самое протяжение и ту же самую форму, которые мы осязаем... То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, совершенно другая вещь. Но если видимая форма и видимое протяжение не тождественны с осязаемой формой и осязаемым протяжением, то отсюда еще не должно заключать, что одна и та же вещь имеет различные протяжения. Истинным следствием будет только то, что объекты зрения и осязания суть две отдельные вещи. Может быть, нужно некоторое усилие мысли, чтобы правильно понять это различие их. И, кажется, увеличению трудности немало содействовало то, что комбинация идей зрения имеет всегда то же самое название, что и связанная с ней комбинация идей осязания... [с. 39–40].

Здесь Д. Беркли четко демонстрирует, что наши органы восприятия создают разные (по модальности и по своей феноменологии) психические репрезентации того, что потом объединяется сознанием в единую модель-репрезентацию, в объект. И несмотря на то, что исходно разномодальные сенсорные

репрезентации представляют сознанию разные сущности, сознание объединяет их все в одну.

Почему и как все же происходит объединение этих несопоставимых психических сущностей в новую целостность?

Очевидно, что здесь имеет место механизм ассоциации, но ассоциации не совсем обычной. Б. Рассел (2001а, с. 896) сообщает, что принцип ассоциации идей рассматривал еще Дж. Локк, но в основном им занимался Хартли (1749), затем Бенгам и его последователи. В. Виндельбанд (2007) пишет:

Юм полагает, что открыл четыре основных закона, к которым возможно свести все ассоциативные процессы: закон сходства, контраста, пространственного и временного «соприкосновения», или «смежности», и закон причины и связи. ...Установление этих *законов ассоциаций*, которые отчасти наблюдались уже в античной философии, имело большое значение для дальнейшего преуспеяния эмпирической психологии [с. 347].

Э. Кассирер (1995а) рассматривает понятие *ассоциация* уже не как простое образование связи между двумя психическими явлениями, а совершенно новому:

«Ассоциацией» называется соединение элементов в единство «времени» и «пространства», в единство «Я» или «предмета», в целостность «вещи» или в последовательность «событий», в ряды, члены которых связаны между собой как с точки зрения «причины» и «следствия», так и с точки зрения «средства» и «цели». «Ассоциация» считается, далее, подходящим выражением как для *логического* закона связи частного в понятийное единство *познания*, так и для форм конструирования, действующих в построении *эстетического* сознания. Но тут-то и выясняется, что это понятие обозначает лишь голый факт связи вообще, ничего не сообщая о ее специфическом виде и правиле [с. 197].

Особую форму ассоциации психических явлений, приводящую к возникновению единства «Я» или предмета, открыл еще И. Кант (1994), который назвал ее «единством апперцепции», или «единством сознания». Именно она обеспечивает объединение множества разномодальных чувственных образов, по сути дела разных чувственно представленных в сознании сущностей, в единую сенсорную модель-репрезентацию объекта, в новую сложную целостность. Без этого свойства сознания у нас не возникало бы единой модели-репрезентации объекта. И. Кант (1994) пишет о том, что все многообразные представления созерцания подчинены условиям первоначально синтетического единства апперцепции:

...поскольку они должны иметь возможность быть *связанными* в одном сознании, так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции

«я мыслю» и в силу этого не связывались бы в одном самосознании. ...Объект есть то, в понятии чего *объединено* многообразное, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их. ...Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого познания... всякое созерцание, для того *чтобы стать для меня объектом*, должно подчиняться этому условию, так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединилось бы в одном сознании [с. 102–103].

Словами В. Виндельбанда (2007) можно уточнить и добавить:

...из соединения двух представлений в сознании возникает третье, которое сохраняет в отдельности содержания обоих первых; в этом случае объединение элементов состоит не в том, что они в новом содержании сливаются в неразличимое единство, а, наоборот, в том, что они соединяются в одно целое посредством установленной между ними связи. Это синтетическое единство настолько существенно для сознания, что последнее может быть прямо определено как связующая функция. Всякое фактическое, известное нам из опыта сознание представляет такое единство множественного [с. 353–354].

...Связи элементов суть формы «трансцендентальной апперцепции» (Канта. — С. П.) и учение, что все решительно предметы порождены этим общезначимым синтезом и что кроме них ничего другого не существует, и есть трансцендентальный идеализм [В. Виндельбанд, 1995а, с. 10].

И. Кант первым объяснил, как и почему разные по модальности чувственные репрезентации одного и того же предмета — его зрительный образ, вызываемые им ощущения тяжести, гладкости, теплоты, твердости и так далее объединяются в сознании в единый объект, то есть в новое сложное самостоятельное психическое явление — модель-репрезентацию объекта.

Простые феномены могут возникать и существовать в сознании и вне сложных, то есть сами по себе, не нарушая при этом единства более крупных конструкций, в которые входят в качестве элементов.

Для того чтобы глубже разобраться в том, что же все-таки такое модель-репрезентация феноменологически, давайте вновь попробуем вспомнить своего знакомого (см. раздел 6.3) и задумаемся о том, в каком виде сознание его репрезентирует.

Скорее всего, это визуальные образы и/или его имя — слуховой образ слова. У меня, например, при такой попытке возникают, сменяя друг друга, последовательности кратковременных стертых и нечетких зрительных образов воспоминания-представления, сопровождающихся слуховым образом имени знакомого.

Я непрерывно помню о своем знакомом уже на протяжении достаточно длительного времени. Стараясь обнаружить в своем сознании то, что репрезентирует мне его, я ловлю себя на том, что ни разу не вспомнил четко его

лица и только пытаюсь сделать это. Я и не думаю о его имени, тем не менее я каким-то образом помню все время о нем самом. Хотя в «потоке» возникающих в моем сознании кратковременных калейдоскопически меняющихся образов представления и воспоминания нет тех, которые прямо репрезентируют мне моего знакомого. В то же время «течение потока» каким-то образом удерживается произвольным усилием сознания «в русле» поиска образа моего знакомого.

Внезапно в сознании, как «вспышка» (см.: У. Найссер, А. Хаймен, 2005, с. 95), возникает и немедленно исчезает зрительный образ воспоминания-представления, который затем уже невозможно повторно снова вызвать в сознании. И именно этот образ, а не множество других, возникавших в рамках задачи вспомнить его, узнается мной как нужный образ искомого человека. Образ появился, как картинка во вспышке молнии, и немедленно исчез, оставив после себя особое ощущение того, что найдено нужное. Это специфическое интрапсихическое¹ ощущение обнаружения можно выразить словами «вот он». Подобные «точные», но уже иные кратковременные образы-«вспышки», репрезентирующие моего знакомого, могут вновь изредка повторяться на протяжении времени поиска в памяти нужного мне объекта.

Возникает вопрос: как сознание удерживало задачу и «тему» поиска, если в нем не было зрительного образа моего знакомого и его имени, а большинство возникающих образов не имели к нему прямого отношения? Какой психический феномен задавал эту «тему»? Если за это ответственно все же его имя (точнее, слуховой образ имени), которое вроде бы изредка возникало, то как может имя, будучи само по себе неопределенным и обозначая очень многих известных мне людей с тем же именем, репрезентировать в данном случае конкретного человека?

Вероятно, знакомого репрезентировали в моем сознании и «тему» задавали не образы воспоминания его лица и его имя, которые возникали редко, а что-то иное, трудноопределяемое. В итоге я прихожу к выводу, что искомый объект удерживался в сознании и задавался как «тема» поиска именем моего знакомого. Однако это было не просто имя, а имя, явно связанное с тем, что является для меня его чувственным значением, — с моделью-репрезентацией моего знакомого. Именно этим его имя радикально отличается для меня от другого такого же имени. Причем имя выступало как полноценный аналог конкретного человека, то есть модель-репрезентация моего знакомого. **Итак, имя человека репрезентирует конкретного человека не само по себе, а лишь потому, что входит в его модель-репрезентацию и полноценно представляет ее в сознании.**

¹ Я называю так особую группу переживаний, вызываемых появлением в сознании определенных психических феноменов.

В процессе интроспекции обнаруживается еще одно немаловажное обстоятельство — воспоминание о моем знакомом ассоциировано со стертым зрительным образом улицы, даже с образами определенного дома на этой улице и с образами других людей, проживающих рядом. Следовательно, модель-репрезентация моего знакомого занимает строго определенное место в глобальной модели-репрезентации окружающей реальности.

Неясный образ соседской собаки всплывает, например, тоже не сам по себе, а в структуре модели-репрезентации соседского участка. В то время как другой похожий образ собаки той же породы возникает вместе с воспоминанием об улице, на которой я видел недавно такую незнакомую собаку. Сами по себе субъективно неразличимые для меня полустертые образы собак определенной породы, не имеющие специфических отличительных черт, становятся для меня репрезентациями конкретных объектов, лишь возникая в структуре моделей-репрезентаций больших фрагментов реальности, которые можно обозначить словами «определенный контекст».

Порой бывает достаточно трудно дать себе отчет в том, что же именно, возникнув в сознании, актуализировало конкретную модель-репрезентацию. Это вроде и не образ объекта, и не имя, обозначающее его, а скорее зрительный образ места его локализации среди прочих объектов в более общей модели-репрезентации реальности. Возникает метафорический образ комода из мультфильма или библиотечного каталога с множеством ящиков, которые спонтанно и самостоятельно выдвигаются и вновь встают на свои места. Следовательно, идентифицировать, определить, **выделить конкретный объект (его модель-репрезентацию) среди прочих сознанию позволяет не только его образ, не только «ярлычок» — понятие, обозначающее объект, но и само место нахождения его модели-репрезентации среди прочих, в более общей модели-репрезентации реальности.** То есть определенный «ящик комода». Последний жестко соответствует месту объекта среди прочих объектов в окружающей физической реальности.

Может быть, в том числе и поэтому многие исследователи порой затрудняются четко определить, что представляют собой их мысли — образы, понятия или что-то еще. И часто склоняются к этому третьему. Однако нельзя сказать, что это «третье» действительно феноменологически представляет собой нечто отличное от образов и понятий. Это все те же образы, но достаточно трудно вербализуемые в силу своей сложности, символичности, а самое главное — кратковременности своего существования, что обуславливает нередкую их непонятность субъекту.

Часто они фрагментарны и даже вроде бы не имеют непосредственного отношения к рассматриваемому сознанием предмету, а потому тем более непонятны. Важную роль играет то, что образы воспоминания и представления всегда мимолетны и чрезвычайно быстро сменяют друг друга. Многие из них

вовсе не являются репрезентациями рассматриваемого в данный момент сознанием объекта. Многие имеют к нему отношение лишь постольку, поскольку входят в более общую модель-репрезентацию, включающую в себя репрезентируемый объект как свой элемент, занимающий в ней жестко фиксированное место.

Итак, модели-репрезентации любых объектов имеют жестко фиксированное место в структуре более крупных моделей-репрезентаций окружающей реальности и хранятся в памяти, говоря метафорически, как матрешки — друг в друге.

Если мельком бросить взгляд на знакомого и незнакомого человека, то можно заметить, что мгновенный образ восприятия знакомого сопровождается чем-то делающим этот образ «наполненным», тогда как образ восприятия незнакомого, метафорически выражаясь, — «пустой». Это «наполнение» первого образа и есть модель-репрезентация знакомого человека. По сути дела, она представляет собой известное нам значение данного перцептивного образа. Нельзя, конечно, сказать, что значения у мгновенного зрительного образа восприятия незнакомого человека совсем уж нет, но оно содержательно несопоставимо со значением образа восприятия знакомого. Г. Райл (1999) пишет:

Когда я смотрю на стоящий передо мной портрет человека, мне часто кажется, что передо мной сам этот человек, хотя это не так и, может статься, он давно уже умер. Я не стал бы хранить этот портрет, если бы он не отвечал этой функции [с. 247].

Действительно, почему лежащий передо мной объект — листок бумаги с фотографией знакомого мне человека — вызывает в моем сознании представление о другом объекте — самом этом человеке?

Происходит это потому, что образ восприятия данного искусственного объекта, выступающего как иконический знак изображенного на фотографии человека, актуализирует в моем сознании устойчивую психическую конструкцию — модель-репрезентацию основного объекта — конкретного известного мне человека. Иначе я тоже не стал бы хранить эту фотографию, так как она была бы для меня просто раскрашенным листком бумаги.

Модели-репрезентации не являются чем-то неизменным и статичным. Они репрезентируют постоянно меняющуюся реальность, а потому и сами постепенно меняются, трансформируются, как бы «текут», репрезентируя объекты в динамике их изменения. Изменения эти обусловлены не только внутренними трансформациями объектов, но и действиями наблюдателя, самих объектов, их окружения и т. д.

Например, возникающая в моем сознании модель-репрезентация моей собаки репрезентирует мне непрерывнодвигающийся объект, который то бежит,

то играет с мячом, то лежит, то ест и т. д. Даже модель-репрезентация неподвижного вроде бы дерева тоже изменяется. Его листья колышутся под ветром, а ветви гнутся, поворачиваются к солнцу или могут сломаться под изгибающей их рукой. Таким образом, **модель-репрезентация объекта представлена совокупностью образов воспоминания и представления этого объекта в динамике его возможных изменений.**

Модель-репрезентацию объекта, вероятно, нельзя сводить просто к чувственной репрезентации только физического объекта. В ней или в связи с ней следует рассматривать еще и изменения объекта во времени и отношения данного объекта с другими объектами, то есть нечто выходящее за пределы модели самого объекта. Это в том числе и то, что привносится в сенсорную модель объекта вербальным знанием о нем. То, что превращает, например, нечто твердое, холодное и блестящее в небольшой металлический предмет, затем в круглую монету и, наконец, в универсальное средство обмена.

Сенсорная **модель-репрезентация придает «конечность проявления» бесконечному чувственному многообразию объекта. Как только она сформировалась в сознании как репрезентация определенной физической сущности, новые образы восприятия объекта, число которых действительно бесконечно, уже ничего в ней принципиально не меняют, а лишь дополняют.**

Именно психическая **модель-репрезентация «исчерпывает» и «завершает» объект, придает конечность и ограниченность бесконечно изменчивым элементам окружающего нас мира.** Она же конституирует физический объект в сознании. Без нее сознание утонуло бы в нескончаемой череде меняющихся репрезентаций даже одного объекта реальности. Благодаря единству апперцепции сознание строит из бесчисленных рядов чувственных образов завершенные, конечные чувственные же репрезентации вычленяемых и конституируемых им сущностей, формируя тем самым вокруг себя конечный, ограниченный, завершенный мир, хотя он по сути своей незавершенный, бесконечный и безграничный.

Сознание создает модели-репрезентации разных сущностей: и реальных, и тех, которые могут в том числе репрезентировать объекты, отсутствующие в реальности. Поэтому модели-репрезентации окружающих нас физических объектов соседствуют в нашем сознании с моделями-репрезентациями фантастических физических объектов, созданных сознанием. При этом оно легко различает по каким-то не вполне ясным феноменологически признакам модели-репрезентации реальных и вымышленных сущностей. Хотя во втором случае правильнее, возможно, было бы говорить не о моделях-репрезентациях, а лишь о психических конструкциях, репрезентирующих такие сущности.

Сознание способно создавать иные реальности и легко трансформировать модели-репрезентации объектов, заставляя их изменяться в вымышленной реальности не так, как, например, их физические прототипы менялись бы в реальности физической. Мы можем, например, мысленно заставить бомбу, взорвавшуюся в Хиросиме, упасть в океан или вовсе не взрываться. Оживить последнего российского императора или Пушкина и мысленно заставить их действовать иначе, чтобы избежать смерти. Я говорю об этом не потому, что сомневаюсь в определяющей значимости для нас именно физических трансформаций объектов, а лишь для того, чтобы показать самодостаточность и относительную независимость наших моделей-репрезентаций от их референтов в реальности.

Модели-репрезентации постоянно и легко достраиваются сознанием, которое здесь удобнее всего представить метафорически в виде чертежника, способного вообразить видимую ему лишь в трех проекциях деталь в любой иной проекции и перенести эту новую проекцию на бумагу.

Для того чтобы модель-репрезентация была актуализирована в сознании, достаточно появления в нем перцептивных образов и ощущений, ассоциированных с ее элементами. В процессе восприятия конкретная модель-репрезентация актуализируется в сознании специфическим «набором» «своих» сенсорных впечатлений, которые, по-видимому, выступают в роли «ключа», открывающего «замок» определенного вида. Даже если перцептивные образы в следующий раз несколько иные, чем были прежде, они способны «открыть» тот же «замок».

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) спрашивают:

Вернемся к приведенному выше примеру, когда восприятие дерева, дома и автомобиля привело к формированию соответствующих представлений (читай: моделей-репрезентаций. — *С. П.*). Как в этом случае воспринимается другое дерево, другой дом и другой автомобиль? Формирует ли субъект при каждом восприятии новое представление (новую модель-репрезентацию. — *С. П.*)? Естественно, нет, смысл возникновения этого представления в том и состоит, чтобы использовать его для опознания при повторных восприятиях объекта [с. 139–140].

Думаю, что все, однако, не так просто. И очень часто такие «представления» (модели-репрезентации) объектов все же формируются. Пример тому — существование в сознании разных моделей-репрезентаций многих деревьев разного вида и даже одного и того же вида, растущих на вашем земельном участке. Их сложно, но можно различить. Самое главное, каждое из них занимает свое собственное место в общей модели-репрезентации вашего участка, что делает каждую модель-репрезентацию дерева одного и того же вида уникальной в своем роде. То есть уникальной модель-репрезентацию конкретного объекта во многом делает расположение ее в структуре вашей общей модели-репрезентации окружающего мира.

6.6. Влияние моделей-репрезентаций на восприятие

Давайте вернемся к вопросу о влиянии модели-репрезентации объекта на его восприятие. Б. Рассел (2001) пишет:

...если вы входите в темноте в вашу комнату, а кто-то поставил кресло на необычное место, вы можете наткнуться на кресло потому, что ваше тело верило, что в этом месте нет кресла [с. 160].

Дело, однако, не в том, что «наше тело верило» во что-то, а в том, что в нашем сознании существует модель-репрезентация привычной для нас реальности собственной комнаты. И она существенно влияет на новое восприятие этой же комнаты.

Дж. Гибсон и Э. Дж. Гибсон (1975), обсуждая особенности восприятия двух людей, один из которых в состоянии различить четыре тысячи видов вин, а другой — лишь четыре, задают вопрос:

Чему научился первый индивид в отличие от второго? Ассоциациям? Образам памяти? Отношениям? Умозаключениям? Появилось ли у него восприятие вместо простых ощущений?

И отвечают:

...Он научился различать на вкус и обоняние больше сортов вин, то есть большее число переменных химической стимуляции [с. 552].

Однако данное заключение нельзя принять как феноменологическое объяснение и ответ на поставленные авторами вопросы. Мне представляется, что у первого индивида сформировалось множество преимущественно обонятельно-вкусовых моделей-репрезентаций разных сортов вина, которые хранятся в его памяти. И эти модели-репрезентации актуализируются в его сознании под действием специфических сенсорных впечатлений.

Зрительная, тактильная и слуховая агнозия — неспособность узнавать знакомые предметы визуально, тактильно или на слух — вероятно, объясняется во многих случаях нарушением процесса актуализации в сознании текущими сенсорными впечатлениями хранящихся в памяти специфических моделей-репрезентаций известных объектов, а в ряде случаев, возможно, даже разрушением моделей-репрезентаций предметов окружающей реальности.

Выявленная еще гештальтпсихологией и обобщенная позже Ч. Осгудом (2002в, с. 330–331) и Х. Шиффманом (2003, с. 279) универсальная тенденция нашей психики к группированию элементов наших восприятий в целостные сложные структуры на основе факторов «близости», «сходства», «хорошего

продолжения», «общей судьбы», «симметрии», «замкнутости», «наличия связей между элементами восприятия» и так далее тоже объясняется наличием в памяти моделей-репрезентаций объектов окружающего мира.

В нашей памяти присутствуют потенциально готовые к актуализации в сознании модели-репрезентации всех предметов и явлений, с которыми мы встречались в течение жизни, их свойств и действий, ситуаций и граней реальности, их элементов и составных частей. Специфически подходящие к ним, как ключ к замку, новые перцептивные впечатления актуализируют их в сознании. Это обстоятельство хорошо объясняет слова, сказанные А. Камю (1990):

...на протяжении веков мы понимали в нем (в мире. — С. П.) лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали... [с. 32].

Наличие у нас моделей-репрезентаций позволяет понять, каким образом мы часто в состоянии узнать объект на основании отрывочных и неполных восприятий.

Так, например, образ восприятия некой воображаемой фигуры, которой на самом деле нет на рисунке, почему-то ничем не отличается от образа восприятия объектов, которые действительно там присутствуют. Объясняется данный факт тем, что у нас есть модели-репрезентации определенных объектов, которые актуализируются в сознании специфическими сенсорными впечатлениями. Это приводит к формированию образов восприятия объектов, отсутствующих в реальности. Возникает вопрос: *насколько же мощное влияние на восприятие оказывают модели-репрезентации, если из-за них мы способны видеть на рисунке то, чего там не изображено вовсе?*

Когда мы смотрим на изображения черных фигур с особыми вырезами (рис. 9), в нашем сознании возникают наряду с ними образы белого треугольника, белого квадрата и белого круга. Таким образом, глядя на изображение черных фигур, мы видим еще и белые, которых на рисунке нет. *Что представляют собой эти белые фигуры: образы восприятия, образы представления или нечто иное?*

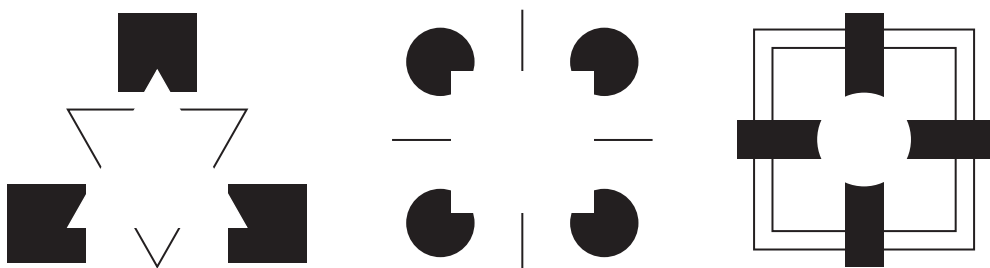

Рис. 9. Черные фигуры с особыми вырезами

Полагаю, что это образы представления, хотя бы потому, что белые фигуры кажутся мне, например, даже более белыми, чем белая поверхность листа. Я вроде бы даже вижу границы белых фигур на фоне менее белого, как мне кажется, листа, то есть они мне все же представляются.

Итак, я практически вижу собственные образы представления. Термин «вижу» в данном случае очень неоднозначный. Образы представления тут очень уж похожи феноменологически на образы восприятия. Из этого может следовать лишь одно — **образы моего представления непосредственно участвуют в формировании того, что я в итоге считаю образом восприятия.** Кстати, факт непосредственного участия образов представления в нашем восприятии, как я уже упоминал выше, многократно отмечался многими исследователями, начиная с Г. Гельмгольца (2002). Он же демонстрируется опытами с исчезающим краем поверхности, которые обсуждает Дж. Гибсон (1988) (см. раздел 8.2).

Существует множество феноменов восприятия: от восприятия ложного движения и иллюзий восприятия до искажения образов восприятия при наблюдении знакомого предмета через псевдоскоп¹, в которых проявляется мощное влияние образов воспоминания и представления на формирующиеся образы восприятия.

Вероятно, во многих таких случаях мы имеем дело с возникающими чувственными образами, являющимися чем-то средним между образом представления и образом восприятия — своего рода гибридными образами. В рассматриваемом случае (см. рис. 9) они обязаны своим появлением моделям-репрезентациям известных геометрических фигур, образы представления-воспоминания которых были актуализированы сенсорными впечатлениями, вызванными восприятием вырезов в черных фигурах.

Особенно ярко возможности трансформации образа восприятия объекта его моделью-репрезентацией, существующей у наблюдателя, проявляются, например, при восприятии изображения лица через псевдоскоп. Е. Е. Соколова (2005, с. 234) пишет, что эксперименты с псевдоскопом демонстрируют факт построения образа, «не соответствующего актуальной чувственной ткани». А. Н. Леонтьев (1976, с. 23) указывает, что, если объекты просто переворачиваются или приближаются, это не нарушает привычных зрительных норм. Если же псевдоскопический эффект вступает в противоречие с этими нормами, возникает конфликт между предметностью образа восприятия и изменениями, вносимыми псевдоскопом в сетчаточные проекции.

В. И. Белопольский (2007) отмечает, ссылаясь на В. В. Столина:

Когда псевдоскопический эффект, состоящий в обращении рельефа объектов, входит в противоречие с предметными нормами восприятия (имеющимися

¹ Псевдоскоп — оптическое устройство, которое перемещает изображения, падающие на глаза, таким образом, что свет, который падал бы на сетчатку правого глаза, падает на сетчатку левого и наоборот [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 137].

моделями-репрезентациями реальности. — С. П.), то происходят удивительные трансформации, причем всегда — в сторону придания сцене наибольшего правдоподобия, даже если для этого требуется существенная модификация сенсорного паттерна (В. В. Столин, 1976) [с. 28].

Наиболее известным эффектом, наблюдающимся при экспериментах с псевдоскопом, является отсутствие инверсии¹ человеческого лица, которая должна была бы возникать при наблюдении его через псевдоскоп. Б. Н. Компанейский (2002) пишет, что наблюдатели должны были бы видеть обратный рельеф лица с провалившимся носом, вогнутыми глазами и т. д. Однако этого не видят и не могут увидеть, даже если пытаются представить себе этот образ. Вогнутая маска человеческого лица тоже воспринимается выпуклой даже в том случае, когда наблюдатель одновременно смотрит и на вогнутую, и на выпуклую маски. Весь человеческий опыт противоречит подобной трансформации. В то же время прочие объекты при наблюдении через псевдоскоп подвергаются реверсии². При предъявлении через псевдоскоп предмета, имеющего неизвестную наблюдателю форму, тот воспринимался как инвертированный по глубине.

Если через псевдоскоп показывался известный предмет, например выпуклая скульптура, то его форма оставалась неизменной, то есть проявлялся эффект константности формы известных объектов. Лицо человека с закрытыми глазами, на которое был положен бумажный жгут, воспринималось как неправильной формы пузыри, поднимающиеся над желобами жгута. Если жгут случайно располагался посередине носа, то нос воспринимался как два провала среди рваных вздутий из человеческой кожи. Однако, как только снимали жгут или человек открывал глаза, испытываемые начинали нормально воспринимать и само лицо. Знание, что объект должен восприниматься в «псевдоглубинных» отношениях, никому из испытуемых не помогло.

Интересные результаты получены в исследованиях с псевдоскопом, проведенных В. В. Столиным (1976), который пишет:

...предметные взаимодействия обнаружили такие свойства видимого предмета, которые никак не могли быть свойственны предмету реальному [с. 188].

Автор проводил опыты с разными предметами: с миской с жидкостью, конусом, слоником, карандашом и т. д. Возникающий у испытуемых образ восприятия всегда соответствовал известным им законам окружающего мира. Вода, которая, например, не может лежать на выпуклой поверхности,

¹ *Инверсия*. 1. ...Любой процесс выворачивания изнутри наружу или переворачивания сверху вниз или результат такого процесса... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 308].

² Эффект обращения (реверсии) зрительных полей должен приводить к тому, что более близкие по отношению к наблюдателю объекты могут восприниматься как более удаленные и наоборот [А. Н. Гусев, 2007, с. 302].

трансформировалась в пластмассу, желе или металл. При этом, как отмечает В. В. Столин (1976):

...картина очень реальная, она обладает «изумительной устойчивостью» — даже можно видеть (не существующие сенсорно!) стенки «выреза в спине» (слоника. — С. П.). Порой картина эта меняется: слоник как бы становится сахарным и «подтаивает» в том месте, где сквозь него проходит карандаш [с. 191].

Очевидный разрыв между воспринимаемым предметом и образом восприятия, возникающим в процессе наблюдения предмета через псевдоскоп, свидетельствует о том, что сознание может создавать в качестве образа восприятия нечто относительно независимое даже от предмета, воспринимаемого другими наблюдателями или самим испытуемым, но без псевдоскопа. При восприятии лица через псевдоскоп в сознании наблюдателя возникает типичная репрезентация привычного и неизменного (в отношении инверсии) объекта — лица. Это объясняется, видимо, тем, что модель-репрезентация человеческого лица не допускает никаких его инверсивных вариаций. Если же существующие в сознании наблюдателя модели-репрезентации допускают естественные вариации, подобные тем, что создает псевдоскоп, то образ восприятия объекта через псевдоскоп может стать реверсированным.

Эксперименты с псевдоскопом заставляют задуматься над тем, что в образ восприятия привносится сознанием за счет прежнего опыта, а что обусловлено собственно актуальной ситуацией восприятия. **Псевдоскопические феномены демонстрируют, что наше восприятие строит новый образ в соответствии с привычными представлениями даже в ущерб «объективной» картине реальности, сильно трансформируя пространственные характеристики воспринимаемых предметов и воспринимаемую ситуацию в целом в соответствии с некой привычной, а потому реальной для испытуемого моделью-репрезентацией аналогичных или сходных объектов и моделью-репрезентацией ситуации, существующей в его сознании.**

А. Д. Логвиненко (2002в) делает важный вывод и задает крамольный вопрос:

...информация, необходимая для построения адекватного предметного образа, может быть извлечена из сколь угодно сильно трансформированного сетчаточного изображения. ...А является ли вообще необходимым собственно сетчаточное изображение для построения адекватного зрительного образа? [С. 618.]

Мне представляется, что, безусловно, является, но часто в значительной степени лишь пусковым механизмом для актуализации в сознании типовой или эталонной модели-репрезентации. Результаты экспериментов с псевдоскопом ставят под сомнение базовые представления о механизмах формирования образа восприятия и вновь поднимают вопрос об участии в его формировании образов представления и воспоминания воспринимаемого объекта.

Х. Шиффман (2003) замечает, что:

...по мнению конструктивистов, наблюдатель играет активную роль в комбинировании, оценке и интерпретации пространственной информации, которую он получает от разных пространственных признаков. Иными словами, для того, чтобы восприятие «состоялось», наблюдатель должен обработать информацию, полученную за счет различных пространственных признаков. Следовательно, в этом процессе участвуют и опыт наблюдателя, и его знания об окружающей обстановке. ...Мы «конструируем» зрительную обстановку, исходя из нашей интерпретации множества пространственных связей между элементами, находящимися в поле нашего зрения (Hochberg, 1988; Rock, 1986, 1995). ...Представляется разумным согласиться с тем, что наше восприятие мира (по крайней мере отчасти) не является непосредственным, прямым восприятием, а конструируется нами... [с. 380–382].

По-видимому, **так называемые образы восприятия — это гораздо более сложные, чем принято считать, психические феномены, состоящие из многих мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления.** Такой подход далеко отстоит от привычных представлений о перцептивных образах как психических аналоговых моделях объектов, которые якобы соответствуют физически представленным в реальности объектам во всех их проявлениях и качествах.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) пишут:

То обстоятельство, что процесс опознания требует наличия в психике какого-то образца, эталона, с которым производится сравнение и сопоставление, признается практически всеми исследователями. Расхождение заключается в понимании того, что собой представляет этот образец, каковы его отношения с объектами-оригиналами и как происходит процесс сличения. В психологии нет общепризнанной концепции распознавания объектов: существующие теории различаются и предметом обсуждения (что с чем сравнивается), и процессом (каким образом осуществляется сравнение) [с. 13].

Я бы добавил, что процесс восприятия включает в себя отнюдь не просто «сравнение и сопоставление» с эталоном, но и участие элементов этого эталона в формировании того, что можно назвать «итоговым» образом восприятия, тем, который сохраняется в памяти. **Модель-репрезентация и является тем «образцом, эталоном, с которым производится сравнение и сопоставление» и который к тому же сам участвует в формировании образа восприятия.** Можно сказать, что модель-репрезентация окружающей реальности не только непосредственно и непрерывно участвует в нашем восприятии, но и во многом формирует образ ее восприятия.

Исследователи (Э. Бехтель и А. Бехтель, 2005, с. 75) задают вопрос, который они называют одним из «проклятых» вопросов психологии: *каким образом субъект умудряется иметь так много эталонов, или прототипов, которые по-*

зволюют ему производить опознание объекта практически при любом изменении условий восприятия?

Дело, по-видимому, не только в том, что модель-репрезентация включает в себя бесчисленное множество «проекций» (в форме конкретных образов воспоминания) тех объектов реальности, с которыми человек сталкивался в процессе своей жизнедеятельности, но и в том, что сознание способно до-страивать на их основе образы представления тех «промежуточных» между имеющимися образами воспоминания проекций, которых даже пока нет в модели-репрезентации.

Именно **модель-репрезентация известного объекта ответственна за «до-страивание» его образа восприятия до «хорошей формы»**, о котором пишет, например, Е. Е. Соколова (2005), обсуждая открытый гештальт-психологами фундаментальный закон восприятия — закон «прегнантности»,

...согласно которому наше перцептивное поле стремится к структурированию наиболее хорошим (при данных условиях), то есть простым, симметричным, экономным образом. Так, например, если на очень короткое время испытуемым предъявляют окружность с разрывом, испытуемые этого разрыва не замечают, достраивая воспринимаемое изображение до «хорошей формы» — целостной окружности. Это называется *завершением гештальта*... Закон стремления к «хорошей форме» лежит в основе и иных психических процессов, в частности мышления [с. 143].

В процессе восприятия незавершенной окружности сенсорные впечатления в первую очередь актуализируют в сознании модель-репрезентацию окружности. В результате этого незавершенные фигуры (рис. 10) достраиваются образами представления и воспоминания до окружности. Сам наблюдатель анализирует не то, что он действительно видит на рисунке, а что как бы видит, но в действительности лишь представляет. Причем он именно видит, то есть сенсорно переживает, а не рационально понимает наличность воспринимаемой окружности (см. рис. 10) или белых фигур (см. рис. 9), что говорит об участии визуальных образов представления в формировании его образов восприятия. В этой связи интересно замечание В. В. Любимова (2007):

...констатация отсутствия изменений в объекте при изменении условий восприятия не является сознательно полученным в результате целенаправленной, рациональной обработки информации выводом: отсутствие изменений в объекте восприятия при изменении условий наблюдатель *видит непосредственно* [с. 29].

Видит он их *непосредственно* также потому, что во всех случаях изменяющихся условий восприятия того же самого объекта всегда актуализируется одна и та же модель-репрезентация этого объекта, которую наблюдатель и видит непосредственно.

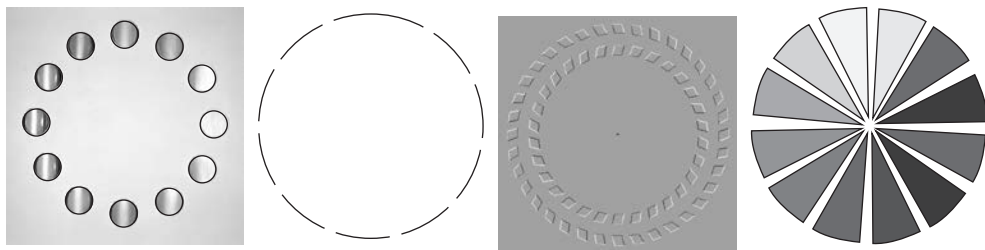

Рис. 10. Незавершенные фигуры достраиваются образами представления и воспоминания до окружности

В. М. Аллахвердов (2000) отмечает, что:

...в серии разнообразных экспериментов было показано, что при определении расстояния, на котором испытуемому предъявляется знакомый предмет, главную роль в присуждении расстояния играет *знание* величины предмета, а не реальная величина [с. 368].

Из этого следует, что **модель-репрезентация известного предмета, существующая уже у наблюдателя к моменту нового восприятия этого предмета, играет важнейшую роль в формировании образа восприятия не только его самого, но и реальности в целом, включая репрезентацию величины воспринимаемых объектов и расстояния между ними.**

Важным качеством психики является не ее способность создавать ощущения и даже образы, а ее способность создавать целостные чувственные модели-репрезентации окружающих человека существностей, которыми сознание впоследствии может оперировать даже при отсутствии в данный момент в окружающем мире их физических референтов. Соответственно, главное предназначение образов воспоминания и представления — участие в формировании сенсорных моделей-репрезентаций окружающей реальности.

Роль моделей-репрезентаций в восприятии окружающего мира трудно переоценить, так как, во-первых, они наполняют окружающий мир чувственными существностями. Во-вторых, именно они достраивают бесконечное множество часто нечетких и неполных сенсорных впечатлений, превращая их в привычные образы восприятия предметов.

Р. Л. Грегори (2003) утверждает, например, что:

...запасенные представления являются основным звеном всякой перцепции... [с. 151].

В сущности, нашим органам чувств предметы доступны лишь в очень малой степени. Ведь ощущаются не предметы как таковые, а мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы, возникающие при легком контакте объекта с кожей руки, а иногда болевые уколы, оставляющие

при слишком тесном соприкосновении с предметом вещественный след — царапину. Нашим ощущениям доступна лишь малая часть важных свойств объектов.

...Изучая тончайшие намеки на природу окружающих объектов, мы опознаем эти объекты и действуем, но не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько в согласии с тем, о чем мы догадываемся. Человек кладет книгу не на «темно-коричневое пятно», он кладет ее на стол. Догадка преобразует темно-коричневое пятно, ощущаемое глазами, или твердый край, ощущаемый пальцами, в стол — нечто более значащее, чем любое пятно или край. Темно-коричневое пятно пропадает, когда мы отворачиваемся, но мы уверены, что стол и книга находятся по-прежнему там же, где были [с. 11–12].

Р. Л. Грегори (2003) задает вопрос:

Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях? [С. 13] —

напоминая, что эту проблему поставил еще Беркли.

Как сознание репрезентирует нам целостные объекты, хотя мы воспринимаем лишь какие-то отрывочные сенсорные впечатления?

Мне представляется, что убедительным ответом на этот вопрос будет ссылка все на ту же модель-репрезентацию знакомого предмета, уже существующую исходно в нашей памяти к моменту очередного его восприятия.

Не «догадка преобразует темно-коричневое пятно или твердый край» в стол, а **сенсорные впечатления актуализируют в сознании целостную конструкцию, в которой виденные ранее бесчисленные проекции и элементы уже сложены в известный нам объект** — стол. Те самые «мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы... болевые уколы» и тому подобное тоже актуализируют в нашем сознании константные психические конструкции — гештальты, репрезентирующие нам окружающий мир. Именно благодаря постоянным и тождественным самим себе моделям-репрезентациям окружающих предметов «мы уверены, что стол и книга находятся по-прежнему там же, где были». Поэтому мы и «действуем не столько в соответствии с тем, что ощущаем, сколько в согласии с тем, о чем догадываемся» (Р. Л. Грегори, 2003, с. 12).

В имеющихся у нас моделях-репрезентациях известных нам объектов кроется секрет мгновенно возникающих у нас при первом взгляде на незнакомого человека расположения или неприязни к нему. Возникающие у нас образы восприятия нового для нас человека актуализируют существующие в нашей памяти чувственные модели-репрезентации других знакомых нам людей. Эти модели-репрезентации уже эмоционально окрашены в результате нашего прошлого взаимодействия с известными нам людьми. Поэтому нам сразу симпатичны люди, которые чем-то похожи на нас или наших близких. И несимпатичны люди, чем-то напоминающие тех людей, которых мы не любим. При этом часто мы не можем понять, чем именно нам не нравится или, наоборот, симпатичен незнакомец.

6.7. Конкуренция моделей-репрезентаций в процессе восприятия

Как замечает М. Мерло-Понти (1999),

нарисованный на бумаге куб (куб Неккера (рис. 11). — *С. П.*) меняет свой вид в зависимости от того, как на него посмотреть: справа и сверху или слева и снизу... «Умопостижение меняет восприятие»... «явленность обретает форму и смысл по команде»... [с. 63–64].

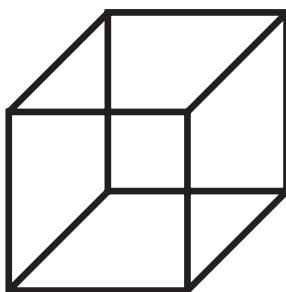

Рис. 11. Куб Неккера

Р. Л. Грегори (2003) пишет:

Глядя на «двусмысленные» картины, мы узнаем, что существуют конкурирующие гипотезы, ожидающие момента, когда они смогут выйти на авансцену [с. 44].

Ч. Осгуд (2002в) тоже обращает внимание на то, что воспринимаемые нами сущности могут конкурировать между собой в процессе восприятия:

Посмотрите пристально в течение некоторого времени на фигуру из маленьких черных квадратов, изображенную на... (рис. 12. — *С. П.*): вы заметите постоянные изменения в ее организации — то горизонтальные, то вертикальные линии, то группы из четырех квадратов, то центральный крест. Мы здесь имеем двусмысленную ситуацию, в которой различные периферические (стимульные) и различные центральные (установка, значение и т. д.) факторы соревнуются в определении того, что будет воспринято. Впервые эта «шахматная доска» была описана Шуманом (1900), который приписал флуктуацию перцептивной организации капризам внимания [с. 322].

Автор продолжает:

Любое сенсорное поле, если оно пристально рассматривается достаточно длительное время, начинает изменяться на наших глазах, обнаруживая свой действительно неоднозначный характер [с. 332].

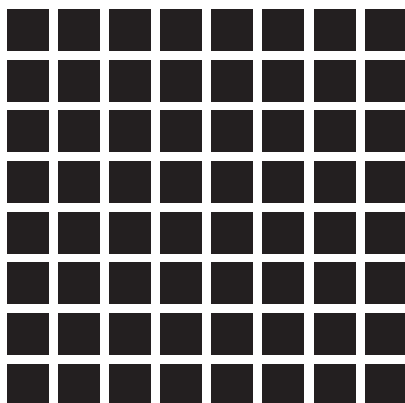

Рис. 12. Фигура из маленьких черных квадратов

О том же пишет Х. Шиффман (2003), предлагая всмотреться в другое изображение (рис. 13):

Вы на собственном опыте ощутите тенденцию к группированию его элементов в конкретные фигуры. Возможно, вы начнете видеть круги и линии, которые быстро возникают и так же быстро трансформируются в другие комбинации. Марр сказал об этом изображении: «Эта конфигурация преисполнена бурной активности — создается впечатление, что конкурирующие пространственные организации яростно борются друг с другом» [с. 278].

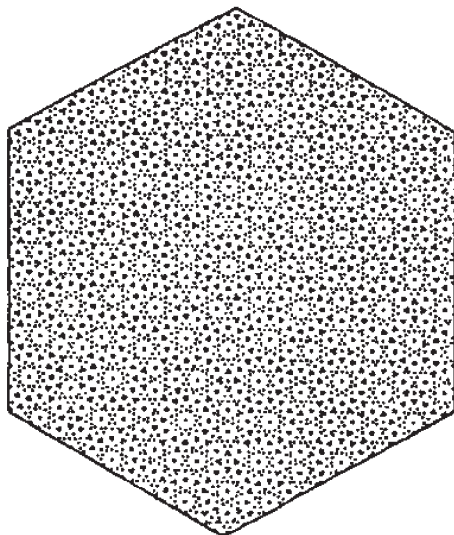

Рис. 13. Зрительный паттерн, демонстрирующий принцип изменчивости перцептивного гештальта по времени

Чему же обязана своим появлением эта неопределенность нашего восприятия? И что это за «конкурирующие пространственные организации»? Почему один и тот же ряд зрительных впечатлений может актуализировать репрезентации разных предметов в нашем сознании?

Некоторые рисунки, такие, например, как силуэты молодой и старой женщины (рис. 14), силуэты молодого и старого мужчины (рис. 15), силуэты трех людей (рис. 16), силуэты юноши и дерева (рис. 17), силуэты осла и тюленя (рис. 18), куб Неккера (см. рис. 11) и т. д., при рассмотрении трансформируются то в один, то в другой объект. Это происходит потому, что они способны актуализировать в нашем сознании не одну, а две модели-репрезентации двух разных объектов, которые конкурируют в сознании и поочередно сменяют друг друга.

Рис. 14. Почтовая открытка. «Моя жена и моя теща». Начало XX в., Россия

Рис. 15. Я. Ботвиник. «Мой муж и мой свекор». Первая половина XX в., США

Рис. 16. Г. Фишер. «Мама, папа и дочь». 1968 г., США

Рис. 17. Двойное изображение (дерево и профиль юноши)

Рис. 18. Силуэт осла и тюленя

А. Д. Логвиненко (1987) пишет, обсуждая куб Неккера (см. рис. 11):

...это изображение порождает два различных образа, причем наблюдатель может произвольно переходить от одного образа к другому. Несмотря на имеющиеся у этих образов явные различия, у них есть и нечто общее, а именно их чувственная основа. Если воспользоваться терминологией созерцательно-сенсуалистической психологии, то можно сказать, что у этих образов один и тот же состав ощущений. Иначе говоря, одни и те же ощущения организованы в разные восприятия [с. 5].

Мне представляется, что здесь следует говорить о сходных сенсорных впечатлениях, которые в зависимости от того или иного акцента (создаваемого определенной установкой наблюдателя, концентрацией внимания на определенных частях поля восприятия и т. д.) актуализируют в сознании воспринимающего разные модели-репрезентации. Изображенные выше объекты вызывают у наблюдателя очень похожие, но все же разные совокупности сенсорных впечатлений, которым соответствуют модели-репрезентации разных объектов реальности. При этом между альтернативными моделями-репрезентациями начинается борьба за доминирование в сознании.

М. Коул и С. Скрибнер (1977) отмечают, что результаты экспериментов Берри:

...подтвердили предположение о том, что то, что видит человек, когда у него перед каждым глазом одна из двух конфликтующих между собой картинок, зависит от культуры; привычные для данной культуры картины испытываемые более часто видели раньше, чем непривычные [с. 103].

В. Келер (2005) демонстрирует, как сознание сопротивляется изменению образа уже воспринятого нами объекта. Он предлагает взять ряд вертикальных параллельных прямых и несколько увеличить каждый второй просвет (рис. 19). Немедленно возникает «эффект группировки». Автор пишет:

Насколько силен этот эффект, можно почувствовать, если попытаться сформировать другие группы так, чтобы любые две линии с большим расстоянием между ними образовали одну группу, а меньшее расстояние было бы между двумя линиями другой группы. Вы почувствуете, что это требует специального усилия. Увидеть одну такую группу, может быть, достаточно легко, но сгруппировать весь ряд так, чтобы видеть все эти группы одновременно, мне, например, не по силам. Большинство людей никогда не смогут добиться, чтобы эти новые группы стали для них такими же ясными, устойчивыми и оптически реальными, как предыдущая группировка... [с. 249].

Я объясняю результаты данного опыта тем, что в процессе восприятия «побеждает» конкретная модель-репрезентация. В данном случае — нечто вроде штакетника из узкой доски. Когда мы стараемся увидеть в линиях что-то иное,

например забор из широкой доски, мы тем самым пытаемся заменить победившую модель-репрезентацию на другую. Модели-репрезентации начинают конкурировать между собой, и старую трудно заменить новой. «Принципы группировки», а точнее, особенности существующих у человека моделей-репрезентаций определяют восприятие не только прямых линий, о которых мы только что говорили, но и любых других предметов.

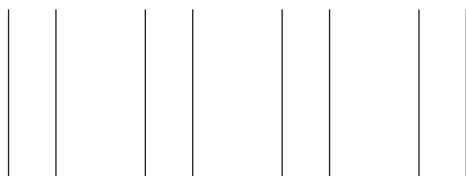

Рис. 19. Эффект группировки, показанный с помощью параллельных прямых

М. Мерло-Понти (1999) повторяет вопрос В. Келера:

...почему в иллюзии Цельнера (рис. 20. — *С. П.*) так трудно сравнить сами прямые, как это предписывает задание? ...Чем объяснить то обстоятельство, что главные линии никак не отделяются от дополнительных? —

и пишет:

Следовало бы признать, что главные линии, когда они дополнены другими линиями, перестают быть параллельными, что они утратили смысл параллельности, получили какой-то другой смысл, что дополнительные линии привносят в фигуру какое-то новое значение, которое ее повсюду сопровождает и не может быть от нее отделено [с. 64].

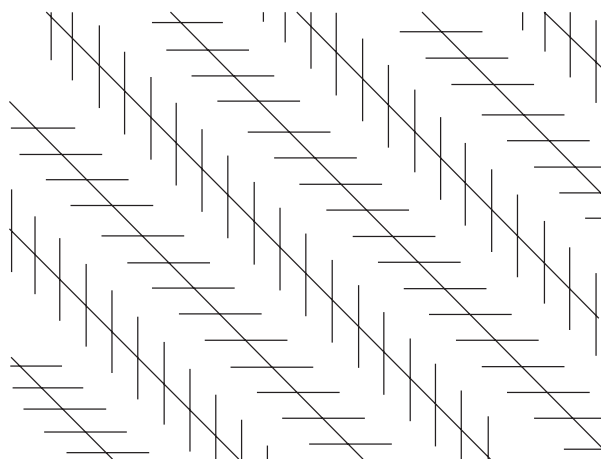

Рис. 20. Иллюзия Цельнера

Совершенно верно. Изолированные «главные параллельные линии» обычно актуализируют в сознании одну модель-репрезентацию. Присоединение же «дополнительных линий» актуализирует в сознании уже иную модель-репрезентацию. И в ней «главные линии» превращаются в совершенно иной фрагмент реальности, в котором они уже и не «главные», и совсем не обязательно параллельны исходно. Актуализирующаяся в связи с дополнительными линиями новая модель-репрезентация и определяет иной характер восприятия и утрату главными линиями параллельности. При этом иллюзии нашего восприятия не может уничтожить никакое наше вербальное знание.

Конкуренция моделей-репрезентаций в некоторых других объектах — рисунках невероятных фигур (рис. 21) приводит в конечном счете к тому, что сознание просто не может построить адекватный образ их восприятия и во все не в состоянии их воспринять как целостные фигуры. В результате у нас не возникает завершенного устойчивого образа восприятия.

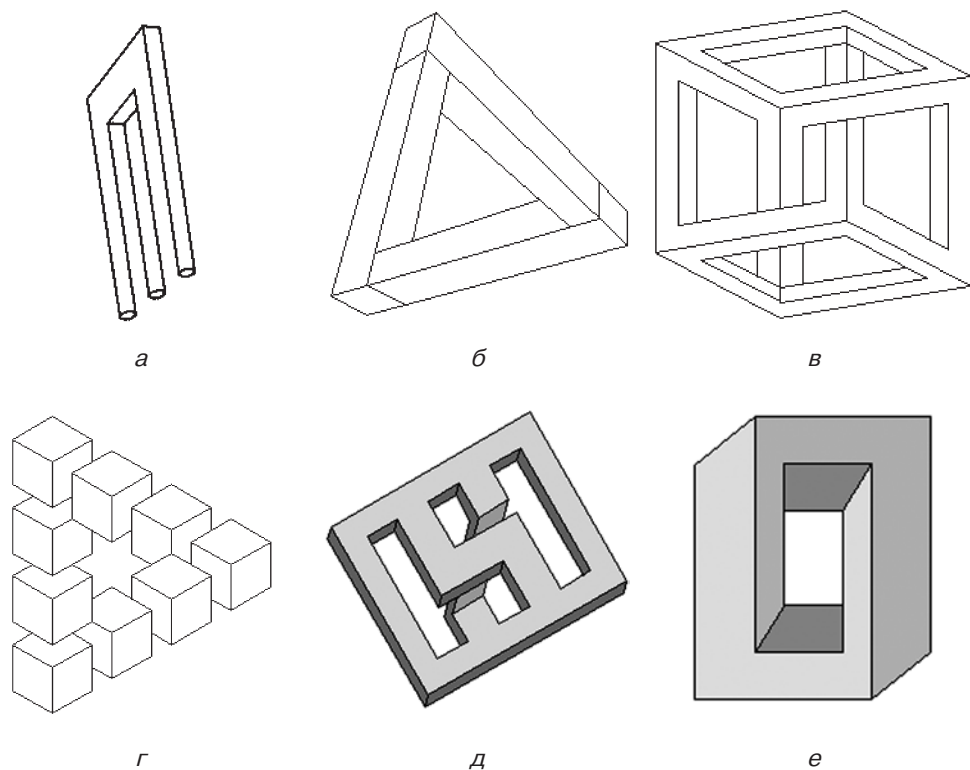

Рис. 21. Невероятные фигуры: *а* — трезубец (впервые иллюзия была опубликована в журнале *Mad* в 1965 г. (художник Норман Минго); *б* — треугольник Р. Пенроуза (Roger Penrose, 1954); *в* — куб Эшера; *г* — *е* — невозможные фигуры О. Реутерсварда

Мы не можем воспринять ни одну из этих фигур как целостную, потому что одна их часть, представленная одной моделью-репрезентацией, не соответствует другой их части, представленной другой моделью-репрезентацией, и сознание не в состоянии выбрать одну из моделей-репрезентаций и объединить части в один объект.

6.8. Модели-репрезентации и иллюзии восприятия

Наличие в памяти устойчивых моделей-репрезентаций объектов и более сложных сущностей объясняет ряд известных иллюзий восприятия. Например, образ восприятия двух и более сходящихся прямых (рис. 22 и 23), пересекаемых равными прямыми отрезками (иллюзия Понцо), актуализирует в сознании модель-репрезентацию параллельных прямых, относящихся к уходящей от наблюдателя вдаль железной дороге, шоссе и т. п. Поэтому один из равных прямых отрезков, расположенный ближе к сходящимся концам прямых линий, воспринимается как удаленный от наблюдателя, а потому больший, так как в модели-репрезентации рельсовых путей и равных между собой шпал, например, удаленная шпала выглядит меньше предыдущей.

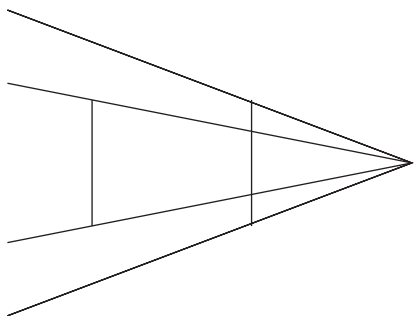

Рис. 22. Иллюзия Понцо (пример 1)

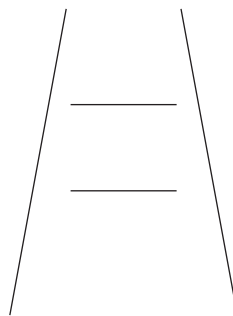

Рис. 23. Иллюзия Понцо (пример 2)

Модели-репрезентации элементов привычных окружающих нас объектов, например частей помещений, аналогичным образом влияют на восприятие одинаковых параллельных прямых в иллюзиях Мюллера-Лайера (рис. 24). Равные по высоте отрезки кажутся разными, так как один выглядит как наружный угол выдвинутого в сторону наблюдателя дома, тогда как другой — как внутренний угол комнаты, удаленный от наблюдателя.

Актуализация в сознании определенной модели-репрезентации нередко сопровождается появлением ассоциированных с данным объектом эмоций и даже желаний. Например, актуализация модели-репрезентации близкого человека обязательно сопровождается теплыми чувствами по отношению к нему,

переживаниями тревоги или радости за него, желанием побыстрее увидеться с ним и т. д., то есть **модель-репрезентация объекта включает в себя эмоции и мотивы, вызываемые данным объектом у человека**. Это не исключает того, что эмоции и желания, входящие в модель-репрезентацию конкретного объекта, изменяются со временем, как изменяется и сама модель-репрезентация объекта в целом. Например, тот, кого мы когда-то любили, может стать со временем нам безразличен.

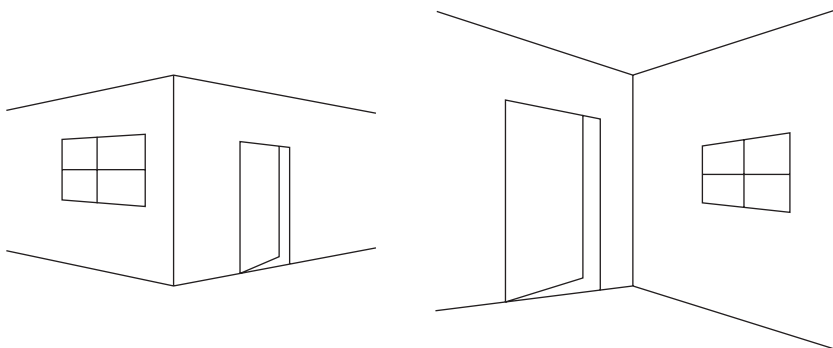

Рис. 24. Иллюзия Мюллера-Лайера

С эмоциональной составляющей модели-репрезентации объекта (или иной сущности) связано такое их специфическое феноменальное качество, как ценность для человека. К. Юнг (1998) пишет:

Благодаря тональности чувства мы узнаем о ценности вещи. Например, чувство может показать, нравится ли вам данная вещь или нет. Иначе говоря, оно показывает, чего эта вещь для вас стоит. Без определенной чувственной реакции невозможно воспринять ни одного явления. У вас всегда есть определенный чувственный настрой, который можно даже обнаружить экспериментальным путем [с. 19].

Субъективная ценность присуща всем перцептивным образам и тем более моделям-репрезентациям. Она выражается в предпочтительности предмета, репрезентируемого сенсорно, для конкретного субъекта в конкретный момент и в количестве усилий, которые субъект готов затратить на получение данного объекта, сохранение его у/для себя и поддержание его должного состояния. Модели-репрезентации представляют в сознании также особые объекты, вызывающие самые живые и бурные эмоции у человека. Это, например, касается моделей-репрезентаций близких нам людей. Как пишет У. Джеймс (2000),

...когда они умирают, исчезает часть нас самих, нам стыдно за их дурные поступки. Если кто-нибудь обидел их, негодование вспыхивает в нас тотчас, как будто бы мы сами стали на их место [с. 22].

К таким объектам он относит родной дом, «вызывающий в нас нежнейшее чувство привязанности», «произведения нашего кровного труда», те объекты, которых мы долго добивались и, наконец, получили, даже идеальные объекты, такие, как, например, наше доброе имя, наш авторитет среди окружающих людей и их уважение (там же).

6.9. Модели-репрезентации у людей с восстановленным зрением

Описывая больных с врожденной катарактой обоих глаз, которым было возвращено зрение во взрослом возрасте, Р. Л. Грегори (1970) отмечает, что после обретения зрения они видели мир не так, как обычные люди, не в виде образов объектов, а в виде расплывающихся пятен, их подавлял поток необычных восприятий. Через несколько дней отмечалась тенденция к налаживанию восприятия, но восприятие глубины и удаленности давалось с трудом, не было понимания плоскостных журнальных иллюстраций, не было константности восприятия, имелась невосприимчивость к некоторым геометрическим иллюзиям. При этом пациенты замечали целостные фигуры и отличали их от фона, могли фиксировать объекты и следить за их движением, отмечали различия между объектами, но не могли объяснить их, не могли назвать объекты и характеризовать их. Объекты казались пациентам расположенными в пространстве, а не в плоскости, но они пытались взять рукой объекты, находящиеся на расстоянии нескольких метров, или, наоборот, сильно тянулись к близким объектам.

Х. Шиффман (2003, с. 453–454) приводит дополнительные данные, свидетельствующие о том же. Больные с восстановленным в зрелом возрасте зрением воспринимают цвет и сочетание «фигура — фон», могут зафиксировать взгляд на движущемся объекте, следить за ним, способны к сквозному беглому визуальному обследованию пространства и отличают одни объекты от других, хотя испытывают трудности с идентификацией и распознаванием конкретных объектов. Например, один из больных так и не понял даже по прошествии длительного времени после восстановления зрения самого понятия *глубина*, не понимал как смысла объектов, изображенных на двухмерных фотографиях, так и того, что происходило на экране телевизора во время демонстрации фильма. Он воспринимал изображение как сочетание световых полос, цветовых пятен и движений.

М. Зенден (2002, с. 565) собрал наблюдения над 66 пациентами, которые обрели зрение в зрелом возрасте после операции по удалению катаракты. Он приводит данные, характерные для большинства пациентов. После возвращения зрения человек не воспринимает организованный зрительный мир

таким, каким его видят нормальные люди. Он чрезвычайно смущен потоком незнакомых зрительных стимулов. Однако в визуальном восприятии нет и полного хаоса, так как он видит целостные фигуры, отделенные от фона. Пациент сразу же способен фиксировать объекты, рассматривать их и следить за движущимися фигурами. Он видит, что объекты отличаются друг от друга, но не понимает сути различий и не может дать названия объектам, хотя легко делает и то и другое, восприняв объект в другой сенсорной модальности (осязание). Автор объясняет это отсутствием заученных ассоциаций между такими терминами, как «длинный», «короткий», или усвоенными названиями предметов и новыми, соответствующими им зрительными комплексами. Объекты кажутся пациенту расположенными в пространстве, а не в плоскости. Однако он не в состоянии оценить расстояние. Тем не менее его поведение резко отличается от поведения слепого. М. Зенден полагает, что эти недостатки являются следствием «еще не образовавшихся зрительно-моторных координаций».

Фактически во всех наблюдениях было продемонстрировано, что **зрительные восприятия, возникшие впервые у слепых людей с восстановленным в зрелом возрасте зрением, не имеют привычного для зрячих людей ясного им значения, которое, собственно, и превращает сенсорные впечатления в образы восприятия.** Визуальные образы возникают у людей с восстановленным зрением впервые, и у них не были сформированы, как у всех взрослых людей, значения этих образов в форме визуальных моделей-репрезентаций привычных физических объектов.

Другие составляющие этих моделей-репрезентаций в прочих модальностях у них присутствуют и даже превосходят в плане информативности те, которые имеются у людей с нормальным зрением. Однако **отсутствие в моделях-репрезентациях окружающего мира нормальных визуальных составляющих приводит к непониманию пациентами возникающих у них впервые зрительных впечатлений.**

Поэтому пациенты видят вначале неорганизованный зрительный мир с множеством неизвестных и непонятных цветных пятен. Тем не менее они могут фиксировать эти пятна и в состоянии дифференцировать собственное визуальное поле, видимо, благодаря врожденной способности выделять фигуру из фона. Большинство пациентов способны следить за движущимися объектами. Однако по причине отсутствия визуальных компонентов моделей-репрезентаций предметов они не могут дифференцировать предметы в соответствии с их визуальными различиями и на этом основании категоризировать их.

У них есть некоторая способность оценки пространственной удаленности объектов, но она весьма несовершенна вследствие отсутствия целостной визуальной модели-репрезентации окружающей реальности, которая в норме структурирована в глубину, высоту и ширину. То, что эти больные в основном

не испытывали зрительных иллюзий (Х. Шиффман, 2003, с. 453–454), также подтверждает отсутствие у них необходимых моделей-репрезентаций, выступающих в качестве значения соответствующих зрительных образов.

Р. Л. Грегори (1970) упоминает, что больные точно оценивают расстояние и размеры объектов, если хорошо знают их на ощупь. Следовательно, если у пациента уже есть модель-репрезентация объекта, пусть даже только тактильная, ему гораздо легче достроить ее визуальный компонент. **То, что для нормального зрительного восприятия необходимы визуальные модели-репрезентации, подтверждается тем фактом, что у пациентов, ослепших уже после рождения, зрительное восприятие восстанавливается после операции намного быстрее, чем у слепых от рождения** (М. Зенден, 2002, с. 566).

Состояние, возникающее у пациента после возвращения ему зрения, можно сравнить с тем состоянием, которое возникло бы у обычного человека, если бы у него вместо глаз внезапно появились новые и гораздо более развитые, чем все имеющиеся сейчас, органы восприятия, регистрирующие, например, электростатические заряды и ультразвуковые волны. Тогда мир предстал бы для него в новых модальностях, в виде совершенно незнакомых новых чувственных недифференцированных перцептивных репрезентаций.

Даже при сохранении привычных моделей-репрезентаций ему пришлось бы, действуя в этом новом богатом сенсорном хаосе, длительное время отыскивать некие опорные моменты, сверяя их со своими имеющимися в других модальностях моделями-репрезентациями и вербальными знаниями о мире. В итоге разные чувственные впечатления, связываясь между собой, образовали бы новые психические конструкции — модели-репрезентации в новых модальностях, репрезентирующие ему совершенно иначе окружающую физическую реальность. Нечто подобное, хотя и далеко не в столь радикально иной форме, наблюдается в экспериментах с очками, переворачивающими изображение (см. разделы 6.1, 6.6, 7.2, 7.3.).

Тезисы для обсуждения

1. Многообразие образов восприятия даже одного и того же элемента «реальности в себе», возникающее в процессе его восприятия, требует формирования относительно константной психической репрезентации данной физической сущности. Такой устойчивой и длительно существующей психической формой, представляющей сознанию знакомую физическую сущность, является ее модель-репрезентация. Без нее было бы невозможно идентифицировать объекты и явления физического мира и постигать его.
2. Модель-репрезентация чувственно конституирует физическую сущность, «завершает» ее, придает «конечность проявления» бесконечному

многообразию образов ее восприятия. Как только она сформировалась в сознании в качестве репрезентации конкретной физической сущности, новые образы восприятия лишь дополняют и видоизменяют ее вслед за изменениями фрагмента репрезентируемой ею реальности.

3. Модель-репрезентация является сложным психическим явлением — чувственной психической конструкцией. Это не просто ассоциация или набор связанных между собой «простых» психических явлений, а новый, самостоятельный психический феномен, не сводящийся уже к сумме свойств составляющих его частей, так как он имеет уже новые свойства и выполняет новые функции.
4. Модели-репрезентации физических объектов и явлений, их свойств и действий играют решающую роль в процессах восприятия реальности и прогнозирования ее возможных изменений. С появлением моделей-репрезентаций мир становится для человека «вещным» и более понятным.
5. Важной функцией психики является поэтому не ее способность создавать ощущения и даже психические образы, а ее способность формировать целостные модели-репрезентации окружающих физических сущностей, которыми сознание может затем оперировать вне зависимости от того, доступны восприятию в данный момент или нет их физические референты и даже от реального сохранения последних в мире.
6. Модель-репрезентация, по-видимому, достаточно быстро формируется сознанием в результате восприятия конкретного элемента «реальности в себе». Она обеспечивает функционирование открытого Ж. Пиаже «закона сохранения объекта» — понимание того, что предмет существует даже тогда, когда находится вне пределов досягаемости наших органов чувств.
7. При дефиците перцептивных данных модель-репрезентация позволяет нашим органам чувств мысленно достраивать с помощью образов представления и воспоминания не существующие в текущем восприятии или скрытые части знакомых физических сущностей. Например, формирует в сознании образы оборотной стороны видимого предмета. Она ответственна также за способность сознания располагать знакомые, но отсутствующие сейчас объекты в реальном пространстве восприятия, мысленно превращая их образы воспоминания — представления во фрагменты воспринимаемого мира.
8. Модели-репрезентации присутствуют в сознании как самостоятельные, сложные психические явления, существующие наряду с множеством более простых явлений — образов, ощущений, эмоций, входящих в них как сенсорная репрезентация следующего по сравнению с ними уровня сложности.

9. Модель-репрезентация объекта — это не только чувственная форма физического объекта или явления, но и чувственное знание о нем. Она актуализируется в сознании при появлении в нем образов восприятия, воспоминания и представления данной физической сущности, а также при восприятии или воспоминании слова, обозначающего ее.
10. Модель-репрезентация физической сущности не является чем-то неизменным и статичным. Сформировавшись, она постоянно дополняется и видоизменяется при каждом новом столкновении человека с тем же или сходным фрагментом «реальности в себе». В каждый момент времени модель-репрезентация присутствует в сознании не целиком, а лишь какой-то своей частью. Она как бы «течет», так как ее элементы последовательно сменяют друг друга.
11. Со временем модели-репрезентации физических сущностей включают в себя все больше новых элементов и усложняются, что облегчает распознавание в процессе восприятия знакомых сущностей даже при наличии отрывочных и неполных сенсорных впечатлений.
12. Модель-репрезентация не просто чувственный «слепок» физического объекта, но и чувственная репрезентация его отношений с другими объектами и его изменений во времени.
13. Сознание создает модели-репрезентации не только объектов и явлений, их свойств и изменений, но и более сложных сущностей реальности — целых ее фрагментов, доступных восприятию и развернутых в пространстве и времени, — событий, ситуаций, отношений и т. д.
14. Феноменологически модель-репрезентация физического объекта представляет собой совокупность его моно- или полимодальных образов представления и воспоминания в динамике привычных нам изменений объекта, а также своего рода «итоговые», иллюстрирующие объект в целом и как бы с разных сторон визуальные образы его представления. В них невидимые для глаз части объекта как бы видны нам почти столь же хорошо, как и непрозрачные передние его поверхности, и сквозь них. В результате мы «видим» объекты «насквозь», с их внутренними частями.
15. Собирательный визуальный или слуховой образ физической сущности можно назвать эффективной или достаточной для мысленного оперирования сущностью, частью ее чувственной модели-репрезентации.
16. Полимодальная модель-репрезентация физической сущности включает в себя разные образы его воспоминания и представления: зрительные, слуховые, кинестетические, вкусовые, осязательные, вестибуляр-

ные, тактильные, проприоцептивные, интероцептивные и обонятельные, изменяющиеся в процессе взаимодействия сущности с человеком и ассоциированные с изменениями его состояния в процессе этого взаимодействия.

17. Исходно разномодальные и уже поэтому радикально различающиеся сенсорные репрезентации физической сущности (зрительная, слуховая, тактильная и т. д.) фактически представляют сознанию не одну, а разные сущности. Но сознание объединяет эти несопоставимые друг с другом психические явления в новое целостное и уникальное психическое образование — полимодальную модель-репрезентацию конкретной физической сущности. В основе этого сложного психического феномена лежит открытое И. Кантом «единство апперцепции», или «единство сознания».
18. Модель-репрезентация является отдельным целостным психическим явлением — гешталтом, имеющим дополнительное качество, заключающееся в том, что любая появившаяся в сознании часть модели-репрезентации полноценно представляет ее в целом и так же, как она, полноценно репрезентирует определенную физическую сущность мира.
19. Модель-репрезентация известной человеку физической сущности ответственна за «достраивание» ее образа восприятия до «хорошей формы», характерной для психических гешталтов.
20. Модель-репрезентация объекта включает в себя эмоции и мотивы, вызываемые данным объектом. Имеющиеся у нас модели-репрезентации знакомых людей, эмоционально окрашенные в результате нашего прошлого взаимодействия с ними, ответственны за возникающие у нас при первом взгляде на незнакомого человека расположение или неприязнь к нему. Нам симпатичны люди, которые чем-то похожи на нас и наших близких, и несимпатичны те, кто напоминает неприятных нам людей.
21. Модели-репрезентации конкретных объектов имеют жестко фиксированные места в структуре более крупных моделей-репрезентаций окружающего мира. Они хранятся в памяти, как матрешки — друг в друге.
22. Наличие в памяти устойчивых моделей-репрезентаций объектов и более сложных сущностей объясняет ряд известных иллюзий восприятия.
23. Модели-репрезентации, участвуя в восприятии, облегчают узнавание и распознавание знакомых элементов мира. Новые перцептивные впечатления как бы непрерывно подстраиваются под уже присутствующие в сознании « типовые » репрезентации знакомой реальности. И отнюдь

не всегда «итоговые» образы восприятия определяются лишь актуальной сенсорной стимуляцией. Если, например, перцептивные впечатления приходят в противоречие с нашими основными, незыблемыми, привычными представлениями о реальности, то последние могут порой радикально трансформировать «итоговые» образы восприятия даже в ущерб их «объективной» реалистичности.

24. Возникающие в процессе восприятия сенсорные впечатления могут актуализировать разные имеющиеся в памяти модели-репрезентации, что приводит к конкуренции моделей-репрезентаций между собой и влияет на формирование итогового образа восприятия.
25. Образ слова, обозначающего конкретную физическую сущность, репрезентирует ее лишь потому, что ассоциирован с ее моделью-репрезентацией, а потому полноценно представляет ее в сознании.

ГЛАВА 7

Модель-репрезентация и качества образа восприятия

- Предметность.
- Константность.
- Реальность.
- Тождественность.
- Инвариантность.

7.1. Предметность

Предметность восприятия:

заключается в разделении одного феноменального поля на отдельные предметы, которые обладают устойчивостью и четкими границами [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 347].

А. Н. Гусев (2007) полагает, что предметность:

...заключается в том, что мы воспринимаем не набор сенсорных качеств, а предмет, представленный вне нас, обладающий этими качествами и поэтому реально существующий [с. 26].

...Характеризуя предметный характер восприятия, исследователи отмечают прежде всего следующее. 1. Объективированность или вынесенность объекта восприятия вовне... 2. Предметный образ сопровождается переживанием чувства реальности своего существования... 3. Чувственный предметный образ всегда выступает как осмысленный, отнесенный к определенному понятию, то есть имеющий значение. 4. Предметный образ обладает константностью, то есть его чувственная представленность субъекту относительно постоянна при изменении условий его восприятия. 5. Перцептивный образ предмета характеризуется полиmodalностью, отражая единство его сенсорных качеств разной modalности. Это характеристика его чувственной целостности [с. 280].

Если первые две из приведенных характеристик не вызывают особых возражений, то с третьей, четвертой и пятой не все так однозначно. *Всегда ли чувственный образ «отнесен к определенному понятию»?* Думаю, нет. Очевидно, например, что образ знакомого объекта, скажем соски, не отнесен у младенца к определенному понятию, хотя и осмыслен на доступном ему сенсорном уровне. *Как быть с образами восприятия предметов, непонятных для воспринимающего, которые очевидно существуют для него, но которые не имеют ясного значения в силу условий восприятия?* При чем образ восприятия в этом случае осмыслен, так как человек отдает себе отчет в его наличии, но не может его четко категоризировать — «отнести к определенному понятию». Например, что-то промелькнуло в боковом поле зрения и скрылось. Мне справедливо возрадят, что *что-то* — это тоже категория, поэтому говорить здесь можно лишь о незавершенной категоризации. Однако в случае восприятия у маленьких детей категоризации действительно нет вовсе.

Более серьезные возражения вызывает четвертая характеристика — «константность чувственной представленности предметного образа», так как именно чувственная представленность образа предмета чрезвычайно разнообразна и непостоянна, будучи зависимой от условий восприятия предмета. Многие авторы неоднократно указывали на это (см. раздел 6.2). Относительно постоянно же и константно (насколько это вообще может быть в психике) нечто иное — актуализируемая в сознании многообразными чувственными впечатлениями модель-репрезентация предмета.

Пятая характеристика перцептивного образа — полимодальность — также вызывает возражения, так как она не является характеристикой образа восприятия вовсе.

Образ восприятия, как уже говорилось выше, всегда мономодален. Полимодальна же целостная сенсорная модель-репрезентация объекта.

А. Н. Гусев (2007) пишет¹:

При изучении психического восприятия очень важно проводить различие между миром физическим и миром предметным, а понять это принципиальное различие нам мешает непосредственно чувственное переживание тождества предмета и его образа [А. Д. Логвиненко, 1987]. Логика наивного реализма подспудно приводит нас к неразличению реального физического предмета и его образа, но не раз уже упомянутый нами ранее вопрос К. Коффки: «Почему мы воспринимаем предметы такими, какими мы их воспринимаем?» — заставляет задуматься о нетождественности этих понятий. С одной стороны, многие качества окружающих нас предметов (мира физического) недоступны чувственному восприятию, например фон электромагнитного излучения от компьютера. Но, с другой стороны, и самому

¹ Я рассматриваю именно это высказывание, выбрав его из множества подобных, так как оно изложено в недавно опубликованном наиболее авторитетном российском учебнике по общей психологии.

детальному физико-химическому анализу недоступна специфика чувственного переживания улыбки Джоконды на картине Леонардо да Винчи, привлекательность любимого человека или кажущаяся нам недоброжелательность человека, доставившего нам ранее много неприятностей [с. 280–281].

Да, «логика наивного реализма подспудно приводит нас к неразличению реального физического предмета и его образа», но не столь уж она и наивна. Еще более наивна логика, располагающая между нашим образом восприятия объекта и частью «реальности в себе», которую наше сознание конституирует как воспринимаемый им объект, еще некий промежуточный физический объект, якобы нами и воспринимаемый. Между предметным миром нашего сознания и недифференцированной беспредметной «реальностью в себе» нет никакого дополнительного физического «предметного мира», как принято считать в психологии в соответствии со «здравым смыслом», утверждающим, что «раз восприятие отражает, то оно, естественно, отражает предмет».

А. Н. Гусев (2007) продолжает:

...деятельностный подход в психологии восприятия исходит из предметности самого воспринимаемого мира, то есть объективности составляющих его объектов и их отношений, мира, противостоящего субъекту в акте восприятия и нетождественного ему [с. 281].

В соответствии с этим традиционным и доминирующим сегодня в психологии подходом образ восприятия рассматривается как репрезентация этого самого окружающего «предметного мира».

Однако именно сознание, взаимодействуя с недоступной нам никак иначе «реальностью в себе», строит сенсорные гештальты — модели-репрезентации, конституируя, то есть превращая элементы «реальности в себе» в предметы, их свойства, действия, отношения и т. д. Модели-репрезентации участвуют в формировании новых образов восприятия, являющихся одновременно чувственно данными нам объектами выстроенного сознанием окружающего физического мира, а не чем-то сформированным сознанием «в соответствии со свойствами предметов окружающего мира» (А. Н. Гусев, 2007, с. 271).

Кстати, еще А. Н. Леонтьев (1981) высказывал идею об амодальности окружающего нас реального физического мира. Из сказанного мною отнюдь не следует, что наше сознание может конституировать реальность в каком угодно направлении и ключе. Эти направления и особенности конституирования задаются самой окружающей объективной «реальностью в себе», но зависят и от сознания. Вопрос о том, что играет большую роль в процессе формирования наших образов восприятия — внешний мир или сознание, неразрешим.

Еще раз вернемся к предметности восприятия. Предмет создается в сознании формируемым в процессе восприятия (по-видимому, достаточно быстро)

сложным психическим феноменом — чувственной моделью-репрезентацией предмета. При повторном восприятии того же или сходного элемента «реальности в себе» сходные чувственные впечатления немедленно актуализируют в сознании уже возникшую ранее модель-репрезентацию предмета, которая участвует вместе с ними в формировании того, что мы называем образом восприятия предмета. **Именно модель-репрезентация ответственна за «предметность» восприятия, так как конституирует тождественный самому себе предмет в сознании, несмотря на различия возникающих всякий раз в процессе восприятия «реальности в себе» новых чувственных перцептивных впечатлений.**

Итак, можно заключить, что третий, четвертый и пятый признаки, рассматриваемые А. Н. Гусевым (2007, с. 280) в рамках понятия *предметность* образа восприятия, обусловлены как раз моделью-репрезентацией объекта восприятия.

7.2. Константность

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

...может показаться удивительным, что мы вообще способны видеть реальные параметры объекта. ...Нам удастся достигнуть *константности восприятия*. Так, слон выглядит большим даже на расстоянии; почтовая открытка выглядит прямоугольной, несмотря на то что ее образ на сетчатке прямоуголен только в том случае, когда она находится у нас прямо перед глазами; ворона выглядит черной даже при ярком солнечном свете. Во всех этих случаях нам удастся преодолеть все искажения ближнего стимула (или того, что авторы называют «сетчаточной проекцией». — С. П.) и мы адекватно реагируем на внешний мир. Как же мы умудряемся это делать? [С. 286.]

Константность восприятия заключается в том, что воспринимаемый объект (это касается лишь объектов, известных наблюдателю) остается для наблюдателя как бы неизменным, несмотря на постоянное и значительное изменение перцептивных образов, репрезентирующих данный объект. Еще Р. Декарт в работе «Диоптрика» (1637) впервые обратил внимание на константность восприятия, отмечая, что:

...оценка формы явно исходит из нашего знания или мнения о расположении частей предмета и не согласуется с изображением в глазу... [цит. по: Большой психологический словарь, 2004, с. 235].

Экспериментальное изучение константности восприятия началось в XIX в. в Лейпцигской лаборатории В. Вундта. С тех пор константности вос-

приятия было посвящено множество исследований. Предпринимались попытки самого разного ее объяснения. Тем не менее Дж. Хохберг (2003, с. 315–316), описывая основные теории, объясняющие константность восприятия, подчеркивает, что пока нет удовлетворительной теории объяснения этого явления.

Я уже высказывал выше предположение, что в процессе восприятия знакомого объекта в сознании наблюдателя, кроме возникающих мгновенных перцептивных образов, актуализируется и модель-репрезентация воспринимаемого предмета, которая может не совпадать с образами его восприятия. Эту в определенном смысле не новую идею высказывали в разных вариантах многие исследователи.

Дж. Гибсон (1988), например, пишет:

Когда много лет назад я ввел различие таких разновидностей внутреннего опыта, как видимое поле и видимый мир, я продолжал развивать идею, выдвинутую Коффкой... Я утверждал, что видимое поле состоит из мозаики цветов, чем-то похожей на картину, тогда как видимый мир состоит из знакомых объектов и поверхностей, которые располагаются друг за другом. *Видимое поле* имеет границу, близкую по форме к овалу. В нем около 180° по горизонтали и около 140° по вертикали. Его границы нечетки, однако, если присмотреться, их можно легко заметить.

Зрительный мир не имеет таких границ; он безграничен, подобно поверхности сферы, простирающейся вокруг нас. Видимое поле четко в центре и размыто по периферии, то есть ближе к границам оно становится неопределенным, а у зрительного мира нет такого центра определенности — он четок везде. При повороте головы овальные границы видимого мира перемещаются, при наклоне — вращаются, но зрительный мир при этом остается совсем неподвижным и всегда — вертикальным. Мозаика зрительного поля искажается при движении. Так, например, когда наблюдатель движется в направлении какой-либо точки, видимое поле начинает растекаться от этой точки, а феноменальные поверхности мира всегда остаются жесткими. Видимое поле — это особый род внутреннего опыта, который возникает в ответ на фиксированную выборку из объемлющего строя, то есть при фиксации головы и глаз. В чистом виде видимое поле возникает только тогда, когда открыт и фиксирован только один глаз. Видимый мир — это разновидность внутреннего опыта, возникающая, естественно, благодаря целостному объемлющему строю при условии, что смотрят вокруг обоими глазами, каждый из которых занимает свою (несколько отличающуюся от другого) точку наблюдения... Видимый мир — это такая разновидность внутреннего опыта, которая *ничему не соответствует* — ни картине, ни кинофильму, ни даже «панорамному» кинофильму. Видимый мир не является *проекцией* экологического мира. Как это может быть? Видимый мир есть результат извлечения инвариантной информации из объемлющего оптического строя посредством исследовательской деятельности зрительной системы, а осознание наблюдателем своего собственного тела во внешнем мире является составной частью внутреннего опыта [с. 294–295].

При всем авторском своеобразии понимания «видимого мира» Дж. Гибсоном трудно не узнать в нем модель-репрезентацию окружающего мира. В норме видимое поле (перцептивный образ реальности) и видимый мир (модель-репрезентация реальности) жестко координированы и взаимно дополняют друг друга. Я полагаю, что именно **неразрывная связь модели-репрезентации воспринимаемого объекта с его перцептивным образом и обеспечивает то, что называется константностью восприятия объекта.**

Основываясь на идеях Дж. Гибсона, А. Д. Логвиненко (1981) в своих экспериментах предлагал испытуемым сравнивать два квадрата — тестовый и эталонный. При этом им давались инструкции оценить видимую, проекционную и реальную форму прямоугольника. В первом случае коэффициент константности оказался максимально приближен к единице. Во втором был минимальным. В третьем — средним (0,7–0,8). На основе полученных результатов А. Д. Логвиненко высказал предположение, что:

...в сознании могут быть представлены как образы видимого мира, которые обладают константностью, так и образы видимого поля (или зрительного пространства), которые аконстантны [с. 186].

Из этого можно сделать вывод, что **константностью обладают не перцептивные образы, а модель-репрезентация воспринимаемого знакомого объекта.**

Хорошо изучены константность величины, светлоты и формы объектов. Эксперименты А. Холуэя и Э. Боринга (А. Holway, E. Boring, 1941) продемонстрировали, что константность восприятия величины объекта зависит от наличия у наблюдателя информации о признаках его удаленности, при исключении которой восприятие становится аконстантным и основывается на угловых размерах объекта.

Испытуемого помещали на пересечении двух перпендикулярных друг другу коридоров (рис. 25). В одном на расстоянии 3 м от него располагался освещенный диск-эталон. В другом на расстоянии от 3 до 36 м испытуемому предъявлялись последовательно тестовые диски разного размера. Чтобы величина сетчаточной проекции тестового диска оставалась постоянной (угол зрения равен 1°), размер диска увеличивался по мере его удаления от испытуемого. Испытуемый должен был, оценив размер тестового диска, подобрать равный ему диск-эталон, изменяя его диаметр. Было проведено четыре опыта. В первом исследовалось только нормальное бинокулярное зрение. Во втором — нормальное монокулярное зрение. В третьем испытуемый смотрел на тестовый объект через «искусственный зрачок». В четвертом — через специальный темный коридор из темной материи, который исключал все признаки удаленности, создаваемые полом, стенами и потолком коридора.

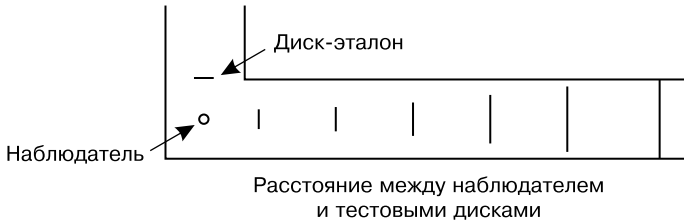

Рис. 25. Схема экспериментальной проверки константности восприятия размера, выполненной Холуэем и Борингом

В первом и втором опытах отмечалась максимальная константность восприятия светового диска. В третьем ограничение восприятия признаков удаленности привело к снижению константности восприятия, а устранение признаков удаленности в четвертом — к исчезновению константности восприятия. Таким образом, результаты эксперимента показали, что константность восприятия величины объекта зависит от наличия или отсутствия информации об удаленности объекта или об окружающих объект других объектах восприятия.

Результаты экспериментов А. Холуэя и Э. Боринга продемонстрировали, как мне представляется, что в том случае, когда актуализирующаяся в сознании модель-репрезентация наблюдаемого объекта встроена в модель-репрезентацию окружающей реальности в целом (как в первом и втором опытах), наблюдается полная константность размеров воспринимаемого объекта. В том же случае, когда модель-репрезентация воспринимаемого объекта как бы вычленена из модели-репрезентации окружающей реальности (как в третьем и особенно в четвертом опытах), имеет место аконстантность восприятия размеров объекта. Следовательно, **константность величины воспринимаемого объекта зависит и от модели-репрезентации воспринимаемого объекта, и от модели-репрезентации окружающей реальности в целом. Есть модель-репрезентация бóльшего фрагмента реальности, чем объект, есть и константность восприятия и объекта, и других включенных в нее элементов.**

Необычность сенсорных впечатлений, возникающих порой при восприятии, может не позволить привычной модели-репрезентации актуализироваться в сознании наблюдателя. Это приводит к появлению странных образов восприятия. Так, например, при взгляде с небоскреба или самолета знакомые предметы (люди, машины, дома) кажутся необычно маленькими. В этой связи интерес представляет публикация С. Тернбалла (С. Turnball, 1961).

Будучи антропологом, С. Тернбалл в середине прошлого века изучал пигмеев племени бамбути в густых лесах Конго. В путешествии его сопровождал двадцатидвухлетний пигмей Кенж. Однажды путешественники вышли из

леса и перед ними открылась панорама с холма. Кенж никогда не имел дела с видами на большое расстояние, и его поразило вид дальних заснеженных горных вершин. Увидев на равнине пасущееся в нескольких милях от них стадо буйволов, Кенж спросил Тернбалла, что это за насекомые, и рассмеялся в ответ на утверждение, что это буйволы. Затем, когда они подъехали на машине ближе и Кенж действительно увидел буйволов, он испугался, решив, что это колдовство. Увидев с берега озера плавающее в трех милях судно, Кенж решил, что это бревно, но после напоминания Тернбалла про буйволов поверил, что это судно.

Наблюдения С. Тернбалла демонстрируют, что константность восприятия размера сильно удаленных предметов у пигмеев бамбути не формируется в силу особенностей их среды обитания. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что человек приобретает константность восприятия определенных объектов не с момента рождения, а постепенно, в процессе образования соответствующих моделей-репрезентаций окружающего мира.

Константность светлоты объекта заключается в том, что светлота (или белизна) объекта субъективно остается постоянной даже при изменении освещенности объекта. Г. Уоллах (H. Wollach, 1948; 1963) продемонстрировал в своих опытах, что зависимость константности восприятия светлоты предмета обусловлена константностью отношения его освещенности и освещенностей находящихся рядом с ним поверхностей.

В одном своем эксперименте Г. Уоллах проецировал на экран в темной комнате светлый диск, расположенный в кольце света (рис. 26). Освещенность диска и кольца не менялась, и они выступали в качестве контроля. Рядом проецировался второй аналогичный диск и тоже в кольце света. Интенсивность света в кольце можно было менять. Автор обнаружил, что при изменении интенсивности освещения этого второго кольца цвет (светлота) второго диска в этом кольце света изменялся в широких пределах от белого до черного. Иными словами, субъективная светлота второго диска зависела от интенсивности света в окружающем его кольце. Ярче кольцо — темнее внутренний диск, и наоборот. Результаты эксперимента демонстрируют зависимость светлоты поверхности предмета от интенсивности освещения окружающего фона.

В другом эксперименте Г. Уоллах подвешивал темно-серый квадрат в темной комнате и освещал его так, чтобы испытуемый не видел светлое пятно на стене комнаты позади квадрата. При уменьшении освещенности цвет квадрата менялся от белого до темно-серого. Но если квадрат предъявлялся на фоне освещаемого одновременно с ним белого картона, то изменения освещенности квадрата почти не сказывались на его цвете. Он всегда выглядел темно-серым на белом фоне. Следовательно, именно восприятие *отношения* освещенности предмета и фона делает восприятие светлоты предмета константным при изменении его освещенности.

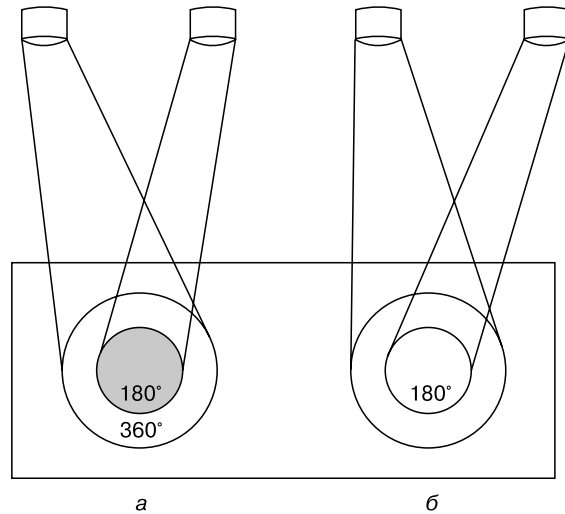

Рис. 26. Эксперимент Уоллаха

Опыты Г. Уоллаха еще раз, но уже не на примере константности величины, а на примере константности светлоты подтверждают тот факт, что **константность восприятия объекта обусловлена наличием в сознании наблюдателя модели-репрезентации воспринимаемой реальности в целом, которая включает в себя в качестве своего элемента модель-репрезентацию воспринимаемого объекта.** При этом изменения последнего анализируются сознанием в структуре общих изменений реальности.

Обсуждая константность цвета, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007, с. 214–215) приводят пример с рубашкой из черного бархата, которая выглядит черной и в тени, и на солнце, несмотря на то что под прямыми солнечными лучами она отражает в тысячи раз больше света. Стоит, однако, начать разглядывать ее через глазок в черном непрозрачном экране, отверстие в котором ограничивает видимую область, в результате чего наблюдатель видит только свет, отраженный от самого предмета, независимо от его окружения, как освещенная рубашка может стать даже белой, поскольку свет, достигающий глаза через отверстие, имеет бóльшую интенсивность, чем отраженный от самого экрана.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) сообщают, что:

...если смотреть на зрелый помидор через трубку, скрывающую и окружение, и общий вид самого объекта, он может оказаться любого цвета — синего, зеленого или розового — в зависимости от длин волн отраженного от него света. Поэтому константность цвета, как и константность яркости, зависит от неоднородности фона (Maloney & Wandell, 1986; Land, 1977) [с. 214–215].

Следовательно, модель-репрезентация объекта, встроенная в более общую модель-репрезентацию окружающего мира, влияет даже на наше восприятие цвета данного объекта. Поэтому в случае отсутствия более общей модели-репрезентации фрагмента окружающего мира, формирующего фон, резко возрастает вариабельность цвета воспринимаемого объекта — фигуры.

Итак, если образы восприятия объекта искусственно «оторваны» от его модели-репрезентации либо они возникают как бы изолированно, без привычного для объекта окружения, и в сознании не актуализируется при его восприятии модель-репрезентация реальности более высокого уровня (когда квадрат предъядвляется в пустоте, диск — в коридоре из темной материи, машины и дома наблюдаются с самолета, помидор — через трубку, черная рубашка — через глазок и т. д.), то восприятие объектов становится аконстантным. **Если же в процессе восприятия в сознании актуализируется модель-репрезентация воспринимаемого объекта в структуре модели-репрезентации более высокого порядка, то восприятие величины, светлоты и цвета объекта константно.**

Константность восприятия формы объектов изучена меньше. Обсуждая ее, М. Вартофский (1988) замечает, что:

...мы «видим» эллипс, пусть даже и «зная», что это наклонная окружность [с. 168].

Что стоит за этим противопоставлением: «видим» одно, хотя «знаем» другое? В этой диссоциации опять обнаруживается роль моделей-репрезентаций, обеспечивающих константность восприятия окружающих нас объектов и явлений. Предмет воспринимается нами с самых разных позиций, в самых разных проекциях, самым необычным образом, но при этом в нашем сознании присутствует константная и постоянная во всех случаях его модель-репрезентация в форме устойчивой психической конструкции, состоящей из бесконечного множества его образов воспоминания и представления. Модель-репрезентация может включать в том числе множество образов «эллипсов», репрезентировавших нам в прошлом подобные «наклонные окружности».

М. Вартофский (1988) напоминает, что:

...согласно классической точке зрения постоянство формы сохраняется благодаря некоему перцептивному суждению, «интерпретирующему» или «корректирующему» эллиптичность внешнего проявления. ...Гельмгольц называл это... бессознательным умозаключением или суждением [с. 168].

Он (там же) продолжает:

...в опытах Таулесса преподающие перспективу учителя отбирали формы, наиболее близкие к так называемой форме-стимулу; в опытах Лейбовица и его соавторов обезьяны и умственно дефективные индивиды отбирали формы, наиболее близкие к «подлинной форме» [с. 176].

Другими словами, первые в процессе восприятия больше ориентировались на перцептивный образ, тогда как вторые — на модель-репрезентацию. Таким образом, можно предположить, что чем больше «умственное развитие» и тренировка, тем лучше распознаются особенности собственно перцептивного образа объекта, а чем они меньше, тем большую роль в восприятии реальности играет ее имеющаяся модель-репрезентация.

Ссылаясь на свою старую статью, М. Вартофский (1988) пишет:

«Мы видим так, как рисуем», — говорится в той статье. Этим подразумевается, что мы стали «видеть» наклонные круги как эллипсы только после того, как стали изображать их в виде эллипсов, приняв изображение перспективы в качестве канона репрезентации. В действительности же мы продолжаем видеть наклонные круги как наклонные круги, кроме случаев, когда нас просят изобразить их; вот тогда-то мы и репрезентируем их в виде эллипсов, с тем чтобы они выглядели как эллипсы, нарисованные таковыми, в соответствии с канонами перспективы (или с теорией геометрической оптики как теории проекции на сетчатке глаза отраженных лучей света) [с. 219].

По-видимому, действительно «мы продолжаем видеть наклонные круги именно как наклонные круги», а не как эллипсы, потому что при их восприятии в нашем сознании возникает модель-репрезентация круга, который наклонен. Впрочем, достаточно сложно определить, что же в действительности мы видим и чем визуально отличается наклоненный круг от эллипса. Тем не менее ребенок, не обученный тому, как следует рисовать наклоненный круг, изображает не эллипс, а именно круг. Вероятно, у взрослого человека и у ребенка, обученного рисовать, образ эллипса включается в модель-репрезентацию наклоненного круга.

М. Вартофский (1988) тоже приходит в итоге фактически к признанию наличия модели-репрезентации:

Согласно последней (традиционной точке зрения. — *С. П.*) (то есть теории перцептивного постоянства) визуальная система принимает переменные, а воспринимает постоянные. Иными словами, ею конструируется (путем «бессознательных умозаключений» или иной ментальной переработки) соответствующая действительности картина, или карта внешнего мира, которая налагается затем на видоизменения в информации, приносимой потоком световых лучей [с. 226].

Таким образом, можно даже с осторожным юмором сказать, что моя концепция моделей-репрезентаций не привносит ничего радикально нового и неприемлемого в «классическую теорию восприятия».

Из всего сказанного о константности восприятия формы объекта опять следует, что она целиком зависит от модели-репрезентации объекта и его окружения, а не от возникающих при его восприятии перцептивных впечатлений.

Дж. Хохберг (2003) полагает, что:

...человек в обычных условиях не замечает константности восприятия, так как достаточно редко предметами его восприятия являются лишь отдельные свойства предмета (форма, свет, величина и т. п.), а не весь предмет в целом. Кроме того, константность восприятия не слишком заметна еще и потому, что обычное восприятие даже отдельного свойства происходит в виде глобальной оценки, что не позволяет обнаружить постоянство или изменчивость количественных отношений, когда они дают разные результаты в различных условиях [с. 184].

Мне представляется, что константность восприятия вторична, производна. **Константны не сами образы восприятия, а те психические конструкции, которые актуализируются в сознании в процессе восприятия, то есть модели-репрезентации воспринимаемой реальности, участвующие в процессе восприятия объекта. Константность величины, светлоты и формы объекта — это не что иное, как константность соотношения элементов модели-репрезентации воспринимаемого объекта, выступающего как фигура, и элементов моделей-репрезентаций окружающих его объектов, выступающих как фон. В случае исчезновения этих «фоновых» моделей-репрезентаций реальности, что мы видели в описанных выше экспериментах, константность восприятия исчезает. Это убедительно показал и А. Д. Логвиненко.**

Проводя эксперименты с переворачивающими изображение очками, автор (2002а, с. 572–576) пришел к выводу, что их надевание ведет к разрыву естественных связей между образом восприятия знакомого объекта и привычной моделью-репрезентацией окружающего этот объект мира (между «видимым полем и видимым миром», как пишет А. Д. Логвиненко, используя терминологию Дж. Гибсона,) и в результате — к потере константности образа восприятия — «видимого поля». Следовательно, такие очки «отрывают» образы восприятия от привычных моделей-репрезентаций окружающего мира, что аналогично отсутствию последних. В результате у испытуемых исчезает константность восприятия.

Вариантом константности является стабильность окружающего мира, в частности то, что в процессе нашего движения не мир утекает куда-то от нас, а мы движемся в нем. Б. Рассел (2007) обращает внимание на наше привычное заблуждение:

Говоря о скоропреходящих чувственных данных, я думаю, очень важно устранить из инстинктов какую-либо склонность к убеждению, что реальность постоянна. Всегда существовал метафизический предрассудок, что, если вещь действительно реальна, она должна сохраняться вечно или в течение достаточно приличного промежутка времени. По моему мнению, это совершенно ошибочно. Вещи, которые действительно реальны, сохраняются очень короткое время.

Вновь я не отрицаю, что могут быть вещи, сохраняющиеся вечно или в течение тысячелетий; я только говорю, что они не входят в рамки нашего опыта и что реальные вещи, которые нам известны из опыта, сохраняются в течение очень короткого времени, в течение одной десятой секунды, половины секунды или около того [с. 210–211].

С этим можно только согласиться, так как **наше убеждение в постоянстве физического мира** тоже **коренится в наших относительно константных по субъективному ощущению моделях-репрезентациях этого мира.**

В случае заслонения одним объектом другого, знакомого нам, модель-репрезентация знакомого объекта позволяет нам легко достроить в своем воображении не представленные в образе восприятия детали, закрытые другим объектом. Модель-репрезентация обеспечивает константность нашего восприятия, с какой бы точки мы ни наблюдали объект, какие бы его части ни были закрыты, лишь бы нам удалось заметить его главные узнаваемые черты.

Некоторые современные исследования (см., например: В. В. Любимов, 2007) позволяют думать, что механизмы, обеспечивающие константность восприятия, как и механизмы, ответственные за возникновение иллюзий восприятия, очень сложны и многообразны, поэтому все они, естественно, не могут быть объяснены лишь с привлечением для этого моделей-репрезентаций. Вероятно, существуют и другие механизмы обеспечения константности восприятия и возникновения иллюзий восприятия.

В заключение подчеркну важнейший момент: **константно не восприятие, как ошибочно принято считать, константны воспринимаемые объекты окружающего нас мира и сам этот мир, что еще раз подтверждает роль моделей-репрезентаций, а не изменчивых образов восприятия в построении константности антропоморфного мира.**

7.3. Реальность

Б. Рассел (2001a) приводит положение Д. Беркли, согласно которому:

...реальность чувственных вещей состоит в том, что они воспринимаются [с. 760].

Это действительно так. *Но почему воспринимаемое обладает для нас качеством реальности?*

Мне представляется, что **субъективная «реальность чувственных вещей» или, точнее, всего воспринимаемого мира обусловлена тем, что в формировании репрезентаций мира участвует появляющаяся у нас с раннего детства постоянная и привычная глобальная модель-репрезентация окружающего, которая и придает им субъективное качество реальности.**

А. Д. Логвиненко (2002а) напоминает об интересных явлениях, возникающих при надевании очков, переворачивающих образ восприятия мира:

...все исследователи инвертированного зрения, начиная со Стрэттона, указывали на картинность, нереальность, иллюзорность визуального пространства при инверсии.

«...И хотя все эти образы, — писал Стрэттон, имея в виду образы при инвертированном зрении, — были четкими и определенными, они вначале не производили впечатления реальных вещей, подобно объектам, которые мы видим при нормальном зрении, а выглядели неуместными, фальшивыми или *иллюзорными образами* (Стрэттона. — А. Л.), помещенными между наблюдателем и самими объектами или вещами». При чтении дневника, который Стрэттон вел по ходу своего эксперимента, обращает на себя внимание настойчивость, с которой им подчеркивается «нереальность» образов инвертированного зрения. В нормальных условиях мы видим предметы, а при инверсии переживаем наличие образов — так можно было бы резюмировать его наблюдение [с. 574–575].

Из этого следует, что ощущение реальности образов восприятия окружающего появляется у нас, вероятно, не сразу, а лишь со временем, с опытом, приобретаемым в процессе психомоторной активности и нашего взаимодействия с воспринимаемым миром.

Инверсия «визуального поля» в результате ношения переворачивающих изображение очков приводит, как справедливо полагает А. Д. Логвиненко (2002а, с. 576), к разрушению существующего у испытуемого «видимого мира». Я сказал бы: к разрыву привычных естественных ассоциативных связей между образом восприятия мира и привычной моделью-репрезентацией этого мира. И это сопровождается появлением ощущения нереальности «видимого поля» — новых образов восприятия (см.: А. Д. Логвиненко, 2002а, с. 574–575). Можно поэтому предположить, что ощущение реальности образов восприятия окружающего обусловлено именно прочными и естественными связями этих двух феноменологических составляющих. Другими словами, **субъективную реальность нашему образу восприятия придает его неразрывная связь и внутреннее единство с вспоминаемой и представляемой нами моделью-репрезентацией окружающего мира.**

Кстати, А. Н. Леонтьев (1983а), обсуждая образ мира, являющийся, как будет показано ниже, глобальной моделью-репрезентацией окружающего, говорит, что:

...сенсорные модальности ни в коем случае не кодируют реальность. Они несут ее в себе. Поэтому-то распадение чувственности... порождает психологическую ирреальность мира [с. 261].

Думаю, что он тоже совершенно не просто так говорит об ирреальности мира, обсуждая восприятие и именно в связи с образом мира.

7.4. Тожественность

Д. Юм (1996) пишет:

...когда мы ошибочно приписываем тождество изменчивым или прерывистым объектам, то наша ошибка не ограничивается одним способом выражения: мы обычно присоединяем сюда фикцию чего-то неизменного и непрерывного, чего-то таинственного и необъяснимого или по крайней мере чувствуем склонность к подобным фикциям [с. 300–301].

Любой наш образ и ощущение, как уже обсуждалось выше, не могут никогда повториться в том же виде. Не существует ни абсолютной тождественности неизменных (как мы привыкли считать) предметов, ни тождественности наших образов этих предметов. *Что же тогда обуславливает наше внутреннее убеждение в тождественности окружающих нас объектов, в том числе даже тех, которые очевидно меняются на наших глазах?* Причем, даже регистрируя эти изменения и отдавая себе в этом отчет, мы упорно продолжаем считать объекты теми же.

Так, например, мы привычно полагаем, что под нашим окном растет тождественное самому себе дерево, несмотря на то что в прошлом году оно было существенно меньше, ветви его имели другую форму, листьев на нем было иное количество, они были иного цвета и т. д. Пальто, которое мы носили зимой, имеет сегодня пятна и потертости, которых не было. Иными словами, эти объекты изменились, стали несколько иными, чем были. Тем не менее мы считаем их теми же самыми, тождественными самим себе. И Д. Юм прав, говоря о том, что мы «ошибочно приписываем тождество изменчивым или прерывистым объектам». *Почему мы это делаем?*

Д. Юм (1996) пишет:

...мы не склонны считать... прерывистые восприятия различными (каковы они суть в действительности), но, наоборот, признаем их, в силу их сходства, индивидуально тождественными. Но так как этот перерыв в их существовании противоположен их полному тождеству и заставляет нас признать, что первое впечатление исчезло, а второе возникло заново, то мы чувствуем себя находящимися в затруднении и запутавшимися в каком-то противоречии. Чтобы выйти из этого затруднения, мы по возможности маскируем перерыв или, вернее, совершенно устраняем его, предполагая, что эти прерывистые восприятия связаны некоторым реальным существованием, не воспринимаемым нами [с. 302].

Мне представляется, что **мы приписываем тождество «прерывистым объектам» исключительно благодаря наличию в нашем сознании их моделей-репрезентаций, субъективно тождественных самим себе.** Наши «прерывистые восприятия» то появляющегося, то исчезающего объекта связаны между собой его моделью-репрезентацией, которая позволяет нам игнорировать перерывы

между его восприятиями и придает ему внутреннюю тождественность. При повторном восприятии того же объекта даже в иных условиях восприятия мы осознаем, что воспринимаем все тот же объект, несмотря на то что образы его восприятия могут сильно различаться. Д. Юм (1996) указывает:

Мы без труда допускаем, что объект может оставаться тождественным в своей единичности, хотя бы он несколько раз исчезал и (снова) был дан чувствам, и, несмотря на перерыв в восприятии, приписываем ему тождество, каждый раз заключаем, что он давал бы нам неизменное и непрерывное восприятие, если бы мы все время не спускали с него глаз... [с. 131].

Несмотря на то что объект перестает восприниматься, так как, например, его закрывают от наблюдателя другие объекты, он продолжает существовать в сознании наблюдателя как часть глобальной модели-репрезентации окружающей реальности. Причем модель-репрезентация объекта способна даже изменяться в структуре глобальной модели-репрезентации окружающего, предвосхищая реальные изменения объекта. Например, репрезентировать передвижение с определенной скоростью скрытого пока от наблюдателя объекта, что позволяет ему предвидеть появление объекта в определенном месте воспринимаемого пространства и в определенное время. Новые и всякий раз иные образы восприятия объекта актуализируют в сознании наблюдателя каждый раз одну и ту же модель-репрезентацию объекта, и именно субъективное постоянство последней придает новым и разным образам его восприятия качество, которое принято называть тождественностью объекта.

Д. Юм (1996) спрашивает:

...каждое отдельное восприятие, входящее в состав ума, есть отдельное существование, отличное... от всякого другого восприятия, одновременного ему или следующего за ним. Но так как, несмотря на это различие... мы тем не менее предполагаем, что весь ход восприятий объединяется посредством некоторого тождества, то по поводу этого отношения тождества, естественно, возникает следующий вопрос: есть ли оно — нечто реально объединяющее наши отдельные восприятия? [С. 304–305.]

Ему можно ответить утвердительно. «Нечто, реально объединяющее наши отдельные восприятия» и есть модель-репрезентация воспринимаемого объекта. Каждая вновь повторно актуализирующаяся в сознании модель-репрезентация объекта сопровождается особым ощущением его известности, знакомости субъекту. М. Вартофский (1988) цитирует А. Уайтхеда:

Осознание объекта как устойчивого фактора, не затрагиваемого постоянным движением природы, я называю «узнаванием». Невозможно узнать некоторое событие, поскольку каждое событие принципиально отлично от любого другого

события. Узнавание есть осознание тождественности... Я называю узнаванием внеинтеллектуальное чувственное восприятие, связывающее мышление с устойчивыми факторами природы [с. 320].

Перцептивные впечатления, вызванные тем же или похожим объектом, явлением, событием, актуализируют в сознании модель-репрезентацию этого определенного объекта, явления, события, воспринятого в прошлом, которая и расценивается воспринимающим как тождественные прошлому объект, явление, событие. Сама актуализация в сознании модели-репрезентации ощущается как узнавание объекта. Если же в результате восприятия у наблюдателя не актуализируются имеющиеся модели-репрезентации каких-либо объектов, явлений, событий, то у него появляется ощущение новизны и незнакомости воспринимаемого им.

Д. Юм (1996) пишет о том, что мы редко придерживаемся точности в своем мышлении и наше восприятие изменений «пропорционально целому»:

Прибавление или убавление горы оказалось бы недостаточным для того, чтобы произвести изменения в планете (в модели-репрезентации планеты. — *С. П.*), тогда как тождество некоторых тел могло бы быть нарушено прибавлением или убавлением всего нескольких дюймов (опять же в нашей модели-репрезентации данного тела. — *С. П.*). ...Изменение значительной части какого-нибудь тела нарушает его тождество; но замечательно, что, когда изменение происходит постепенно и незаметно, мы менее склонны приписывать ему такое действие [с. 301–302].

...Значительная, но ожидаемая перемена в действительности представляется воображению меньшей, чем самое маленькое, но необычное изменение. ...Первая перемена меньше способствует уничтожению тождества [с. 304].

Сами наши модели-репрезентации окружающих объектов постепенно меняются вслед за незначительно и постоянно меняющейся физической реальностью. Мы обычно не замечаем этих постепенных и незначительных изменений и с удивлением обнаруживаем в какой-то момент, как сильно изменилась, например, старая вещь, случайно увидев аналогичную новую. Даже сильные изменения вещей мы замечаем, но продолжаем рассматривать изменившиеся вещи как тождественные самим себе. Тем не менее возникает момент, когда, как пишет Д. Юм (1996), «мы уже не решаемся приписывать тождество различным объектам», имея в виду разницу между начальным и конечным состоянием первоначально одной и той же вещи. В какой-то момент, например, вода в холодильнике превращается в лед, ее репрезентация в нашем сознании трансформируется в другой объект. Это происходит потому, что новые сенсорные впечатления актуализируют в сознании уже не модель-репрезентацию воды, а иную модель-репрезентацию, что и переводит воспринимаемый предмет в другую категорию объектов.

Именно модель-репрезентация знакомого предмета, существующая в нашем сознании, когда мы думаем об этом предмете, обеспечивает нам его тождество. Она не зависит от того, воспринимаем мы его в данный момент или нет, от его положения в пространстве и даже от его изменения.

Модель-репрезентация предмета обеспечивает его тождество до тех пор, пока он не начал изменяться сущностно (а не перцептивно) вследствие неких внешних или внутренних причин, до тех пор, пока трансформации образов актуального восприятия предмета адекватны имеющейся у нас его модели-репрезентации, то есть возможны и привычны, а потому предсказуемы нами.

Другими словами, визуальный образ восприятия собаки, например, может увеличиваться, уменьшаться, менять свою форму и положение среди других предметов, заслонять их или заслоняться ими, но не может, скажем, раствориться в воздухе или взлететь. Если он растворяется или взлетает, то происходит сущностное изменение объекта с утратой его тождества, так как существующая в нашем сознании модель-репрезентация собаки включает в себя знание об особенностях данного объекта и пределах его возможных и допустимых изменений. Вывод о том, что предмет изменился, но это есть тот же самый предмет, который мы только что воспринимали, мы можем сделать именно благодаря наличию модели-репрезентации предмета. Без нее наше сознание непрерывно имело бы дело с калейдоскопом постоянно изменяющихся чувственных образов, которые невозможно было бы собрать воедино.

Итак, **тождественна самой себе модель-репрезентация объекта, а не физический объект, изменяющийся во времени.** Само понятие *тождественность* объекта — очевидная абстракция не только потому, что он непрерывно изменяется на микро-, а часто и на макроуровне, но и потому, что он воспринимается изменяющимся человеческим сознанием в непрерывно изменяющейся реальности.

Д. Юм (1996) справедливо указывает:

...тождество не есть нечто реальное, принадлежащее... различным восприятиям и объединяющее их... оно лишь качество, которое мы приписываем восприятиям в силу того, что, наблюдая их идеи, находим последние связанными в воображении [с. 305]. ...Тождество находится в зависимости от отношений идей... Все споры, касающиеся тождества связанных друг с другом объектов, — чисто словесные [с. 307].

Сказанное Д. Юмом можно дополнить тем, что модель-репрезентация действительно не «есть нечто реальное» и существующее в физическом мире. Это психическая сущность, порождающая «качество, которое мы приписываем восприятиям».

7.5. Инвариантность

Согласно теории Дж. Гибсона (1988), человек живет в потоке света, многократно отраженного от объектов окружающей его реальности. Некоторые характеристики потока света остаются инвариантными, тогда как другие меняются. Он выделяет инварианты оптической структуры при изменении оптического строя, при изменении точки наблюдения, при локальных возмущениях структуры оптического строя и инварианты осуществления выборки из объемлющего оптического строя. Дж. Гибсон (1988, с. 337–354) полагает, что теория, объясняющая восприятия, должна основываться на извлечении информации.

Воспринимать — значит фиксировать определенные параметры инвариантности в стимульном потоке наряду с определенными параметрами возмущения. Инварианты — это инварианты структуры, а возмущения — это возмущения структуры. Структура для зрения — это структура объемлющего оптического строя. Инварианты задают как постоянство окружающей среды, так и постоянство наблюдателя. Возмущения задают изменения в окружающей среде и изменения, касающиеся наблюдателя. <...> Например, один из таких инвариантов создается заслоняющим краем носа, он задает «Я». Другой представляет собой градиент оптической структуры, которая задается материальной текстурой субстрата; он задает основное окружение. ...Различным событиям во внешнем мире соответствуют различные параметры оптического возмущения, причем к ним относятся не только прибавление — утрата, но и радиальное течение... сжатие, преобразование, замещение и другие [с. 337–354].

Автор полагает, что окружающему миру присуща глубинная структура и она проявляется в нашем восприятии. Эту глубинную структуру составляет все, что инвариантно, несмотря на изменения мира. Глубинное обнаруживает себя в процессе изменения внешнего. Внешняя форма становится иной, но скрывающаяся за ней глубинная форма остается той же самой. Дж. Гибсон (1988) продолжает:

...как мы видим прямоугольные поверхности, такие, например, как поверхность стола? ...Что задает очертания этой жесткой поверхности, если точка наблюдения, в которую она проецируется, движется? Изменение углов и пропорций трапециевидных проекций — неоспоримый факт, но неизменность соотношений между четырьмя углами и инвариантные пропорции в множестве проекций — тоже бесспорный факт, и не менее важный, и они оба задают прямоугольную поверхность единственно возможным образом [с. 118–119].

...Глубинные инварианты строя (оптического. — *С. П.*): отношения, градиенты, разрывы и другие соотношения в объемлющем свете... существуют благодаря постоянным деталям окружающего мира. ...Существуют четыре вида инвариантов: инварианты изменения освещения; инварианты изменения точки наблюдения; инварианты частичного наложения выборок; инварианты локальных возмущений структуры [с. 432–434].

Поначалу аргумент Дж. Гибсона действительно кажется верным. Представляется очевидным, что противоположные углы квадратной столешницы равны, а стороны параллельны. И все же «неизменность соотношений между четырьмя углами и инвариантные пропорции в множестве проекций» вызывают некоторое сомнение. По крайней мере, эти инвариантные пропорции очень трудно уловить при рассматривании, например, даже столов с прямоугольной столешницей из разных точек наблюдения. Когда же начинаешь экспериментировать, «неизменности соотношений» вовсе исчезают. Предлагаю рассмотреть рис. 27, на котором представлены фотографии квадрата со сторонами 89 мм, сделанные из разных точек.

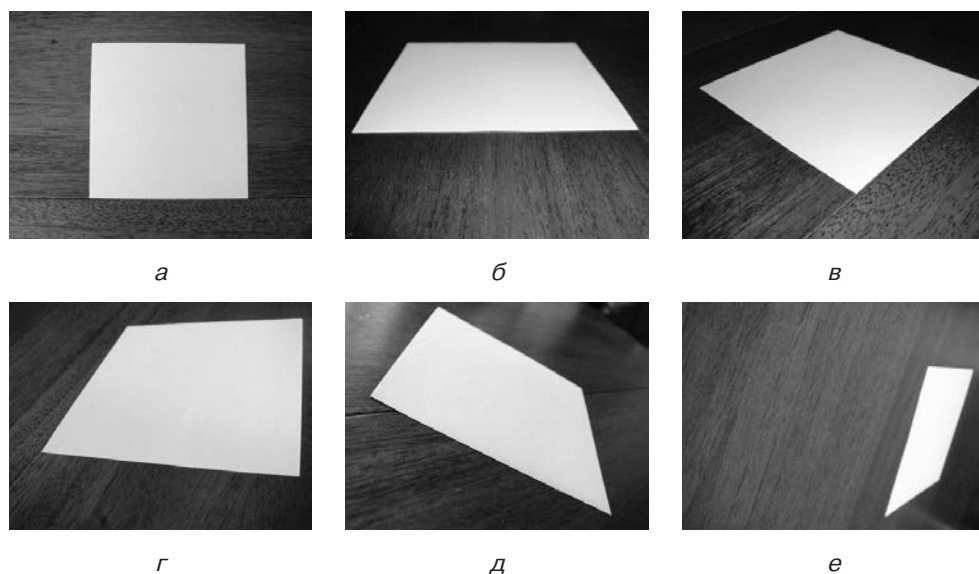

Рис. 27. Фотографии квадрата со сторонами 89 мм, сделанные из разных точек

Оказывается, противоположные углы квадрата воспринимаются равными, а стороны — параллельными, только если глаза наблюдателя находятся на одном расстоянии до ближайших правого и левого углов квадрата, что случается довольно редко (см. рис. 27, а, б, частично рис. 27, в). Если же расстояние до углов разное, то стороны и углы квадрата сразу же становятся неравными (см. рис. 27, г, д, е), а две противоположные стороны из четырех — еще и непараллельными (см. рис. 27, б, д, е, г). Самое замечательное, однако, то, что все стороны и углы на рис. 27, г и д вообще оказались неравны. Что же касается «инвариантности пропорций», которая должна помочь нам отличить прямоугольник от квадрата, попробуйте определить на рис. 28, где квадрат со стороной 89 мм, а где прямоугольник со сторонами 75 × 105 мм. *О каких же «инвариантных пропорциях в множестве проекций» мы можем после этого говорить?*

И тем не менее в нашем сознании стол действительно инвариантен. *Почему?* Исключительно потому, что в сознании существуют модели-репрезентации стола вообще и столов с прямоугольной и квадратной столешницами в частности, включающие в себя бесчисленное количество зрительных образов воспоминания громадного множества столов, воспринятых в самых разных условиях и с самых разных точек. Они даже позволяют сознанию создавать совершенно новые образы представления любого стола в новых, не виданных ранее проекциях. Поэтому даже самый неожиданный новый образ восприятия объекта, похожего чем-то на стол, немедленно актуализирует в сознании хорошо знакомую модель-репрезентацию стола.

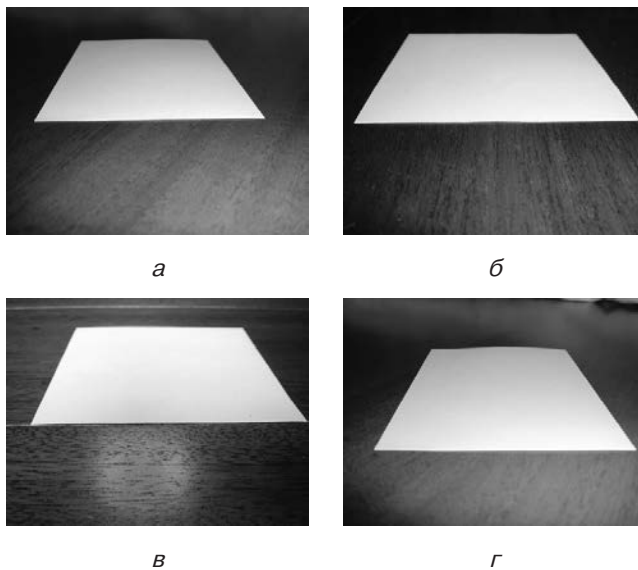

Рис. 28. Фотографии квадрата и прямоугольника: *а* и *г* — прямоугольник, *б* и *в* — квадрат

Именно модель-репрезентация стола в сознании наблюдателя, а не нечто неизменное в самом столе или отражаемом столом световом потоке и является тем «инвариантом», который якобы существует в окружающей нас реальности. Этот «инвариант» есть на самом деле не что иное, как психическая конструкция, создаваемая нашим сознанием и репрезентирующая особую физическую сущность, выполняющую в нашей жизни специальные функции. Она же репрезентирует типичную динамику изменения перцептивного образа стола с квадратной столешницей, например при передвижении наблюдателя вокруг стола, и ответственна за константность стола для воспринимающего, хотя образы восприятия стола очевидно и постоянно меняются.

Мне кажется, что и сам Дж. Гибсон склоняется к сходным предположениям. Так, он (1988) задает вопрос:

...откуда берется в объемлющем свете его инвариантная структура? —

и сам же отвечает:

Для меня стало сейчас ясно то, чего я не понимал прежде, — что структура как таковая, застывшая структура, есть миф или по крайней мере предельный случай. Инварианты структуры не существуют иначе как в неразрывной связи с ее вариантами [с. 136].

Я бы сказал даже более категорично: **в окружающем нас мире нет ничего идентичного, тождественного и инвариантного.** Нет ни одной одинаковой поверхности, в том числе их «компоновки, пигментации и затененности». Тем более нет ни одной пары одинаковых вещей. Свет, как и любой другой физический объект, всегда разный. Нельзя войти в одну и ту же реку, в том числе «световую», дважды. Сам Дж. Гибсон (1988) отмечает, что даже неподвижные предметы непрерывно изменяются, потому что движутся источники освещения — солнце и луна. Соответственно, **никакой инвариантности в мире нет и быть не может. Инвариантность создается исключительно человеческим сознанием, которое таким образом пытается обобщить и упростить бесконечно многообразную реальность, чтобы ее познать. Соответственно, инвариантность может появляться только в психических феноменах, создаваемых сознанием.**

Дж. Гибсон (1988) полагает, что:

...в соответствии с теорией восприятия, которую можно было бы назвать теорией непрерывного извлечения информации, постижение постоянства представляет собой просто акт обнаружения инвариантности. Точно так же из фотографической теории зрения следует, что единственным способом постижения изменений является сравнение того, что представляет собой нечто, с тем, что оно представляло собой в прошлом, с последующей оценкой и вынесением суждений о наличии различий, тогда как из теории извлечения информации следует, что в этом случае происходит осознание преобразований. Происходит просто извлечение либо факта совпадения строя с самим собой, либо факта его диспарантности по отношению к самому себе, причем последнее встречается чаще [с. 351].

Действительно, для того, чтобы «обнаружить инвариантность», надо новый образ восприятия сравнить со старым. Но они порой настолько различны, что даже человек, хорошо знакомый с объектом восприятия, сомневается, тот ли объект он видит, что и раньше. Тем не менее инвариантность откуда-то появляется даже при сравнении двух сильно различающихся образов восприятия, если объект опознается как известный. *Откуда она берется?*

Ясно, что инвариантность заключена не в разных образах восприятия, а в той психической сущности, с которой каждый новый образ восприятия сравнивается. Точнее, в той, которую каждый новый образ восприятия того же или сходного объекта актуализирует в сознании наблюдателя. Другими словами, инвариантность заключена в моделях-репрезентациях того же и сходных с ним объектов.

Ж.-Ф. Лиотар (2001) полагает, что:

...объект есть «любая некая вещь», например число 2, нота *до*, круг, любое суждение, чувственная данность. ...Сущность, или эйдос, объекта конституируется инвариантой, которая пребывает тождественной во всех вариациях [с. 14–15].

Инвариант, о котором говорит здесь Ж.-Ф. Лиотар, — не что иное, как модель-репрезентация объекта, существующего в сознании. И именно инвариант в форме модели-репрезентации объекта «конституирует сущность объекта» и придает объекту тождественность.

Еще раз повторюсь. В объемлющем свете нет инвариантной структуры. Она создается в нашем сознании. Она строится с участием объемлющего света, но в самом свете ее нет. Как нет инвариантности даже в повторяющейся мелодии. Как нет никакого постоянства и тождества ни в одном элементе окружающей нас реальности. Одна и та же мелодия, исполняемая тем же музыкантом повторно, — уже иная. Она в принципе не может быть идентична в физическом смысле первой по множеству причин: изменение состояния инструмента, исполнителя, среды, иная сила надавливания на клавиши и т. д. Но благодаря своей модели-репрезентации мы ее воспринимаем тем не менее как идентичную.

Дж. Гибсон (1988) отмечает:

Независимо от того, насколько далеко находится объект, он пересекает или за-слоняет одно и то же число текстурных элементов Земли. Это число является инвариантным. ...На каком бы расстоянии ни находилась вежа, отношение, в котором ее делит горизонт, также является инвариантным [с. 233].

На первый взгляд, это так, особенно если мы воспринимаем объект в той же проекции. Однако «числа текстурных элементов Земли» нет вне нашего сознания. Тем более мы никогда не считаем «текстурные элементы Земли». Второе замечание Дж. Гибсона кажется еще более серьезным аргументом в пользу наличия инвариантности в окружающем мире. Действительно, рассматриваемое автором «постоянное отношение» представляется физическим инвариантом. Но в окружающем мире нет и отношений. Они есть лишь в нашем сознании.

Для решения вопроса о наличии или отсутствии инвариантности во внешнем мире проще рассмотреть вслед за Дж. Гибсоном один и тот же стол — трижды с минутным интервалом. Если вы будете всякий раз воспринимать его из одной точки, стоя в 2 м от него, то сможете легко убедить себя в наличии

во внешнем мире инвариантов. Но если вы первый раз посмотрите на него из этой точки, второй — из-под него, а третий — с него, куда ради чистоты эксперимента, забыв о том, что это стол, залезете, то у вас возникнут сомнения в наличии инвариантности в ваших перцептивных образах.

Так называемые **структурные инварианты, якобы находящиеся**, как полагает Дж. Гибсон (1988), **во внешней среде, на самом деле являются нашими психическими инвариантами и существуют в виде моделей-репрезентаций объектов и явлений, их свойств, действий и так далее в нашем сознании.** Ребенок далеко не сразу начинает воспринимать глубину и удаленность пространства, воспринимать градиент текстуры поверхностей. Постулаты о том, что размеры плиток пола, на котором мы стоим, субъективно уменьшаются по мере удаления от нас так же, как и размеры колонн, вертикально стоящих на этом полу, усваиваются только в процессе личного опыта, превращаясь при этом в субъективные инварианты нашего сознания. Именно эти внутренние инварианты заставляют нас автоматически воспринимать в качестве одинаковых предметы, занимающие определенное количество плиток на уходящем от нас вдаль полу.

Наше сознание обнаруживает «инвариантность» в непрерывно меняющейся во времени реальности только потому, что сходные сенсорные впечатления от всегда разных аспектов реальности актуализируют в нем те же самые (точнее, оцениваемые сознанием как «те же самые») модели-репрезентации. В действительности если мы вспомним слова Д. Юма, то поймем, что и последние тоже не инварианты, так как составляющие их, казалось бы, те же психические явления не тождественны в разные моменты времени. То есть они лишь субъективно тождественны.

Обсуждая джеймсовскую метафору «потока сознания», Н. Н. Ланге (2005) пишет:

Если даже тот же самый внешний предмет вторично нами воспринимается, то новое переживание его не может никогда вполне быть сходным с предыдущим восприятием, ибо в каждое психическое переживание включено влияние всей предыдущей психической жизни данного индивидуума и, следовательно, психический поток никогда не представляет полного возвращения к предыдущему, он есть всегда нечто отчасти по крайней мере новое, еще не бывшее. Уже это обстоятельство делает невозможным воззрение на психическую жизнь как на перетасовки и ассоциации одних и тех же сохраняющихся идей, как то было в ассоциативной психологии [с. 173].

Таким образом, **сами психические инварианты являются таковыми лишь по нашей субъективной оценке.**

Рассматриваемая Дж. Гибсоном (1988, с. 337–354) «скрывающаяся за внешней глубинная форма» объекта есть не что иное, как наша психическая модель-репрезентация этого объекта, существующая только в нашем сознании. Даже воспринимаемого нами объекта нет в физической реальности вне ее взаимо-

действия с нашим сознанием. Понятие *инвариант* ничем не лучше и не хуже понятия *объект*. Вводя вместо понятия *объект* понятие *инвариант*, мы ничего не выигрываем в своем понимании реальности, а лишь меняем систему координат, плоскость анализа, что дает нам, правда, незначительное преимущество за счет новой точки наблюдения. Учитывая, что *объект* конституируется нашим сознанием в процессе взаимодействия с реальностью, мы не можем не признать того же в отношении *инварианта*. Следовательно, и **инварианта, как и объекта, нет в окружающей нас реальности без нас**. Хотя и сама реальность, и условная повторяемость ее элементов (но лишь для нашего сознания), безусловно, есть.

Видимо, подспудно понимая это, Дж. Гибсон (1988) пишет:

Я считаю, что в том случае, когда предметы остаются постоянными, воспринимающая система просто извлекает инварианты из текущего строя; можно сказать, что она резонирует на инвариантные структуры или что она на них настроена. Я возьму на себя смелость предположить, что в том случае, когда предметы существенно различаются, воспринимающая система должна абстрагировать инварианты. ...*Инвариант — всего лишь подобие, а не постоянство* (курсив мой. — С. П.) [с. 353].

А раз инвариант — «всего лишь подобие, а не постоянство», раз он «абстрагируется сознанием», то он и не может быть ничем, кроме нашей психической репрезентации определенного аспекта реальности.

Мне кажется, что Д. Бом (2002), например, пришел к тому же, о чем говорю я. Он пишет:

Представляется ясным, что из удивительно разнообразного и изменчивого потока движений (в процессе ощупывания и переворачивания невидимого предмета. — С. П.) и связанных с ними ответных ощущений мозг способен абстрагировать *относительно инвариантную структуру* ощущаемого объекта. Эта инвариантная структура с очевидностью не сводится к отдельным операциям и ощущениям и может быть абстрагирована лишь из полной совокупности таковых за некоторый период времени. ...И в зрительном восприятии... структура того, что мы видим, абстрагируется из аналогичных инвариантных взаимосвязей между определенными движениями и теми изменениями зрительных ощущений, которыми глаз отвечает на эти движения... <...> Сами по себе эти изменения не ощущаются, ощущается лишь нечто относительно инвариантное, например контуры и форма какого-либо предмета, тот факт, что данная линия — прямая, размеры и форма вещей и т. д. и т. п. Однако сама инвариантность не могла бы восприниматься, если бы активно не изменялось изображение [с. 209–210].

Последняя фраза Д. Бома чрезвычайно важна. Из сказанного можно заключить, что **инвариантность обнаруживается человеком-наблюдателем во множестве изменчивых образов восприятия. Она не присутствует во внешней реальности, а конституируется сознанием в форме инвариантной структуры воспринимаемого объекта.**

Д. Бом (2002) продолжает:

Воспринимаемая нами картина... является, скорее, результатом сложного процесса, ведущего к непрерывно изменяющейся (трехмерной) конструкции, которая представляется нам как своего рода «внутреннее видение». Эта «конструкция» основана на абстрагировании того, что инвариантно во взаимоотношениях между системой движений, активно производимых самим перцепиентом, и результирующими изменениями всей совокупности его чувственных «входных данных». Эта конструкция работает фактически как гипотеза, не противоречащая наблюдаемым инвариантным характеристикам всего, вместе взятого, опыта этого человека по отношению к рассматриваемому окружению... Возникновение такой «конструкции» зависит не только от описанного выше абстрагирования инвариантных соотношений между движением и чувственными восприятиями, оно зависит и от всего того, что *известно* перцепиенту [с. 210–211].

...То, что мы воспринимаем, — это не точно то самое, что находится перед нашими глазами. Мы воспринимаем все в организованной и оструктуренной форме с помощью абстрагирования инвариантов, относящихся к данной ситуации... которые объясняют наш непосредственный опыт и многочисленные прежние опыты [с. 212].

Итак, инвариантность — качество не окружающей нас реальности, а наших моделей-репрезентаций этой «реальности в себе».

Тезисы для обсуждения

1. Модель-репрезентация предмета, формируемая сознанием в процессе восприятия фрагмента «реальности в себе», становится самостоятельным психическим феноменом, ответственным за «предметность» восприятия, так как непосредственно участвует в создании уникального, конкретного вещественного предмета в сознании, несмотря на различия многочисленных новых перцептивных впечатлений, возникающих всякий раз в процессе восприятия.
2. Модель-репрезентация предмета, физического объекта или явления участвует в формировании новых образов их восприятия и придает им чувственную «вещественность» — то, что в российской психологии принято называть предметностью и реальностью образа восприятия.
3. Субъективная реальность чувственных «вещей» — предметов, физических объектов и явлений, а точнее, всего воспринимаемого мира обусловлена неразрывной связью и внутренним единством их новых перцептивных образов с уже имеющейся глобальной моделью-репрезентацией окружающего физического мира. Диссоциация возникающих образов восприятия окружающей реальности и уже существующей модели-репрезентации этой же реальности может приводить к состоянию дереализации.

4. Константны не сами образы восприятия, как принято считать, а модели-репрезентации знакомых физических сущностей воспринимаемой «реальности в себе».
5. Константность восприятия объекта обусловлена наличием в сознании наблюдателя модели-репрезентации воспринимаемой реальности в целом, которая включает в себя в качестве своего элемента модель-репрезентацию данного физического объекта. Если объект в условиях эксперимента воспринимается как бы вне рамок более общей модели-репрезентации окружающей реальности, то он теряет константность.
6. Константность величины, светлоты и формы объекта — это не что иное, как константность соотношения элементов модели-репрезентации воспринимаемого объекта, выступающего как фигура, и более общей модели-репрезентации окружающего, выступающей как фон.
7. Новые и всякий раз отличающиеся образы восприятия определенного объекта неизменно актуализируют в сознании наблюдателя одну и ту же его модель-репрезентацию. Ее субъективное постоянство (она всегда представляет в сознании определенный физический объект) придает изменчивым образам его восприятия качество, которое принято называть тождественностью объекта самому себе.
8. Тождественность физического объекта — это не его тождественность самому себе, так как он непрерывно изменяется во времени, а тождественность его психической модели-репрезентации самой себе в человеческом сознании.
9. Модель-репрезентация объекта обеспечивает его тождество до тех пор, пока он не начал изменяться сущностно, пока трансформации образов его актуального восприятия адекватны ей, то есть привычны для нас, естественны и возможны, с нашей точки зрения.
10. Модель-репрезентация объекта в сознании наблюдателя и ее особенности, а не нечто неизменное в самом объекте или отражаемом объектом световом потоке, являются тем «инвариантом», который якобы существует в окружающей реальности. Этот «инвариант» представляет собой устойчивую психическую конструкцию, создаваемую сознанием и репрезентирующую конкретную физическую сущность окружающего мира.
11. «Инварианты» в форме моделей-репрезентаций присутствуют лишь в психике. Окружающий мир непрерывно изменяется, поэтому в нем нет и не может быть ничего идентичного, тождественного и инвариантного. Инвариантность создается исключительно человеческим сознанием, которое таким образом пытается упростить бесконечно многообразную реальность, чтобы облегчить ее понимание.

ГЛАВА 8

Микрогенез образа восприятия

- Образ и ощущение как сложная психическая структура.
- О роли образов представления и воспоминания в восприятии.
- Прообразы, или сенсорные впечатления.
- Итоговый образ восприятия.
- Мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации в микрогенезе образов восприятия.
- Образ и ощущение — психические сущности или конструкты исследователей?

8.1. Образ и ощущение как сложная психическая структура

В психологии давно рассматривается в разном контексте предположение о том, что перцептивный образ является ассоциативным комплексом. Эту гипотезу, по словам В. В. Любимова (2007, с. 84), выдвинул еще епископ Д. Беркли. О том, что образы представляют собой какие-то сложные сущности, говорили многие авторы. Г. Эббингауз (1998), например, замечает:

...в восприятии до нашего сознания доходит совершенно иное расчленение вещей, чем то, которое было вызвано простым раздражением органов чувств. Мы объединяем или разделяем в восприятии группы раздражений не по непосредственно присущим им и в некоторых отношениях второстепенным свойствам, а по их принадлежности друг к другу, то есть по тем сочетаниям, в которых они постоянно встречаются нам [с. 109].

М. Мерло-Понти (1999) добавляет:

Введение понятия ощущения в анализ восприятия направляет его по ложному пути. Даже «фигура» на «фоне» содержит... много больше, чем актуально данные качества. Она имеет «контуры»... она характеризуется «устойчивостью»

и «плотным» цветом, фон же безграничен и лишен определенного цвета... наиболее близкие к фону части фигуры обладают, помимо фона и качеств, особым смыслом. Вопрос в том, чтобы понять, чем образован этот смысл, что значат слова «край» и «контур», что происходит, когда совокупность качеств постигается как фигура на фоне [с. 37].

Д. Бом (2002) прямо говорит о психическом конструировании в процессе восприятия:

Воспринимаемая нами картина не является... просто изображением или отражением наших мгновенных ощущений, она является, скорее, результатом сложного процесса, ведущего к непрерывно изменяющейся (трехмерной) *конструкции*, которая представляется нам как своего рода «внутреннее видение». ...Эта конструкция работает фактически как «гипотеза»... Возникновение такой «конструкции» зависит не только от описанного выше абстрагирования инвариантных соотношений между движением и чувственными восприятиями, оно зависит и от всего того, что известно перципиенту. Например, если человек рассматривает какую-то букву с расстояния, слишком большого, чтобы видеть ее отчетливо, он будет различать нечто весьма туманное и бесформенное. Но если ему сказать, что это за буква, ее изображение внезапно возникнет для него с относительно большой четкостью... [с. 210–211].

Другими словами, наше восприятие сопровождается появлением в сознании психической конструкции, предлагающей в форме «внутреннего видения» или образа восприятия некую гипотезу — репрезентацию воспринимаемой в данный момент части реальности.

Р. Л. Грегори (1970) тоже считает, что:

...любой воспринятый объект — это гипотеза. ...Только благодаря практике и опыту наш мозг способен структурировать элементы внешнего мира, чтобы придавать им точное значение [с. 185–186].

Стимулы, исходящие из внешней среды, непрерывно интерпретируются в соответствии с установившимися с детства категориями образов. В случае новой или неполной информации наш мозг действует путем выдвижения гипотез [с. 222].

В отличие от гештальт-психологов, которые рассматривали свои «организующие принципы» как нечто врожденное, унаследованное, Р. Грегори (2003, с. 21–22) выдвигает предположение о том, что эти «принципы» «развивались путем индивидуального обобщения отдельных примеров», то есть эти принципы приобретаются человеком в процессе его индивидуального развития.

На то, что образ и ощущение являются сложными психическими структурами, обращают внимание и другие авторы. Так, например, В. Ф. Петренко (2005), цитируя В. В. Столина, говорит об:

...идее многоуровневости строения предметного образа, идее поуровневого «развертывания» плана содержания, понимании образа как процесса его становления [с. 42].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) тоже считают образ синтетической конструкцией:

...образ — не результат простого отражения воспринимаемого объекта, а синтетическая конструкция, состоящая из двух частей: прообраза (периферический информационный поток) и ко-образа (формируется при активации контекста) [с. 8].

...Это не то, что мы видим, а то, что конструируем путем консолидации увиденного с имеющимся у нас багажом данных [с. 324].

О том же пишет А. Ребер (2001):

Образ... рассматривается... скорее как конструкция, синтез [с. 531].

Дж. Гибсон (1988) весьма убедительно демонстрирует, что визуальный образ складывается из многих составляющих, таких как градиент и текстура поверхности, светимость, форма, цвета, угол наклона и т. д. и т. п. Трудно вроде бы даже поэтому спорить с тем, что образ объекта состоит из элементов, которые как бы и создают его. Признавая то, что образы и ощущения являются психическими конструкциями, состоящими из чего-то вроде простейших сенсорных элементов, мы в конечном счете приходим почти к тому же, от чего, казалось бы, давно ушли, — к старым представлениям, согласно которым образы восприятия составлены из более простых элементов. Как полагали раньше — из ощущений. И все же это не так. **Образ восприятия не складывается из элементов или тем более ощущений. Правильнее сказать, что исследователи в результате его углубленного анализа разлагают его на элементы, но делают это так же условно, как другие исследователи расчленяют человеческое тело на кровеносную систему, дыхательную, пищеварительную, нервную и т. д.** Тем не менее сумма элементов, входящих в образ, не составляет его, как и сумма систем организма не составляет человеческое тело. Образ — это нечто большее.

То, что образ восприятия — сложная конструкция, дополнительно подтверждается также тем фактом, что каждый наш единичный зрительный образ складывается фактически из двух образов восприятия, создаваемых правым и левым глазом¹. А. Н. Гусев (2007) замечает:

¹ Давно известно явление *бинокулярного соревнования*, которое заключается в том, что если испытуемому одновременно показывают два разных объекта таким образом, что левый глаз видит один объект, например вертикальные полосы, а правый — другой, например горизонтальные полосы, то испытуемый видит те и другие полосы поочередно. Если же объекты похожи друг на друга, то испытуемый видит объект, в котором сочетаются элементы обоих. В. В. Любимов (2007) сообщает: «Еще Гельмгольц, описывая явление бинокулярного соревнования, обратил внимание на тот факт, что постановка содержательной зрительной задачи в отношении одного из двух разных изображений (например, сосчитать горизонтальные полосы) приводит к удержанию этого изображения в сознании на все то время, которое необходимо для решения поставленной задачи» [с. 374].

...наша зрительная система способна объединять два различающихся (диспаратных) сенсорных потока в один слитный перцептивный образ [с. 195].

По-видимому, идея о том, что оба глаза видят окружающий мир по-разному (в этом, собственно, и заключается смысл слов *бинокулярный параллакс* (или диспаратность. — С. П.)) и это позволяет нам видеть его рельефно, принадлежит гениальному Леонардо да Винчи [с. 190].

Даже «простое» ощущение взрослого человека, казалось бы, самое элементарное психическое явление — это уже колоссальная вершина психического синтеза. Это постепенно появляющееся в процессе развития человека, выделяемое и узнаваемое им среди прочих, новое особое устойчивое психическое образование — новая целостность, включающая в себя множество не связанных изначально между собой психических феноменов, выступающих как значение ощущения и наполняющих его смыслом. Поэтому «простейшее» ощущение — это очень сложное знание.

8.2. О роли образов представления и воспоминания в восприятии

Как я уже отмечал выше, тот факт, что образы воспоминания и представления участвуют в восприятии, известен давно. В. Вундт (2007) пишет, например:

То, что мы считаем непосредственно воспринятым, в значительной части зависит от наших воспоминаний о бесчисленных прежних впечатлениях, причем мы не можем сознательно отделить то, что дано нам прямо, от добавленного путем ассимиляции [с. 67].

О том же говорят Г. Эббингауз и У. Джеймс:

Всюду непосредственно данное дополняется и расширяется на основании прежнего опыта. Душа восстанавливает, по крайней мере посредством представлений, более широкие связи и более объемлющие единства, в которых она прежде пережила то, что теперь в ней происходит отрывочно и с пробелами [Г. Эббингауз, 1998, с. 87].

Главное мозговое условие восприятия — это старые следы ассоциации, освещаемые лучами впечатления, получившегося в органе чувств [У. Джеймс, 2003, с. 345].

У. Джеймс (2003) отмечает еще одно обстоятельство:

...люди замечают в предметах только те их стороны, которые они ранее научились различать. Каждый из нас может заметить известное явление после того, как на него нам указывают, но едва ли кто-то и из десяти тысяч людей сумеет самостоятельно открыть это явление... Короче говоря, вещи, которые мы обыкновенно видим, — это лишь те вещи, которые мы воспринимаем, а воспринимаем мы только те вещи, которые имеют для нас известную отметку, или ярлык, и эта отметка запечатлелась в нашей мысли [с. 255].

Наиболее глубоко разработал проблему участия образов воспоминания и представления в восприятии Г. Гельмгольц. Он (2002) определяет образы восприятия и представления и их взаимоотношения между собой так:

Будем относить выражения *образов в представлении* только к отвлеченным от текущих чувственных впечатлений реминисценциям наблюдавшихся ранее объектов; выражение *перцептивный образ* — к восприятию, сопровождающемуся соответствующими чувственными ощущениями; выражение *первичный образ* (это то, что я называю сенсорными впечатлениями. — С. П.) — к совокупности впечатлений, формирующихся без каких бы то ни было реминисценций прежнего опыта и не содержащих ничего, кроме того, что вытекает из непосредственных чувственных ощущений. Теперь нам ясно, что один и тот же перцептивный образ может иметь различную чувственную основу, то есть образ в представлении и актуальные впечатления могут входить в самых различных отношениях в перцептивный образ. ...Прежний опыт и текущие чувственные ощущения взаимодействуют друг с другом, образуя перцептивный образ. Он имеет такую непосредственную впечатляющую силу, что мы не можем осознать, в какой степени он зависит от памяти, а в какой — от непосредственного восприятия [с. 30].

...Часть чувственного восприятия, порождаемая опытом, не менее сильна, чем та, которая зависит от текущих ощущений [с. 31–32].

Как именно образы воспоминания и представления участвуют в формировании образа восприятия? Существуют ли и если да, то что представляют собой «итоговые образы» восприятия, каков механизм их формирования? Играет ли рефлексия какую-то роль в формировании образа восприятия?

Когда я закрываю глаза и перестаю воспринимать какой-то предмет, находящийся передо мною, образ его воспоминания немедленно появляется перед моим мысленным взором. Если я при этом с закрытыми глазами мысленно перевожу взгляд с предмета в сторону, образ его воспоминания — представления сменяется соответствующими образами представления тех предметов, которые находятся в этом месте. Иными словами, память услужливо предоставляет мне то, что я должен был бы увидеть, если бы, открыв глаза в привычной обстановке, сместил в определенном направлении взгляд с предмета. Все это очевидно свидетельствует о колоссальной роли образов воспоминания — представления в восприятии окружающего нас мира.

Может ли образ восприятия предмета существовать в сознании одновременно с образом представления того же предмета?

Интроспекция свидетельствует, что может. О том же пишет Г. Гельмгольц (2002):

Когда я нахожусь в знакомой комнате, освещенной ярким солнечным светом, мое восприятие сопровождается обилием очень интенсивных ощущений. В той же комнате в вечерних сумерках я могу различить лишь самые освещенные объекты, в частности окно, но то, что я вижу в действительности, сливается с образами

моей памяти, относящимися к этой комнате, и это позволяет мне уверенно передвигаться по ней и находить нужные вещи, едва различимые в темноте...Наконец, даже в полной темноте, припоминая находящиеся в комнате предметы, я могу чувствовать себя довольно уверенно. Так, путем постепенного сокращения чувственной основы перцептивный образ может быть сведен к образу-представлению и постепенно перейти в него целиком... прежний опыт и текущие чувственные ощущения взаимодействуют друг с другом, образуя перцептивный образ. Он имеет такую непосредственную впечатляющую силу, что мы не можем осознать, в какой степени он зависит от памяти, а в какой — от непосредственного восприятия [с. 30–31].

Все же по-прежнему остается непонятным, как именно образы представления участвуют в восприятии.

Согласно У. Найссеру (1981), после исчезновения объекта восприятия его образы — иконические и эйдетические — сохраняются некоторое время в сознании. *Значит ли это, что они появляются только после прекращения восприятия объекта? Что это вообще за образы: инерционные образы восприятия или же уже образы воспоминания, что кажется более естественным, так как при их наличии перед человеком уже нет объекта восприятия?*

Феноменология психических образов вообще и остаточных образов восприятия в частности разработана недостаточно. Между тем трудноклассифицируемые образы постоянно присутствуют в нашем сознании, и оно не проводит различий между ними и собственно образами восприятия. Хотя образы эти исподволь видоизменяют текущие образы восприятия, чего мы обычно даже не замечаем.

Участие образов представления в восприятии можно обнаружить, если взглянуть на знакомый предмет и тут же отвести от него взгляд. Предположим, мой взгляд был направлен на книжный шкаф. Сразу после исчезновения его из моего поля зрения я ловлю себя на том, что продолжаю как бы видеть образ его темной лакированной поверхности, латунные блестящие полоски металла и разноцветные обложки книг, но тут же понимаю, что не мог этого увидеть сейчас в сумраке комнаты. Следовательно, это образ моего воспоминания. Однако вновь возникает сомнение, так как латунные полоски располагаются вертикально, а не горизонтально, как им положено.

Тогда это скорее образы представления? Но раз так, то почему эти неясные по своей феноменологии образы должны и могут возникать у меня только в том случае, когда я не воспринимаю шкаф, а воспринимаю, например, диван? Ведь, когда я воспринимаю образы других окружающих меня объектов, я одновременно легко представляю себе шкаф?

Иными словами, я могу одновременно и воспринимать, и представлять-вспоминать разные объекты. Соответственно, я могу одновременно и воспринимать, и представлять-вспоминать один и тот же объект.

С помощью интроспекции легко можно обнаружить, что мы действительно способны одновременно воспринимать образ одного объекта и представлять или вспоминать его же образы. Иными словами, **в нашем сознании могут параллельно сосуществовать две, а то и три феноменологически разные группы психических явлений — образы восприятия, воспоминания и представления, в том числе даже образы воспоминания, представления и восприятия одного и того же объекта.** Следовательно, нам ничто не мешает представлять или вспоминать ранее виденные нами образы объекта одновременно с его воспринимаемыми сейчас образами. Эти образы представления и воспоминания, с одной стороны, и образы восприятия того же объекта, с другой стороны, прекрасно «уживаются» одновременно друг с другом в моем сознании, о чем фактически говорит и Г. Гельмгольц. Я, например, не отрываясь смотрю на дверцу шкафа, в замочную скважину которого вставлен ключ, и одновременно с этим представляю или вспоминаю — вижу внутренним взором, как ключ поворачивается и дверца открывается.

Трудно объяснить, как это происходит, сосуществуют они действительно одновременно или же мгновенно сменяют друг друга, создавая тем не менее ощущение своего одновременного присутствия. Для нас сейчас важно лишь то, что образы представления и воспоминания объекта сосуществуют с образами его восприятия. Это свидетельствует о том, что они способны непосредственно влиять на текущее восприятие. **Мгновенные образы представления и воспоминания как бы «встраиваются» в текущее восприятие, в поток мгновенных образов восприятия.**

О том же пишет Р. Вудвортс (1950):

Мартин (L. G. Martin, 1911) обнаружил, что многие люди способны представить то, что вначале казалось невозможным. Они могли смотреть на объект, наряду с этим вызвать его образы (представления. — С. П.) и сравнивать их. Его испытуемые сообщали, что по сравнению с реальным объектом образ обычно был менее ярким по цвету, неопределеннее в контурах и что, когда реальный объект был налицо, он возникал с трудом [с. 49].

Образы воспоминания окружающей человека именно здесь и сейчас реальности, как и схемы прошлых действий в аналогичных условиях, актуализируются в сознании образами восприятия самой окружающей реальности. Глядя, например, на дверь своей спальни в полутьме, когда я не могу видеть фактуру тонированного дерева, я отмечаю, что я ее одновременно как бы вижу и не вижу. Правильнее сказать, что у меня в сознании есть ее образы, несмотря на то что я ее не воспринимаю. Имеющейся у меня установки «я у двери своей спальни» достаточно для актуализации в сознании соответствующих образов

воспоминания и представления, достраивающих в моем сознании смутный или даже отсутствующий образ восприятия двери.

Таким образом, **то, что мы называем образом восприятия, — это не столько продолжающийся конечный период времени перцептивный образ, как принято считать, сколько, по-видимому, совокупность множества быстро возникающих и исчезающих мгновенных образов восприятия и воспоминания-представления окружающей реальности.** Более отчетливо данный факт проявляется, если образы воспоминания чем-то отличаются от текущих образов восприятия реальности, менее — если они совпадают друг с другом.

В сознании охотника, идущего по лесу и ожидающего каждую минуту увидеть зверя, то есть имеющего соответствующую установку, реально могут возникать образы представления добычи, актуализируемые образами восприятия колеблемых ветром листьев и травы. Несмотря на то что представляемые образы встраиваются здесь в воспринимаемую картину реальности, обычно человек достаточно легко их разграничивает. Но стоит только появиться по любой причине неопределенности в мгновенных образах восприятия: из-за уменьшения освещенности, из-за изменения состояния человека и т. д., как образы представления легко подменяют собой образы восприятия. В шевелящемся в сумерках кусте или в тумане охотник уже «видит» зверя и действует соответствующим образом. Всем хорошо знакомы и в том или ином виде большинством из нас переживались аффективно окрашенные иллюзии восприятия, когда в темноте образы восприятия безобидного объекта подменялись образом представления угрожающей фигуры.

Наше восприятие ухватывает какие-то главные моменты, опорные пункты окружающей реальности, и образ восприятия достраивается с помощью образов представления и воспоминания соответствующей модели-репрезентации до целостного объекта. Например, образ знакомого слова, воспринимаемого нами в ситуации неопределенности (плохая слышимость или видимость), но в привычной языковой конструкции, быстро возникает у нас лишь потому, что в памяти существуют уже многочисленные образы воспоминания данного слова в составе определенных языковых конструкций. Данная способность нашего сознания позволяет нам распространять свои знания на никогда не виденные ранее особенности реальности, сходные в чем-то с воспринятыми и понятыми в прошлом. В. Вундт (2007) описывает это так:

...мы узнаем знакомого, которого долгое время не видали; мы признаем стол именно столом, хотя бы мы никогда его не видали, в силу непреодолимо многих ассоциаций с другими столами, которые он в нас пробуждает [с. 69].

Иными словами, сознательное узнавание и распознавание объектов зависит от наличия у воспринимающего соответствующих моделей-репрезентаций.

Обсуждая работу Г. Гельмгольца, А. Н. Гусев (2007) пишет:

...в обычных условиях восприятия достаточно трудно определить, что в нашем образе от его чувственной основы — ощущений, а что привнесено опытом (то есть имеет отношение к модели-репрезентации. — С. П.) [с. 72].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) еще раз напоминают хорошо известный факт:

...сохраняющаяся в памяти информация, перекодируясь, конструирует психические конструкции, соответствующие воспринимаемому объекту. Так обуславливается активный характер восприятия: мы не столько воспринимаем информацию, сколько ищем ее в окружающей среде [с. 45].

Образ, который формирует индивид, воспринимая объект, только частично состоит из непосредственно воспринимаемой информации, другая его часть складывается за счет когнитивного материала самого индивида и отражает его прошлый опыт. Такое искажение есть результат самого механизма опознания [с. 254].

Образы представлений и воспоминаний играют определяющую роль и в восприятии речи. Например, в непрерывной совокупности букв, приведенной Ч. Осгудом (2002в, с. 325), — *собакаестмясо* — сознание без труда выделяет привычные «фрагменты» — зрительные образы слов: «собака», «ест», «мясо».

Х. Шиффман (2003) отмечает:

Мы воспринимаем слова отдельно друг от друга, но то, что они действительно отделены друг от друга, неочевидно: нет никаких физических признаков, которые соответствовали бы воспринимаемому нами разделению. Более того... на спектрограммах (графическая запись частоты звуков речи во времени. — С. П.) нет пробелов, которые бы соответствовали тому, что мы воспринимаем как границы между словами. ...Иностранный язык воспринимается... как быстрый, непрерывный поток звуков [с. 601].

Это лишний раз подтверждает, что именно исходно существующие в памяти носителей языка образы воспоминания и представления слов родного языка и конструкций из них играют важнейшую роль в восприятии речи, тогда как в звуках речи чужого языка мы не в состоянии часто даже выделить слова.

Роль образов представления в восприятии иллюстрируют и изображения, приведенные Ч. Осгудом (рис. 29), которые, как пишет автор (2002в):

...по-видимому, имеют небольшой смысл для большинства читателей — просто некое скопление форм и линий. Но как только вам скажут, что рисунки изображают «солдата с собакой, проходящих за воротами забора» и «женщину, моющую пол», они сразу же превращаются в понятную организацию [с. 325].

Зрительные впечатления были исходно непонятны, но после того, как вербальная конструкция «солдат с винтовкой и собака с хвостом, проходящие за калиткой в заборе» актуализирует в сознании соответствующие визуальные образы представления, которые выступают в роли установки, рисунок воспринимается уже как иллюстрация.

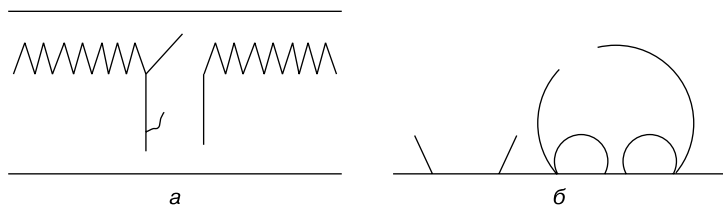

Рис. 29. Изображения, приведенные Осгудом

Когда я воспринимаю знакомый объект, образ его восприятия совершенно явно достраивается за счет образов представления и воспоминания, причем эта «достройка» порой выходит за границы того образа, который я реально могу воспринять. Например, видя въезжающую на дачный участок машину жены, я узнаю ее за рулем, хотя вряд ли разглядел бы лицо человека в незнакомой машине. Когда я смотрю на свою входную дверь, то вижу (точнее, представляю) прихожую за ней. Образ восприятия в обоих случаях трансформируется имеющимся у меня сенсорным знанием в нечто существенно отличное от того, что может быть сейчас реально воспринято мною в этих условиях и из этого положения. Можно сказать, что в восприятии присутствуют, кроме непосредственно данных нам элементов, еще и привлекаемые сознанием дополнительные элементы.

Важная роль образов представления и воспоминания состоит в том, что, как я уже отмечал, они постоянно дублируют текущий образ восприятия реальности и немедленно замещают его при внезапном его «выключении». Без этого человек мгновенно дезориентировался бы в реальности даже, например, при кратковременном закрывании глаз. Они постоянно сохраняют для наблюдателя дополнительную репрезентацию окружающей его физической реальности, меняя ее в соответствии с меняющейся перцептивной картиной.

Роль образов представления и воспоминания в восприятии хорошо демонстрируют нам закрытые поверхности, о которых пишет Дж. Гибсон (1988):

Повсюду вокруг видны предметы, причем одни из них видятся позади других. Как такое возможно? Должна существовать информация... не только о закрывающих, но и о закрытых поверхностях. Что же это за информация?.. Я намереваюсь

показать, что информация в неявном виде содержится в краях, которые разделяют поверхности... Если заданы закрывающие края, то тем самым заданы как закрывающая, так и закрываемая поверхности. Утверждение, что наблюдатель может увидеть поверхности, которые невидимы, является, конечно, парадоксальным [с. 122].

Это парадоксально, но все же наблюдатель действительно почти что «видит» «поверхности, которые невидимы», так как в его сознании возникают визуальные образы их представления и он в буквальном смысле дополняет ими свои образы восприятия. Впрочем, это происходит лишь в том случае, если загоразживается знакомый объект, то есть в сознании может быть актуализирована уже имеющаяся у наблюдателя модель-репрезентация известного ему предмета.

Дж. Гибсон (1988) продолжает:

...не существует линии раздела между настоящим и прошлым, восприятием и воспоминанием. Когда прекращается сенсорное возбуждение, исчезает особое чувственное впечатление, а не восприятие. Восприятие не становится памятью по истечении определенного промежутка времени. У процесса восприятия нет конца — оно осуществляется беспрестанно. Возможно, деление опыта на настоящий и прошлый навязано нам языком (в действительности оно навязано нам все же феноменологическими особенностями наших психических образов. — *С. П.*), потому что можно сказать либо «Я вижу Вас», либо «Я видел Вас», а промежуточной формы в языке нет. У глаголов есть только настоящее и прошедшее время. Нам не хватает слов, для того чтобы описать, например, тот факт, что вы осознаетесь мною независимо от того, находитесь вы в моем поле зрения или нет (это можно сделать, если объяснить, что в сознании Гибсона присутствует модель-репрезентация человека независимо от того, воспринимает ли он его в данный момент. — *С. П.*). <...> Поскольку мы склонны отделять настоящее от прошлого, мы невольно оказываемся вовлеченными в так называемую «путаницу с памятью» [с. 359–360].

Данное удивительно глубокое и тонкое наблюдение исследователя, внесшего, как мне представляется, самый большой после Г. Гельмгольца вклад в изучение восприятия, очень значимо для феноменологии восприятия, где переплетаются неразрывно «Я вижу», «Я видел», «Я представляю». Все же интроспекция не оставляет нам сомнений в существовании жестких различий между образами восприятия, с одной стороны, и образами воспоминания и представления — с другой, которые и порождают в сознании, а затем и в языке категории прошлого, настоящего и будущего времени.

Дж. Гибсон фактически указывает на то обстоятельство, что модели-репрезентации предметов не просто позволяют нам мысленно оперировать пред-

метами, которые в данный момент не воспринимаются нами, но и активно участвуют в «достройке» окружающих нас, но не вполне доступных восприятию объектов. Гибсон (1988) замечает:

...если как следует разобраться, то оказывается, что *сейчас* мы видим ту или иную совокупность поверхностей, случайно оказавшихся в этот момент в поле зрения и обращенных в сторону наблюдателя. То, что мы видим, не ограничивается только тем, что мы видим *сейчас*. Последнее не может быть основой восприятия окружающего мира, оно связано с «Я» наблюдателя, а не с окружающим миром. Перспективный облик внешнего мира в данный момент времени просто задает для наблюдателя место, в котором он находится в это время. Процесс восприятия внешнего мира начинается не с этой конкретной проекции, не с этого моментального паттерна — он начинается с извлечения вариантов [с. 360–361].

Иными словами, модели-репрезентации позволяют нам не ограничивать-ся в своем восприятии «только тем, что мы непосредственно видим сейчас». Я сказал бы, что «процесс восприятия внешнего мира начинается с извлечения» имеющихся в нашей памяти его моделей-репрезентаций.

Дж. Гибсон (1988) продолжает:

Нам трудно свыкнуться с мыслью, что *скрытая* поверхность может *восприниматься*, — мы привыкли считать, что она может только *припоминаться*. Для того чтобы какую-либо вещь можно было воспринимать, она должна быть «дана органам чувств»... [с. 271].

В этой связи Дж. Гибсон (1988) приводит эксперимент Каплана (см. примечание 8), в котором исчезающая поверхность края бумаги «буквально видится» уходящей под другую поверхность, при том, что на самом деле нет никаких поверхностей. Есть лишь последовательные кадры фотоснимков текстурированной бумаги, от одного края которой отрезались ровные узкие полосы. В связи с этими наблюдениями возникают вопросы.

1. *Воспринимается ли скрытая поверхность, как полагает Дж. Гибсон?*
2. *Простирается ли восприятие в прошлое и будущее?*

Вряд ли можно согласиться с автором, что «скрывшаяся поверхность продолжала видеться и после того, как она скрылась» (Дж. Гибсон (1988, с. 272–273)). Продолжала видеться лишь не скрывшаяся пока часть скрывавшейся поверхности. Что совсем не одно и то же. Другое дело, что скрывшуюся ее часть достраивала модель-репрезентация воспринимаемой скрывающейся поверхности. Новой, открывающейся поверхности, которая тоже якобы создавалась (из ничего) восприятием, не существовало до того, «как она открылась» восприятию. То, что она, как пишет Дж. Гибсон, «казалась существовавшей

и до того», опять обусловлено соответствующей моделью-репрезентацией, достраиваемой восприятием, так как мы привыкли к тому, что поверхности в окружающей реальности лишь появляются из-за других заслоняющих их поверхностей или скрываются ими, но не возникают из ничего.

Дж. Гибсон совершенно прав в том, что нет оснований полагать, будто скрывающаяся поверхность «помнится», а открывающаяся поверхность «предвосхищается». Они действительно «видятся», точнее, представляются зрительно в результате достраивания образов восприятия соответствующими моделями-репрезентациями. Точно так же нет никаких оснований полагать, что первая воспринимается «ретроспективно», а вторая — «проспективно» и что вообще наше «восприятие простирается в прошлое и в будущее».

Итак, якобы «скрывающаяся» и «появляющаяся» поверхности не «видятся», а лишь очень ярко и зримо представляются наблюдателем. **Настолько зримо, что даже у такого исследователя, как Дж. Гибсон, появляется уверенность в их зрительном восприятии.**

У. Найссер (1981) рассматривает другой аспект проблемы:

Любая реальная ситуация бесконечно богата информацией. Всегда можно увидеть и узнать больше, чем видит и знает какой-то конкретный индивид. Почему же мы не видим и не знаем всего? Ответ, который чаще всего можно услышать, теоретически соблазнителен, но едва ли адекватен; он гласит: «Мы отфильтровываем информацию». ...Нет таких механизмов, процессов или систем, функция которых состояла бы в том, чтобы отклонять эти стимулы, так что они воспринимались бы, если бы эти механизмы почему-либо отказали. Воспринимающий не собирает эту информацию просто потому, что он лишен необходимых для этого средств. Тот же принцип применим и тогда, когда воспринимающий наделен соответствующими сенсорными механизмами для восприятия, но не имеет нужного навыка, то есть в тех случаях, когда необходимое перцептивное научение не имело места. Отбор — позитивный процесс, а не негативный. Воспринимающие выделяют только то, для чего у них есть схемы, и волей-неволей игнорируют все остальное [с. 97–98].

«Схемы», о которых говорит здесь автор, — не что иное, как модели-репрезентации уже знакомых воспринимающему вещей. Именно они заставляют наблюдателя «фильтровать» воспринимаемую информацию, направляя его восприятие по простейшим, привычным и накатанным путям, не загружающим чрезмерно сознание. Однако с точкой зрения У. Найссера трудно согласиться полностью. **Наблюдатель действительно воспринимает в первую очередь предметы, модели-репрезентации которых у него есть**, что тем не менее не мешает ему формировать и новые модели-репрезентации еще неизвестных ему объектов.

8.3. Прообразы, или сенсорные впечатления

У. Джеймс (2003) пишет:

Ощущения — непосредственные результаты воздействия нервных токов на сознание, когда эти токи входят в мозг и прежде, чем они пробудили некоторые ассоциации с прошлым опытом. ...Очевидно, что такие непосредственные ощущения могут существовать только в первые дни жизни. Но они совершенно невозможны у взрослых с их воспоминаниями и множеством приобретенных ассоциаций. ...У новорожденного мозг образует абсолютно чистое ощущение. Но опыт оставляет свой след... Следствием этого являются другой род чувств и высшая степень суждения [с. 14].

Действительно, видимо, **есть основания говорить о первичных, данных нам от рождения ощущениях, точнее, сенсорных впечатлениях, или прообразах, упоминаемых в литературе. Они радикально отличаются не только от образов, но и от ощущений взрослого человека. Главным их отличием является бедность их значения или даже вовсе его отсутствие.**

Большой толковый психологический словарь (2001) определяет *впечатление* как:

...предполагаемый нервный эффект стимуляции. Эта модель употребления — своего рода физиологическая метафора для обозначения всего, что возникает в мозгу... [с. 152].

Я тем не менее полагаю, что данное понятие обозначает не физиологическое, а психологическое явление, возникающее в результате взаимодействия с окружающим миром организма, не имеющего еще соответствующих моделей-репрезентаций.

Понятие *прообраз* широко используют Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), которые определяют его как:

...периферический информационный поток, формируемый в процессе оптофизической дифференциации пространства и проецируемый в бинарную систему; транзиторную психическую конструкцию, участвующую в осуществлении опознания [с. 335].

Если первую часть этого определения принять нельзя в силу ее аморфности и неопределенности, то вторая часть имеет все-таки психологическую соотнесенность, и ее можно использовать при рассмотрении микрогенеза образа восприятия как один из ориентиров, пусть и туманных.

Как и почему происходит приобретение сенсорным впечатлением, или прообразом, понятного человеку значения, которое превращает впечатление уже в образ восприятия? Что такое сенсорное впечатление феноменологически?

Ф. Х. Олпорт (2002) пишет:

Предположим, мы смотрим на некоторый объект с целью опознать его в условиях короткой экспозиции или при освещенности, недостаточной для его узнавания. Будем от пробы к пробе постепенно удлинять время экспозиции или увеличивать освещенность. Сначала мы увидим какое-то красное пятно округлой формы, но опознать объект еще не сможем. Экспозиция или освещенность увеличится, и мы вновь сделаем попытку опознать объект. Может последовать целая серия безуспешных попыток или ошибочных восприятий, и вдруг мы узнаем объект сразу: это — яблоко. Это не красный диск, не свекла, не круглый красный мяч, а яблоко. Мы не ошибаемся, так как объект имеет много характерных признаков. Мы не можем сказать, что это только цветовые впечатления; это также не одна только конфигурация. Хотя объект обладает определенной фактурой, организацией частей, непрерывностью контура и воспринимается как фигура на фоне, он представляется как нечто большее, нежели каждое из этих свойств. Он подчиняется закону константности величины и цвета, и легко может быть создана система отсчета для «яблока», устанавливающая, кажется ли предъявленный объект большим или маленьким яблоком [с. 73–74].

«Темное пятно» исходно является для нас таковым потому, что мы знаем, что такое «пятно» и что такое «темное». Если бы мы не знали этого, оно было бы лишь чем-то мелькающим в нашем поле зрения (если бы мы знали, что такое «мелькание» и «поле зрения»). Иными словами, если бы мы не имели никаких знаний о мире, как новорожденный, например, оно было бы чем-то воспринимаемым, осознаваемым, но абсолютно непонятным, ничего для нас не значащим и почти неспособным поэтому удержаться в нашей памяти. Мы смогли бы его запомнить, если бы оно чем-то привлекло наше внимание, а следовательно, получило бы поэтому некий смысл для нас, пусть даже только как некая непонятная сущность. Вот это непонятное, но воспринимаемое нами «нечто» (впоследствии «темное пятно» и даже «яблоко») и есть прообраз, или сенсорное впечатление. Следовательно, прообразы — это вполне осознанные, быстро сменяющие друг друга в нашем сознании чувственные впечатления, в данном случае — зрительные, не имеющие для воспринимающего ясного или хотя бы как-то понятного ему значения. При концентрации на них внимания и удержании их в сознании они могут превратиться в осмысленные¹, то есть понимаемые в разной степени образы, приобретшие почему-либо то или иное значение.

¹ Осознанные и осмысленные (или понятые) — различия см. в главе 9.

Двухлетний ребенок видит лозунг и буквы лозунга, но не понимает его смысл. Лозунг для него не более чем промелькнувшее, ничего не значащее, а потому непонятное зрительное впечатление — прообраз. Лишь с появлением в этих его визуальных впечатлениях какого-то «личностного смысла» (А. Н. Леонтьев, 1983а, с. 237), хотя бы в форме осознания того, что это — особый предмет, или даже того, что отдельные элементы этого изображения представляют собой буквы, ребенок начинает не просто обращать внимание на эти сенсорные впечатления, но и понимать факт их наличия. Они становятся для него значимыми, а потому в определенной степени понятными, то есть превращаются для него в образы, имеющие элементарное значение.

Исходя из сказанного, **сенсорными впечатлениями, или прообразами, я называю не имеющие еще понятного субъекту значения перцептивные явления, возникающие в сознании вследствие врожденной способности к формированию мгновенных перцептивных образов.**

При кратковременном предъявлении наблюдателю объекта в его сознании может не возникнуть ничего, возникнуть «нечто» непонятное ему или возникнуть узнаваемый им в разной степени визуальный образ. Это непонятное наблюдателю, но осознаваемое им «нечто» и есть сенсорное впечатление. Способность формировать сенсорные впечатления присуща человеку от рождения. С течением времени впечатление может приобретать некое значение, превращаясь в «несущий смысл» психический феномен. То есть, говоря метафорически, не имеющий исходно значения, «пустой» психический феномен со временем может приобретать смысл (значение) для человека, превращаясь в полноценный, хотя и понятный ему в разной степени, образ восприятия.

Отличие сенсорного впечатления (или прообраза) от мгновенного образа восприятия заключается в отсутствии у первого и наличии у второго значения, хотя бы в минимальной степени понятного наблюдателю. Для того чтобы трансформироваться в понятный мгновенный образ восприятия, сенсорное впечатление должно актуализировать в сознании соответствующую модель-репрезентацию, если таковая уже есть в сознании. Возникающие сенсорные впечатления по разным и порой не вполне понятным причинам могут актуализировать либо не актуализировать в сознании соответствующие им модели-репрезентации — свои значения, если таковые уже сформированы у наблюдателя. Во втором случае они остаются непонятными и бесследно исчезают. Сенсорные впечатления, естественно, участвуют в формировании новых моделей-репрезентаций еще пока неизвестных субъекту предметов.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) считают прообразом:

...все то, что субъект воспринимает, но не идентифицирует как конкретный объект. ...Эпизоды такого в чистом виде мы можем проследить на некоторых кинематографических приемах, когда оператор дает объект в настолько необычном ракурсе, что вы его не можете опознать. Например, на огромном экране появляются какие-то непонятные размытые цветные пятна. Постепенно они уменьшаются в размерах, становятся более четкими, приобретают определенные формы, и вы видите что-то похожее на глаз, который в упор смотрит на вас. Все то, что вы воспринимали до опознания глаза, было фактически прообразным восприятием... [с. 218].

Вряд ли с авторами можно согласиться полностью, так как если я воспринимаю уже эти пятна как объект (хотя и не могу его опознать) и считаю их образом чего-то, пусть и непонятного мне, то это уже не прообраз, а непонятный образ восприятия. Авторы поднимают также вопрос о длительности существования прообраза и его возможной структуре:

Вероятно, она может быть идентифицирована с эконической или эхоической памятью и составляет 0,125–0,250 с. Длительность существования ко-образа должна быть значительно меньше, поскольку для сличения с прообразом предъявляется большое количество ко-образов [с. 219]. ...Время существования блица, судя по всему, составляет несколько тысячных секунды... Блицы, полученные в пределах одного масштаба восприятия, накапливаются, наслаиваясь друг на друга. В этом случае прообраз представляет собой конструкцию, соответствующую не одному, а многим блицам, то есть становится кумулятивной конструкцией [с. 220].

Приведенные данные интересны тем, что, несмотря на совершенно иные подходы, авторы пришли примерно к тем же результатам, что и я. Не вижу смысла резко разделять мгновенные образы и сенсорные впечатления, так как они различаются, как мне представляется, лишь наличием или отсутствием понятного субъекту значения. Соответственно, продолжительность сенсорных впечатлений равна длительности мгновенных образов и составляет миллисекунды и десятки миллисекунд.

Текущее восприятие следует рассматривать, по-видимому, как поток прообразов, лишь небольшая часть которых, актуализируя элементы значения, как-то понятные наблюдателю, трансформируется в мгновенные образы. Даже узнаваемые образы понятны ему в очень разной степени. Ясные и относительно ясные мгновенные образы сменяются в сознании вовсе непонятными сенсорными впечатлениями. Произвольному воспоминанию впоследствии доступны только образы, которые к тому же были зафиксированы памятью. Сенсорные же впечатления исчезают безвозвратно. В абсолютном большинстве случаев они даже не привлекают к себе внимания. Именно поэтому большая часть воспринятого «проходит мимо» нас, а у исследователей возникает предположение о наличии в нашем сознании некоего «фильтра»

или «схем», выступающих в роли последнего. В общем-то, имеющиеся в сознании воспринимающего модели-репрезентации окружающего мира можно рассматривать как своеобразный метафорический «фильтр», отбирающий только те впечатления, которые способны актуализировать эти имеющиеся модели-репрезентации.

Так как различия между мгновенными образами и сенсорными впечатлениями заключаются лишь в наличии или отсутствии значения у тех и других, то есть фактически в их способности вызывать ассоциации, можно говорить о непрерывном континууме перцептивных явлений, располагающемся между двумя полюсами. На одном находятся почти совершенно «пустые» сенсорные впечатления, не пробуждающие в сознании почти никаких ассоциаций — «пустые» чувственные репрезентации (новорожденных). На другом — максимально понятные, имеющие сложное значение мгновенные образы восприятия. **И те и другие осознаются, то есть существуют в сознании, но одни бессмысленны и непонятны, другие — наполнены субъективным смыслом.** Нераспознавание сенсорного впечатления может быть обусловлено не только отсутствием необходимого значения у возникающего впечатления, но и качествами самого сенсорного впечатления, обусловленными условиями процесса восприятия: продолжительностью, освещением, помехами и др.

Человек, владеющий китайским языком, видит в китайском иероглифе понятный ему символ. Человек, не знающий китайского языка и письменности, понимает только, что видит непонятный иероглиф. Ребенок же лишь понимает, что видит нечто. Следовательно, **образ восприятия может быть понятен нам в разной степени.** Такие в разной степени понятные нам образы постоянно присутствуют в нашем восприятии. Множество сенсорных впечатлений, непрерывно появляясь в сознании и исчезая затем из него навсегда, чтобы никогда более ничем нам о себе не напомнить, создают своего рода перцептивный «фон», который постоянно и малозаметно для нас присутствует в сознании. На этом «фоне» возникают «фигуры» — мгновенные образы восприятия, некоторые из которых даже фиксируются памятью.

Наряду с прообразами и мгновенными образами восприятия, которые формируют то, что можно назвать перцептивной плоскостью сознания, в последнем почти постоянно присутствуют образы представления и воспоминания, образующие другую, относительно самостоятельную плоскость психических феноменов — плоскость представлений и воспоминаний. Причем, как свидетельствует интроспекция, большинство возникающих в сознании визуальных образов представления тоже не имеют ясного для субъекта значения, что обусловлено в первую очередь кратковременностью их существования.

Множество представлений и воспоминаний, появляясь в сознании на очень короткое время, создают свой «фон», на котором в виде «фигур» возникают

отдельные привлекающие к себе внимание образы представления и воспоминания.

«Фоновые» феномены не фиксируются памятью и, исчезнув, не могут быть более никогда возвращены в сознание. Хотя в сознании сохраняется воспоминание, может быть, правильнее сказать: понимание самого факта их наличия и исчезновения. По крайней мере, в процессе рефлексии удастся обнаружить их существование в сознании в данный момент и понять, что они постоянно присутствуют в нем.

8.4. Итоговый образ восприятия

Многие авторы, в том числе, например, А. Н. Гусев (2007, с. 234), отмечают, что в кинематографе и мультипликации чрезвычайно важно, чтобы соседние кадры отличались друг от друга незначительно, иначе нашей зрительной системе не удастся «сливать» их в одно плавное изображение. В связи с этим возникает вопрос: *а что это за «слитое изображение», точнее, образ? И что представляет собой процесс трансформации образов отдельных кадров в некий объединенный итоговый «плавный» образ движущегося объекта?*

То, что наше сознание формирует итоговые образы восприятия из последовательностей мгновенных образов, подтверждается хорошо известными всем нам фактами. Например, если быстро вращать горящий уголек или фонарик, они воспринимаются нами в виде огненного или светящегося круга. Иными словами, наше **сознание создает некий синтетический, итоговый за период образ, складывающийся из множества мгновенных образов восприятия, который к тому же сохраняется потом в памяти.** Процесс формирования итогового образа восприятия наглядно проявляется и в так называемом феномене *стробоскопического движения*. При последовательной асинхронной демонстрации наблюдателю двух близких неподвижных объектов с асинхронностью около 100 мс обычно воспринимается лишь один объект, движущийся от места первого предъявления к месту второго.

Ч. Осгуд [2002а, с. 151] описывает эксперименты Брауна и Вота [1937], которые, используя специальный аппарат, последовательно зажигали источники света А, Б, В и Г (рис. 30) по кругу в контролируемом темпе. При большом интервале между вспышками четыре вспышки воспринимались как отдельные и последовательные. При уменьшении интервала возникал феномен фи-движения (ложного движения), когда одно световое пятно начинало описывать углы квадрата. Иными словами, происходило как бы связывание вспышек между собой. Образ воспоминания первой вспышки связывался с образом восприятия второй вспышки и т. д., формируя некий новый синтетический образ квадрата, не соответствующий физической реальности.

При дальнейшем уменьшении интервала этот синтетический образ еще больше видоизменялся: траектория светового пятна становилась сначала дугообразной, а потом превращалась в круг, заключенный внутри действительных местоположений источников света. Лишь при уменьшении интервала до 50 мс образ вновь становился более адекватным реальности, так как все четыре источника становились видимыми одновременно. В этом случае повторное включение каждого источника происходило через $50 \times 4 = 200$ мс, или пять раз в секунду. Этого времени оказывалось, видимо, недостаточно для исчезновения предыдущих образов восприятия (или образов воспоминания) каждого из четырех источников, и они сливались с вновь возникающими образами восприятия новых вспышек, создавая иллюзию постоянно горящих источников.

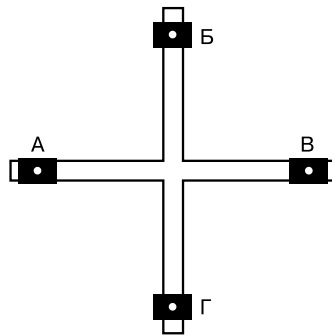

Рис. 30. Световые источники, последовательно зажигаемые по кругу

В данном наблюдении важно то, что взаимодействие многих непрерывно возникающих новых образов восприятия и сохраняющихся в сознании образов воспоминания приводит к появлению синтетических итоговых образов восприятия иллюзорных объектов, не соответствующих воспринимаемой в этот момент физической реальности.

А. Н. Гусев (2007) отмечает, что М. Вертхаймер, изучая фи-феномен, подчеркивал:

...эта иллюзия движения явно выходит за пределы того, что дано глазу непосредственно, и поэтому служит примером организующей деятельности нашего восприятия [с. 232].

Б. М. Величковский (2006) обращает внимание на то, что:

...если признаки объекта (цвет или форма) отличаются друг от друга, то в процессе движения происходит соответствующая трансформация восприятия — примерно в середине траектории иллюзорный объект меняет свой цвет на цвет второго объекта [с. 336].

Иными словами, сознание наблюдателя трансформирует в итоге мгновенные образы восприятия в какие-то новые синтетические, «слитые» или итоговые образы, которые к тому же репрезентируют отсутствующее в реальности движение объекта. Автор продолжает:

...Деннет осторожно формулирует... гипотезу «множественных набросков». Многочисленные латентные описания текущих событий сосуществуют одновременно, причем одни из них могут усиливаться по мере поступления новой информации, тогда как другие — ослабевать. ...Гипотеза множественных набросков пока сама имеет довольно эскизный характер, не позволяющий делать экспериментально проверяемые предсказания [с. 337].

Мне представляется, что эти самые «множественные наброски» есть не что иное, как множество мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления, следующих друг за другом или, возможно, даже сосуществующих друг с другом в сознании.

Х. Шиффман (2003) указывает, что:

...на восприятие конкретного сигнала влияют все фоновые раздражители, включая те, что предшествовали ему, а в некоторых случаях и те, что возникли после него [с. 86].

Наличие мгновенных образов, суммируемых и трансформируемых сознанием по каким-то пока неясным алгоритмам, позволяет понять, как именно такое возможно.

А. Трейсман и Г. Шмидт (А. М. Treisman & Н. Schmidt, 1982) изучали, что происходит при одновременном восприятии разных объектов с теми из них, которые находились вне фокуса внимания. Основной задачей испытуемых было обнаружение идентичности двух черных цифр, высвеченных в одной части поля зрения. Именно там фокусировалось внимание испытуемых. В другой, игнорируемой части поля зрения предъявлялись буквы разного цвета. Могли предъявляться розовая Т, желтая S и синяя N. После того как испытуемые сообщали о числах, их просили сообщить о любых буквах, которые они видели, и о цвете этих букв. Испытуемые сообщали о восприятии иллюзорных соединений особенностей букв (например, розовая S) почти так же часто, как и о наблюдении реальных качеств объектов.

Данные эксперименты свидетельствуют, что мгновенные образы восприятия сменяются неким итоговым образом, сохраняющимся в памяти, о наличии которого человек отдает потом себе отчет. Причем этот итоговый образ может являться комбинацией элементов, составлявших разные мгновенные образы восприятия, их своеобразным «сплавом».

К феномену, который я рассматриваю как формирование итогового образа восприятия, имеет непосредственное отношение другое явление, заключающееся во влиянии предшествующего образа восприятия объекта А на последующее восприятие объекта Б.

В научной литературе широко обсуждается прием, впервые использованный советским режиссером Л. В. Кулешовым (Л. В. Кулешов, 1941; Л. Кулешов, А. Хохлова, 1975), который чередовал в своих фильмах кадры, изображавшие ничего не выражающее лицо актера, с кадрами, демонстрирующими мертвую женщину, тарелку супа или играющую девочку. В результате зрителям лицо казалось печальным, задумчивым или счастливым. Данный феномен демонстрирует, что никак не связанные между собой по содержанию мгновенные образы восприятия либо даже последовательности из многих мгновенных образов восприятия каждая, которые появляются в сознании друг за другом, участвуют в формировании какого-то нового интегративного образа, сохраняющегося затем в памяти.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) так описывают восприятие кинофильма:

Если первым кадром показать стоящую на стоянке автомашину, а вторым — взрыв, то зрителем эта последовательность будет восприниматься как взаимосвязанные события — взрыв автомашины. Хотя во время съемок никакая автомашина не взрывалась, оба кадра снимались раздельно, и в фильме они даны тоже так (следовательно, это наше сознание формирует некий итог увиденного. — *С. П.*). Установление причинно-следственных отношений этих двух событий и есть психическая функция, в основе которой лежит феномен взаимодействия по смежности. У плохого режиссера, не умеющего следовать такому закону, могут быть совсем неожиданные результаты. Я недавно видел киножурнал, в котором вначале была показана палуба большого современного корабля, а следующим кадром — солдаты в шинелях времен Гражданской войны, бегущие в атаку с винтовками наперевес. У зрителя вначале возникает совершенно полное убеждение, что солдаты бегут по палубе, хотя режиссер хотел показать совсем другой сюжет, и в дальнейшем это становится понятным (то есть разные последовательные мгновенные образы опять порождают некий новый итоговый образ. — *С. П.*) [с. 165].

В исследованиях Ш. Мерфи и Р. Зайонца (S. Murphy, R. Zajonc, 1993; 1995) испытуемым на очень короткое время предъявлялись зрительные стимулы позитивного или негативного содержания (например, улыбающееся или злое лицо). Затем их просили оценить фотографии людей с нейтральным выражением лица по шкале «позитивное лицо — негативное лицо». Те испытуемые, которым предварительно предъявлялись «позитивные» стимулы, более позитивно оценивали предъявленные лица по сравнению с теми испытуемыми, которым предъявлялись предварительно негативные стимулы.

Формирование итогового образа зависит еще от одного важного обстоятельства: периода времени между окончанием предъявления первого объекта и появлением второго объекта. Он определяет, повлияет ли второй мгновенный образ восприятия на образ воспоминания первого. Б. М. Величковский (2006) сообщает о зависимости эффективности опознания первого объекта от задержки предъявления второго объекта:

Испытуемым показывался ряд букв, причем одна из букв маскировалась кольцом или сплошным диском, перекрывавшим критическую позицию. Если меткой был диск, то при одновременном показе с буквами успешность восприятия букв на критической позиции была минимальной, затем — примерно в течение третьей секунды — она улучшалась. Если меткой было кольцо, то при нулевой задержке испытуемый просто видел букву в кольце и успешность воспроизведения была максимальной. При росте асинхронности предъявления... кольца (то есть при увеличении периода времени между предъявлением буквы и кольца. — С. П.) восприятие буквы ухудшалось, и при асинхронности порядка 100 мс наступал момент, когда кольцо как бы «стирало» букву — феноменально оно окружало пустое место. При увеличении задержек до 200–300 мс кольцо переставало оказывать какое-либо влияние на восприятие и воспроизведение вновь улучшалось [с. 192–193].

Из приведенных данных можно сделать вывод, что последовательные мгновенные образы при возникновении их с интервалом примерно до 100 мс приводят к сохранению в памяти суммарных, или итоговых, образов. В данном случае — буквы в кольце. Но при интервале около 100 мс они перестают сливаться и второй образ просто замещает собой первый, кольцо стирает букву. При увеличении интервала до 200–300 мс первый образ уже успевает сохраниться в памяти и образ кольца его не стирает.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут, ссылаясь на Вертхаймера:

Представьте себе, что мы включили на мгновение свет в какой-то точке поля зрения и сразу же выключили его, а после определенного временного интервала (30–200 мс) включили свет в другой точке. В результате мы получим *псевдодвижение*. Кажется, будто свет переместился из одной точки в другую, хотя не было никакого движения между этими двумя точками пространства... Этот феномен просто ошеломляет: если правильно подобрать временные интервалы, псевдодвижение невозможно отличить от настоящего движения (Wertheimer, 1912) [с. 259].

Мы имеем здесь два (или даже больше) разных мгновенных образа восприятия, различающихся местоположением источника света. Их последовательное появление может приводить к сохранению в памяти итогового образа иллюзорного движения источника света.

Все приведенные эксперименты свидетельствуют о сложном микрогенезе образов восприятия, в процессе которого могут возникать и сохраняться в памяти «итоговые» образы восприятия, не соответствующие воспринимаемым объектам. Более того, наше **сознание способно удерживать сразу несколько последовательных феноменологически трудноквалифицируемых образов (восприятия? воспоминания?), анализировать их все сразу в целом, делая из них своего рода чувственные выводы в виде новых «итоговых» сохраняющихся образов (восприятия? воспоминания?).**

Очевидно, что для лучшего понимания механизмов микрогенеза образа необходимо продолжить аналогичные исследования.

8.5. Мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации в микрогенезе образов восприятия

Термин *микрогенез*, как отмечает Б. М. Величковский (2006, с. 198), был введен в психологию Х. Вернером, чтобы отличать актуальное развитие восприятия, мышления и эмоций от процессов их онто- и филогенеза. Затем изучением микрогенеза (или «актуалгенеза») занимались Ф. Крюгер и его ученики. Одним из первых исследователей микрогенеза восприятия был ученик В. Вундта, один из основателей экспериментальной психологии в России Н. Н. Ланге (1893), который полагал, что:

...процесс восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов, или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая — более частного и дифференцированного [с. 3].

В. М. Бехтерев (1999) тоже писал:

...многие *первичные* ощущения... организуются *по определенным правилам в элементарные восприятия* (линии, углы, тона, тембр и т. д.). ...Образ — это не *мгновенный «комплекс ощущений»*, а знак некоторого *длящегося процесса*, «*строющийся*» из «*предощущений*». ...Мы можем рассматривать только механизмы построения все более усложняющихся гештальтов — образов [с. 164].

Теория микрогенеза восприятия была создана представителем Лейпцигской школы Ф. Зандером (цит. по: Б. Мещеряков, В. Зинченко, 2004, с. 293).

В опытах В. Ди Лолло и А. Уилсона (Di Lollo & A. Wilson, 1978) было показано, что интеграция перцептивных образов зависит от асинхронности включения стимулов, или, другими словами, от времени между включениями

первого и второго стимулов, а не от интервала времени между выключением первого и включением второго стимулов.

Авторы предъявляли испытуемым две матрицы 5×5 , которые при физическом наложении образовывали полную матрицу с одной пустой ячейкой (рис. 31). Испытуемые должны были обнаружить ячейку при различных комбинациях длительности предъявления и продолжительности межстимульного интервала. В тех случаях, когда время экспозиции первого изображения превышало 100–120 мс, даже при межстимульном интервале 10 мс не происходило суммации изображений и испытуемые были не в состоянии указать пустую ячейку.

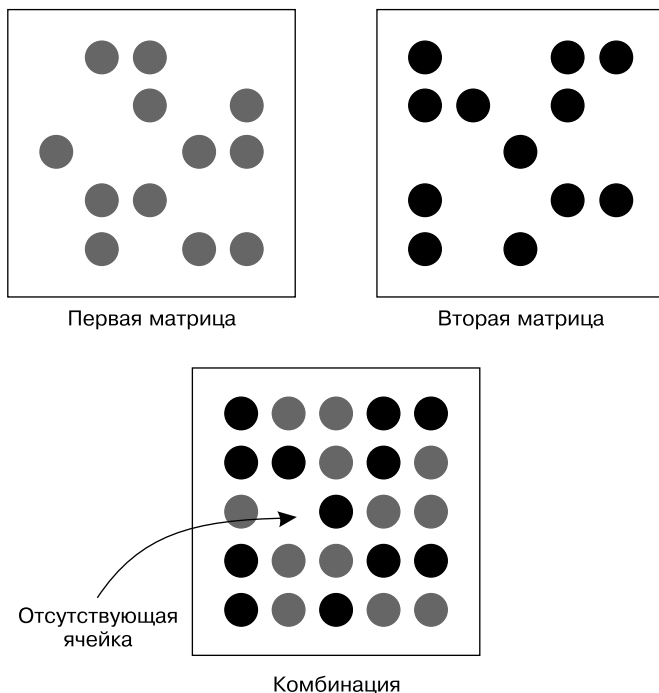

Рис. 31. Псевдослучайные матрицы

На мой взгляд, результаты позволяют предположить, что 100–120 мс достаточно для возникновения за этот период времени уже не одного, а нескольких мгновенных образов первого объекта, которые суммируются самостоятельно, формируя свой итоговый образ, что не позволяет следующим за ними мгновенным образам второго объекта «присоединиться к ним» и оказать искажающее влияние на первый итоговый образ, сохраняющийся в памяти. В результате не происходит последующей «суммации изображений». Такое предположение в определенной степени согласуется с данными, полученными в результате

исследования перцептивных образов иной модальности. Б. М. Величковский (2006) пишет:

Множество исследований было посвящено анализу элементарных временных характеристик слуха, аналогичных инерции зрения. ...Инерция слуха определялась в последнем случае *началом, а не концом предъявления*, так что звуковой сигнал длительностью 10 мс имел «инерцию» 110 мс, а длительностью 100 мс — только 20 мс. Этот результат довольно трудно интерпретировать как эффект памяти, скорее, это эффект микрогенеза восприятия... [с. 200].

Возможно, предъявление звука продолжительностью 10 мс приводило к возникновению образа восприятия, сохраняющегося 110 мс, тогда как предъявление звука продолжительностью 100 мс приводило к возникновению образа восприятия, сохраняющегося всего 20 мс. Все это в очередной раз демонстрирует сложность и недостаточную изученность как процесса восприятия, так и тем более микрогенеза того, что принято называть образом восприятия.

Б. М. Величковский (2006, с. 193) полагает, что существует глобальная двухуровневая архитектура восприятия: сначала объект воспринимается как относительно недифференцированное, но локализованное в трехмерном пространстве нечто, затем — как предмет с индивидуальными признаками, такими как цвет и форма. Он (2006) пишет:

...нами была обоснована теория микрогенеза, согласно которой восприятие предмета начинается с его динамической локализации в трехмерном окружении, после чего происходит спецификация его общих очертаний и, наконец, инвариантное восприятие тонких внутренних деталей... Базовый цикл микрогенеза восприятия может занимать до 300 мс и требовать... участия внимания... [с. 204].

Как я уже говорил выше, интроспекция свидетельствует, что в сознании одновременно присутствуют образы восприятия объекта и входящие в его же модель-репрезентацию образы воспоминания и представления того же и сходных с ним объектов, что подтверждается и данными литературы (см., например: Р. Вудвортс, 1950, с. 49). И те и другие образы участвуют в формировании итогового за период (от десятков миллисекунд до, вероятно, нескольких секунд) психического феномена, который сохраняется в сознании как образ восприятия (или уже как образ воспоминания?), но который в любом случае тем не менее принято называть *образом восприятия*. То, что мы, не отказавшись от привычных стереотипов, пока не в состоянии даже квалифицировать психические феномены, существующие в нашем сознании (образ восприятия, или уже образ воспоминания, или, наконец, нечто третье), свидетельствует лишь об огромной сложности проблем, с которыми мы имеем здесь дело.

Внимание наблюдателя привлекают и в первую очередь фиксируются памятью те мгновенные образы восприятия, которые способны вызвать ассоциации, то есть актуализировать в сознании модели-репрезентации уже известных объектов. Г. Гельмгольц (2002), например, пишет:

Гораздо более отчетливо обнаруживается роль понимания в восприятии... при плохом освещении, когда мы не можем сразу дать себе отчет, что за предмет мы видим и как далеко он находится... Но вдруг нам становится ясно, что за предмет перед нами, и тотчас под влиянием правильного понимания у нас формируется со всей отчетливостью правильный перцептивный образ, и мы уже не в состоянии вернуться к первоначальному, неполному восприятию [с. 31].

«Первоначальное, неполное восприятие», о котором говорит автор, феноменологически представляет собой, по-видимому, те мгновенные зрительные образы восприятия, которые почти не вызывают ассоциаций, а потому обычно и не сохраняются в памяти человека впоследствии. Широко обсуждаемая в литературе **«избыточность нашего восприятия»** проявляется в том, что **большая часть мгновенных образов восприятия, а тем более сенсорных впечатлений, возникающих в нашем сознании, не попадает в число тех «избранных», которые оказываются в зоне активного внимания и затем принимают участие в формировании итоговых образов.**

Я не предполагаю излагать здесь какую-то собственную концепцию микрогенеза, так как подобная задача требует специальных экспериментальных исследований, а хочу лишь обратить внимание на то, что **в микрогенезе образа восприятия участвуют не только мгновенные образы восприятия, но и входящие в модель-репрезентацию воспринимаемого аспекта реальности образы его представления и воспоминания.**

О том, что образы представления в конечном счете могут определять «итоговый» образ восприятия, свидетельствуют наблюдения М. П. Никитина, работавшего в лаборатории В. М. Бехтерева. Автор проводил эксперименты по узнаванию изображений предметов, предъявлявшихся с индивидуально подобранной околороговой длительностью экспозиции (от 0,8 до 3 мс). После каждого предъявления испытуемый зарисовывал то, что видел, и давал словесный отчет. Результаты показали, что всякая новая идея о предмете «запускает» микрогенез восприятия сначала. Б. М. Величковский (2006) цитирует М. П. Никитина:

Некоторые лица так описывают этот момент: «Помню, что некоторое время ясно осознавал общие очертания некоторых линий, но, как только блеснула идея о предмете, сразу забыл их». Та же закономерность проявилась и в динамике зарисовок: сразу после возникновения идеи, даже если она была правильной, увеличивалось количество ошибочно изображенных деталей! Испытуемый говорил «птица» и рисовал птицу другого вида, чем та, которая была на карточке [с. 225].

В этих наблюдениях интересно то, что не только возникающие в сознании образы воспоминания и представления, входящие в актуализированную сенсорными впечатлениями модель-репрезентацию, влияют на итоговый образ восприятия объекта, но даже всплывающие в сознании в процессе восприятия понятия могут резко менять итоговый образ. Это свидетельствует об отсутствии в ряде случаев жесткого детерминирования сенсорными впечатлениями итогового образа восприятия.

Что же собой представляет привычно перекочевывающий из одного учебника психологии в другой образ восприятия?

Понятно, что это не единичный мгновенный образ восприятия и даже не просто последовательность таких образов. Это нечто гораздо более сложное, состоящее из многих элементов и развернутое во времени, но при этом рефлекслируемое субъектом и сохраняющееся в его памяти как единичное и целостное. Можно, по-видимому, говорить о формировании в каждом случае восприятия особой новой сенсорной психической конструкции, разворачивающейся во времени. Лучше называть ее, чтобы не путаться, психическим комплексом. В ее создании сложным и непонятным пока образом участвуют как мгновенные образы восприятия, так и составляющие модель-репрезентацию воспринимаемого объекта кратковременные образы воспоминания и представления, а также итоговые образы, сохраняющиеся затем в памяти.

Говоря иначе, **образ восприятия — это поток сходных между собой мгновенных образов, который представляет собой своего рода гештальт и рассматривается человеком как единичная перцептивная репрезентация реальности, занимающая период времени, называемый в литературе порогом нерасчлененной длительности** (см., например: А. Н. Гусев, 2007). Микрогенез итогового образа (или образов) восприятия — процесс создания таких психических феноменов. То, что наше сознание всегда стремится к построению в процессе восприятия сенсорной психической конструкции, как мы уже обсуждали выше, иллюстрируют еще классические опыты В. Вундта (2007) с метрономом:

...испытуемый внимательно слушает равномерный ритм метронома, но спустя какое-то время начинает выделять в ряду одинаковых ощущений ритмичную структуру, напоминающую мелодию. В. Вундт пишет: «...для нас в высшей степени трудно слышать удары маятника совершенно равными по силе, иначе говоря, слышать их не ритмически. Мы постоянно впадаем вновь в восходящий или нисходящий такт. ...Наше сознание ритмично по своей природе» [с. 12].

А. Н. Гусев (2007, с. 29) отмечает, что тот же самый эффект проявляется в зрении, когда приходится достаточно долгое время, например ожидая чего-то, смотреть на равномерно текстурированную поверхность стены (например, кафельной). Вскоре одинаковые кафельные квадраты начинают объединяться

в различные фигуры. Иными словами, наша психика **непроизвольно и естественным образом всегда старается выстроить на основе сенсорных впечатлений ту или иную завершённую модель-репрезентацию определенного аспекта реальности и сохранить ее для последующего использования.**

Р. Клацки (2007, с. 183) справедливо считает, что, если бы не было иконических образов, мы могли бы «видеть» зрительные стимулы лишь до тех пор, пока они остаются у нас перед глазами, а если бы не было эхоической памяти, мы могли бы «слышать» звуки лишь до тех пор, пока они звучат. Следовательно, у нас возникли бы большие трудности с пониманием устной речи. Он (2007) пишет:

Возникает вопрос: происходит ли вообще стирание эхоического образа? Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы будем понимать под стиранием. Если под стиранием иметь в виду нечто эквивалентное стиранию зрительного образа, то есть подлинную замену одного стимула другим, который за ним следует, то ответ, пожалуй, будет отрицательным. ...Наша способность распознавать последовательности звуков должна означать, что новые звуки не стирают другие, только что им предшествовавшие. Если бы они их стирали, мы... не могли бы воспринимать речь, поскольку произнесение даже одного слога требует некоторого времени и нельзя, чтобы вторая его часть стирала первую. Однако и в эхоической памяти все же, видимо, существует какое-то явление, подобное стиранию. Новые звуки могут в некоторой степени маскировать и уменьшать длительность хранения звуков, предъявленных ранее (D. W. Massaro, 1972). Это явление лучше называть интерференцией, чтобы отличать его от быстрого и полного стирания, более четко выраженного в иконической памяти. Эта эхоическая интерференция сходна с эффектом светлого поля, предъявлявшегося в экспериментах Сперлинга после набора букв, — она уменьшает время сохранения следов, но не уничтожает их сразу [с. 188–189].

Интроспекция свидетельствует, что сознание способно удерживать целиком фразу, состоящую из нескольких слов. В. Вундт (2007) объясняет способность сохранения содержания «объемом сознания», Дж. Миллер (1964) связывает это с «магическим числом»¹.

Р. Клацки (2007) сообщает о том, что Дж. Сперлинг (G. Sperling, 1967) заметил, как испытуемый, записывая буквы в задачах на вспоминание, часто произносит их про себя. Сперлинг предположил, что в этом, возможно, проявляется более общий процесс, происходящий в кратковременной памяти, — процесс повторения. Испытуемый произносит букву про себя, слышит, что он говорит,

¹ «Магическое число» Джорджа А. Миллера. Этот термин означает приблизительное число дискретных фрагментов информации, которое может одновременно сохраняться в кратковременной памяти... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 234].

«Структурная единица» в «магическом числе» Дж. Миллера (7 ± 2) — это отдельный ментальный образ того или иного вида или его самостоятельный элемент. Этим образом могут быть как буква и слог, так и слово, точнее, как образ буквы и слога, так и вербальный образ. Многие исследователи отождествляют «магическое число» с «объемом сознания».

а затем помещает на хранение в кратковременную память то, что услышал, тем самым восстанавливая первоначальный след. Р. Клацки (2007) пишет:

Подлинные звуки при этом могут отсутствовать, но при повторении вместо них используются *мысленные* образы звуков (слуховые образы представления и воспоминания слов. — С. П.), которые не произносятся. ...Если сравнить полученную таким образом скорость со скоростью внешней, звуковой речи, то окажется, что они примерно одинаковые, составляя обычно от 3 до 6 букв в секунду. ...Если повторение — это мысленное предъявление человеком самому себе какого-то элемента (например, мысленное произнесение буквы), то повторение может быть также и зрительным (в форме зрительных образов воспоминания. — С. П.). ...Повторение, осуществляемое, видимо, с помощью внутренней речи, не только поддерживает и оживляет следы в кратковременной памяти: предполагается, что оно обуславливает также перенос информации в долговременную память, увеличивая тем самым прочность долговременных следов [с. 197–198].

Вероятно, именно в отсутствии необходимого количества повторений мгновенных образов заключается причина того, что лишь некоторые из них, даже повторно возникающие в сознании, сохраняются затем в нашей памяти.

П. Линдсей и Д. Норман (1974, с. 321) приводят дополнительные данные о кратковременной памяти, обсуждая эксперимент Ллойда и Маргарет Питерсонов (L. Peterson, M. Peterson), которые просили испытуемых запомнить три буквы, а спустя 18 с воспроизвести их. Оказалось, что испытуемые не могли запомнить эти три буквы, если в эти 18 с должны были в быстром темпе вести «обратный счет тройками».

П. Линдсей и Д. Норман (1974, с. 330) приводят также данные другого эксперимента:

Аткинсон и Шифрин [R. C. Atkinson, R. M. Shiffrin, 1971] сначала предъявляли испытуемому в акустической модальности ряд букв для запоминания, затем на 30 с давали задание по различению сигнала в другой модальности — визуальной, после чего проверяли запоминание букв. Это позволило избежать как повторения материала, подлежащего запоминанию, так и интерференции этого материала за счет действия других сходных слуховых стимулов. Оказалось, что спустя 30 с после предъявления материала испытуемые хорошо помнят его. Однако еще через 30 с память становится настолько «хрупкой», что даже незначительная интерференция разрушает ее. Авторы полагают, что через 30 с, очевидно, происходит изменение чувствительности к интерференции.

Приведенные данные позволяют констатировать, что процессы микрогенеза перцептивных образов, их удержания в сознании, влияние на их сохранение новых образов восприятия иных объектов, а также особенности микрогенеза образов восприятия разной модальности очень сложны и недостаточно изучены.

Определенный вклад в понимание проблемы микрогенеза образа восприятия внесли Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), которые ввели два новых понятия: *блиц* (нечто похожее на мгновенный образ восприятия) и *ко-образ* (нечто

похожее на модель-репрезентацию). Однако авторы рассматривают и *блиц*, и *ко-образ* то в качестве психических конструкций:

Есть психические конструкции, которые существуют сотые и даже тысячные доли секунды (*блиц*, *прообраз*, *ко-образ*, *образ*), а есть такие, «сроки жизни» которых более продолжительны [с. 295].

Ко-образ представляет собой специальную психическую конструкцию, создаваемую для осуществления опознания. Это короткоживущее, или, по нашей классификации, транзиторное, психическое образование, формируемое оперативным контекстом. ...*Ко-образ* следует рассматривать либо как единую конструкцию с последовательно развертывающимся сюжетом, когда первые ее элементы обеспечивают само опознание и одновременно выступают в качестве релизинг-фактора, допуская информационное насыщение *ко-образа* после его формирования, либо как последовательную обойму *ко-образов*, выполняющих указанные функции [с. 220],

то как физиологические сущности:

Блиц представляет собой переработанный информационный поток, который в бинарной системе появляется в виде *прообраза* [с. 57].

Его (*прообраз*. — *С. П.*) нельзя считать психической категорией, поскольку *прообраз* еще не имеет психического смысла — это высокоорганизованная нейрофизиологическая категория. Ее превращение в психическую происходит путем организации информационных потоков... [с. 220].

Здесь мы опять сталкиваемся со смешением разных плоскостей анализа, которые, в принципе, не должны пересекаться: психологической, информационной и физиологической, что лишает подобный анализ всякого смысла, так как «нейрофизиологическая категория», даже «высокоорганизованная», никак не может превратиться в «психическую категорию». *Ко-образы*, как я уже сказал, по своим функциям чем-то напоминают модели-репрезентации. Авторы даже рассматривают их чаще как психические конструкции:

Ко-образ представляет собой конструкцию, не просто соответствующую какому-то активированному представлению, а созданную специально для данного случая опознания. Ее конструирование обусловлено участием в этом процессе не всего представления, а только определенной его части, необходимой именно для данного опознания. В каждый момент времени какая-то часть контекстуальных систем находится в активированном состоянии, образуя оперативный контекст, подготавливая контекстуальную информацию к мобилизации (функция предвозбуждения). Наиболее активированные элементы данных систем редуцируют свои информационные блоки в виде *ко-образов* и направляют их в бинарную систему [с. 223].

Ко-образы в таком понимании отличаются от моделей-репрезентаций и выполняют иные, гораздо более узкие функции. Тем не менее импонирует попытка авторов рассмотреть формирование образа восприятия как сложный процесс соединения *прообраза* и *ко-образа*.

8.6. Образ и ощущение — психические сущности или конструкты¹ исследователей?

Выше мы уже обсуждали, что ни понятие *ощущение*, ни понятие *образ*, во-первых, не имеют в психологии общепринятых определений, во-вторых, даже их описания в литературе вызывают много возражений и вопросов. Сказанное заставляет задуматься о необходимости признания того факта, что традиционно рассматриваемые в психологии в качестве наших психических явлений сущности, обозначаемые понятиями *ощущение* и *образ*, будучи несколько более ясными и более «психологическими», чем, например, перенасыщенное в когнитивной психологии физиологическим содержанием понятие *психическая репрезентация*, тем не менее не в полной мере отражают реальности нашей психики, а их описания не соответствуют тому, что мы действительно переживаем в сознании. Другими словами, созданные исследователями понятия *ощущение* и *образ* обозначают, возможно, не столько то, что существует в нашей психике, сколько гипотетические конструкции самих исследователей, пытавшихся смоделировать и объяснить собственные психические явления.

Неудивительно поэтому, что М. Мерло-Понти (1999, с. 30), например, рассматривает ощущение лишь как «объясняющий концепт», Ф. Х. Олпорт (2002, с. 70) считает ощущение «абстрактной конструкцией», а А. Н. Гусев (2007) замечает, что:

...рассматривая ощущения и восприятия как теоретические понятия научной психологии, мы в известной степени имеем дело с научными абстракциями, такими же, как гравитационное или электромагнитное поле в физике [с. 14].

Из сказанного может следовать, что понятия *ощущение* и *образ* не столько репрезентируют конкретные реально присутствующие в психической жизни элементарные психические феномены, сколько, возможно, обозначают созданные исследователями в прошлом для собственного удобства некие вымышленные ими психические явления.

В литературе обычно отождествляется зрительный образ объекта с единичной психической «как бы картинкой», которая якобы существует в психике примерно так же, как объекты существуют в физической реальности. Однако после знакомства с мгновенными образами восприятия возникают обосо-

¹ Я лично определяю конструкт как психический объект, репрезентирующий, очевидно, не существующую в физической реальности сущность, созданный человеческим сознанием и обозначаемый отдельным понятием. Конструкты, обозначаемые, например, понятиями: *вероятность*, *социальный класс*, *параметр*, *индекс*, *коэффициент* и так далее специально создаются исследователями с целью облегчить понимание и анализ сложных аспектов реальности, не поддающихся прямому рассмотрению, а также с какими-то иными специальными целями.

ванные сомнения в том, что в психике вообще есть продолжающиеся секунды и дольше изолированные, единичные и тем более статичные образы объектов. Это касается даже образов восприятия неподвижных предметов, воспринимаемых неподвижным наблюдателем, не говоря уже об образах представления. М. К. Мамардашвили (2004) вспоминает, что, беседа с журналистом о природе кинообраза в одном из интервью, Жан-Люк Годар заметил, что:

...нет истинного образа, такого, который где-то существует в единственном числе и его нужно только найти и увидеть [с. 304].

То же самое абсолютно применимо и к психическому образу. **Нет зрительного образа в единственном числе, продолжающегося секунду и дольше, и его невозможно просто найти и увидеть в такой форме в собственном сознании. Мы имеем дело, видимо, лишь с «сериями» очень кратковременно существующих образов.**

Попробуйте остановить свой взгляд на одном из окружающих вас предметов. При внимательной рефлексии нетрудно заметить, что образ воспринимаемого предмета, оказывается, как бы «колышется» и очень незначительно, но меняется. Это его движение имеет что-то общее с тем движением образа, которое можно видеть в нагретом воздухе, например в пустыне или при восприятии предметов, находящихся позади и чуть выше пламени костра. Но при обычном восприятии предмета колебание или смещение образа почти незаметно. Тем не менее можно обнаружить, что неподвижный объект восприятия как бы постоянно смещается, «плывет», флюктуирует в нашем поле восприятия. На передний план в нем все время выступают то одни, то другие его элементы. Объект как бы «живет», «дышит», несмотря на нашу внутреннюю убежденность в его физической статичности и незыблемости.

Это движение, «жизнь» образа, вероятно, обусловлены тем, что в сознании нет одного и того же устойчивого и постоянного в каждое следующее мгновение зрительного образа восприятия данного конкретного предмета, а есть непрерывно сменяющая друг друга череда мгновенных образов реальности. Множество неразрывно связанных между собой и перетекающих друг в друга последовательных мгновенных образов, объемных, голографических «как бы картинок», моделирующих даже не объект, а воспринимаемый аспект реальности в целом, «поток» зрительного восприятия.

Одной из важных характеристик наших психических феноменов, в том числе сенсорных, является то, что они не конечны. Мы постоянно переживаем нескончаемый процесс развертывания последовательностей непрерывно сменяющих друг друга в сознании мгновенных образов, «текущую» в сознании панорамную «как бы картину», репрезентирующую нам реальность, непрерывно изменяющуюся «сцену спектакля», в котором мы участвуем.

То, что принято называть словами «образы» и «ощущения», представляет собой не изолированные феномены нашей психической жизни, а лишь почему-либо выступающие из общего течения сенсорных репрезентаций их «блоки», или относительно самостоятельные комплексы. Лишь благодаря предметности восприятия они и были, вероятно, замечены исследователями, которые обозначили их специальными терминами «образы» объектов и вызываемые объектами «ощущения», зафиксировав тем самым в языке. Каждый человек, усваивая данные слова языка, обнаруживает со временем у себя в сознании нечто соответствующее этим якобы изолированно присутствующим в его психике «наиболее простым» сущностям.

Рассмотрим другую проблему. *Действительно ли образ восприятия яблока, например, является простым и единичным (то есть четко отграниченным и самостоятельным, независимым от всех других психических феноменов) психическим явлением?*

Классическая психология призывает нас рассматривать его именно в таком виде. В соответствии с ней возникший при появлении предмета в поле зрения образ его восприятия, во-первых, существует, пока мы воспринимаем предмет, не меняя условия восприятия, во-вторых, остается неизменным. Следовательно, он может сохраняться в сознании секунды и даже гораздо дольше. Однако представление о «единичности» возникающего в неизменяющихся условиях восприятия перцептивного образа не соответствует реальности.

Понятие «*зрительный образ восприятия*», объясняемое, например, как «нечто похожее на картинку в голове», не раскрывает сути того, что представляет собой наша визуальная перцептивная репрезентация реальности, еще и потому, что та складывается не только из собственно образов восприятия. Есть все основания полагать, что **психическое явление, которое принято рассматривать в качестве образа восприятия, представляет собой целый комплекс кратковременных образов восприятия, воспоминания и представления воспринимаемой части реальности и сходных с ней аспектов реальности, воспринятых в прошлом.** Трудно сказать, в какой форме они сосуществуют — как мгновенно сменяющие друг друга или как присутствующие в сознании параллельно и одновременно. Их сосуществование и взаимодействие в сознании обеспечивают нам структурирование окружающей реальности.

Вероятно, кроме собственно содержания мгновенных зрительных образов восприятия, именно количество повторяющихся сходных мгновенных образов в потоке образов восприятия определяет, что именно попадет в зону активного внимания сознания, что из воспринятого будет понято и в какой степени. Наконец, что из воспринятого будет зафиксировано в памяти. **Перцептивный зрительный образ — это к тому же не образ восприятия предмета, а всегда образ восприятия доступной зрению окружающей реальности в целом, включающий не изолированные визуальные модели определенных объек-**

тов — фигуры, а «фигуры на фоне». Последнее верно, когда мы внимательно рассматриваем конкретный предмет.

Слуховой образ слова тоже не изолированный образ слова, а, скорее, элемент, выделенный сознанием из многослойного слухового потока восприятия, тоже «фигура на фоне». Я даже не касаюсь здесь вопроса о том, что **слуховые образы слов вовсе и не образы слов, а устойчивые повторяющиеся последовательности образов других кратковременных аудиальных объектов — фоном**. Вообще слуховые образы восприятия — это всегда не просто отдельные как бы условные копии неких изолированных объектов, а лишь произвольно выделенные сознанием части общей слуховой репрезентации реальности.

Итак, *психические феномены*, которые присутствуют в нашем сознании, не вполне соответствуют тому, что принято описывать в учебниках по психологии при рассмотрении содержания понятий *ощущение* и *образ*. *Следует ли из этого, что в психике нет, например, образа восприятия объекта или ощущений, вызываемых объектом, и эти понятия лишь обозначают конструкты исследователей?*

Безусловно, нет. И в основе понятия *образ объекта*, и в основе понятия *ощущение* лежат вполне реальные фрагменты нашего психического содержания, которые каждый может обнаружить в своем сознании. Следовательно, можно констатировать, что эти сущности были в прошлом обоснованно выделены из прочего психического содержания и получили специальное обозначение, а не просто были искусственно созданы исследователями в качестве очередных конструктов. Другое дело, что привычно вкладываемое в эти понятия содержание не соответствует современным представлениям об этих психических явлениях, то есть содержание этих понятий должно быть определено более точно.

Тезисы для обсуждения

1. В сознании одновременно или практически одновременно присутствуют феноменологически разные группы психических явлений: мгновенные образы восприятия, воспоминания и представления, в том числе даже одного и того же объекта.
2. Образы восприятия знакомого фрагмента окружающего мира актуализируют в сознании образы его же воспоминания и представления, которые начинают принимать участие в процессе восприятия. Даже имеющегося у человека понимания того, например, где он сейчас находится, достаточно для появления в его сознании соответствующих образов воспоминания и представления окружающего.
3. Образы представления и воспоминания объекта сосуществуют с образами его восприятия, что свидетельствует о принципиальной возможности их непосредственного влияния на текущее восприятие. Можно пола-

- гать, что образы представления и воспоминания как бы встраиваются в поток мгновенных образов восприятия, изменяя его результаты.
4. В ситуациях, затрудняющих восприятие знакомой окружающей реальности, сознание фиксирует какие-то главные моменты, опорные пункты, и ее образ восприятия достраивается с помощью актуализирующихся образов представления и воспоминания.
 5. Узнавание и распознавание окружающих объектов в процессе восприятия зависит от степени их известности наблюдателю, то есть от наличия их моделей-репрезентаций в его сознании к моменту нового восприятия. Человек воспринимает в первую очередь знакомые объекты, модели-репрезентации которых у него уже есть к моменту нового восприятия.
 6. Образ восприятия знакомого объекта достраивается входящими в его модель-репрезентацию образами воспоминания и представления его деталей, порой настолько яркими и детализированными, что у воспринимающего появляется уверенность в их зрительном восприятии. При этом в силу объективных причин (особенностей ситуации) образы эти часто просто не могли быть в данный момент восприняты человеком.
 7. Важная роль образов представления и воспоминания в процессе восприятия подтверждается и тем, что они постоянно как бы дублируют текущий образ восприятия окружающего и немедленно замещают его при внезапном его «выключении» по каким-либо причинам. Они входят в актуализируемую процессом восприятия глобальную модель-репрезентацию окружающего мира, что позволяет человеку сохранять ориентацию в реальности даже, например, при кратковременном закрытии глаз.
 8. Можно выделить в сознании отдельную группу психических феноменов восприятия — прообразов, или сенсорных впечатлений, которые отличаются от мгновенных образов и ощущений. Они возникают вследствие врожденной способности психики к формированию мгновенных перцептивных образов, но не имеют или почти не имеют значения, понятного воспринимающему хотя бы в минимальной степени. Однако при их повторном появлении в сознании со временем они могут приобретать значение, превращаясь в обычные перцептивные образы и ощущения.
 9. Различие между сенсорными впечатлениями и мгновенными образами восприятия заключается в отсутствии у первых и наличии у вторых значения, то есть фактически в их способности вызывать ассоциации. И те и другие осознаются, то есть существуют в сознании, но одни бессмысленны и непонятны, а другие наполнены субъективным смыслом, понятным в разной степени.

10. В своем субъективном настоящем времени сознание способно удерживать сразу несколько мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления, делая на их основе своего рода чувственные выводы в виде новых интегральных, итоговых образов (восприятия-представления), способных даже сохраняться в памяти.
11. «Избыточность» восприятия проявляется в том, что большая часть мгновенных образов восприятия, а тем более сенсорных впечатлений, возникающих в процессе восприятия, не попадает в число тех «избранных», которые оказываются в зоне активного внимания и затем принимают участие в формировании итоговых образов.
12. Психика всегда непроизвольно стремится построить на основе сенсорных впечатлений завершённую модель-репрезентацию воспринимаемого аспекта реальности и сохранить ее для последующего использования.
13. То, что принято называть образом восприятия, — это не столько продолжающийся некоторый период времени перцептивный образ, сколько, по-видимому, последовательность (или комплекс) из быстро возникающих и исчезающих сходных мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления фрагмента окружающей «реальности в себе», рассматриваемый в процессе рефлексии как единичная перцептивная репрезентация этого фрагмента реальности.
14. Созданные исследователями психические сущности, обозначаемые понятиями *ощущение* и *образ восприятия*, выгодно отличаются от сущности, обозначаемой понятием *психическая репрезентация*, которая приобрела в современной когнитивной психологии дополнительное и недопустимое физиологическое и даже техническое содержание. Тем не менее и они имеют существенные недостатки. Например, не в полной мере соответствуют реальным психическим феноменам, действительно переживаемым нами, и упрощают их, а потому нуждаются в дальнейшем уточнении и, возможно, трансформируются со временем в иные сущности (и понятия).
15. Есть все основания полагать, что в процессе восприятия участвуют две группы психических явлений. Первые — те, которые можно назвать перцептивными впечатлениями, вызываемыми «реальностью в себе», или будущими мгновенными образами ее восприятия. Вторые можно обозначить как модели-репрезентации воспринимаемых фрагментов окружающего мира, имеющиеся в памяти к моменту восприятия. Совместно они участвуют в восприятии и формируют то, что принято называть образами восприятия, которые, вероятно, состоят из многих мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления.

ГЛАВА 9

Образ и его значение

- Чувственное значение образа.
- Осознание образа.
- Понимание образа.

9.1. Чувственное значение образа

Б. Г. Мещеряков (2007) так определяет понятие *значение*:

1) в узком смысле — «невидимая» внутренняя сторона *знака*, его «душа»: мысленное содержание, связываемое с тем или иным знаком; 2) согласно Р. Барту, «значение — это соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс»; 3) в более широком смысле — для человека все может иметь значение (орудия, ситуации, события частной жизни и общественной истории, люди, природные объекты, слова, изображения и т. д.), но далеко не все есть знак [с. 213].

В Большом толковом психологическом словаре (2001) читаем:

Значение. ...Представление, связанное с используемым физическим символом, то, что он обозначает... [с. 284].

Там же подчеркивается, что ни один символ сам по себе не «несет», не «имеет» значения. Значение находится в умах говорящих/слушающих. Символ выполняет функции устройства для достижения единства денотативного (передаваемого объектами или образцами) и коннотативного (подразумеваемого) значений. Понятие *значение* рассматривается в литературе в первую очередь применительно к знакам и их образам, особенно часто — к словам и другим символам.

Однако термин *значение* непосредственно касается всех психических явлений, так как любое из них становится понятным объектом сознания

лишь тогда, когда наполняется для субъекта конкретным смыслом. Р. Якобсон (1985) считает, что:

...в человеческом обществе все пять органов чувств выполняют семиотические функции. Среди многочисленных примеров можно указать знаки, передаваемые через осязание (рукопожатия, похлопывания по спине, поцелуи), обоняние (запах духов или ладана) и вкус (дегустация блюд или напитков). Хотя систематическое исследование семиотических аспектов подобных знаков в разных культурах дало интересные и неожиданные результаты, совершенно очевидно, что наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для человеческого общества знаковых систем воспринимается посредством зрения и слуха [с. 323].

Б. Рассел (2007) полагает, что:

...«значение образов» — это самая простая разновидность значения, поскольку образы похожи на то, что они обозначают, тогда как слова, как правило, нет. Об образах (воспоминания. — С. П.) говорится как о «копиях» ощущений. ...Для практических целей мы оправдываемся предположением, что в данном случае наш образ воскресил в памяти то, чем была комната, когда мы видели ее в предыдущий раз. Мы можем тогда сказать, что наш образ «обозначает» комнату [с. 240–241].

Что же такое значение образа, что оно представляет собой феноменологически?

Рассмотрим, чем, например, различается восприятие нарисованной карандашом на белом листе окружности, наблюдаемой взрослым человеком, младенцем и животным. Очевидно, что оно различается в первую очередь значением, которое имеет данное зрительное впечатление для каждого из них. Для взрослого это осмысленный образ — знак определенной геометрической фигуры. Для младенца и животного это ничего не значащее зрительное впечатление, лишь прообраз, то есть лишь потенциальный образ. Это сенсорное впечатление может достаточно долго находиться в сознании, если ребенок или животное, например, смотрят на него.

Оно бессмысленно для них, но тем не менее ими осознается. Можно даже выработать на него условный рефлекс, связанный, например, с приемом пищи. Последнее свидетельствует о наличии у них осознанной психической репрезентации, которая, однако, не является для них до поры до времени объектом и не выделяется ими в качестве особой сущности. Если, например, визуальная репрезентация окружности начинает всякий раз предшествовать приему пищи, то она уже выделяется в качестве отдельной сущности, что придает ей элемент некоторой понятности и превращает ее в объект восприятия. «Понятность» может быть самой элементарной, когда объект приобретает, например, оттенок чего-то приятного или, напротив, чего-то угрожающего. «Непонятность» же визуального впечатления делает его восприятие неакту-

альным для сознания, фоновым и исключает его из зоны активного внимания. Таким образом, «понятность» и «понимание» присущи не только вербальному, но и чувственному уровню репрезентирования реальности. Так, лев, например, понимает на чувственном уровне, что появление слона или другого льва несет в себе угрозу, а появление газели — приятные возможности, и действует соответственно.

А. Н. Гусев (2007) пишет:

Специфика перцептивного образа в том, что мы переживаем значение предмета *одномоментно* — мы просто чувствуем, что перед нами та или иная вещь. И лишь в специально организованном психологическом эксперименте, где испытуемому предъявляются зрительные стимулы на очень короткое время, можно этот процесс означивания «развернуть» во времени. Будем увеличивать время экспозиции и спрашивать испытуемого, что он увидел в очередной пробе. Сначала он скажет, что на экране мелькнуло что-то темное, затем (при увеличении времени предъявления) он сообщит, что увидел нечто прямоугольное и синее, и вдруг (после очередного увеличения времени) он уверенно скажет, что это книга в темно-синей обложке [с. 27].

Иными словами, «дозы» сенсорных впечатлений может быть недостаточно для опознания предмета. Возникает вопрос: *каким образом нечто «темное» вдруг приобретает много характерных и понятных признаков?*

Я полагаю, что происходит это в силу того, что смутное впечатление, неясный прообраз в какой-то момент актуализируют в сознании имеющуюся в памяти модель-репрезентацию книги. В результате образ восприятия приобретает четкое значение. Следовательно, модель-репрезентация известного объекта и есть значение его мгновенного образа восприятия. Например, значением образа зрительного восприятия книги является ее модель-репрезентация, а значением визуального образа восприятия близкого человека является модель-репрезентация данного человека, существующая в нашем сознании.

Новорожденный, по-видимому, обладает врожденной способностью формировать перцептивные впечатления. Однако его впечатления, в частности зрительные, не несут для него значения, так как не могут до его рождения возникать и тем более связываться с другими психическими феноменами. *Как и почему эти изначально бессмысленные феномены вдруг начинают приобретать значение?*

О визуальных образах восприятия у новорожденного говорить, видимо, нельзя, так как у него еще почти нет понимания собственных сенсорных впечатлений, которые практически не связаны между собой. Они являются сознанию, то есть осознаются младенцем, но он их не понимает. Они еще не стали для него репрезентациями окружающего мира, так как практически не актуализируют

в его сознании ассоциаций — элементов значения. Хотя постепенно все меняется. Г. Эббингауз (1998) пишет:

Дитя видит нечто блестящее, белое; оно схватывает его и, как обычно делают дети, рефлекторно подносит ко рту. Случайно схваченное им оказывается куском сахара; он замечательно вкусен, ребенок крепко держит его, сосет и съедает. Все испытанные при этом переживания — вид предмета, движения рук и кисти, очень приятный вкус и сосательные движения — так близки друг к другу по времени, что они ассоциируются друг с другом, и эта ассоциация становится тем прочнее, чем чаще повторяется подобный опыт. Поэтому в последующих случаях ребенок при взгляде на кусок сахара тотчас же будет предвосхищать в представлениях его приятный вкус так же, как и ощущения, исходившие от движения рук и сосания, которые присоединялись к этому вкусу, и эти представления вызывают более или менее сильное стремление к выполнению соответствующих движений: рука будет протягиваться, рот и язык — делать сосательные движения... [с. 101].

Несмотря на то что уже первичное визуальное впечатление, возникающее при восприятии объекта, доступно сознанию ребенка, этого впечатления самого по себе, без связей с другими психическими явлениями недостаточно для того, чтобы стать понятной моделью данного элемента реальности. Впечатление присутствует в сознании и потому осознается как таковое, но непонятно ребенку, так как не имеет специфического (хотя бы чувственного) значения и не является поэтому репрезентацией чего-либо. **Как только сенсорное впечатление начинает вызывать первые ассоциации** (например, образ небольшого белого объекта ассоциируется с его вкусом, твердостью, шершавостью и т. д.), **можно говорить о начале его «чувственного понимания» вследствие возникновения элементарной модели-репрезентации объекта, а следовательно, и о трансформации непонятого сенсорного впечатления в понятный ребенку зрительный образ восприятия** куска сахара или непонятого вкусового ощущения — в понятное (на чувственном уровне) приятное ощущение сладкого. «Понятность» зрительного образа и заключается в приятности, сладости, шершавости и так далее воспринимаемого объекта.

Образ восприятия лишь тогда представляет что-то, когда за ним стоит хоть какая-то модель-репрезентация, несущая в себе пусть лишь минимально, но уже понятный субъекту смысл. Придавать репрезентации объекта понятный смысл могут, например, репрезентации того же объекта, но иной модальности, представленные в сознании ребенка одновременно с основной — зрительной (не только белое, но и твердое, сладкое, тающее во рту и т. д.). При этом объект познается ребенком как бы в разных плоскостях, и каждая репрезентация объекта, возникающая в новой модальности, становится значением параллельно возникающих в других модальностях альтернативных чувственных репрезентаций.

М. Мерло-Понти (1999) говорит о том же:

...Если мы принимаем «чувствование» в классическом смысле, значение чувственного не может быть заключено нигде, кроме как в других наличных или возможных ощущениях [с. 37].

Для того чтобы испытать ощущения *тяжести, теплоты, громкости* или *красного цвета*, недостаточно «воздействия простого, изолированного раздражителя», как пишут в литературе. Нужно еще предварительное обучение, то есть построение разных сенсорных репрезентаций данного объекта, определенных психических структур, исходное наличие которых необходимо для последующего возникновения даже «простого» специфического ощущения. Поэтому **понятное субъекту ощущение — это ни в коем случае не «непроработанный, элементарный опыт чувства или осведомленности о каких-то состояниях внутри или вне тела».** Это уже глубокое и разнообразное знание о реальности, за которым стоит уже начавшая формироваться модель-репрезентация объекта, вызвавшего ощущение.

Итак, **значение образа восприятия знакомого объекта — это модель-репрезентация данного объекта.** Вербальные компоненты значения¹ появляются позже. Дж. Гибсон (1988) пишет:

Гештальтпсихологи признавали, что смысл или значение вещи воспринимаются, по-видимому, так же непосредственно, как и ее цвет. Значение предмета, как говорится, написано на его лице, и поэтому он обладает *физиономическим* качеством в том смысле, в каком обладает этим качеством человек, эмоции которого *проявляются на его лице*. ...Как можно объяснить валентности, то есть те свойства объектов, которые приглашают вести себя определенным образом, навязывают поведение? Никто (даже среди гештальттеоретиков) не считал их физическими свойствами, и классическая физика с ними действительно не имела дела. А коль скоро это так, то они могут быть только феноменальными... [с. 204–205].

«Смысл или значение вещи воспринимаются так же непосредственно, как и ее цвет» именно потому, что они и являются пусть феноменально иными, но тоже чувственными репрезентациями той же самой цветной вещи. **Чувственные репрезентации объекта, представленные в разных модальностях, и есть то, что принято считать феноменальными свойствами объекта. Именно благодаря им «вещь говорит, что она собой представляет», а «значение предмета написано на его лице».**

У. Найссер (1981) тоже отмечает, что:

...восприятие часто кажется прямым в том смысле, что мы осознаем значения, как бы не замечая физические детали, из которых они строятся [с. 91].

¹ Вербальное значение рассматривается во втором томе книги.

Ребенок в процессе непосредственного взаимодействия с окружающим миром приобретает личный чувственный опыт. Кроме того, ребенок в процессе совместных действий со взрослыми и в процессе усвоения языка интериорирует и объективное вербальное знание человечества о мире.

Е. Е. Соколова (2005) пишет:

...исходно значение задается индивидуальному субъекту (ребенку) в виде надындивидуальных форм, которые субъект должен превратить в индивидуальное в процессе обучения. Это усвоение происходит путем формирования у него (в совместной деятельности со взрослым) систем способов действий (операций) с предметами в соответствии с существующими в общественном сознании «эталонами». ...*Операциональные* значения предшествуют по времени своего возникновения в онтогенезе вербальным значениям. ...Усваивая эти схемы (действий. — С. П.), ребенок овладевает операциональными значениями... задающими последовательность конкретных операций и движений, необходимых для решений соответствующих задач... Операциональные значения не сменяются затем вербальными, а продолжают существовать и во взрослом сознании в системе других значений [с. 231–233].

Рассматриваемое здесь автором «операциональное значение» представляет собой вариант чувственного значения. Последнее, кстати, не может сформироваться без взаимодействия субъекта с объектом восприятия. **Операциональное значение образа восприятия объекта представляет собой совокупность ощущений и других образов, возникающих у субъекта в процессе взаимодействия с объектом.** Эти ощущения и образы репрезентируют как изменения объекта, так и изменения самого субъекта в процессе их взаимодействия, протекающего «в соответствии с существующими в общественном сознании “эталонами”», то есть в то время, когда ребенок подражает взрослому и учится у него определенным приемам действий с конкретными объектами.

Как я уже отмечал, **мир можно понимать и на чувственном уровне, без вербального значения образов, что демонстрируют нам прекрасно адаптированные к своему миру животные.** Младенец, сосущий кусок сахара, тоже по-своему что-то понимает в нем.

Обсуждая пациентов с восстановленным зрением, А. Н. Гусев (2007) напоминает, что:

у больных... прозревших после операции, наблюдается дефицит знания о значении воспринимаемых предметов: они видят, используя термин Дж. Гибсона, видимое поле, наполненное приобретенной вновь чувственной основой, но не могут адекватно воспринимать видимый мир в его предметной означенности [с. 39].

И это естественно. Возникающие у них впервые зрительные впечатления никак не соотносятся ни между собой, ни с сенсорными впечатлениями другой модальности, ни с их вербальными значениями. Поэтому они и не являются пока визуальными образами конкретных объектов. Только в процессе достаточно длительного взаимодействия больного с окружающей реальностью эти новые зрительные впечатления начинают соотноситься и связываться с привычными для данных пациентов моделями-репрезентациями, составленными преимущественно из тактильных и слуховых образов. Именно это придает новым зрительным впечатлениям понятное для субъекта значение, превращая их в реальные репрезентации окружающего мира. Поэтому, чтобы понять визуальное сенсорное впечатление, создаваемое токарным станком, больному и требуется предварительно ощупать этот объект (см.: Р. Л. Грегори, 1970).

А. Н. Гусев (2007) замечает:

Значение образа всегда опосредовано не только и не столько индивидуальным опытом субъекта, но в большей степени культурно-историческим опытом всего человечества, особенностями воспитания и обучения. Это так называемое сверхчувственное свойство образа, оно лежит вне наших органов чувств, и его нельзя понять, исходя из особенностей стимуляции [с. 27–28].

Совершенно верно потому, что это называемое автором «сверхчувственным» свойство образа на самом деле является не свойством, а важной составной частью значения образа — его вербальным значением, которое приобретает в результате интериоризации субъектом вербального знания об объекте, распространённого в данном обществе. С. И. Розум (2006) обращает внимание на то, что вербальное знание об объекте может даже менять восприятие объекта, влиять на его образ:

В связи с тем, что значение — это сложная психологическая структура, иные ее компоненты могут оказывать влияние даже на формальные характеристики перцептивного образа, которые, казалось бы, должны просто по физиологическим законам зависеть исключительно от свойств объекта как такового. Эксперименты, однако, показывают обратное. В одной из ранних работ Дж. Брунера 10-летние дети при восприятии монет переоценивали их размеры по сравнению с детьми, которые воспринимали просто картонные кружочки тех же размеров, что и монеты. Причем дети бедных родителей переоценивали размеры монет больше, чем дети богатых родителей... Роль значения объекта в восприятии его формальных характеристик настолько очевидна, что даже отражена в пословице «У страха глаза велики» [с. 187].

Влияние вербального знания об объекте на формальные характеристики его перцептивного образа действительно интересно и удивительно.

9.2. Осознание образа

В литературе часто смешивают значение терминов *понимание* и *осознание*. В определении понятия *осознание* нет ясности, что, в общем-то, и неудивительно вследствие отсутствия ясности в отношении самого понятия *сознание*.

Вот лишь несколько существующих определений:

Сознательное... все осознаваемое человеком содержание: образы, мысли, переживания и желания, о существовании которых мы знаем. ...Синоним — опыт, осознанность... [Б. Г. Мещеряков, 2007, с. 305].

Осознание — представленность субъекту в данный момент того или иного содержания сознания, в котором он может отдать себе отчет [Е. Е. Соколова, 2005, с. 326].

Осознание — субъективное состояние, пребывая в котором человек понимает суть каких-либо вещей, событий, своего внутреннего «Я» и его воздействие на свое поведение [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 306].

Если принять эти определения, то *как быть, например, с состоянием помрачения сознания, когда больной в сознании, но оно сильно изменено?*

Обсуждая состояние помраченного сознания, К. Ясперс (1997) пишет:

Психическая жизнь, так сказать, распадается, и отдельные переживания происходят вне связи друг с другом. Остаются только единичные, изолированные акты; сознание оказывается совершенно раздробленным. Содержание сознания становится в высшей степени противоречивым... так что ничего нельзя вспомнить [с. 188].

Очевидно, что при таком состоянии сознания человек не может «отдавать себе отчет» в содержании своего сознания, тем не менее психические переживания присутствуют в этот момент в его сознании. И для внешнего наблюдателя факт наличия у больного осознанных психических переживаний очевиден.

Я исхожу из того, что **всякий возникающий у человека психический образ или ощущение всегда осознанны. Нет и не может быть неосознаваемых, то есть принципиально недоступных нашему «внутреннему взору» психических образов и ощущений так же, как не может быть сухой воды или горячего холода.** Бессознательные образы и ощущения не могут существовать хотя бы потому, что о наличии у себя психических явлений мы знаем лишь благодаря своей интроспекции. И нет иного способа их обнаружения и рефлексии (если, конечно, мы говорим о психических феноменах, а не о чем-то другом, например о поведении или чертах характера).

Следовательно, странное утверждение о наличии у нас бессознательных психических явлений (образов и ощущений), которые в принципе не могут быть обнаружены нашим «внутренним взором», — очевидная нелепость, пре-

вратившаяся, однако, в одну из доминирующих в психологии теорий¹. При этом я не сомневаюсь в существовании (и даже частом преобладании в нашем сознании) явлений, которые мы плохо понимаем или не понимаем вовсе. Но непонимаемое — это не бессознательное.

Хотя с прагматической точки зрения (например, для психотерапии) неважно, как такие явления называть. Вместе с тем для теоретической психологии эти различия чрезвычайно важны и носят принципиальный характер. Тем не менее в психологии преобладает пока иная точка зрения, хорошо иллюстрируемая, например, следующей цитатой:

...не следует смешивать понятия «сознание» и «осознание». *Не все, что даже в данный момент входит в мой сознательный образ мира, является осознанным* (курсив мой. — С. П.). Осознание означает, что в данный момент жизни я отдаю себе отчет, скажем, в том предложении, которое я сейчас пишу, или в том, что я сейчас запираю дверь, у которой очень сложный и трудный замок. Однако одновременно с этим в моем сознательном образе мира много неосознанных содержаний. Запирая дверь, я, например, не осознаю, что говорит мне вышедшая из своей квартиры соседка, которая стоит в коридоре, хотя при изменении условий деятельности всегда могу осознать это. Таким образом, объем понятия «сознание» включает в себя то, что З. Фрейд называл *собственно сознанием*, и то, что он же назвал *предсознательным* (предсознательное — это не осознаваемое в данный момент, но потенциально могущее быть осознанным), то есть не все сознательное осознано. При этом в самом результате акта осознания надо отличать минимум два (возможно, более) уровня осознания (В. Вундт называл их *сознанием и вниманием*) [Е. Е. Соколова, 2005, с. 209].

Пытаться отделить производный термин «осознание» от основного термина «сознание» так же странно, как стараться доказать, что термин «охлаждение» не имеет смысловой связи с термином «холод». Рассматривать то, что «входит в сознательный образ мира», как неосознанное, так как осознанное — это якобы лишь то, что является содержанием рефлексировующего сознания, — «то, в чем я отдаю себе отчет», — это попытка изменить содержание производного термина.

Мне представляется, что такое определение понятия *осознание* неадекватно хотя бы потому, что человек, находясь в полном сознании и выполняя, например, ответственные и сложнейшие действия, такие как операция хирурга, работа авиадиспетчера, вычисления увлеченного работой математика и т. п., в минуты наивысшего напряжения обычно «не отдает себе отчета в том, что» имеет в это же время какие-то конкретные образы, ощущения, репрезентирующие ему эту высокосознательную произвольную умственную деятельность. Очевидно, что человеку, занятому сложной психической деятельностью, про-

¹ Проблема бессознательного довольно подробно рассматривается в другой моей работе (см.: С. Э. Поляков, 2004).

сто в этот момент не до размышлений о своем психическом содержании и его рефлексия направлена на контроль качества собственных сложных действий, а не на контроль содержания собственных переживаний и даже не на сам факт их наличия.

Более правильным я считаю такое косвенное определение:

...Сознание выступает как эмпирический феномен осознанности («непосредственной данности»)... [Психологический лексикон, 2005, с. 181].

Иными словами, осознание понимается здесь как «непосредственная данность» любого психического содержания субъекту. Иными словами, сам факт присутствия чего-то в сознании, а следовательно, существования в качестве психического явления позволяет говорить об осознании данного «нечто». Следовательно, для того, чтобы «нечто» (ощущение, образ, желание, влечение и т. д.) осознавалось человеком, достаточно самого факта наличия этого психического явления в его психике. **Если человек ощущает, воспринимает или чувствует что-то, то это что-то им осознается, даже если он вовсе не понимает значения этого психического содержания и вообще не рефлексировал по его поводу.**

Для признания факта осознания ощущения, образа, другого психического явления не требуется, чтобы они сопровождались рефлексией, то есть чтобы в сознании возникали дополнительно мысли о них. Например, идеи относительно факта наличия данного явления в сознании, причины его появления, его влияния на поведение человека и т. д. Влечение, например, осознается уже тогда, когда человек почувствовал его, а не тогда, когда задумался о том, почему оно у него возникло и как оно на него действует. Это уже не осознание, а рефлексия. Если вы почувствовали голод или боль, то вы уже осознаете их. И неверно утверждение, что вы их осознаете только тогда, когда у вас дополнительно возникла мысль о том, что вы захотели есть или что у вас что-то болит. **Если у вас возникла мысль о переживаемом вами психическом феномене, значит, вы начинаете его не только осознавать, но и понимать, то есть рефлексировать по его поводу. И чем больше у вас мыслей о нем, тем глубже его понимание, но не осознание, так как осознание имеет только одну степень. Оно или есть, и тогда есть психическое явление, или его нет, и человек находится без сознания.** Хотя многие исследователи считают иначе, но это отдельный и долгий разговор (см.: С. Э. Поляков, 2004).

Чтобы понять разницу между осознанием и пониманием, проще всего провести аналогию между появлением образов в сознании и появлением символов на экране. Если непонятный символ появляется на экране, то он уже есть. Он уже осознан, факт осознания его наличия состоялся. Вне зависимости от того, понимают ли его зрители. Так же и образ или ощущение, появляющиеся

в сознании, уже есть и, следовательно, осознаются как нечто данное, даже если не понимаются человеком. **Осознание** здесь — **нечто вроде субъективно очевидного факта появления или наличия в сознании новой сущности. Если нет осознания, то нет и явления, то есть психического события, феномена.** Если символ, например иероглиф, появился на экране, но непонятен зрителям, то они его видят, хотя и не понимают. Так же и в сознании, часто и в большом количестве, появляются феномены, которые, будучи осознанными, остаются непонятными или плохо понятными человеку. Больше того, такие феномены явно преобладают среди наших психических явлений.

Таким образом, для того, чтобы стать явлением сознания, психическому феномену, например визуальному образу, достаточно просто возникнуть в «потоке» соответствующих явлений сознания. Ему не требуется быть понятным. Он может быть как совершенно понятным для взрослого человека, например образ яблока или стула, так и совершенно непонятным — какая-то надпись на древнем языке, которая для другого человека, возможно, является символом, много что означающим. Впрочем, любой визуальный образ минимально понятен человеку уже хотя бы как некое явление, возникшее в его сознании. Как нечто существующее.

В отличие от осознания ситуация с пониманием образов, а тем более с последующим их возвращением в сознание и повторным рассмотрением, гораздо более сложная. Почти непрерывно в сознании возникают мгновенные образы. Большинство этих образов, возникая на очень короткое время, в принципе не могут стать предметом внимательного рассмотрения хотя бы в силу ограниченности объема сознания. Иными словами, они очевидно избыточны и человек явно не в состоянии как внимательно рассмотреть, так и сохранить их в памяти.

В привычной для нас обстановке, где нас окружают знакомые вещи, захлестывающая нас избыточность сенсорной информации компенсируется существующими у нас моделями-репрезентациями типичных объектов и ситуаций, которые способны запускать стереотипные привычные формы реагирования. Представьте теперь, что вы впервые попали в колоссальный супермаркет, забитый неизвестными для вас товарами, и быстро идете по нему, пытаясь заметить и запомнить все, что видите, да еще и выбрать что-то необходимое. *Много ли успеет ухватить, удержать, а потом еще и воспроизвести ваше сознание?* Думаю, не очень.

Кроме процесса осознания мгновенных перцептивных образов, существуют еще и процессы их селекции, фиксации в памяти и последующего воспроизведения. Мгновенные образы, которые остались вне этих процессов, не могут в будущем быть извлечены из памяти, хотя и пребывали в сознании определенный, пусть и короткий период времени и, более того, некоторые из них смогли даже

как-то повлиять на формирование сохранившихся в памяти итоговых образов восприятия. Большинство исследователей, особенно не задумываясь, относят такие вполне осознанные образы к области бессознательного психического на том основании, что человек не помнит о них в последующем и они выпадают из дальнейших операций сознания.

Можно провести такую метафорическую аналогию. История мира складывается из бесчисленных событий, которые происходят с каждым живущим сейчас человеком. Но в «объектив истории» попадает лишь незначительная часть важнейших из них. Остальные никогда более не станут предметом истории, так как не попали на материальные носители ее памяти и бесследно канули в Лету. Однако они все же были реальными историческими событиями. Они существовали. Так и многие наши психические явления, будучи осознанными в момент своего существования, далее уже не участвуют во вторичных операциях сознания. И если вдруг позже удастся экспериментально обнаружить их влияние, например, на восприятие испытуемых, у многих исследователей возникает понятное желание отнести их к бессознательным явлениям, так как их якобы не было в сознании, раз у испытуемых нет о них воспоминаний.

Критики могут сказать мне, что неважно, как называть плохо понимаемые нами психические феномены: бессознательными или непонимаемыми, так как суть от этого не изменится и они нам понятнее не станут, а все дело лишь в терминологии. Однако используемая сейчас в психологии неправильная терминология отнюдь не так безобидна, как может показаться. Для опытных исследователей все более или менее понятно, но для тех, кто лишь начинает знакомиться с психологией, очень важно сразу понять, что **никакого «двойного дна» в психике нет, в ней нет никаких недоступных интроспекции бессознательных психических явлений, а есть только то, что каждый при некотором усилии может там обнаружить.**

9.3. Понимание образа

Знакомый объект человек узнает сразу, мгновенно, на чувственном уровне, что позволяет ему действовать немедленно и даже без глубокого, тем более вербального понимания значения воспринятого. Например, кинуться прочь, если образ сигнализирует об опасности, то есть вызывает мгновенные неприятные ассоциации. Насторожиться, если образ неизвестен и почему-то неприятен, или не реагировать вовсе, если образ привычен или не вызывает никаких ассоциаций.

Мимолетный взгляд на сложный объект обычно не позволяет смоделировать его детали, но достаточен для мгновенного реагирования на него. Следо-

вательно, даже кратковременного восприятия, сопровождающегося появлением мгновенного, возможно, нескольких мгновенных образов восприятия, достаточно для минимального понимания¹ сущности воспринятого объекта благодаря актуализации в сознании модели-репрезентации сходных объектов: машина, человек, зверь и т. д. (без индивидуальных их особенностей и, скорее, на эмоционально-чувственном уровне: опасно, неопасно, важно, интересно, безразлично и т. п.). Для того чтобы глубже понять конкретные особенности воспринимаемого объекта, нужны новые «серии» мгновенных образов его восприятия. Увеличение продолжительности восприятия позволяет поэтому все глубже проникать в суть объекта.

Очевидно, что **понимание психического явления неразрывно связано с его значением**. В отличие от осознания **понимание**, как мне представляется, — **результат установления ассоциаций между разными психическими явлениями, одновременно или последовательно возникающими в сознании, результат формирования моделей-репрезентаций воспринимаемых сущностей**. Появление в сознании психического явления, например перцептивного образа объекта, актуализирует в сознании другие психические явления, ассоциированные с данным образом и способные эффективно его заменить в качестве иной, но эквивалентной с точки зрения адаптации организма психической репрезентации объекта. В итоге **одни психические явления приобретают способность замещаться совокупностями других и через одни явления становится возможным выразить другие**. Например, зрительный образ объекта заменяется у слепого множеством ощущений и чувственных образов иной модальности. В этой связи мне представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения К. Юнга (1997):

...«знание» основывается на воспринимаемой связи между психическими содержаниями. Мы ничего не можем знать о содержании, которое ни с чем не связано, и мы не способны даже осознать это, пока наше сознание будет находиться на таком низком, начальном уровне. Соответственно этому первая ступень сознания, доступная нашему наблюдению, заключается в простой связи между двумя или более психическими содержаниями... Кажется, что сознание вливается в нас извне в форме чувственных перцепций... Мы видим, слышим, чувствуем вкус

¹ *Понимание* — 1) способность постигнуть смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат; 2) вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссоздаваемых представлений и содержания воздействий... [Психологический лексикон, 2005, с. 168]. Если узнавание — это просто «осознание индивидом того, что данный объект или событие он уже видел ранее, пережил...» [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 388], то понимание — более глубокая степень проникновения в объект или событие, выявление в нем специфических особенностей и связей с другими объектами или событиями.

В данной главе не рассматривается понимание чувственных репрезентаций, обеспечиваемое понятийным мышлением.

и запаха мира и таким образом сознаем его. Эти перцепции сообщают нам о том, что нечто существует. Но они не говорят нам о том, что существует. О последнем мы узнаем не от перцепции, но благодаря процессу апперцепции, который имеет чрезвычайно сложную структуру.

...Допустим, мы слышим звук, природа которого кажется нам незнакомой. Спустя какое-то время нам становится ясно, что этот своеобразный звук, должно быть, исходит от пузырьков воздуха в трубах центрального отопления: мы узнали звук. Это узнавание имеет своим источником процесс, называемый нами мышлением. Именно мышление говорит нам, чем нечто является [с. 17].

Дополняя этот отрывок, можно сказать, что понимание и «знание» появляются тогда, когда в психике начинают возникать и связываться между собой в сложные конструкции чувственные явления, репрезентирующие реальность. Это делает ее доступной и понятной для сознания. Взаимосвязанные между собой воспоминания о чувственных перцепциях — это первые такие репрезентации реальности, первые элементы нашего чувственного знания о ней.

Примерно то же говорит и М. Мерло-Понти (1999):

Познание (в том числе и чувственное понимание. — *С. П.*) оказывается своего рода системой подмен, в которой одно впечатление говорит о других, не будучи в состоянии их уразуметь... Значение воспринимаемого есть не что иное, как некое созвездие образов, которые начинают появляться без всякой на то причины... ...Значение воспринимаемого, отнюдь не будучи результатом ассоциации, уже предполагается в любых ассоциациях, будь то при обзоре какой-то наличной фигуры или припоминании прошлых опытов [с. 39–40].

Другими словами, чувственное значение сенсорной репрезентации — это совокупность других, жестко ассоциированных с ней ощущений и образов, а чувственное понимание репрезентации — это актуализация в сознании ее чувственного значения.

М. Мерло-Понти (1999) продолжает:

...восприятие — это тот акт, который сразу же, наряду с набором данных, создает и связующий их смысл, который мало того, что открывает смысл, каковой они имеют, но делает так, что они вообще имеют какой-то смысл. ...В действительном восприятии, если взять его в момент зарождения, до всякого слова невозможно отделить чувственный знак от его значения. Объект — это организм доступных осязанию цветов, запахов, звуков, символизирующих друг друга и друг с другом согласующихся соответственно логике, которую призвана разъяснять наука и анализ которой последняя отнюдь не завершила [с. 66–68].

И далее:

Ребенок, обжегшись, иначе смотрит на огонек свечи, тот уже не привлекает его, но, наоборот, буквально отталкивает. Видение проникается неким смыслом, который определяет его функцию в картине мира и нашем существовании [с. 84].

Иными словами, после того, как в процессе контакта ребенка с огоньком свечи зрительная репрезентация последнего связалась в его сознании с новыми ощущениями — чувством жара и болью от ожога, у ребенка появилось чувственное понимание этого объекта, знание о сенсорных результатах взаимодействия с ним, а у его визуальной репрезентации огонька свечи — сенсорное значение. Следовательно, **значение сенсорных впечатлений появляется у ребенка в процессе его взаимодействия с окружающей реальностью. Между разными ощущениями и образами возникают связи, которые наполняют для ребенка каждый его образ и ощущение определенным сенсорным значением, личностным чувственным смыслом, представляющим собой другие ощущения и образы.**

Ребенок начинает различать образы и ощущения, потому что они всякий раз актуализируют в его сознании строго определенные «созвездия» жестко связанных между собой иных чувственных репрезентаций, превращающиеся со временем в специфические модели-репрезентации окружающих объектов. Эти «разъясняющие» сущность основного образа или ощущения ассоциированные с ним «чувственные пояснения» определяют отношение ребенка к основному образу и ощущению и его реакцию на них. Именно эти формирующиеся чувственные психические конструкции становятся значениями повторяющихся сенсорных впечатлений, способностью к формированию которых ребенок обладает от рождения, и превращают их в понятные ему ощущения и образы.

Через устойчивые совокупности чувственных конструкций для ребенка проясняется смысл все большего количества объектов и явлений. Можно, по-видимому, заключить, что значение чувственных репрезентаций объекта ясно ребенку, если он реагирует на объект уже без попыток ознакомительного взаимодействия с ним. Например, морщится и отворачивается при его восприятии или улыбается и тянется к нему.

Итак, чувственные значения ощущения или образа объекта — это актуализируемые ими в сознании воспоминания других ощущений, образов, эмоций и желаний, возникавших в прошлом в результате взаимодействия с этим же или сходными объектами. Так, образ бутылочки с молоком для трехмесячного ребенка — нечто приятное, желаемое, радостное, то, к чему следует стремиться, а ощущение мокрых пеленок, напротив, неприятное, нежелаемое, то, от чего следует избавиться. Образ осы у собаки, пытавшейся ранее поймать ее пастью, актуализирует, по-видимому, чувственное значение в виде воспоминания крайне неприятных ощущений, страха и желания избежать взаимодействия с данным объектом, а образ миски — значение в виде совсем иных, весьма приятных образов и ощущений. **Возникающее в виде модели-репрезентации объекта значение его образа является чувственным знанием об объекте.**

Как я уже отмечал, главную роль в процессе формирования чувственного значения образа и ощущения играют действия ребенка и изменения внешней реальности, возникающие в результате взаимодействия с ней ребенка. Каждое новое ощущение, вызываемое объектом, новые визуальные и слуховые впечатления ассоциируются в сознании ребенка с изменениями проприоцептивных и кинестетических ощущений от его тела, вестибулярными и интероцептивными ощущениями, возникающими у него эмоциями и желаниями. Все эти ощущения и образы формируют в результате сложные психические конструкции, моделирующие конкретный объект, изменения данного объекта и изменения собственных ощущений в результате действий ребенка с объектом, а также одновременные изменения других окружающих объектов. Такие конструкции являются чувственным значением каждого из входящих в них элементов. Можно заключить, что **чувственное значение ощущения или образа — это ассоциированное с ним и представляющее собой устойчивую психическую конструкцию множество других чувственных репрезентаций, эквивалентных ему с точки зрения адаптации к окружающему миру, то есть способных заменить собой в сознании субъекта в процессе его взаимодействия с определенным объектом означаемое ощущение или образ.**

Очевидно, что **значение образа совсем не обязательно должно быть только вербальным, тем более что последнее появляется значительно позже чувственного.** Хотя Дж. Брунер (1977), например, и большинство психологов вслед за ним полагают, что опознание объекта является актом категоризации Дж. Брунер (1977) пишет:

Восприятие предполагает акт категоризации. Фактически в эксперименте происходит следующее: мы предъявляем субъекту соответствующий объект, а он отвечает путем отнесения воспринятого раздражителя к тому или иному классу вещей или событий [с. 13].

Воспринять — это означает осознать и понять, а понять, как я уже говорил, можно и без категоризации, без вербального мышления, на чувственном уровне. Для понимания необязателен символический уровень, что нам блестяще демонстрируют животные и маленькие дети. Маленький ребенок или обезьяна могут воспринять яблоко или банан, понимая на чувственном уровне, что это такое, без категоризации и без одновременного осознания соответствующих обозначающих понятий. Для понимания им, видимо, вполне достаточно актуализации в сознании чувственной модели-репрезентации яблока или банана в форме визуальных образов воспоминания и представления процесса их поедания или воспоминания ощущений их вкуса и запаха, чувства удовольствия от их надкусывания и т. д. **Итак, наличие в памяти чувственной модели-репрезентации объекта, или, другими словами, его значения, делает образ объекта узнаваемым и понятным.**

Тезисы для обсуждения

1. Любой возникающий у человека образ или ощущение всегда осознанны хотя бы потому, что об их существовании он узнает лишь благодаря своей интроспекции, ибо нет иных способов их обнаружения. И если интроспекция не обнаруживает образов или ощущений в сознании, то они и не существуют вовсе. Осознание имеет только одну степень. Оно либо есть, и тогда есть психическое явление, либо его нет, и тогда явления нет в сознании и нигде более.
2. Вместе с тем следует различать понятия *осознание* и *понимание*, так как осознаваемое может быть совершенно непонятным индивидууму.
3. В психике нет никаких «слоев». То есть в ней нет никаких недоступных интроспекции бессознательных психических явлений, а есть только то, что каждый человек при некотором мысленном усилии может там обнаружить в процессе рефлексии. Но есть психические явления, понятные в разной степени и даже вовсе непонятные, которые многие исследователи ошибочно относят к бессознательному психическому.
4. Психические явления обладают значением, или смыслом, позволяющим им становиться в разной степени понятным для индивидуума объектом его сознания. С феноменологической точки зрения значение психического феномена — это ассоциированные с ним иные психические феномены, как бы наполняющие его смыслом, раскрывающие его и обеспечивающие его понимание.
5. Значение возникающих у человека образов и ощущений бывает чувственным и вербальным.
6. Смысловая насыщенность репрезентаций и их понимание индивидуумом присущи не только вербальному, но и чувственному уровню репрезентирования реальности. Понимание, например, может быть самым элементарным, когда возникающие сенсорные впечатления приобретают лишь некое дополнительное качество — приятное/неприятное или угроза/отсутствие угрозы. Как только сенсорные репрезентации начинают вызывать в сознании хоть какие-то ассоциации, можно говорить о начале их чувственного понимания. Непонятность сенсорного впечатления делает его неактуальным для сознания, фоновым и исключает из зоны активного внимания.
7. О понимании фрагмента воспринимаемой реальности и появлении у него чувственного значения (осмыслении) можно говорить тогда, когда в психике начинают связываться между собой в сложные психические конструкции чувственные психические явления, иначе репрезентирующие ту же реальность. Чувственное значение конкретной сенсорной

репрезентации — это совокупность других, жестко ассоциированных с ней ощущений и образов, а чувственное понимание репрезентации — это актуализация в сознании ее чувственного значения.

8. Ребенок учится дифференцировать собственные ощущения и образы восприятия фрагментов окружающего мира потому, что со временем они начинают всякий раз актуализировать в его сознании строго определенные «созвездия» жестко связанных между собой иных чувственных репрезентаций, постепенно превращающихся в специфические модели-репрезентации окружающих его физических объектов и явлений. Позже он мгновенно и на чувственном уровне узнаёт знакомый ему образ восприятия (объект), то есть понимает его смысл, что позволяет действовать немедленно и без глубокого, тем более вербального понимания значения воспринятого.
9. Даже начинающая только формироваться модель-репрезентация минимально знакомого уже образа восприятия (объекта) представляет собой чувственное значение ментального образа, репрезентирующего данный объект. То, что мир можно понимать и на чувственном уровне, очень убедительно демонстрируют животные.
10. Воспринять что-то означает осознать появившийся в процессе восприятия психический феномен и понять его в какой-то степени, а понять можно и без вербального мышления, на чувственном уровне.
11. Наличие в памяти чувственной модели-репрезентации объекта, или, другими словами, его чувственного значения, делает образ (объект) узнаваемым и понятным.

ГЛАВА 10

Глобальная модель-репрезентация мира

- Когнитивные карты и схемы как сенсорные психические конструкции.
- Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира.

10.1. Когнитивные карты и схемы как сенсорные психические конструкции

В 1948 г. Э. Толмен обнаружил у крыс сложный образ воспоминания-представления окружающей среды и предложил для его обозначения метафорический термин «когнитивные карты»¹. Толмен (E. C. Tolman, 1948) пишет:

Мы полагаем, что во время процесса обучения в мозге крысы создается нечто подобное топографической карте местности [с. 192].

О когнитивных картах — пространственных схемах, «которые осуществляют жесткий контроль за нашим воображением» и которые «в значительной степени и есть наше воображение», много пишет и У. Найссер (1981, с. 125).

¹ Когнитивная карта — субъективное представление о пространственной организации внешнего мира, о пространственных отношениях между объектами, об их положении в среде [Большой психологический словарь, 2004, с. 225].

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко [2004, с. 226] замечают, что эти естественные карты-схемы следовало бы назвать непосредственными (или «натуральными»), чтобы противопоставить их разнообразным знаковым картам, которыми широко пользуются люди, и их психическим репрезентациям.

В то же время его бихевиористские установки не позволяют ему без многочисленных оговорок рассматривать их в виде психических образов:

О когнитивных картах часто говорится так, как если бы они были умственными изображениями среды, которые можно разглядывать на досуге внутренним взором, в то время как его обладатель удобно расположился в кресле. ...Я попробую сделать противоположное и часто буду пользоваться термином «ориентировочная схема» как синонимом «когнитивной карты», чтобы подчеркнуть, что это активная, направленная на поиск информации структура. Вместо того чтобы определять когнитивную карту как своего рода образ, я выскажу предположение... что само пространственное воображение является всего лишь аспектом функционирования ориентировочных схем [с. 126–127].

У. Найссер (1981, с. 126) обсуждает интересные описания когнитивных карт из книг К. Боудинга «Образ» и К. Линча «Образ города» и цитирует этих авторов:

Когнитивные карты существуют для всего. Мы знаем, что увидим за поворотом, когда возвращаемся домой; мы можем планировать путешествие в тысячи мест и проверить правильность наших ожиданий в пути... [с. 138].

Он пишет, что К. Линч выделяет пути, узлы, районы, грани и т. д.:

Когнитивные карты и перцептивные схемы связаны между собой двумя различными способами, которые можно проиллюстрировать посредством предлагаемого Линчем анализа. Во-первых, когнитивная карта есть, в сущности, перцептивная схема, хотя и большого масштаба; она принимает информацию и направляет обследование. ...Однако схемы — это не просто компоненты карты; они и сами направляют восприятие и сбор информации [с. 139].

Не признавая когнитивные карты образами представления, но будучи глубоким исследователем, У. Найссер (1981) в конечном счете приходит к тому, к чему и должен был прийти, — к отождествлению когнитивных карт и ментальных образов:

...когнитивные карты являются наиболее широко используемым и наименее спорным видом умственных образов. ...Я полагаю, что переживание наличия образа представляет собой внутренний аспект готовности к восприятию воображаемого объекта... различия между людьми в природе и качества их образа отражают различия информации, к сбору которой они подготовились. ...Образы суть примеры перцептивной готовности... [с. 144].

Сказанное им можно понимать так: *в общем-то, когнитивные карты и схемы — это образы, но не совсем и не всегда.* Подводя итог, следует сказать, что **когнитивные карты — это особые чувственные репрезентации реальности, являющиеся важной частью глобальной модели-репрезентации мира.**

10.2. Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира

Очередным доказательством существования моделей-репрезентаций как таковых является то, что в литературе давно и широко обсуждается под названиями «картина мира», «образ мира», «видимый мир» и т. п. (А. Н. Леонтьев, 1983а; С. Д. Смирнов, 1985; А. А. Леонтьев, 2001; Дж. Гибсон, 1988 и др.). С. Д. Смирнов (2005) определяет «образ мира» как:

...целостную, многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности [с. 153].

Он же (2005) замечает, что:

...образ мира и близкие к нему понятия — картина мира, модель универсума, схема реальности, познавательная карта и т. п. — имеют в контексте различных психологических теорий неодинаковое содержание... [там же].

Дж. Гибсон (1988, с. 294–295) излагает, например, свое понимание «картины мира», которую он определяет как «видимый», или «зрительный мир», в противовес «видимому полю» — актуальной картине восприятия. То, что он называет «видимый мир», — это глобальная модель-репрезентация, состоящая из образов воспоминания и представления окружающего мира. В моем понимании, «видимый мир» — не «результат извлечения инвариантной информации из объемлющего оптического строя», как полагает Дж. Гибсон (1988), а выстроенное сознанием на основе этого объемлющего оптического строя множество психических инвариантов, составляющих модель-репрезентацию мира, или картину мира.

Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира является одной из важных составных частей картины мира, включающей наряду с ней еще и вербальные психические конструкции, моделирующие тот же окружающий мир, но иначе и на другом уровне. **Глобальная модель-репрезентация — это упорядоченное и структурированное в форме представляемо-вспоминаемой физической реальности множество образующих ее взаимосвязанных моделей-репрезентаций сущностей, с которыми человек сталкивался и взаимодействовал в течение жизни. Она постоянно формируется и перестраивается сознанием и представляет собой завершенную устойчивую психическую конструкцию, чувственно репрезентирующую окружающий мир, известный конкретному человеку.**

В глобальной модели-репрезентации мира можно условно выделить актуальную модель-репрезентацию мира. Последняя репрезентирует лишь тот

«кусочек» мира, с которым человек взаимодействует сейчас, тот, который непосредственно воспринимает. Актуальная и тем более глобальная модели-репрезентации мира обеспечивают ему общую ориентировку в пространстве, времени и месте, репрезентируют не воспринимаемые в данный момент, но важные для него окружающие объекты, их значимость, свойства и возможные изменения, спонтанные и связанные с его возможными действиями. Благодаря актуальной модели-репрезентации человек понимает, где находится в любой момент времени. Эффективность ее использования является важным критерием ясности его сознания и психического благополучия. **Актуальная модель-репрезентация включает в себя не только окружающую сейчас физическую реальность и ее изменения, но и самого субъекта в ней.**

Необходимо различать актуальную модель-репрезентацию реальности и перцептивную полимодальную репрезентацию той же реальности. Обычно они жестко координированы и взаимно дополняют друг друга. Перцептивная полимодальная репрезентация реальности представляет собой совокупность перцептивных образов и ощущений, репрезентирующих воспринимаемую человеком в данный момент реальность и его самого в ней, изменяющиеся в процессе своего текущего взаимодействия друг с другом. Наиболее важные ее части — визуальная, слуховая и интероцептивная. Визуальную перцептивную репрезентацию, или зрительный образ восприятия, окружающей реальности можно отождествить с «полем зрительного восприятия». Ч. Осгуд (2002а) цитирует Дж. Брауна и А. Вога:

Под зрительным полем мы подразумеваем пространственную структуру (конструкт), в которую могут быть упорядочены феномены зрительного поля, —

и продолжает:

...поле может быть введено в теорию как чисто гипотетическая конструкция [с. 144].

Мне представляется, что конструкция «зрительное поле» для каждого из нас — вполне реальная, а не гипотетическая психическая сущность, которая непосредственно представлена в нашем сознании. Другое дело, что обозначающее эту сущность понятие *поле* — лишь удобная метафора.

Воспринимаемый нами в данный момент мир, или «видимое поле» (по Дж. Гибсону (1988)) — перцептивная полимодальная репрезентация реальности, ограниченная возможностями восприятия и особенностями окружающей «реальности в себе». Она постоянно достраивается актуальной моделью-репрезентацией этого же мира, которая в любой момент может при необходимости быть расширена еще больше в том или ином направлении за счет глобальной модели-репрезентации мира. Между перцептивной репрезентацией и акту-

альной моделью-репрезентацией реальности возникают сложные и не вполне ясные отношения. Я. Конрад-Мартиус (2006) пишет:

...наглядное обладание той областью пространства, где я нахожусь, не обрывается сразу же на границе сферы восприятия... Во всех направлениях — если я вообще обращен во внешний мир — часть моего восприятия выходит за пределы сферы восприятия в собственном смысле. Эти трансцендирующие сферу восприятия (выходящие за ее пределы. — С. П.) части пространственного мира, которые всегда или обычно в реальной ситуации переживания наглядно сопоставляются в большем или меньшем объеме... складываются в своеобразную, довольно значительную по объему сферу. И эта сфера, будучи упорядоченной вокруг моей реальной позиции в пространстве, отличается именно такой непосредственной обозримостью для моего умственного взора и содержит в себе соответствующее поле восприятия (при закрытых глазах оно равно нулю) в качестве особо выделенной части [с. 264–265].

На деле «восприятие» не «выходит за пределы». За пределы восприятия «выводит» наблюдателя конструируемая его сознанием часть модели-репрезентации мира, актуализируемая текущим восприятием видимой реальности. Таким образом, **актуальная модель-репрезентация позволяет человеку расширить границы перцептивной репрезентации мира за пределы собственно воспринимаемого**. Слова автора о том, что «часть восприятия выходит за пределы сферы восприятия», опять подтверждают непосредственное участие образов воспоминания и представления в восприятии окружающего мира.

Ядвига Конрад-Мартиус (2006) продолжает:

Обращает на себя внимание то, что сознание реальности в подлинном и изначальном смысле не совпадает полностью с переживанием восприятия. Однако в ответ на наши рассуждения можно сразу же спросить, не следует ли впредь считать «действительность» тождественной воспринимаемому плюс указанным образом непосредственно усматриваемому помимо нее. Возможность прямого усмотрения некоторой сферы, упорядоченной вокруг позиции восприятия — будь то воспринимаемые или представляемые наглядности, — это признание в качестве действительно существующей той предметности, которую следует в ней усматривать, — это было бы в таком случае «изначальным переживанием», не поддающимся дальнейшему объяснению в своем своеобразии. ...Однако такое понимание было бы... неверным... потому что при таком понимании нечто существенно своеобразное (а именно, сознание действительности) стремятся подогнать подо что-то другое (возможность непосредственного и прямого обозрения некоторой части реального мира). ...Сколь мало сознание действительности идентично переживанию восприятия, столь же мало оно идентично указанному переживанию созерцания вообще [с. 265–266].

Мы уже обсуждали выше, что модель-репрезентация известного наблюдателю объекта непосредственно участвует в микрогенезе образа его восприятия.

Следовательно, мы не можем исключить актуальную модель-репрезентацию мира из восприятия и рассматривать перцептивную картину мира вне ее. Вероятно, и новые сенсорные впечатления, и модель-репрезентация мира постоянно оказывают друг на друга взаимное влияние, непрерывно дополняя, замещая и трансформируя друг друга.

Визуальная модель-репрезентация окружающего мира, или «видимый мир», как бы продлевает в разных проекциях текущий образ восприятия мира — «видимое поле» — за счет образов воспоминания и представления этого же и аналогичных ему фрагментов мира. Например, я смотрю с улицы на фасад своего дома. При этом моя мысль легко «проникает» сквозь стены и репрезентирует мне внутреннее содержание дома, все то, что находится за стенами и позади дома. Даже в том случае, если я вдруг внезапно окажусь возле незнакомого мне дома, актуальный образ его восприятия будет по-прежнему достраиваться образами представлений типового дома, типовой квартиры, типовых предметов обстановки. Образ восприятия любого, даже неизвестного, объекта всегда достраивается образами воспоминания и представления типовых объектов подобного же вида и их обычного окружения.

Актуальная модель-репрезентация реальности обеспечивает текущую целенаправленную деятельность субъекта, репрезентируя ему реальность, находящуюся за границами его текущего восприятия (обычно «не очень далеко», в пределах решаемой сознанием в данный момент задачи), репрезентирует варианты ее возможных изменений, в первую очередь в ответ на действия человека, а также поставленную цель и те действия, которые необходимо предпринять для ее достижения.

Посмотрев прямо перед собой на полки с книгами, я закрываю глаза. Образы воспоминания-представления спонтанно и немедленно воспроизводят утраченный образ восприятия. Конечно, качество такой представляемой-вспоминаемой репрезентации сильно страдает по сравнению с перцептивной моделью, но она несет в себе для меня то же значение, что и утраченный образ восприятия, и выполняет его функции. Это позволяет мне сохранить ориентировку в окружающем мире, несмотря на потерю образов восприятия. Передо мной сейчас именно полки с книгами, а не ступени лестницы, например. Я перевожу мысленно с закрытыми глазами взгляд и фокус внимания вправо, и образ представления стены с книгами сменяется образом другой стены с дверью на балкон, самим балконом и видом, открывающимся с него. Эти образы воспоминания-представления возникают совершенно спонтанно и независимо от моей воли. Появление новых образов представляемой реальности, соответствующих движениям закрытых глаз и даже мыслям о движении глаз, удивительно.

Актуальная модель-репрезентация реальности явно выполняет адаптивную роль, позволяя мне действовать еще какое-то время в реальности

даже без визуальных образов ее восприятия. При этом всплывающая в сознании визуальная часть модели-репрезентации окружающего актуализируется тактильными, кинестетическими, вестибулярными и другими ощущениями, позволяющими узнавать окружающую обстановку, что лишней раз свидетельствует о теснейшей связи всех сенсорных элементов в глобальной модели-репрезентации реальности. **Актуальная модель-репрезентация в норме, по-видимому, постоянно присутствует в сознании в состоянии бодрствования и непрерывно трансформируется для того, чтобы соответствовать новым образам текущего восприятия.** Соответственно, она различается в зависимости от того, где мы находимся: в собственной квартире, в поезде метро, в супермаркете или в библиотеке.

Актуальная модель-репрезентация мира играет важную роль и в механизмах антиципации, обеспечивая превосходящее моделирование. **Антиципация — конструирование образов возможных в ближайшем будущем изменений окружающей нас реальности, по-видимому, как и рефлексия, осуществляется сознанием достаточно часто — каждые несколько секунд или десятков секунд на основе существующей в сознании перцептивной картины и прошлого опыта. Именно поэтому мы знаем и нас не удивляет то, куда летит падающий предмет, двигается закрываемая дверь, управляемая нами машина и т. д.**

И глобальная, и актуальная модели-репрезентации реальности репрезентируют не нечто застывшее, а непрерывно изменяющийся окружающий мир. Поэтому образы представления выстраивают в том числе репрезентацию реальности, соответствующую перцептивной картине, и те вероятные направления ее изменений, с которыми нам еще только, возможно, предстоит столкнуться в ближайшие секунды и минуты. Например, когда я захожу на эскалатор метро, у меня автоматически возникают представления о том, как я буду соответственно подниматься или спускаться по нему, а затем сходить с него. Когда я вхожу в магазин, то представляю, что мне следует купить и где мне это необходимо искать и т. д. Если бы не постоянная антиципация возможных изменений реальности и необходимых действий в ней, представляемых сознанием, мы постоянно с удивлением обнаруживали бы все новые и новые неожиданные и порой не самые приятные изменения окружающего вокруг нас и в нас самих. То есть **актуальная модель-репрезентация включает в себя и образы воображения, репрезентирующие возможные будущие изменения окружающей реальности.**

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005, с. 280) рассматривают ситуацию, когда человек идет по тротуару достаточно оживленной улицы и вдруг неожиданно натывается на идущего впереди пешехода, который внезапно остановился. И делают вывод, что все то время, пока человек шел за пешеходом, он не только фиксировал его движения, но и рассчитывал их, прогнозировал на некоторое

время вперед. Непредвиденное изменение характера этого движения привело к тому, что расчеты оказались неверными и люди столкнулись. Авторы пишут:

...субъект не столько воспринимает движущийся объект, сколько антиципирует его, то есть он не только фиксирует дистантными рецепторами перемещающийся объект, но и предвосхищает его перемещение. ...Каждое предыдущее восприятие становится основой антиципационного предвосхищения последующего. ...Эта конструируемая цепь представляет собой антиципационную апперцепцию, субъективно воспринимаемую как знание: я знаю, в каком направлении летит мяч, камень, птица. Здесь перемещающийся объект воспринимается вместе с траекторией движения, то есть с его направлением и скоростью, позволяющей произвести расчет моторной реакции [с. 261].

Антиципация, однако, невозможна только на основании перцепции, и в ней обязательно участвует модель-репрезентация окружающего, включающая в себя, естественно, не только визуальные образы. Э. Бехтель и А. Бехтель (2005, с. 317) обращают, например, внимание на то, что, когда официант рекомендует нам наиболее удачные блюда шеф-повара или когда мы читаем меню, мы не только представляем себе визуальные образы блюд, но и переживаем «соматопредставления, касающиеся взаимодействия с объектом (его поеданием)», и даже представляем ожидаемые в результате сдвиги собственного самочувствия.

Наше внутреннее «видение» в пределах глобальной модели-репрезентации мира может «перемещаться» в пространстве. Элементы глобальной чувственной модели-репрезентации мира могут разворачиваться по горизонтали в разные стороны: этот дом, соседний дом, улица, соседняя улица — либо по вертикали — вниз под землю или к объектам микромира, вверх — к объектам макромира, в атмосферу, космос, Галактику и т. д. Но **границы глобальной модели-репрезентации жестко установлены пределами известных человеку знаний.**

Она содержит лишь образы воспоминаний и представлений лично пережитого, а также образы мира, почерпнутые из картин, рисунков, изображений, фильмов и прочего творчества других людей. Поэтому в областях реальности, недоступных восприятию, возникает очень серьезная проблема адекватности глобальной модели-репрезентации мира тому, что действительно существует в нем. Мы просто не имеем моделей-репрезентаций для многих его частей. Например, когда мы видим в фантастическом кинофильме инопланетный космический корабль, наша модель-репрезентация мира мало что может нам сказать о его внутреннем устройстве, потому что в нашем сознании просто не существует соответствующих воспоминаний и представлений.

Основной функцией актуальной сенсорной модели-репрезентации мира, вероятно, является дублирование текущего восприятия и его замена в случае внезапного выключения последнего, а также предвосхищающее моделирование изменений окружающей реальности с учетом знаний о ранее воспринятых

изменениях этой же или сходной реальности и результатов прошлых действий в ней. Функциями ее являются также помощь в восприятии и опознании знакомых объектов и определение их значимости. Модель-репрезентация мира предоставляет также человеку возможность манипулирования ее элементами для построения вымышленных, альтернативных реальностей, обеспечивает возможность мысленных (в том числе фантастических) ее трансформаций.

Перцептивные репрезентации, возникающие в процессе взаимодействия с реальностью, непрерывно уточняют и корректируют глобальную модель-репрезентацию мира. Соответственно, **все новые и новые ощущения и образы воспоминания окружающей реальности непрерывно включаются в процессе текущего восприятия в глобальную модель-репрезентацию и непрерывно трансформируют ее.** В результате мы не замечаем того, что сегодня наши представления об окружающей нас реальности уже не совсем те, что были вчера, а тем более месяц, год или 20 лет назад. Нередко мы удивляемся, например обнаружив яркие обои за отодвинутой мебелью или полоску невыцветшей ткани на распоротой старой одежде, обивке мебели или портъере. Удивляемся, заметив, что вещь, казавшаяся нам новой, имеет уже царапины, потертости и другие дефекты, хотя не отмечали появления ежедневных изменений. Глядя на себя в зеркало ежедневно, мы кажемся себе теми же, но, увидев свою же старую фотографию, поражаемся возникшим переменам. **Глобальная модель-репрезентация мира — это отнюдь не «виртуальное пространство», заполненное объектами, а самое что ни на есть реальное окружающее пространство, пусть и субъективное, более того, единственно реальное окружающее пространство, когда почему-либо отключено текущее восприятие.**

Глобальная модель-репрезентация мира формируется у новорожденного постепенно, по мере возникновения у него моделей-репрезентаций окружающих объектов. Ее границы постепенно расширяются за пределы воспринимаемого мира. Например, маленькому ребенку достаточно хотя бы слышать, что мать находится в комнате рядом с ним, чтобы спокойно лежать в кроватке. Следовательно, в его сознании присутствует ее чувственная модель-репрезентация, в том числе в виде визуальных образов представления матери в комнате рядом с ним, актуализируемая слуховыми образами восприятия. Но достаточно звука удаляющихся шагов и закрывающейся двери, чтобы ребенок встревожился и заплакал.

Актуальная и глобальная модели-репрезентации реальности — очень сложные психические конструкции, и они не существуют целиком в сознании человека в какой-то конкретный момент времени, как, например, мгновенный образ восприятия. Их можно выделить, лишь рассматривая сознание на протяжении более или менее длительного периода времени. В каждый момент времени в сознании присутствуют лишь отдельные их части, только те элементы, которые способствуют лучшему пониманию воспринимаемого сейчас фрагмента реальности.

Тезисы для обсуждения

1. Глобальная модель-репрезентация окружающего мира — это относительно полная и стабильная чувственная представляемо-вспоминаемая психическая конструкция, репрезентирующая окружающий мир в форме целостной структуры, образованной множеством моделей-репрезентаций физических сущностей, с которыми взаимодействовал в течение жизни человек. Она строится сознанием на протяжении жизни человека, непрерывно дополняясь и реконструируясь.
2. Актуальная модель-репрезентация мира — это фрагмент глобальной модели-репрезентации мира, охватывающий только ту его часть, которая актуализируется в сознании индивидуума текущими образами восприятия окружающего. Она включает в себя не только окружающую реальность и ее изменения, но и самого субъекта в ней.
3. Актуальная и глобальная модели-репрезентации мира обеспечивают человеку общую ориентацию в пространстве, месте и даже во времени, репрезентируя ему не воспринимаемые им в данный момент, но важные для него области мира и их возможные изменения, спонтанные и обусловленные его деятельностью.
4. Перцептивная полимодальная репрезентация доступного восприятию фрагмента окружающего мира и актуальная модель-репрезентация реальности, будучи жестко координированными, непрерывно дополняют и трансформируют друг друга.
5. Актуальная модель-репрезентация не только непосредственно вовлечена в формирование образов восприятия, но и позволяет человеку как бы расширить границы перцептивной репрезентации окружающего за пределы физически доступного восприятию мира, репрезентируя ему реальность, недоступную восприятию, но находящуюся в пределах решаемой сознанием в данный момент задачи, а также варианты ее возможных изменений.
6. Актуальная модель-репрезентация реальности, по-видимому, постоянно или почти постоянно присутствует в сознании во время нормального бодрствования и непрерывно трансформируется для того, чтобы соответствовать новым образам текущего восприятия окружающего, меняясь в зависимости от того, где сейчас находится человек — в собственной квартире, на пляже, в метро и т. д. Она выполняет адаптационную роль, позволяя человеку продолжать действие еще некоторое время даже при внезапном прекращении восприятия окружающего.
7. Актуальная модель-репрезентация окружающего вызывается в сознании не только зрительными и слуховыми образами, но и обонятельными,

тактильными, кинестетическими, вестибулярными и другими перцептивными ощущениями, позволяя человеку ориентироваться в знакомой окружающей обстановке.

8. Основной функцией актуальной модели-репрезентации мира является дублирование текущего восприятия и его замещение в случае внезапного выключения последнего, а также предвосхищающее моделирование возможных изменений окружающей реальности. Кроме того, она принимает участие в восприятии и опознании знакомых человеку фрагментов реальности.
9. Предвосхищающее чувственное репрезентирование мира, или сенсорная антиципация, — это конструирование образов представления возможных в ближайшем будущем изменений окружающей реальности благодаря имеющимся уже у человека репрезентациям ее прошлых изменений. По-видимому, оно, как и рефлексия, осуществляется сознанием достаточно часто — каждые несколько секунд или десятков секунд, актуализируясь меняющейся перцептивной картиной окружающего.
10. И глобальная, и актуальная модели-репрезентации репрезентируют не нечто застывшее, а непрерывно меняющийся окружающий мир. Их образы представления и воспоминания соответствуют перцептивной картине и вероятным направлениям ее изменений, с которыми человеку, возможно, предстоит столкнуться в ближайшие секунды и минуты.
11. Новые перцептивные репрезентации, возникающие в процессе взаимодействия человека с реальностью, непрерывно уточняют и корректируют его глобальную модель-репрезентацию мира, трансформируя ее.
12. Глобальная модель-репрезентация — это отнюдь не «виртуальное пространство», заполненное образами воспоминания и представления реальности, а самое что ни на есть реальное окружающее пространство, пусть и субъективное. Более того, это единственно реальное для человека окружающее пространство в те моменты, когда почему-либо отключено его текущее восприятие.
13. Актуальная и глобальная модели-репрезентации реальности являются наиболее сложными психическими конструкциями и не существуют целиком в сознании человека в конкретный момент времени, как, например, мгновенный образ восприятия. Их можно конституировать, лишь рассматривая сознание на протяжении более или менее длительного периода времени. В каждый момент времени в сознании присутствуют лишь какие-то их элементы.

Примечания

1. Разновидности современного бихевиоризма

Т. Г. Лихи, 2006, пишет:

Методологический бихевиорист допускает, что психические явления и процессы — это реальность, однако считает, что они недоступны научному изучению. Научные факты, говорит методологический бихевиорист, должны быть публичными и открытыми явлениями, такими как движения планет или химические реакции, которые могут наблюдать все исследователи. Сознательный опыт, однако, неизбежно оказывается сугубо личным и внутренним; интроспекция может его описать (часто неточно), но не способна сделать его публичным и открытым для всеобщего обозрения. Следовательно, чтобы стать наукой, психология должна заниматься изучением только публичного и открытого поведения и отвергнуть интроспекцию. Отсюда сознание, несмотря на всю свою реальность и привлекательность, с методологической точки зрения не может быть предметом научной психологии. ...Рассматривая поведение в качестве предмета психологии, бихевиорист (формальный. — *С. П.*) вовсе не исключает возможности обращения к ненаблюдаемым процессам, которые могут быть использованы для объяснения наблюдаемого поведения. В действительности под влиянием логического позитивизма и операционизма формальный бихевиорист видит свою задачу в объяснении наблюдаемого поведения на основе теории, состоящей именно из таких ненаблюдаемых логических категорий. Однако при этом данный ненаблюдаемый теоретический конструкт операционально определяется в терминах либо тех манипуляций, которые осуществляются над подопытным животным, либо определенного аспекта его стимульного окружения, либо измеряемого аспекта его поведения (а в случае когнитивной психологии — в терминах физиологических, информационных, математических, биологических и даже морфологических. — *С. П.*). Следуя этой логике, формальные бихевиористы, с одной стороны, надеются, приняв методологически бихевиоризм, придать своим исследованиям научный статус, а с другой — достичь такого же уровня объяснительной теории, как в физике или химии, где использование теоретических терминов — обычное явление [с. 60].

2. Так называемые «объективные» психологические эксперименты

В эксперименте Р. Шепарда и Дж. Мецлера (R. Shepard & J. Metzler, 1971) испытуемым предъявлялись пары двумерных репрезентаций трехмерных объектов (рис. 32) и предлагалось определить, идентичны ли объекты, без учета их ориентации.

Две фигуры на рис. 32, *а* и *б*, идентичны друг другу, хотя и ориентированы по-разному. На рис. 32, *в*, изображены разные объекты. Авторы просили испытуемых оценить, имеет ли второй предмет такую же форму, что и первый.

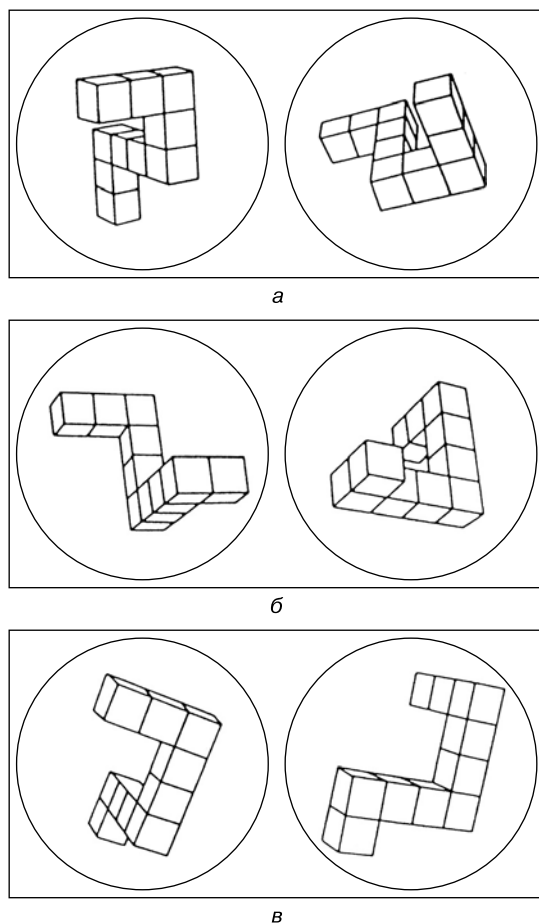

Рис. 32. Стимулы в исследовании умственного вращения, проведенном Шепардом и Мецлером: *а* и *б* — объекты повернуты относительно друг друга на 80°; *в* — пара не может быть приведена в соответствие путем вращения

На первый взгляд здесь мы имеем дело с физическими объектами, которые вроде бы действительно изучаются в объективном эксперименте. При этом регистрируется время от момента предъявления испытуемому объекта до момента ответа испытуемого. Однако сами Р. Шепард и Дж. Мецлер (R. Shepard & J. Metzler, 1971) сообщают, что изучали интроспективные отчеты испытуемых.

Согласно самоотчетам испытуемых, они мысленно вращали один из объектов в каждой паре, пока он не совпадал с другим объектом. Исследователи измеряли время до ответа испытуемых об идентичности или различии объектов. Чем больше был угол поворота второго объекта по отношению к первому, тем дольше испытуемые осуществляли вращение. Требуемое на ответ время оказалось прямо пропорционально углу поворота второго объекта. Чем меньше был поворот, тем быстрее испытуемые принимали решение. Для поворота мысленного образа на 50° требовалось около 1 с. Авторы заключают, что при выполнении задания испытуемые мысленно поворачивают второй предмет в нужное положение и только после этого оценивают его как обычный или зеркально отраженный. По их мнению, мысленное вращение так же, как и реальное движение, требует времени.

Таким образом, хотя исследователи и регистрировали в процессе экспериментов, казалось бы, объективный физический параметр — время, затрачиваемое испытуемыми на выполнение задания, фактически в этих экспериментах интроспективно изучалась выстроенная экспериментаторами на основе собственной интроспекции еще до проведения исследования гипотеза о том, что испытуемые имеют пространственные визуальные образы объектов и способны мысленно их вращать. Невольно обращает на себя внимание сообщение испытуемых, что для сравнения двух форм они мысленно вращали один из объектов в каждой паре, пока он не совпадал с другим объектом.

В очередном эксперименте Л. Купер и Р. Шепард (L. Cooper & R. Shepard, 1973) обнаружили, что время, затрачиваемое испытуемыми на принятие решения о том, какую форму имеет буква — обычную или зеркально отраженную (например, R и Я), тоже возрастает с увеличением угла поворота от «нормального» положения.

В эксперименте П. Подгорного и Р. Шепарда (P. Podgorny & R. Shepard, 1978) изучались «мысленные образы» (зрительные образы воспоминания и представления) с использованием квадратов, разделенных на 25 ячеек (пять строк по пять ячеек). Часть ячеек была заштрихована так, чтобы образовалась буква. Испытуемым предлагалось запомнить квадрат с буквой, а затем предъявлялся другой квадрат, в котором лишь одна ячейка была отмечена меткой, и предлагалось ответить, попадает ли метка на букву. В других экспериментах испытуемым предъявлялись одновременно квадрат с буквой и квадрат с меткой и задавался тот же вопрос.

И в тех и в других случаях время реакции было меньше, когда: 1) метка попадала на букву, а не на пустую ячейку, 2) она попадала на удаленную пустую ячейку, 3) предъявлялись более простые по форме буквы, 4) метка попадала в букву на пересечение горизонтальной и вертикальной линии. Следовательно, и при использовании воображения, и в условиях восприятия общие закономерности решения задач были идентичными. Из этого авторы делают вывод о том, что образы представления функционально эквивалентны перцептивным образам.

П. Жоликер и соавторы (P. Jolicoeur, S. Regehr, L. Smith & G. Smith, 1985) в своих экспериментах обнаружили, что двухмерные репрезентации мысленно вращаются быстрее, чем трехмерные, в диапазоне от 60 до 180°. Тогда как в диапазоне от 0 до 60° двух- и трехмерные репрезентации вращаются с одинаковой скоростью.

В экспериментах С. Косслина и соавторов (S. Kosslyn, 1973; 1975; 1976; 1977; S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978) доказывалось, что мысленные образы можно сканировать, и существуют параллели между мысленными образами и зрительными образами восприятия.

В одном из них (S. Kosslyn, 1973) испытуемым предлагалось запомнить набор рисунков, а затем представлять их мысленно. Попросив испытуемых сосредоточиться на одном конце представляемого ими объекта (например, на корме изображенного на рисунке катера), им называли какую-нибудь деталь катера: иллюминатор, флаг, люк и т. д. — и просили ответить, присутствовала ли она на рисунке. Было установлено, что чем ближе деталь располагалась к корме, тем меньше времени требовалось испытуемым для ответа.

В других экспериментах (S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978) испытуемым показывали карту воображаемого острова с различными объектами: зданием, деревом, лугом, колодцем и т. д. Затем им предлагали восстановить мысленно образ острова и называли два объекта (например, здание и луг), между которыми испытуемые должны были провести линию. Было установлено, что время, необходимое для этого, прямо пропорционально расстоянию между этими точками. То же самое имело бы место, если бы испытуемые проводили конкретную линию на реальной карте.

Авторы заключили, что мысленные образы можно сканировать и для этого требуется примерно то же время, что и для сканирования реальных картин, а также то, что существуют параллели между мысленными образами (зрительными образами представления и воспоминания) и зрительными образами восприятия.

3. Изменяемость. Раздражимость. Чувствительность

В литературе часто отождествляют раздражимость¹, чувствительность² и физические изменения предметов, что является результатом неадекватного использования понятий с неясными значениями. Д. С. Деннет (2004), например, пишет:

Чувствительность вовсе не подразумевает сознания. Фотопленка выпускается с разной степенью светочувствительности, термометры изготавливаются из материалов, чувствительных к изменениям температуры, лакмусовая бумага чувствительна к присутствию кислоты. Как гласит общепринятое мнение, растения и, возможно,

¹ *Раздражимость* — 1. Вообще — возбудимость... 2. Свойство всей живой ткани, способность реагировать на стимуляцию. 3. Более широкое значение: свойство органа, мышцы или их частей отвечать на определенные классы стимулов [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 165].

² *Чувствительность* — способность иметь ощущения... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 474].

«низшие» животные — медузы, губки и им подобные — обладают чувствительностью, не будучи способными ощущать. <...> В чем состоит способность ощущать сверх и помимо чувствительности? Этот вопрос задают редко и на него еще ни разу не ответили надлежащим образом [с. 70].

Д. С. Деннет объединяет здесь три совершенно разных явления в одно, отождествляя их с чувствительностью. Такое объединение становится возможным из-за отсутствия четкого определения каждого из них. Изменяемость присуща неживым физическим объектам, которые в силу внешних воздействий способны менять свое состояние или свойства. Так, фотопленка, например, реагирует на свет, вещества в термометре — на изменения температуры, лакмусовая бумага — на присутствие кислоты. Изменяемость неживых объектов радикально отличается от раздражимости живых организмов тем, что изменения в первых адекватны силе и характеру воздействия и вытекают из него. В случае раздражимости ответ специфичен, неожидан и зависит в первую очередь от жизненной важности воздействия для организма. Здесь между воздействием на объект и ответом объекта вмешивается некий непредсказуемый внутренний фактор — наличие жизни в объекте. В то же время в случае раздражимости, присущей одноклеточной инфузории тифельке, например, у нас нет оснований думать о наличии у последней даже примитивных психических репрезентаций в форме чувствительности.

В тех случаях, когда можно говорить о чувствительности, мы наблюдаем возникновение совершенно новых явлений — психических ощущений. Они репрезентируют сложному живому организму результат его взаимодействия с другим объектом. В формировании психической репрезентации участвуют специализированные структуры организма — нервная система. Л. А. Орбели (1938) пишет:

Я буду стараться пользоваться понятием «чувствительность»... только в тех случаях, когда мы можем с уверенностью сказать, что раздражение данного рецептора и соответствующих ему высших образований сопровождается возникновением определенного субъективного ощущения... Во всех других случаях, где нет уверенности или не может быть уверенности в том, что данное раздражение сопровождается каким-либо субъективным ощущением, мы будем говорить о явлениях раздражимости и возбудимости [с. 32].

Можно предположить, что раздражимость появляется лишь с возникновением жизни, а ощущение и чувствительность — лишь в результате формирования в организме достаточно сложной нервной системы и появления психики. В любом случае если раздражимость можно еще объяснить без психики, то наличие чувствительности и ощущения уже требует наличия хотя бы элементарной психики — некой новой внутренней, пригодной для специфических репрезентаций «среды» организма. Хотя некоторые исследователи считают раздражимость первым этапом появления чувствительности.

Так, по мнению А. Н. Леонтьева, раздражимость, чувствительность и дифференцированные ощущения, — это разные этапы развития одного психического явления, которое на первом этапе проявляется для внешнего наблюдателя движением, а на третьем этапе может быть рефлексировано уже испытывающим его субъектом и выражено им словесно. Е. Е. Соколова (2005) добавляет:

По А. Н. Леонтьеву, появление реакции на биологически нейтральный стимул, выступающий для субъекта в его сигнальном значении, означает возникновение чувствительности — собственно психического отражения реальности. Способность организмов реагировать на биотические стимулы называется раздражимостью (она является допсихической или непсихической формой отражения мира организмом) [с. 193].

На практике действительно достаточно трудно разграничить изменяемость, раздражимость и чувствительность. Тем более сделать это путем внешнего наблюдения.

4. Вещь, вещественность

Воспринимаемый нами объект приобретает качество вечности исключительно благодаря особенностям нашего восприятия.

До XX в. внешний мир казался человеку незыблемо вечным и соответствовал созданной им же модели, в которой мир и материя представлялись ему состоящими из мельчайших частичек вещества. При этом его собственная психика не вписывалась в эту модель и потребовалась дополнительная психическая конструкция для ее представления в виде особой нематериальной сущности — сознания. Однако к середине XX в. по мере развития физики вечность и корпускулярность материи стали исчезать под давлением эмпирических фактов, так как микрочастицы вдруг приобрели не присущие телам волновые свойства. Более того, физики поняли, что и это еще далеко не конец, что привычная «материя» вообще расплывается в нечто неопределенное. Появились заявления, что «материя исчезла», хотя просто прежнее содержание понятия *материя* оказалось неадекватным ее вновь открытым свойствам. Широко и активно обсуждался (см. например: Б. Рассел, 2001) вопрос: «А есть ли вещество?»

Мне представляется, что при вербальном моделировании реальности на микроуровне, который недоступен нашему восприятию, такой вопрос правомерен и ответ на него отрицателен. Но на уровне мира, репрезентируемого нашим восприятием, у нас нет оснований сомневаться в существовании вещества. Вопрос лишь в том, что следует понимать под веществом. Наши сенсорные репрезентации — это единственно данные нам непосредственно проявления окружающей нас реальности. Все остальное, в том числе наши представления о строении микро- и макромира, — модели реальности, опосредованные вербальным мышлением, а именно последние и заставили человека усомниться в существовании вещества.

Содержание понятия *вещество* включает в себя все сущности окружающего мира, доступные нашему сенсорному репрезентированию. Иными словами, это понятие обозначает нечто совершенно конкретное, более чем очевидное для человека, проверенное опытом предшествующих поколений и непрерывно подтверждаемое нашими вновь и вновь возникающими чувственными репрезентациями окружающей реальности. При этом неважно, какое дополнительное вербальное значение вкладывается потом еще сверх того в данное понятие. Главное, что оно само имеет совершенно ясное каждому чувственное значение. В узком диапазоне нашего восприятия реальности понятие *вещество* имеет, безусловно, совершенно оправданное и вполне законное право на существование.

Что касается опосредованных вербальным мышлением репрезентаций «микростроения вещества», то здесь наши представления могут и будут еще рушиться и заново воздвигаться самым замысловатым образом, но это не имеет никакого отношения к вопросу о существовании вещества, понимаемого как нечто лежащее в основе наших сенсорных репрезентаций реальности и составляющего их суть. **Вещество как было, так и будет незыблемо пребывать в наших наиболее достоверных чувственных репрезентациях окружающей физической реальности, непосредственно конституируемой нашими органами чувств в чувственной форме.** Это все то вокруг нас, что имеет цвет, форму, величину, яркость, вкус, запах, твердость, шероховатость, теплоту и т. д. На уровне ньютоновского мира вещество есть и более чем очевидно. Могут исчезнуть лишь наши заблуждения по поводу его корпускулярного и волнового микростроения.

Вещество — понятие, обозначающее некую универсальную физическую сущность, из которой состоит весь доступный восприятию физический мир, нечто совершенно конкретное, более чем очевидное и реальное, данное каждому человеку непосредственно и сенсорно в форме «живой чувственной ткани образа». *Вещественность* — понятие, обозначающее главные свойства вещества — его чувственную данность воспринимающему сознанию, делающую вещество субъективно несомненно реальным и присутствующим в воспринимаемом мире.

Понятие *вещество* следует трактовать не как основу материального мира, состоящую из вещественных же атомов, электронов и более мелких частиц, а лишь как чувственную очевидность для нас наших сенсорных репрезентаций окружающей нас «реальности в себе», в том числе и наших собственных тел, данную нашему сознанию в виде так называемой «чувственной ткани» (А. Н. Леонтьев, 1972 и др.). Только в таком виде вещество безусловно реально для нас, а потому и существует. При этом, естественно, отпадает сам собой вопрос о микростроении вещества, так как вещество существует только на уровне нашего чувственного восприятия.

Очевидно, что даже после того, как наши представления о микростроении Вселенной изменятся в очередной раз, мы не перестанем воспринимать окружающую нас вещественную реальность физического мира и собственного тела. Состоит ли окружающее из микрочастиц, волн, полей или чего-то еще, для оценки восприятия внешней реальности человеком неважно. Вопрос же о том, что собой представляет вещество или материя на микроуровне, неправилен и неадекватен. Это псевдопроблема, так как вещьность объективного мира обусловлена спецификой наших органов чувств и размерами нашего тела как части животного мира нашей планеты, которое функционирует на этом уровне и приспособлено к нему. И она ограничена границами уровня нашего чувственного восприятия. Исключительно благодаря специфике своих сенсорных анализаторов и своему сознанию мы воспринимаем объекты, например, как отдельные, жестко отграниченные друг от друга, чувственные, а потому и вещественные элементы реальности.

Несмотря на «исчезновение вещиности» в микроструктуре вещества, которую там и не следовало искать, вещьность окружающих нас объектов не исчезла и по-прежнему остается важнейшей особенностью непосредственно воспринимаемого нами мира. Эта вещьность, данная нам в ощущениях, обусловлена особенностями нашего восприятия, а не сущностью материи. Поэтому «потеря» материей вещиности на уровне микромира,

которой, впрочем, никогда и не было, так как мы никогда его не воспринимали, ничего не переворачивает в нашем мировоззрении. Просто, анализируя внешнюю реальность, следует разделять экологический мир, доступный нашему непосредственному чувственному восприятию, и микромир, доступный только опосредованному репрезентированию.

Следует вообще поставить вопрос о методологической неадекватности объединения этих миров и о неправомерности сведения наших чувственных репрезентаций окружающего мира к опосредованным вербальным мышлением символическим его моделям, что приводит в итоге к последующему рассмотрению моделей микромира вместе с репрезентациями мира, непосредственно воспринимаемого нами. Это делает, например, Б. Рассел (1999), когда пишет:

Д-р Джонсон «опроверг» берклианское отрицание материи тем, что пнул ногой камень. Если бы он знал, что его нога никогда не касалась камня и что и нога, и камень представляют собой лишь сложные системы волновых движений, то он, возможно, был бы менее удовлетворен своим опровержением [с. 290].

Не обсуждая сам факт «опровержения», нельзя не сказать, что, какие бы опосредованные конструкции мы ни строили, предполагая при этом, что в «реальности в себе» нет ни камня, ни ноги, если наши чувства моделируют камень и наш удар по нему, то, как показывает практика, в результате удара мы испытываем новое чувственное восприятие — сильную боль, а это неоспоримая и наиболее важная для нашего выживания практическая истина. Никакие наши опосредованные вербальным мышлением репрезентации не могут быть для нас достовернее и надежнее прямых чувственных репрезентаций. То, что на галактическом или атомарном уровне вещь мира может исчезать, играет для нас гораздо меньшую роль, чем наличие вещественных сущностей на уровне воспринимаемого нами мира. Мы можем и должны понимать и использовать вербальные репрезентации реальности, но вещные репрезентации окружающего мира являются для нас неоспоримыми и эталонными. Объединяя свои репрезентации микромира с репрезентациями воспринимаемого мира, мы совершаем методологическую ошибку и порождаем множество научных псевдопроблем. Такое объединение сродни построению умозрительной конструкции из яблок и планет на том основании, что и те и другие, согласно нашим представлениям, материальные.

Существование мировоззрения «здорового смысла» обусловлено и определяется в первую очередь нашим восприятием, которое делает не подлежащим сомнению существование мира вещей, прямой линии, веса (массы) тела и т. п. — всего того, что описывается законами физики Ньютона. При этом нам ясно также, что реальность не укладывается в мировоззрение «здорового смысла». Она гораздо сложнее, более того, она в основном недоступна нашему восприятию и воссоздается нами опосредованно с помощью выстраиваемых нашим мышлением символических психических конструкций: физики Эйнштейна, неевклидовой геометрии, невещественности материи, замены массы энергией и т. д. и т. п.

Не следует пытаться перенести свои привычные сенсорные репрезентации реальности на те ее сферы, которые могут быть репрезентированы исключительно на вербальном уровне и проиллюстрированы лишь метафорически, хотя это естественный и главный прием, позволяющий нам познавать неизвестное. Например, планетарная

модель атома — не более чем красивая, а главное, понятная для всех чувственная метафора — фантазия Н. Бора. Она может даже достаточно длительное время вполне удовлетворять исследователей, как удовлетворяют обывателя «сантехнические» метафоры устройства человеческого тела: «закупорка сосудов шлаками», «очистка кровеносного русла, печени или организма в целом», «перегрузка сердца» и т. п. Конечно, хотим мы того или нет, но взгляд на мир современного человека определяется и будет определяться в еще большей степени уже не столько тем, что и как он видит, сколько направляющими и определяющими его мировосприятие, репрезентирующими этот мир вербальными психическими конструкциями его предшественников, создающими для него особую объективную психическую реальность (С. Э. Поляков, 2004; 2023).

Тем не менее, притом что у человека всегда будут появляться новые горизонты познания, критерием истины для него останется его непосредственное восприятие. И это нормально. Постановка вопроса об «исчезновении материи» в результате физических открытий прошлого века иллюстрирует интересный феномен «расхождения» наших чувственных и рациональных репрезентаций реальности. Мы репрезентируем мир как бы в двух плоскостях — чувственной и символической, или вербальной, которые, как правило, удачно дополняют друг друга. Например: сенсорная репрезентация — визуальный образ старой кости в форме сплюснутой острой пирамидки, вербальная репрезентация — «зуб ископаемой акулы»; сенсорная репрезентация — ощущение сильной боли в груди, не снимаемое медикаментами, вербальная репрезентация — «инфаркт миокарда»; сенсорная репрезентация — визуальный образ небольшого предмета с кнопками, вербальная репрезентация — «мобильный телефон» и т. д.

Мы привыкли к отсутствию противоречий между этими разными нашими репрезентациями одних и тех же предметов, но применительно к репрезентации того, что обозначается понятием *материя*, они вдруг возникли в резкой форме, потому что чувственные и вербальные репрезентации «разошлись». Чувственные продолжали репрезентировать окружающее, но на уровне человеческого тела, тогда как вербальные репрезентации, как всем казалось, то же самое окружающее, но на уровне микрочастиц. На самом деле, однако, репрезентации просто представляли нам совершенно разные сущности, так как соотношение макро- и микростроения окружающей нас материальной реальности не соответствует соотношению прибора и деталей, из которых он состоит. Это соотношение, как я уже говорил, похоже скорее на соотношение планет Солнечной системы и частей живых клеток, обитающих на одной из планет. В результате соотносились между собой не планета и ее части, а планета и части клеток, обитающих на ней, то есть несопоставимые друг с другом сущности, а потому попытка «дополнить» окружающую воспринимаемую реальность ее микростроением и привела к потере материей «вещности».

Физики уже давно осознали, что представления о строении материи зависят по большей части даже не столько от самого недоступного им ее строения, сколько от того, в соответствии с какими более простыми и понятными аналогами пытаются его метафорически смоделировать исследователи. Однако сущность реальности, недоступной восприятию, не укладывается в узкие рамки наших метафорических сенсорных репрезентаций. Тем не менее никак иначе мы не в состоянии постигнуть реальность, а потому исследователи по-прежнему продолжают их строить. Так, теперь, после неудач с корпускулярной и волновой теориями микростроения материи, в физике рассматривается теория «струн» (см., например: Б. Грин, 2004).

Х. Плеснер (1988) говорит о том, что наше сознание даже на чувственном уровне создает лишь одну-единственную и чрезвычайно ограниченную в своих параметрах репрезентацию сущности — конкретную вещь. Создает лишь ту репрезентацию, которую может, из бесконечного множества предоставляемых реальностью возможностей. И именно эта репрезентация становится для нас достоверной, хотя она по сути своей лишь ничтожная часть сущности. Он пишет:

То от вещи, что реально является и может быть чувственно подтверждено, как, к примеру, дерево или чернильница, само есть лишь одна из бесконечно многих сторон (аспектов) этой вещи. Это реальное и есть для созерцания сама вещь, но с какой-то стороны, не вся вещь, каковая реально вообще никогда не может быть чувственно подтверждена «сразу». ...Кант, Гегель, а в наше время Гуссерль должным образом подчеркивали этот закон необходимой односторонности явления воспринимаемой вещи, бесконечно многосторонней, в силу своей природы, просвечивающей в явлении [с. 106–107].

И действительно, «нечто в себе», воспринимаемое нами как конкретная «вещь», неисчерпаемо. У него есть практически неограниченное количество потенциалов, которые могли бы превратиться для воспринимающего и конституирующего его иного сознания в новые признаки, число которых в нашей «вещи», однако, жестко ограничивается возможностями наших физиологических аппаратов и нашего сознания.

5. Роль психических феноменов в формировании рефлексов

Очевидно, что организмы и на физиологическом уровне реагируют на изменения окружающей реальности. Известно, например, что даже обезглавленная лягушка рефлексивно реагирует на укол лапки ее отдергиванием. Созданная великими физиологами И. М. Сеченовым и И. П. Павловым рефлексология, или «объективная психология», успешно и довольно долго пыталась заменить «рефлексами головного мозга» психические процессы, которые считала «эпифеноменами», лишь сопутствующими актам поведения (Большой психологический словарь, 2004, с. 470). В результате у многих исследователей до сих пор сохранились доминировавшие в прошлом веке в психологии представления о том, что психика к рефлексорному реагированию никакого отношения не имеет или по крайней мере имеет неопределенное и не вполне понятное отношение. Во многих учебниках по-прежнему написано, что рефлекс¹ — это «чистая физиология». *Но так ли это?*

Данное Д. Майерсом (2001а) определение рефлекса: «...простая автоматическая врожденная реакция на сенсорный стимул...» (с. 80) — характерно для современной психологии. Из него совершенно непонятно, что же такое рефлекс, какое отношение он имеет к психологии и имеет ли вообще.

¹ *Рефлекс*. 1. Вообще — любая относительно простая, «механическая» реакция. Рефлексы обычно рассматривают как специфические видовые, врожденные модели поведения, которые в значительной степени неподконтрольны воле и выбору и обнаруживают небольшую изменчивость от особи к особи... 3. Более метафорическое значение — любое неосознаваемое, импульсивное действие [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 197].

И тем не менее, видя подползающую змею, приближающуюся цаплю или тянущуюся к ней руку, лягушка рефлекторно прыгает в сторону, но, видя приближающуюся к ней муху, не прыгает, а выбрасывает язык. Очевидно, что здесь мы имеем дело с чем-то более сложным, чем просто физиологический ответ на сенсорный стимул. Это уже физиологический ответ на психический образ ситуации. Можно, конечно, гадать, на что у лягушки возникает ответ: на психическую конструкцию, моделирующую ситуацию, или на ее физиологический коррелят. Если кто-то скажет, что на последний, то возникает логичный вопрос: *для чего тогда эволюция создала высокоспециализированные органы чувств и психику, зачем нужны психические феномены, просто «иллюстрирующие» и «сопровождающие» физиологические процессы?*

Более того, для нас очевидно, что уж у человека-то психика реально играет важную регулирующую роль. Следовательно, и у животных, имеющих сходные с нашими органы восприятия, психические образы не просто сопровождают соответствующие физиологические корреляты.

Важные открытия, сделанные в психофизиологии академиком И. П. Павловым (1973), остались не замеченными им, так как он сознательно отказывался принимать в расчет психику. Суть этих открытий заключается в экспериментальном доказательстве прямой связи психического образа, возникающего у животного при изменении внешней реальности, с физиологическим ответом его организма в форме двигательных и вегетативных реакций: изменения сосудистого тонуса, секреции желез, частоты сердечных сокращений и др. В первую очередь в том, что **психическое явление, возникая в сознании, способно самим фактом своего появления вызывать физиологический ответ, в том числе ответное действие животного.** Этот принципиально важный факт давно вроде бы был очевиден, но тем не менее впервые был столь отчетливо зафиксирован.

Остался без внимания и факт образования связи между определенным чувственным образом и конкретным физиологическим ответом, а также возможность распространения этой связи на чувственные образы других объектов, которые, в свою очередь, связаны во внешней реальности с первым объектом. В экспериментах И. П. Павлова впервые было наглядно показано, что образы восприятия пищи (мяса) или ощущение боли вызывают у собаки разные физиологические реакции, в том числе специфические ответные действия.

И. П. Павлов (1973) выделял безусловный рефлекс, врожденный и, по его мнению, не зависящий от научения. Например, выделение слюны при попадании мяса в пасть собаки. На первый взгляд, нечто вроде бы чисто «физиологическое». Однако безусловный рефлекс есть не что иное, как физиологическая реакция организма на появление в сознании собаки визуальных образов мяса и особых вкусовых и обонятельных ощущений, вызываемых мясом, попавшим в ее пасть. Можно только согласиться с И. П. Павловым, что существует врожденная способность организма реагировать физиологически на ощущения, и отнести данную способность к безусловным рефлексам, но при этом следует подчеркнуть, что **безусловный рефлекс — это отнюдь не нечто физиологическое вроде мышечной реакции обезглавленной лягушки на раздражение ее лапки, а специфическая физиологическая реакция на то или иное возникшее психическое явление, то есть первый очевидный «мостик» между психикой и моторикой.**

Академик И. П. Павлов показал, что изначально лишь вкусовые и обонятельные ощущения, обусловленные попаданием мяса в пасть собаки, и зрительный образ мяса

способны вызывать у собаки физиологический ответ, например слюноотечение. Если же появлению мяса всякий раз предшествует включение лампочки, звонка или предъявление иных объектов, то после нескольких повторов экспериментальной ситуации образы восприятия светящейся лампочки, звучащего звонка и так далее также начинают вызывать у животного аналогичные физиологические реакции. И. П. Павлов (1973) назвал это «условным рефлексом». Из этого следует, что **образы объектов реальности, самостоятельно не вызывающие у животного физиологического ответа, но ассоциативно связанные с образами значимых объектов, в результате научения начинают вызывать тот же физиологический ответ. В итоге у животного образуются сложные цепочки ассоциированных психических образов и ощущений, любой из которых при появлении в сознании животного в состоянии вызывать у него соответствующую ответную физиологическую реакцию.** Физиологический ответ способны вызвать не только образ загорающейся лампочки или слуховой образ восприятия ударов метронома, но даже зрительный образ восприятия черного квадрата.

Таким образом, **можно говорить о формировании специфического психического комплекса, включающего в себя множество различных образов, связанных с основным, появление каждого из которых способно вызвать одну и ту же ответную физиологическую и двигательную реакцию у животного.** Еще более отчетливо это проявляется в так называемой генерализации стимула, когда физиологическая реакция возникает в ответ на появление образов широкого круга объектов, сходных с основным. Например, собака начинает реагировать не только на желтый свет, но и на оранжевый и другой свет, хотя реакции на них слабее. Сформированный психический комплекс может разрушаться при прекращении подкрепления возникших психических связей (так называемое затухание условного рефлекса) и восстанавливаться при продолжении подкрепления. Это чрезвычайно важно для адаптивного поведения животного.

Данные обстоятельства остались без внимания потому, что проблема рассматривалась И. П. Павловым совершенно в иной плоскости, а у исследователей были изначально иные — бихевиористские установки в отношении психики, физиологии и подходов к их исследованию. Проблема рассматривалась даже не в рамках физиологии, а скорее в рамках естествознания вообще. При этом организм изучался как единое целое без выделения психического и физического модулей. Это наиболее четко проявилось затем в американском бихевиоризме, который оперировал понятиями *стимул* и *реакция*. Оба они не относятся ни к области психического, ни к физиологии. Это абстрактные категории. Понятие *стимул*, доставшееся психологии в наследство от бихевиоризма, по-прежнему играет в ней существенную и весьма неконструктивную роль. Дж. Гибсон (1988) замечает:

Как-то, просмотрев ряд современных работ по психологии, я обнаружил восемь различных значений термина *стимул*. ...Если стимулом можно назвать в этом мире все, что угодно, то это понятие теряет свой первоначальный смысл и становится бесполезным [с. 95–96].

Понятия *стимул* и *реакция* не дифференцируют психическое и физиологическое, а потому не позволяют увидеть проблему в требуемом нам разрезе, то есть неадекватны для психофизиологических исследований, поэтому от них необходимо отказаться. Следует также признать, что понятие *рефлекс* обозначает неоднородную группу явлений, куда входят как «чисто» физиологические, так и психофизиологические явления. К первым относятся реакции нервно-мышечного препарата — лягушка без головы

и, например, висцеро-висцеральные рефлексy. Ко вторым — условные и безусловные рефлексy, описанные И. П. Павловым (1973).

Условные и безусловные рефлексy представляют собой стереотипные повторяющиеся двигательные ответы на возникающие в сознании образы восприятия и ощущения. Причем в возникновении как этих образов и ощущений, так и двигательных реакций на них человек совершенно не обязательно должен отдавать себе отчет, а тем более потом помнить о них.

Интерпретируя наследие И. П. Павлова, Л. М. Веккер (2000, с. 74) приводит три уровня иерархии сигналов (то есть явлений, запускающих двигательный ответ в рамках рефлекса): «нервные сигналы — образы — речемыслительные процессы». Он тоже полагает, что работы И. П. Павлова демонстрируют, как именно физиологический, в том числе двигательный, ответ запускается непосредственно психическим образом и даже тем, что я называю вербальной конструкцией.

Из экспериментов Э. Торндайка (E. L. Thorndike, 1911) и Б. Скиннера (B. F. Skinner, 1938), тоже интерпретированных авторами с бихевиористских позиций, как и из работ И. П. Павлова (1906, 1909), можно сделать новые выводы: **психические образы собственных движений и кинестетические ощущения животного, сопровождающие его успешную двигательную активность, которая привела к достижению необходимого животному изменения реальности, связываются в его сознании с образами этих изменений реальности, что приводит к повторению данных форм двигательной активности при повторном попадании в аналогичную ситуацию.** Физиологическая регуляция двигательной активности организма зависит от вызываемых ею интеро- и экстероцептивных ощущений от образов восприятия собственного движущегося тела, а также образов изменяющейся в результате взаимодействия с телом внешней реальности.

Физиологические механизмы запуска и регуляции определенных движений связываются как с ощущениями, возникающими в процессе этих движений, и психическими образами самих движений, так и с образами воспоминания-представления желанных и достигнутых животным изменений реальности. В результате появление в последующем у животного образов представления желаемого изменения реальности вызывает у него определенную форму двигательной активности. Например, появление образа пищи или образа открывания дверцы клетки вызывает специфический двигательный ответ. Этот важнейший психофизиологический механизм, позволяющий животным целенаправленно воздействовать на окружающую реальность, остался не замеченным исследователями по тем же причинам — иная установка в процессе исследования.

Даже наблюдение одного животного за поведением другого животного, успешно достигшего желаемого изменения реальности, также формирует у наблюдателя связь между образом желаемых изменений реальности и образом конкретного движения. Это часто приводит к формированию психической структуры, запускающей физиологические механизмы данного конкретного движения, если у животного уже есть необходимые навыки выполнения соответствующего движения. Тут следует говорить уже даже не о простых рефлекторных действиях, а о рефлекторных формах поведения. Р. Л. Грегори (2003), например, пишет:

Можно без преувеличения сказать, что глаза освободили нервную систему от тирании рефлексов, позволив перейти от реактивного к тематическому планируемому поведению, а в конечном счете и к абстрактному мышлению [с. 15].

Животные по-разному реагируют на образы одних и тех же объектов, находясь в разных ситуациях. Например, антилопы спокойно пасутся, видя хищников в относительном отдалении, но пускаются в бегство, стоит последним приблизиться. Это свидетельствует о том, что «запускает» физиологический ответ не столько образ конкретного объекта, сколько образ объекта в контексте прочей воспринимаемой окружающей реальности в целом.

Подводя итог, можно сказать, что **непроизвольную двигательную реакцию может вызывать возникновение разных психических явлений: ощущений, образов, невербальных психических конструкций, вербальных образов — понятий и сложных вербальных конструкций.** Кстати, такая цепочка последовательно запускающих физиологическую реакцию причин хорошо известна. В медицине, например, существует феномен генерализации патологической реакции у больных бронхиальной астмой, когда бронхоспазм первоначально возникает на запах, точнее, на пыльцу цветка. Затем он появляется при виде того же цветка вблизи, позже при виде цветка, даже если тот находится за стеклом. Наконец — при виде нарисованного цветка и даже в ответ на слово, обозначающее его. Таким образом, **можно предположить, что появление в сознании любых психических явлений и конструкций, в том числе не только образов восприятия, но и образов представления, например, тоже рефлекторно меняет физиологическое состояние организма и в результате вызывает вегетативные реакции и двигательные ответы.**

6. Эксперимент Струпа

В эксперименте Дж. Струпа (J. R. Stroop, 1935; 1938) испытуемому предлагается листок с двумя столбцами наборов букв. Каждый из наборов напечатан одним из пяти цветов: черным, красным, синим, зеленым и желтым. В левом списке представлены бессмысленные наборы букв. В правом столбце — слова, обозначающие эти же пять цветов, но цвет шрифта, которым напечатаны слова, не соответствует обозначаемым словами цветам. Например, слово «красный» напечатано желтой краской, слово «черный» — красной краской и т. д. Испытуемому дают задание как можно быстрее называть вслух цвет, которым напечатан каждый из бессмысленных наборов букв в списке слева, а затем слов в списке справа. Сделать это с левым списком намного проще и получается гораздо быстрее, чем с правым списком. Объясняется это тем, что понятия в правом списке, обозначающие конкретные цвета, тут же вызывают появление в сознании испытуемых визуальных образов, соответствующих данным понятиям. Поэтому, когда испытуемый читает слово «красный», например, в его сознании немедленно актуализируются зрительные образы объектов красного цвета, но он должен при этом назвать желтый цвет, которым напечатано данное слово, и это вызывает у него затруднения. Испытуемому приходится преодолевать эту трудность, что увеличивает время выполнения задания.

7. Объективная психическая реальность

Объективная психическая реальность (ОПР) — это огромная часть того, что конкретное общество считает на данный момент своего развития очевидной реальностью, в том числе значительная часть физического мира, вся социальная реальность и представления общества об индивидуальном психическом мире человека; это всеобъемлющий, развернутый во времени (помещенный сразу в прошлое, настоящее и будущее), представленный в сознании каждого человека преимущественно вербальными и смешанными репрезентациями, созданными его предшественниками и современниками, мир, расцениваемый человеком как самостоятельно и отдельно от него существующая вокруг несомненная реальность, вне зависимости от того, может ли он ее воспринять и «пощупать рукой» или нет, объективное наличие которой постоянно подтверждается общими представлениями людей о ней, а главное, сходным поведением членов общества, обусловленным их непоколебимой верой в факт наличия ее сущностей; некая внешняя среда, психическая по своей природе, но при этом способная легко проявиться и физически в форме человеческого поведения, выстроенная обществом в сознании каждого индивидуума, но локализованная вне его, в которой он, как и все люди, вынужден жить и действовать; психофизическая среда обитания, принимаемая каждым новым членом общества в качестве «мира, который нас окружает»; практически автономная от конкретного человека, репрезентируемая сходными психическими конструкциями, присутствующими в сознании множества живущих сейчас людей, некоторым из которых удастся что-то немного изменить в ней на протяжении собственной жизни; сущность, наличие которой определяет человеческую жизнь в меньшей степени, чем физический мир.

С детства психические объекты объективной психической реальности окружают ребенка так же неотвратимо, как его собственные чувственные репрезентации материальной реальности. Окружающая реальность складывается для него поэтому из созданных лично им преимущественно чувственных репрезентаций доступных восприятию сущностей и из усвоенных им в готовом виде вербальных репрезентаций сущностей ОПР, созданных людьми на протяжении всей истории человечества. Причем сущности ОПР столь же достоверны для него, как и доступные восприятию физические сущности, и рассматриваются им как фрагменты естественного, бесспорно присутствующего вокруг и существовавшего всегда окружающего мира.

Вербальная психическая модель даже физического объекта или явления, присутствующая в объективной психической реальности, оказывает существенное влияние на его восприятие человеком. Именно она формирует для нас вместе с нашим чувственным образом комплексную, чувственно-вербальную психическую репрезентацию объекта, «делает» из куска старой кости зуб динозавра, а из блестящего камешка — алмаз. Можно поэтому говорить о двух сторонах психической репрезентации любой физической сущности. Чувственный ее компонент психика человека создает самостоятельно, а вербальный — интериоризирует из объективной психической реальности. При этом вербальная интерпретация объекта оказывает сильное влияние даже на формирование его чувственного образа восприятия.

8. Эксперимент Каплана

Испытуемым показывались кинокадры, заполнявшие весь экран, где кадр за кадром снималась на фото пленку случайно текстурированная бумага, причем каждый последующий кадр отличался тем, что с одного края бумаги проводились ровные срезы. Ни на одном отдельно взятом кадре не было видно никакой линии, однако с одной стороны этой невидимой линией создавалось постепенное удаление текстуры с помощью последовательного отрезания узких полос бумаги. Постепенное прибавление текстуры можно было получить, запустив пленку в обратном направлении.

...Все наблюдатели без исключения видели, как одна поверхность уходила за другую (или выходила из-за нее), а эта вторая поверхность закрывала (или открывала) первую. ...Поверхность, скрывающаяся из виду, никогда не виделась как поверхность, перестающая существовать, а поверхность, появляющаяся в виду, никогда не воспринималась как поверхность, лишь сейчас обретающая существование. Короче говоря, у заслоняющего края одна поверхность виделась буквально позади другой. Если показ фильма прекращался и строй останавливался, то восприятие края исчезало — оно сменялось восприятием совершенно непрерывной поверхности. Если оптическое превращение возобновлялось, то опять возникало восприятие края. ...Скрывшаяся поверхность продолжала видеться и после того, как она скрылась, а открывшаяся казалась существовавшей и до того, как она открылась. Было бы неправильно описывать ситуацию таким образом, что в первом случае поверхность помнится, а во втором — предвосхищается. Лучше было бы сказать, что она воспринималась ретроспективно и проспективно. Вполне разумно считать, что восприятие простирается в прошлое и будущее. Заметьте, однако, что считать так — значит вступать в противоречие с общепринятым учением, согласно которому восприятие ограничено настоящим [Дж. Гибсон (1988, с. 272–273)].

Предметный указатель

А

Адаптация восприятия, 238–239
Акт, 141
Активность, 29
Актуализация, 259
 в сознании, 125, 212, 277–278, 317
Амодальность, 303
Аморфный, 153
Антиципация, 389
Апперцепция, 236
Апперцепции единство, 269–270
Ассоциации, 270
Ассоциативные процессы, 270

Б

Бессознательное, 60, 220, 373
Бихевиоризм, 13, 26, 394

В

Вербализация, 51
Вербальная
 конструкция привычная, 59, 321
 модель, 106
Вербальное мышление, 63
Вербальные идеи, 135, 184
 модели, 105
 образы, 76
 репрезентации, 55, 94–95, 177–178
Вещей свойства, 121
Вещественность, 145, 399
Вещь, 66, 399
Видимое поле, 240, 305
Видимый мир, 385
Внимание, 211–213, 353–354
Внутренняя речь, 94
Воспоминание, 125

Воспринимаемый объект, 146, 307

Восприятие, 127
 бессознательное, 220
 внутреннее, 123
 зрительное, 295
 избирательность, 142
 избыточность, 354
 константность, 142, 304–313
 неосознаваемое, 221
 остаточное, 333
 подпороговое, 219–222
 порог, 221–222
 предметность, 143
 прямое, 179
 речи, 231, 336
 свойства, 143
 слуховое, 87, 120, 204
 субсенсорное, 221
 целостность, 142
 чувственное, 123

Впечатление
 сенсорное, 341–343, 368
 чувственное, 143, 296

Время, 193
 интервалы, 198, 216
 минимальный отрезок, 195
 существования, 193, 197

Г

Гештальт, 206, 222–225

Д

Движение, 343
Деятельность, 17, 28–30

З

Здравый смысл, 39
Знак, 165

Знак иконический, 166
 Знак-индекс, 166
 Знак-символ, 166
 Знание, 378
 абстрактное, 85
 вербальное, 136, 371
 врожденное,
 Значение, 365
 дополнительное, 8, 96, 399
 образа, 366
 сенсорное, 368
 символическое,
 чувственное, 365–371, 378

И

Идея,
 о сохранении объекта, 253
 Изоморфизм, 167
 Инвариант, 323
 Инвариантность, 319–325
 Инвертоскоп, 237–238
 Индивидуальные различия, 39, 91–92,
 148
 Интеллектуальные орудия, 123
 Интенциональность, 246
 Интериоризация, 371
 Интроспекция, 12, 14, 19
 Интроспекционизм, 14
 Информация, 170

К

Картина мира, 385
 Картинка в голове, 176
 Кинестетические, 184
 Когнитивизм, 56
 Когнитивная
 деятельность, 98–100
 наука, 62, 99
 психология, 46, 65, 87, 98, 138
 Когнитивные карты, 383–384
 Когнитивный модуль, 69

Кодирование, 48
 двойное, 48, 85–86, 92
 вербальное, 96
 образное, 92, 96
 полимодальное, 48
 Комплекс, 328
 ассоциативный, 328
 Конвенциональный, 167
 Константность, 148, 304–313
 положения, 265
 формы, 280
 Конструкт, 359–362
 гипотетический, 359
 Конструкция, 46
 абстрактная, 359
 гипотетическая, 386
 из образов слов, 336
 из понятий, 154, 183, 189
 психическая, 46, 93, 206, 233, 268
 сознания, 158
 целостная, 223, 285
 чувственная, 153
 языковая, 49, 94, 112, 335
 Конструкция — гештальт, 285
 Контекст, 236
 Концептуальная система правильная, 43
 Критерии, 181
 феноменологические, 111

М

Магическое число, 356
 Мгновение, 194
 Мгновенного образа
 продолжительность, 208
 Мгновенный образ, 219
 восприятия, 207, 215
 восприятия зрительный, 213
 восприятия слуховой, 204–206
 Метафора компьютерная, 98
 Микрогенез, 351
 итогового образа, 355

Множество, 116
Модальность, 67, 147–148
Модели аналоговые, 282
Модели-репрезентации
 полиmodalность, 261–262
Модели-репрезентации
 структура, 273, 310
 элемент, 255, 278
Модель, 73
 виртуальная, 391
 восприятия, 123
 завершенная, 247, 356
 перцептивная, 117
 психическая, 71–76
 реальности, 123
 реальности сенсорная, 137, 142
 сенсорная, 137, 142, 269
 чувственная, 369
Модель-репрезентация, 230, 343, 268
 актуальная, 386–389
 визуальная, 296, 388
 воспринимаемой
 реальности, 309
 глобальная, 385
 изменения, 274
 мономодальная, 267
 объекта, 243, 263
 полиmodalная, 248, 257
 привычная, 313–314
 сенсорная, 248
 ситуации, 281
Мысленное вращение, 55
Мышление, 57
 вербальное, 64, 74
 понятийное, 94, 377
 речевое, 94
 словесно-логическое, 69, 94

Н

Навык, 19, 211, 340
Настройка, 230–239

Нейтральный монизм, 159–160
Необихевиоризм, 25

О

Образ, 90, 109, 125
 аудиальный, 204
 вербальный, 74
 визуальный, 21, 126, 170
 воображения, 127
 вообще, 109, 168
 воспоминания, 134
 воспоминания-представления, 258, 263
 восприятия, 66, 112, 126, 141, 279, 328, 355
 восприятия визуальный, 68
 восприятия мгновенный, 193–197, 207–216
 восприятия привычный, 130, 284
 гибридный, 279
 зрительный, 66, 114, 128
 иконический, 125
 инерционный, 200
 итоговый, 243, 346, 350
 мгновенный, 195, 334
 мгновенный визуальный, 201
 мгновенный зрительный, 195
 мгновенный слуховой, 205
 ментальный, 97, 124
 мономодальный, 257
 мысленный, 86, 124, 357
 объединенный, 346–349
 перевернутый, 237
 перцептивный, 142, 301, 332
 полиmodalный, 257–260
 предмета, 301
 представления, 126, 217, 331
 представления зрительный, 114, 128
 представления слуховой, 87
 слова зрительный, 74
 слова слуховой, 74, 204
 слуховой, 204

- собираТЕЛЬный, 267
- собираТЕЛЬный визуальный, 267
- тактильный, 371
- эйдетический, 125
- эоический, 356
- чувственный, 105
- Образ-объект, 146
- Образа
 - восприятия достраивание, 335
 - восприятия качества, 301–326
 - восприятия микрогенез, 328–362
 - время существования, 193, 197
 - дистальный характер, 146, 175
 - достоверность, 145
 - доступность, 145
 - завершенность, 149, 175
 - модальность, 148, 302
 - объективность, 190
 - объемность, 143
 - перцептивного свойства, 42
 - полнота, 175
 - предметность, 145
 - предсказуемость, 146
 - реальность, 175
 - свойства, 144–146, 175
 - трансформация, 279
 - характеристика, 115
 - целостность, 148
- Образов
 - восприятия двуплановость, 235
 - множество, 310, 325, 346–347
 - последовательность, 204–206
- Образы
 - воспоминания в восприятии, 331–340
 - представления в восприятии, 331–340
- Объект, 161
 - абстрактный, 71
 - воспринимаемый, 144, 304, 306
 - восприятия, 274, 366
 - идеализированный, 71
 - интенциональный, 257
 - конкретный, 116
 - психической жизни, 250
 - физический, 162, 167
- Объект-образ, 146, 189
- Объекта
 - сохранение, 246, 252–254
- Объективированность, 146, 301
- Объективная наука, 46
 - психология, 13
- Объективность абсолютная, 43
- Объективный, 37
 - мир, 37–38, 46
 - метод, 44
 - эксперимент, 48, 50–57, 84–86
- Объяснение, 102–103
- Означенность, 145
- Описание, 41
- Опознавание объекта, 198, 236
- Опыт, 230–239, 371
- Осознаваемость, 144
- Осознание, 144, 372–376
- Осознания образа, 372
- Осознанное, 373
- Отражение, 71
- Отражение психическое, 27, 399
- Ощущение, 109
 - знакомости, 149
 - нереальности, 238, 314
 - реальности, 238, 314
- Ощущений воспоминания, 137
- «Ощущения вообще», 67
- Ощущения
 - вкусовые, 262, 264, 404
 - интероцептивные, 124
 - обонятельные, 404
 - представляемые, 137
 - слуховые, 117, 120
 - тактильные, 118
 - экстероцептивные, 124

П

- Память, 48–49, 135, 231
долговременная, 86, 103, 234
иконическая, 200
кратковременная, 356–357
эпизодическая, 135
эхоическая, 200
- Переживание, 17, 24, 110, 324
- Перцептивное впечатление, 317
- Перцептивный, 301
- Перцептивный символ, 113
- Перцепция, 114
- Полиmodalность, 258, 302
- Понимание, 376–377
значения, 376
на чувственном уровне, 154, 268, 367, 370, 380
на вербальном уровне, 367
- Понимания степень, 144, 149, 196
- Понятийный аппарат, 59, 177
- Послеобраз, 127, 197
- Поток, 294–295
- Предмет, 142, 301–304
воспринимаемый, 181, 195
представляемый, 126
физический, 42, 45
- Предметная форма, 158
- Предметность, 145, 301–304
- Предощущения, 221
- Представление, 125
- Представления,
аналогические, 96
привычные, 238
символические, 96
- Признак, 68–69
существенный, 68
- Прообраз, 341–344
- Псевдодвижение, 350
- Псевдоскоп, 279
- Психика, 63, 284
- Психики срез, 193
поперечный, 193
продольный, 193
- Психическая
копия, 86, 176
модель, 71
репрезентация, 71
сущность, 359, 364
- Психические
акты, 180
конструкции сенсорные, 268, 383–384
модели, 71–75
реакции, 25
явления сложные, 297
явления элементарные, 331
- Психический
процесс, 28, 31
феномен, 268, 282
- Психическое
моделирование, 71
образование, 248, 268
содержание, 41, 71
явление, 77, 144, 159
- Психология, 43, 58
- Психология когнитивная, 46–47
- Психологии
предмет, 26, 60
объект, 26

Р

- Реальности
качество, 313
фрагмент, 176
- Реальность, 313–314
в себе, 153, 158, 177
воспринимаемая, 235
конституируемая, 122
недоступная восприятию, 76
физическая, 158
- Реконструкция, 136, 231

- Репрезентация, 73, 84
 актуальная перцептивная, 251
 вербальная, 177
 внутренняя, 87
 глобальная чувственная, 131, 390
 информации, 231
 итоговая, 238
 концептуально-пропозициональная, 94
 ментальная, 96
 образная, 95
 окружающего мира, 367
 основанная на значении, 89
 перцептивная, 120–121
 полимодальная, 386
 предмета, 302, 304, 318
 привычная, 313–314
 пропозициональная, 87
 психическая, 74, 97, 359
 разномодальная, 261, 299
 характеристики, 47
 чувственная, 177, 385–391
- Репрезентаций
 формы, 84
 последовательность, 204
- Репрезентируемый объект, 128–130
- Рефлекс, 404
 безусловный, 405
 психический, 406
- Рефлексия, 21, 36
- Рефлексировать, 62, 195, 343
- Рефлекторный ответ, 185, 219
- Род естественный, 69
- С**
- Саккадические скачки, 200
- Самоанализ, 22
- Самонаблюдение, 20, 32, 112
- Самоотчет, 17, 51, 95
- Свойство, 116
- Свойство внутренне присущее, 122
- Семантическая интерпретация, 93
- Сенсорное качество, 143
- Сенсорные впечатления, 277, 307, 341–346
- Сенсорный
 регистр, 200
 элемент, 172, 222
- Символ, 68–69
- Символический, 96, 154, 261
- Смысл,
 чувственный, 379
- Событие, 135, 316
- Сознание, 60
 единство, 269
 объем, 268
 элемент, 115, 249
 явление, 49, 78–79, 84
 ясность, 386
- Состояние, 23, 26, 100
- Сохранение объекта, 213, 246
- Способность, 185–186, 254
- Стимул,
 дистальный, 146
 проксимальный, 146–147
 подпороговый, 220
- Структурированность, 148
- Субъект, 118–119, 128–129, 152
- Субъективный, 37–42
 мир, 38
- Субмодальность, 139, 142
- Сущность, 17, 37, 73–75
 ментальная, 87
 физическая, 66, 112
 психическая, 22, 75, 226
 чувственная, 284
 целостная, 248, 263
- Сущностей удвоение, 175
- Сцена, 161, 256
- Схема, 92, 166, 256
 действия, 239

Т

Теория двойного кодирования, 48, 85, 92
Тождественность, 315–318
Трансформация, 53, 239, 279
Трансцендентальный, 79, 271
Трансцендентный, 158, 175

У

Убеждение, 313
Узнавание, 316–317
Умозаключение, 136–137, 143
Уровень
 чувственный, 154

Ф

Феномен, 76–79
 перцептивный, 115, 146
 психический, 63
Феноменология, 76
Фигура, 93–94, 148
Физиологический ответ, 222
Физическая реальность, 156–157, 160
Физическое, 180–184

Фон, 148, 294
Форма хорошая, 283

Ц

Целостность, 148

Ч

Чувственные данные, 160

Э

Эксперимент, 50, 130, 197, 256, 308,
 346–347, 395
Экстериоризация, 94
Элементы, 148, 276
Элементов группирование, 289–290
Эмоция, 186
Эпизод, 135
Эпифеномен, 14, 31, 85, 92, 403

Я

«Я», 60, 146
Явление, 67, 72–77
Явления сознания, 49, 84
Ярлычок, 273

Литература

Полный список литературы вы найдете во втором томе. В этом томе он представлен в электронном виде:

